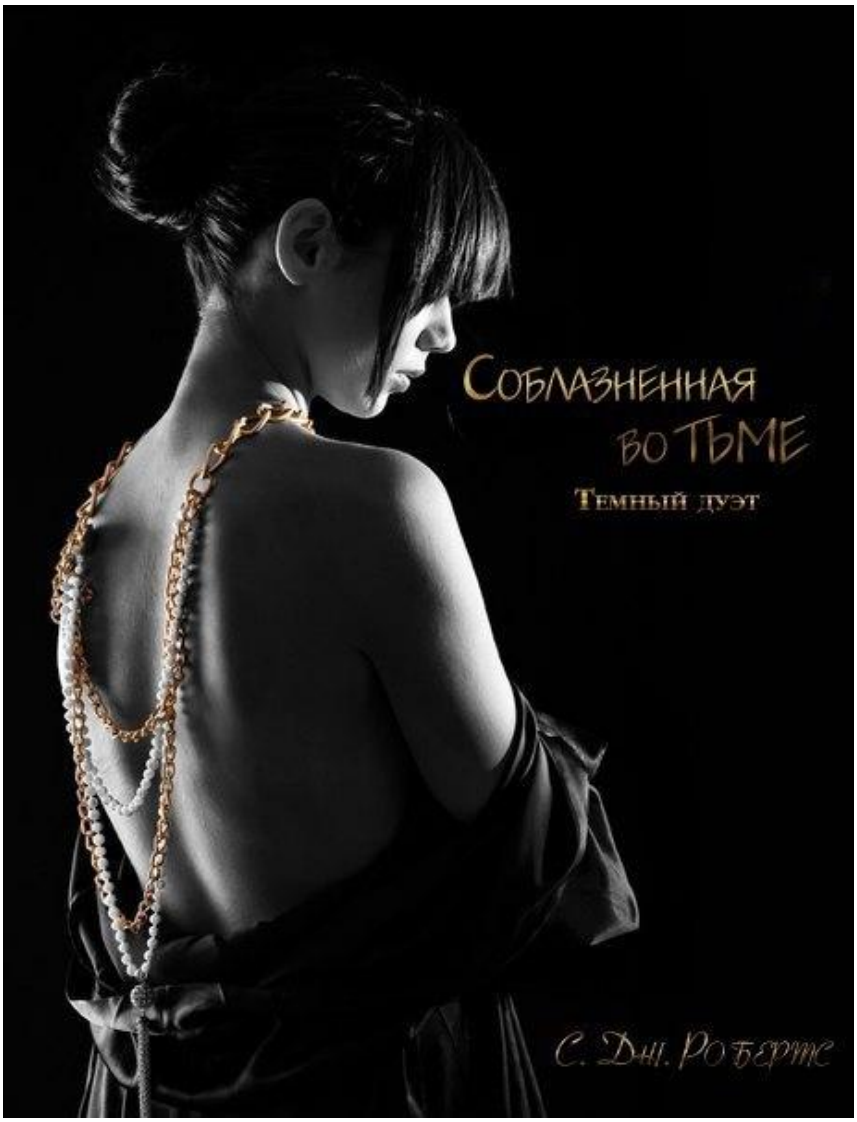
С. Дж. Робертс

“*Соблазненная во тьме”* (книга 2)

Серия "Темный дуэт"



Автор: С.Дж.Робертс
Оригинальное название: Seduced in the dark
Название на русском: Соблазненная во тьме
Серия: Темный дуэт
Перевод: Chechenova
Главные редакторы:
helenaposad
Amelie _Holman
Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Какова цена мести? Спасенный из сексуального рабства таинственным подполковником пакистанской армии, Калеб вынашивает кровавый план мести. Дорога к его цели была долгой и усеянной сомнениями, но для Калеба и Ливви она приближается к концу. Поступится ли он своим возмездием во имя любви к девушке? Или принесет это светлое чувство в жертву?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: Книга содержит описание особо острых ситуаций, принуждение, не нормативную лексику и сцены насилия.

Пролог

"*Я слишком долго занимался тем, что манипулировал людьми, преследуя одну лишь цель - добиться своего. Вот почему ты думаешь, что любишь меня. Потому что я сломал тебя до основания и создал заново, чтобы ты в это поверила. Это не было случайностью. Однажды, оставив все позади... ты это поймешь*". - Калеб

Глава 1

Воскресенье, 30 августа, 2009 года.

День 2:

Вскрытая наживую. Это единственные слова, которые пришли мне на ум, чтобы описать то, как я себя чувствую – вскрытая наживую. Как-будто кто-то разрезает меня скальпелем и до тех пор, пока плоть не начинает отделяться, а из открытой раны не польется кровь... боль не проходит.

Я слышу треск, и звук того, как с моих ребер сдирают кожу. Из меня медленно, один за другим, извлекают окровавленные, вязкие органы, до тех пор, пока во мне не остается ничего, кроме пустоты. Пустоты и мучительной боли, но я все еще жива. Все еще. Жива.

Надо мной висят стерильные, флуоресцентные лампы. Одна из них моргает и гудит, угрожая выйти из строя, и пытаясь изо всех сил остаться в живых.

В течение последнего часа, я с замиранием сердца слушаю издаваемую ею азбуку Морзе. *Зажглась - потухла - жжжж - жжжж - зажглась - потухла.* Моим глазам

больно. Но я продолжаю смотреть на нее, повторяя свою собственную азбуку Морзе: *Не думать о нем. Не думать о нем. Калеб. Не думать о нем.*

За мной откуда-то наблюдают. Здесь всегда кто-то есть. Кто-то, кто дергает мои многочисленные трубки. Одна следит за моим сердцем, другая за дыханием, а третья поддерживает мое онемение.

Не думать о нем.

Трубки. Одна протянута от моей руки, куда мне вливают лекарства и жидкую пищу. Трубку от моей груди они присоединили к монитору, чтобы наблюдать за биением моего сердца. Иногда я задерживаю дыхание, только для того, чтобы посмотреть, остановится ли эта пищалка. Но вместо этого, сердце в моей груди начинает биться быстрее и сильнее, и я задыхаюсь. *Жжж - зажглась - потухла.*

Кто-то пытается меня накормить. Она называет мне свое имя, но мне все равно. Она не имеет значения. На самом деле, никто, и ничто не имеет значения.

Она спрашивает мое имя, как будто ее нежность и доброта заставят меня говорить. Я никогда не отвечаю. И никогда не ем.

Меня зовут Котенок, и мой Хозяин ушел. Что может быть важнее?

В уголке своего сознания, я вижу, как он наблюдает за мной, стоя в тени.

- *Неужели ты действительно думаешь, что твои мольбы к чему-нибудь приведут?* - спрашивает Призрак Калеба.

Он улыбается. Я плачу.

Из моей груди вырываются настолько громкие и ужасные завывания, что своей силой они сотрясают все мое тело. Я не могу это остановить. Я хочу к Калебу. Но вместо этого я получаю успокоительное.

Пока я сплю, через трубку в мой организм вводится еда. За мной всегда кто-то наблюдает. Всегда.

Я хочу выбраться отсюда. Со мной все в порядке.

Если бы Калеб был здесь, я бы покинула это место счастливая, улыбающаяся и целостная. Но он ушел. И они не дают мне горевать о нем в одиночестве.

***

День 3:

Я медленно закрываю и открываю свои глаза. Надо мной стоит Калеб.

Мое сердце начинает неистово биться, а глаза застилают слезы чистой радости. Наконец-то, он здесь. Он пришел за мной.

Выражение его лица теплое, а улыбка широкая. Его губы изгибаются в знакомой ухмылке, и я знаю, что он думает о чем-то порочном.

В животе просыпаются знакомые покалывания, спускающиеся вниз, к моей киске, заставляя ее набухать и пульсировать. Я не испытывала оргазм несколько дней, а ведь я уже так к ним привыкла.

- *Разве мне следует тебя отпустить? Ты выглядишь такой сексуальной, когда пристегнута*, - произносит он с улыбкой. - Я скучаю по тебе, - пытаюсь сказать я в ответ.

Но во рту пересохло, а мой язык ощущается тяжелым и онемевшим. С моими губами дела обстоят не лучше. Они потрескались, и когда я провожу языком по нижней губе, мне тут же на ум приходит сравнение с наждачной бумагой.

Трубка, через которую меня кормят, проходит через мою левую ноздрю и спускается вниз по всей длине глотки. Она вызывает зуд, но я не могу почесаться или смахнуть ее. Мне больно. Я чувствую эту чертову трубку каждый раз, когда глотаю, и на вкус она, как антисептик.

- *Мне очень жаль,* - говорит Калеб.

- За что? - шепчу я в ответ.

Я хочу услышать от него слова сожаления о том, что он не признался мне раньше в том... что любит меня.

- *За наручники,* - говорит он.

Я хмурюсь. Он обожает наручники.

- Как только мы будем уверены в адекватности твоего психического состояния, мы сможем их снять.

Все это неправильно. Совершенно, неправильно.

Это все лекарства.

- Ты знаешь, почему ты здесь, Оливия? - мягко спрашивает женщина.

Я не Оливия. Я больше не та девочка.

- Я - доктор Джэнис Слоан. Я социолог-криминалист Федерального Бюро Расследований, - говорит она, - полиция опознала тебя по отчетам о пропавших. Твоя подруга Николь сообщила о твоем похищении. Мы искали тебя. Твоя мама очень волновалась.

Я хочу заговорить, только для того, чтобы сказать ей, чтобы она закрыла, на хрен, свой рот. Я практически чувствую, как все волосы на моем теле встали дыбом.

Прекрати! Прекрати говорить со мной! Но она не прекращает.

Вскоре последует больше вопросов, тех же самых вопросов, и тогда я должна буду на них ответить. Я знаю, что это единственный способ отвязаться от них.

Они оставляют меня пристегнутой и накачивают успокоительными; они говорят, что я пыталась поранить ухаживающую за мной медсестру.

Мысленно я отвечаю им, что они первые пытались сделать мне больно. Что я не просила отвозить меня в больницу, и что кровь была не моя, а ее законному обладателю она больше не понадобится. Я была абсолютно уверена, что тот был мертв. Точнее, я была единственным человеком, кто знал это наверняка - ведь именно я его убила.

- Я знаю, что для тебя это нелегко. То, через что ты прошла..., - я слышу, как она сглатывает.

- Я не могу себе это даже представить, - продолжает она.

Это попахивает жалостью, а мне она не нужна. Не от нее.

Она протягивает свою руку, чтобы прикоснуться к моей, но я мгновенно одергиваю ее. Звонкий лязг моих наручников, ударяющихся об изголовье кровати, звучит, словно угроза применения насилия. И я более чем готова совершить это самое насилие, если она попытается прикоснуться ко мне еще раз.

Подняв обе руки, она делает шаг назад.

Мое дыхание начинает успокаиваться, а черный круг, ограничивающий мой обзор, рассеиваться, показывая мир в четком и цветном изображении. Теперь, когда она привлекла мое внимание, я замечаю, что она не одна. С ней мужчина.

Наклонив голову набок, он смотрит на меня так, словно я головоломка, которую он хочет разгадать. Его взгляд мне до боли знаком.

Я поворачиваю свою голову к окну, смотря на дневной свет, пробивающийся сквозь горизонтальные жалюзи.

Мой желудок скручивает в узел. *Калеб.* Его имя шепотом отдается в моем сознании. Он так же смотрел на меня. Мне интересно, почему, ведь казалось, он и без зрительного контакта мог читать мои мысли.

Все мое тело изнывает. Я скучаю по нему. Я так сильно скучаю по нему. Я снова ощущаю слезы, вытекающие из уголков моих глаз.

Доктор Слоан не унимается, - Как ты себя чувствуешь? Я получила краткую информацию от другого социолога-криминалиста, присутствовавшего при твоем первичном осмотре, а также детали событий, произошедшие в Полицейском Департаменте Ларедо.

Я с трудом сглатываю.

На меня обрушиваются воспоминания, но я им сопротивляюсь. Они мне не нужны.

- Я знаю, все кажется иначе, но я здесь, чтобы помочь тебе. Тебя задержали по обвинению в нападении на сотрудников поста федеральной границы, в хранении оружия, за сопротивление при аресте и подозрении в совершении тяжкого преступления, а именно в убийстве. Я здесь, чтобы определить твою правоспособность, но также, чтобы помочь тебе. Я уверена, что для произошедшего у тебя были свои причины, но я не смогу ничего для тебя сделать, если ты не будешь со мной разговаривать. Пожалуйста, Оливия. Позволь мне помочь тебе, - говорит доктор Слоан.

Моя паника возрастает. Грудная клетка тяжелеет, и мир снова заполняется черными красками. Слезы сдавливают глотку вокруг трубки.

Гребаная боль в мире без Калеба, кажется неиссякаемой. Я знала, что так будет.

- Твоя мама пытается найти кого-нибудь, кто присмотрит за твоими братьями и сестрами, чтобы приехать к тебе, - говорит она.

НЕТ! Держись от меня подальше.

- Она должна быть здесь через день или два. Если хочешь, ты можешь поговорить с ней по телефону.

Я всхлипываю. Я хочу, чтобы она замолчала. Я хочу, чтобы они все исчезли - эта женщина, мужчина в углу, моя мать, мои братья и сестры, и даже Николь. Я не хочу их ни слышать, ни видеть. *Прочь, прочь, прочь.*

Я кричу во все горло. Я не вернусь назад!

- Калеб! - надрываюсь я.

- Помоги мне!

Мое тело хочет свернуться калачиком, но оно не может. Я скована, как животное, заключенное в клетку и выставленное на всеобщее обозрение. Они хотят знать, что со мной, но они не смогут понять и никогда не поймут. Я никогда им не расскажу. Эта боль только моя и она останется только со мной.

Я кричу, и кричу, и кричу, до тех пор, пока кто-то не врывается и не нажимает на все мои магические кнопки. Меня накрывает сила успокоительных лекарств.

Калеб.

***

День 5:

Теперь я полностью осознаю, что нахожусь в психиатрическом отделении больницы. Мне часто это повторяют.

Я могу лишь посмеяться про себя над иронией. Они отпустят меня тогда, когда я сама буду в состоянии попросить их об этом. Но я не разговариваю и в буквальном смысле, сама держу себя в заложниках. Может, *я*, на самом деле, сошла с ума. Может, мое пребывание здесь как нельзя кстати.

Синяки на моих запястьях и лодыжках приобрели ярко-фиолетовый оттенок. Думаю, я слишком отчаянно пыталась освободиться. Мне не хватает наручников. В некотором роде, они дарят мне возможность извиваться и дергаться. Они дают мне что-то и кого-то для противостояния. Без них... я чувствую себя предательницей. Без них, я, вроде, как позволяю им себя здесь держать.

Когда они приносят мне еду, я ем, но только лишь для того, чтобы мне снова не сунули эту чертову трубку в нос. Когда мне говорят, я принимаю душ и возвращаюсь в свою кровать, как хорошая маленькая девочка. Приняв лекарство, я уплываю. Ох, как же я люблю успокоительные.

Но они никогда не оставляют меня одну. Здесь всегда кто-нибудь находится, наблюдая за мной, словно я какой-то лабораторный подопытный кролик.

Всякий раз, когда туман от лекарств начинает рассеиваться, они снова приходят сюда: доктор Слоан и ее 'коллега', агент Рид.

Он любит смотреть на меня, а я пристально смотрю на него в ответ. Первый, кто отведет взгляд в сторону, считается проигравшим. Чаще всего, это я. Его взгляд нервирует. В глазах Рида я вижу знакомую решительность и хитрость, с которой я никогда не могла тягаться.

- Ты голодна? - спросил он мягким, низким голосом.

Я чувствую, как будто он говорит мне о том, что у меня нет выбора, кроме как капитулировать. В конечном итоге, он получит от меня то, что хочет. Своим молчанием я его только больше раздразниваю.

Иногда, он ухмыляется мне, после чего кажется, что Призрак Калеба проявляется гораздо отчетливее.

Когда я не ответила, пальцы его правой руки стали пробираться к моей правой груди.

В этот особенный день, он первым отводит от меня взгляд, возвращая свое внимание к стоящему перед ним ноутбуку. Он что-то печатает на нем, а затем прокручивает информацию, которую я не вижу.

Сделав резкий вздох, я отпрянула от его прикосновения, и крепко закрыв глаза, заставила себя сосредоточиться на своих поднятых руках.

Он медленно тянется к своему портфелю, стоящему на полу, рядом с его стулом, и вытаскивает из него несколько коричневых папок. Открыв одну из них, и сделав какие-то пометки, он хмурит брови.

Его губы ласкали раковину моего уха.

Я знаю.

Я знаю, Калеба здесь нет. Я свожу себя с ума.

Смотря на агента Рида, я не могу не отметить, что он весьма привлекательный мужчина. *Но он не так красив, как Калеб.* И, тем не менее, он кажется мне таким же темным.

Его черные, как смоль волосы, кажутся слишком длинными для его профессии, но они всегда безупречно уложены. На нем типичная первоклассная одежда, которую в кино носят агенты ФБР: черный костюм, белая рубашка и темный галстук. Эта одежда настолько ему подходит, что кажется, будто он ходит в ней, даже если в этом нет никакой необходимости.

Интересно, как бы он выглядел без нее - Калеб превратил меня в это. Он сам мне признался. Я стала такой, какой он хотел, чтобы я была. И, в конце концов, что я получила взамен?

Я знала, что он улыбнулся, хоть и не могла видеть этого. Дрожь, была настолько сильной, что мое тело почти дернулось к нему.

- Ваша мать должна быть сегодня здесь, - говорит агент Рид.

Его тон беспристрастный, но он продолжает искоса на меня поглядывать. Ему не терпится увидеть мою реакцию. Мое сердце останавливается, но эта заминка быстро проходит, и в очередной раз, я чувствую всего лишь... пустоту.

Она - моя мать, а я - ее дочь. Это неизбежно. Рано или поздно, мне придется с ней увидеться. И я знаю, что скажу ей в этот момент.

Я должна буду сказать ей, что я не хочу возвращаться домой, и чтобы она забыла обо всем, что касается меня. Я была рада отсрочке, но неужели, чтобы добраться сюда, ей понадобилось целых пять дней? Пожалуй, сказать ей о том, чтобы она оставила меня в покое будет проще, чем я думала.

Мои чувства по этому поводу пока неоднозначны.

- Расскажите мне, где вы находились в течение почти четырех месяцев. Откуда у вас оружие и деньги, и я прослежу за тем, чтобы вы сегодня же покинули это место со своей матерью, - говорит Рид настолько приторным тоном, словно верит в то, что я на это куплюсь.

Нет уж, спасибо.

Они знают о деньгах - это не заняло у них много времени. Смущенно наклонив голову, я смотрю на него недоумевающим взглядом. *Деньги?*

Около секунды он смотрит на меня, после чего переводит взгляд вниз на свои папки и начинает что-то писать. Агент Рид не купился на мою блажь. Он не впечатлен. По крайней мере, он не полный дурак.

Его губы ласкали раковину моего уха, - Ты собираешься отвечать? Или мне снова тебя заставить?

Тик-так, тик-так, я не могу вечно прятаться за своим молчанием. Против меня выдвинуто несколько достаточно серьезных обвинений, и думается, меня не просто так перенаправили из Мексики в США.

Я знаю, что должна сотрудничать, рассказать ему свою историю и перетянуть его на свою сторону, но я просто не могу этого сделать. Если я нарушу молчание, я никогда не смогу оставить случившееся в прошлом. И тогда, последние четыре месяца навсегда лягут тенью на всю мою оставшуюся жизнь.

Более того, я не знаю о чем, мать его, я должна говорить! Что я могу сказать? В сотый раз за день, что я скучаю по Калебу?

Что-то капает на мою шею, и я понимаю, что я плачу.

Интересно, как долго агент Рид будет смотреть на меня, ожидая, что я сломаюсь и сдамся. Я чувствую себя потерянной, и, несмотря на это, маленькая искорка его внимания ощущается как спасательный круг.

Мне сложно не видеть Калеба в его поведении.

- Да, - произнесла я, заикаясь, - я голодна.

Проходит несколько долгих, напряженных секунд, после чего он нарушает эту непрекращающуюся тишину.

- Вы можете не верить мне, но я забочусь о ваших интересах. Если вы не попытаетесь помочь нам, помочь себе, все выйдет из-под вашего контроля. Причем, быстро.

Он делает паузу.

- Мне нужна информация. Если вы боитесь, мы сможем защитить вас, но вы должны показать нам, что настроены серьезно. Изо дня в день вы молчите, упуская свои возможности.

Агент Рид пронзает меня взглядом, и я чувствую, как своими темными глазами, он желает побудить меня к ответу на интересующие его вопросы. На мгновение, я хочу поверить в то, что он, на самом деле, пытается мне помочь. Можно ли довериться незнакомцу?

Что ему нужно от меня такого, чего он еще пока не мог взять?

Мой рот открывается, слова вертятся на кончике моего языка. *Если ты расскажешь, он причинит ему вред.* Мой рот со звуком закрывается.

Агент Рид выглядит расстроенным. И я полагаю, что именно таким он и должен выглядеть. Он делает еще один глубокий вдох и бросает на меня взгляд, в котором читается, 'Ладно, ты сама напросилась'.

Наклоняясь, он достает одну из коричневых папок, содержимое которой изучал раннее. Он открывает ее, смотрит внутрь, а потом на меня.

Подавшись вперед, он поднес это восхитительно пахнущее лакомство к моим губам.

На мгновение, он выглядит неуверенным, но потом решительным. Он достает из папки листок, и, небрежно сжимая его в руке, направляется ко мне. Я почти не хочу знать, что это, но не могу с собой ничего поделать. Я должна это увидеть. И тут мое сердце ёкает!

Внезапно, каждая клеточка моего существа начинает петь. Мои глаза обжигают слезы, и, не сдержавшись, с моих губ срываются звуки, отражающие как печаль, так и радость. Это фотография Калеба! Это фотография его прекрасного, хмурящегося лица. Я так сильно хочу получить ее, что тянусь к ней, протягивая пальцы ближе к его изображению.

С нескрываемым облегчением я открыла свой рот, но он быстро убрал от меня еду.

- Вы знаете этого человека? - спрашивает агент Рид, и, судя по тону, ему уже очевидно, что я знаю.

Это его игра. Хорошая игра.

Задыхаясь в своих рыданиях, я снова тянусь за фотографией. Но агент Рид держит ее вне зоны моей досягаемости.

- Ты, сукин сын, - шепчу я хриплым голосом, не отрывая глаз от клочка бумаги.

Если я моргну, фотография исчезнет?

Он снова протягивает ее мне. И у меня снова не получается дотянуться до снимка, но я не могу оторвать от него глаз.

На нем Калеб выглядит моложе, но не намного. Он все еще мой Калеб. Его светлые волосы зачесаны назад, а его чудесные глаза цвета Карибского моря хмурятся, смотря в объектив. Его губы, полные и созданные для поцелуев, сложены в раздраженную линию на его красивом лице. На нем белая рубашка на пуговицах, колышущаяся от ветра, и открывающая соблазнительный кусочек его загорелой шеи. Это мой Калеб. Я хочу моего Калеба. Я смотрю на агента Рида.

Пропитывая каждое слово гневом, я нарушаю свой обет молчания.

- Отдай. Ее. Мне.

На секунду, глаза агента Рида расширяются, после чего появляется, а затем исчезает удовлетворенная ухмылка. Один - ноль в пользу агента Рида.

- Значит, вы его *знаете*? - поддразнивает он.

Я прожигаю его взглядом.

Он становится ближе, и протягивает фотографию.

И еще ближе.

Когда я тянусь к ней, он одергивает ее назад.

И каждый раз, я подползала все ближе и ближе, пока мое тело не оказалось зажатым между его ногами, а мои руки не легли по обеим сторонам от его туловища.

Калеб научил меня некоторым приемам ведения противостояний, в которых я не смогу победить. Он хотел, чтобы я шевелила мозгами и использовала все, что могу предложить, дабы получить желаемое.

Я заставляю себя изобразить спокойствие и грусть. Печаль мне дается легко.

- Я... я его *знала*.

Я намеренно опускаю взгляд на свои коленки, и позволяю слезам катиться из глаз.

- Знали? - с любопытством спрашивает агент Рид.

Я киваю, заполняя пространство комнаты своими рыданиями.

- Что с ним случилось? - снова спрашивает он.

Мне на руку его заинтересованность.

- Дай мне фотографию, - шепчу я.

- Скажите мне то, что я хочу узнать, - возражает он.

Я знаю, что он у меня на крючке.

- Он..., - меня охватывает печаль.

Мне не нужно фабриковать свою боль... я и есть боль.

- Он умер на моих гребаных руках.

Мой разум тут же заполняют воспоминания о Калебе, с пустым выражением лица, измазанного грязью и кровью. Это был тот самый момент, когда я его потеряла. Всего несколько часов назад он держал меня в своих объятиях, и я думала, что наконец-то, все будет хорошо. Но один стук в дверь... и все изменилось.

Агент Рид неуверенно делает шаг вперед, - Я вижу, что для вас это непросто, но мне нужно знать, как это произошло, мисс Руис.

- Дай мне фотографию, - рыдаю я.

Он делает еще один шаг.

- Скажите мне, как, - шепчет он.

Он играл в эту игру и раньше.

Я бросаю на него сердитый взгляд из-под своих пропитанных слезами ресниц, - Защищая меня.

- От кого?

Он подходит еще ближе, так близко и так нетерпеливо.

- От Рафика.

Не говоря ни слова, агент Рид поворачивается, чтобы достать еще один снимок из папки и показывает его мне, - От этого человека?

Я зашипела. Блять, по-настоящему, зашипела. Мы оба шокированы моей реакцией. Я никогда не думала, что могу быть настолько дикой. Мне это даже нравится. Я чувствую, что способна на все.

Внезапно, схватив обеими руками его руку, я быстро сунула ее себе в рот, чтобы забрать кусочек мяса из его пальцев. О, Боже, как же это было вкусно.

Агент Рид стоит близко и он явно не ожидает того, что я, схватив его за лацкан пиджака, вопьюсь в его губы поцелуем.

Он роняет папку.

Мое!

Несмотря на свой шок, агенту Риду удается прижать меня к кровати. Он надевает свои наручники на мои запястья и пристегивает их к изголовью. И прежде, чем я успеваю дотянуться до папки, он выхватывает ее.

Дальше, все произошло довольно быстро: одной рукой он сжал мой язык, а второй впился в мою шею, сдавливая ее.

На его лице отражаются замешательство и злость.

- Какого хрена вы творите? - шепчет он и медленно вытирает свои губы, смотря на свои пальцы, так, будто, неведомым образом, ответ окажется на них.

Еда выпала у меня изо рта на пол, и я, буквально взвыла от чувства потери.

Пытаясь заговорить, я выкрикиваю от досады, а мои глаза наполняются слезами злости.

Ты очень гордая и избалованная, поэтому я собираюсь выбить это из тебя.

Когда, приложив руку к груди, к нам протискивается недоуменная медсестра, агент Рид вежливо просит ее исчезнуть.

- Лучше? - спрашивает он меня, подняв бровь.

Я смотрю на свои прикованные руки.

- Даже и близко нет...

Вскрытая наживую. Зажглась - потухла - жжжж - жжжж - зажглась - потухла. Калеб, я скучаю по тебе.

- Помогите мне поймать его, Оливия.

Он умолкает; выражение его лица расчетливое - ему тоже что-то нужно.

- Я знаю, что я не самый приятный парень, но, возможно, в союзники вам нужен именно такой, как я.

Калеб.

Прочь. Прочь. Прочь.

Мое сердце ноет.

- Пожалуйста, дай мне фотографию, - умоляю я.

Агент Рид делает шаг, появляясь в зоне моей видимости, но я смотрю только на его галстук.

- Если я дам вам фотографию, вы расскажете мне о том, что произошло? Ответите на мои вопросы?

Я засасываю свою нижнюю губу, и, зажав ее между зубами, провожу по ней языком. Сейчас или никогда, а никогда, в сущности, не является достойным выбором. Меня настигает неизбежность.

- Сними с меня наручники.

Я вижу, как блестят глаза агента, и знаю, что в его мозгу, должно быть, роятся идеи о том, как меня разговорить.

Доверие - это улица с двусторонним движением. Покажи мне свое, и я отвечу тебе тем же.

Сделав шаг ко мне, он медленно и осторожно снимает наручники с моего запястья.

- Ну, - подгоняет он.

- Я расскажу тебе. Только тебе. В обмен, ты отдаешь мне все имеющиеся у тебя его фотографии, и вытаскиваешь меня отсюда.

Мое сердце в груди отбивает барабанную дробь, но я храбрюсь. Я - живучая.

Я протягиваю свою руку.

- Дай мне фотографию.

Осознав, что в этом вопросе он не сможет меня обойти, губы агента Рида изгибаются в разочаровании. Нехотя, он берет свою папку и отдает мне фото Калеба.

- Для начала, вы должны рассказать мне обо всем, что знаете, после чего я смогу поговорить со своими начальниками и заключить сделку. Я обещаю, что сделаю все, чтобы защитить вас, но вы должны начать говорить. Вы должны сказать мне, почему все выглядит так, что вы увлечены им больше, чем имеет право увлечься любая восемнадцатилетняя девушка.

Когда я смотрю на лицо Калеба, никого больше не существует. Я рыдаю и провожу по знакомым чертам его лица. *Я люблю тебя, Калеб.*

- Я собираюсь пойти выпить кофе, - говорит агент Рид смиренным, но все еще решительным тоном, - и когда вернусь обратно, я ожидаю получить ответы.

Я не замечаю, как он уходит, и не придаю этому значения. Но знаю, что тем самым, он дает мне время погоревать в одиночестве.

Выйдя из комнаты, он закрыл за собой дверь. На этот раз, я услышала щелчок закрывающегося замка.

Впервые за пять дней, меня оставляют одну, но я подозреваю, что это будет последний раз, что мы проведем с Калебом вместе.

Я целую его дрожащими губами.

Глава 2

Калебу казалось, что природа человеческого естества вращается вокруг единственной эмпирической правды: мы хотим то, чего *не можем* получить.

Для Евы это было яблоко с запретного дерева. Для Калеба это была... Ливви.

Ночь была неспокойной. Ливви хныкала и вздрагивала во сне, отчего при каждом звуке у Калеба сдавливало грудь.

Он вколол ей еще морфина и спустя некоторое время ее тело, казалось, успокоилось, хотя под закрытыми веками она все еще продолжала лихорадочно двигать глазами. Кошмары, подумал он.

Не боясь ни неудобства, ни осуждения, он почувствовал необъяснимое желание прикоснуться к ней. Прижав ее ближе и накрыв их обоих пледом, он не мог выбросить из головы сообщение Рафика: Как скоро он прилетит в Мексику? Как он отреагирует на Ливви, и на ее разбитое состояние? Сколько дней ему осталось провести с Ливви, прежде чем ее у него заберут?

У него. Заберут. Странные, ужасные и незнакомые слова.

Закрыв глаза, он попытался вернуться в реальность.

Ты отдашь ее. Он открыл глаза. *И чем скорее, тем лучше.*

Он не мог спорить с логикой. Ведь именно благодаря ей, он до сих пор оставался в живых.

Калеб был расчетливым и хладнокровным. И не тратил впустую время на вопросы о морали. Но, тем не менее, он *хотел* бы поспорить с логикой. Он хотел найти причину, мешающую жестокому мужчине внутри него. Но он не мог.

Правда заключалась в том, что он хотел ее, но ему не следовало этого делать.

Он прижал Ливви еще ближе, стараясь не задеть ее поврежденные ребра или вывихнутое плечо, и уткнулся носом в ее длинные волосы, вдыхая ее запах.

Калеб сказал ей, что он не был ее прекрасным принцем, но он не сказал ей, что хотел бы им быть. Когда-нибудь, возможно, он мог бы стать... нормальным.

До своего похищения, до изнасилований, избиений и убийств - он мог бы быть кем-то, отличным от человека, которым он был сейчас. Калебу никогда не приходилось думать о таких вещах, или гадать о пройденных или не пройденных

дорогах. Он проживал свою жизнь в настоящем, без фантазий или тревог о будущем. Но сейчас, он фантазировал.

Он фантазировал о том, чтобы стать именно тем мужчиной, который смог бы дать Ливви все, что ей нужно. Тем мужчиной, которого она смогла бы...

Но ты же не тот мужчина, так ведь?

Калеб вздохнул, зная ответ. Фантазии других людей его никогда не смущали, но его собственные оставляли в нем чувство неудовлетворенности жизнью, которую он принял, и которой время от времени наслаждался.

Он хотел, чтобы они исчезли - желание и чувство сожаления. Он хотел жить для охоты и убийств - эти две вещи были единственным, что в течение многих лет, имело для него значение. Даже в те моменты тьмы, когда его стремление притуплялось, и он начинал сомневаться в возможности отыскать Владэка - он никогда не думал о том, чтобы стать кем-то другим, кроме того, кем он являлся.

Однако, за три с половиной недели с Ливви, большую часть из которой она провела в закрытой темной комнате, ему казалось, что все стало рассеиваться. Это было наивно, глупо и опасно. Человек не мог так кардинально измениться за столь короткий период времени. Нет, Калеб не изменился, он просто *чувствовал* себя иначе, и с этим не могла поспорить даже его логика.

Если бы не эти воспоминания, эти ужасные гребаные воспоминания о Нарви, избивающего и насилующего его. Если бы он не увидел Ливви, окровавленную, раненную и дрожащую в руках этого байкера, он бы не почувствовал, как весь его мир обрушивается на него самого.

Господи! Как он им отплатил. Эта была ярость, которую он не испытывал уже очень давно. И он не жалел об этом. Он наслаждался выражением лиц байкеров, когда глубоко всаживал нож в тело Шкета, а его кровь брызгала на Калеба, на стены - повсюду. Месть! Именно она являлась основной его целью.

Было приятно иметь цель.

И, несомненно, он снова испытает это чувство. Это случится тогда, когда в глазах Владэка отразится осознание происходящего, и продержится ровно до тех пор, пока он не сделает свой последний судорожный вдох.

Калеба передернуло.

Он хотел испытать удовлетворение от этого момента. Он хотел испытать его больше всего на свете. Даже больше, чем он хотел эту девушку.

Она будет ненавидеть тебя. Всегда. Она захочет отомстить.

- Я знаю, - прошептал Калеб в темноту комнаты.

Не в силах противостоять оцепенению сна, Калеб позволил ему унести себя во тьму.

***

Мальчик отказывался мыться.

- Калеб, я не стану больше тебе повторять! От тебя воняет! Причем, ужасно воняет. Прошло уже несколько дней, а ты по-прежнему весь в крови. Если тебя кто-нибудь увидит, тогда у тебя появятся настоящие проблемы, мальчик.

- Я *Кальб.* Пес! Я разорвал своего хозяина на куски. Я испробовал вкус крови, и она мне понравилась! Я не буду ее смывать. Я буду ходить с ней вечно, нося ее как знак почета.

Темное лицо Рафика вытянулось, а глаза сузились.

- Мыться. Сейчас же.

Но мальчик лишь расправил свои детские плечики и сердито посмотрел на своего нового хозяина.

Рафик был красивым, гораздо красивее Нарви - эти мысли пробудила воспитанная из него шлюха. Но также Рафик был намного сильнее Нарви, и он был способен причинить больше боли, однако мальчик не позволял себе бояться, или трусить перед глазами своего нового хозяина. Теперь он был мужчиной, мужчиной! И он мог сам принимать чертовы решения о том, когда ему смывать кровь со своего лица.

- Нет!

Рафик встал. Его взгляд был угрожающим и жестким.

Мальчик с трудом сглотнул и, несмотря на все свои усилия, не мог отрицать испытываемого им страха. Когда Рафик начал приближаться, мальчик поборол желание сжаться. Мозолистая рука Рафика жестко опустилась на шею Калеба и с силой сдавила ее, заставив его поморщиться, но не достаточно сильно, чтобы разбудить его инстинкты сопротивления.

Рафик наклонился и прорычал мальчику в ухо, - Сейчас же в воду, иначе я раздену тебя и так разотру твою кожу, что ты даже в мыслях не посмеешь снова меня ослушаться.

Глаза Калеба защипало от слез. Не потому что ему было больно, а потому что ему вдруг стало очень страшно и ему захотелось, чтобы Рафик на него не сердился. Ведь больше у него никого не было. Он все еще был мальчиком - подростком, который был не в состоянии как следует за себя постоять.

Его расовая принадлежность возводила между ним и местными жителями острое противоречие. И если он не хотел снова становиться шлюхой, Рафик - единственное, что у него оставалось.

- Я не хочу, - взмолился он шепотом.

Хватка на его шее несколько ослабла, и мальчик тут же закрыл глаза, чтобы не расплакаться. Он отказывался плакать.

- Почему?

- Я хочу знать, что он мертв. Все закончилось слишком быстро, Рафик. Все закончилось слишком быстро, но он... он заслужил страдания! Я хотел, чтобы он страдал, Рафик. Вся боль, через которую он заставил меня пройти, все эти вещи... Я хотел, чтобы он испытал их на собственной шкуре. Если я смою кровь...

С мольбой в глазах мальчик посмотрел на Рафика.

- То будет так, как будто ты его и не убивал? - мягко спросил Рафик.

- Да, - ответил Калеб сдавленным голосом.

Рафик вздохнул.

- Никто не понимает твоих чувств лучше меня, Калеб. Но ты не можешь продолжать игнорировать меня; ты *не можешь* продолжать вести себя как капризный ребенок! И ты больше не *Пес*. Мойся. Я обещаю, что когда ты закончишь, Нарви все еще будет мертв.

Мальчик стал вырываться из хватки, сдавливающей его шею.

- Нет! Нет! Нет! Я не буду этого делать!

Лицо Рафика превратилось из настороженно-теплого в каменно-холодное.

- Пусть будет по-твоему, *Пес.*

Его хватка на шее мальчика стала крепче, и пока, поморщившись от боли, тот пытался вырваться, другая рука Рафика с глухим шлепком ударила Калеба по лицу. Боль была ему не в новинку, и он с легкостью мог принять даже сильный удар, но этой пощечиной он был потрясен.

Калеб снова попытался освободиться от Рафика, но он был крепко зажат его сильными руками.

- Мойся!

Рафик рявкнул так громко, что этот звук дрожью сотряс все тело Калеба.

- Нет!

Калеб плакал, а слезы катились вниз по его щекам.

Наклонившись, Рафик толкнулся своим плечом в живот Калеба и перевалил его через свое плечо. Игнорируя, бьющие по спине кулаки мальчика, он целенаправленно зашагал в ванную комнату и бросил его в ванну. Рафик не обращал внимания на крики и бранные проклятия, сыпавшиеся изо рта Калеба. Повернув вентиль, он пустил в ванну холодную воду.

Тело Калеба дернулось, когда он почувствовал, как холодная вода пропитывает его одежду и касается кожи. Переполненный гневом, и, не контролируя себя, Калеб ударил Рафика по лицу и попытался вылезти из ванны.

Этим он лишь сильнее разозлил Рафика. Сначала он почувствовал, как его волосы сжали в кулаке, а затем боль на коже головы и шеи, когда их с силой потянули назад. Рафик вновь погрузил Калеба в ванну, наполненную холодной водой, и на этот раз прижал его ко дну.

Мальчика охватили ужас и страх.

- Ты будешь подчиняться мне, мальчик! Ты будешь! Или я утоплю тебя, прямо здесь и сейчас. Ты принадлежишь мне. Тебе понятно?

Рот и нос Калеба наполнились водой. Он не мог четко разобрать слова и слышал только сердитые крики мужчины, насильно удерживающего его голову под водой.

От ощущения надвигающейся смерти его парализовал страх. Все что угодно. Он отдал бы все что угодно, чтобы никогда больше не испытывать подобного ужаса.

Воздух!

Когда его стали вытаскивать из воды, Калеб вдохнул и начал подниматься, цепляясь своими руками, чтобы ухватиться, за плечи Рафика. Он потянулся к теплу и безопасности, которое дарило ему тело его хозяина. На что тот, начал сопротивляться, пытаясь оттащить его от себя руками.

Сквозь крики паники, Калеб не думал ни о чем, кроме как о своем желании выбраться из ванны. Он просто хотел дышать и быть в тепле.

Схватив его за плечи, сильные руки начали его трясти.

- Спокойно, Калеб. Спокойно. Дыши, - сказал Рафик.

Несмотря на напряженность всей ситуации, его тон был умиротворяющим.

- Успокойся, Калеб. Если ты готов меня слушаться, я больше не окуну тебя в воду. Успокойся!

Калеб пытался сделать так, как сказал Рафик. Крепко ухватившись за плечи хозяина, он снова и снова повторял себе, что пока он держится, его не смогут бросить в воду.

Вздрогнув, Калеб успокоился, делая свой первый размеренный вдох. Затем второй и третий, пока в нем, наконец, не осталось ничего, кроме злости.

Медленно, убрав руки с плеч Рафика, он опустился в ванну. От холодной воды у него дрожали губы, и все тело, но он не стал просить Рафика включить горячую воду.

- Я ненавижу тебя, - зашипел Калеб, стуча зубами.

Взгляд Рафика был спокойным и собранным. Ухмыльнувшись, он встал и вышел из комнаты.

Глаза Калеба защипало от слез злости, и, оставшись один, он не стал их сдерживать. Убедившись, что Рафик не вернется, он повернул вентиль с горячей водой, и придвинулся ближе к крану, надеясь, таким образом, отогреться быстрее. Калеб снял через голову свою промокшую одежду, и с чувством удовлетворения от создаваемого им беспорядка, сбросил ее в мокрую кучу на пол ванной комнаты.

Словно живое существо, в его теле бродила чистая, неприкрытая ярость.

Подтянув колени к подбородку, он начал кусать свою плоть, царапая ее зубами. Слезы не унимались! Они продолжали течь из его глаз.

Калеб чувствовал себя жалким и слабым. Он не смог предотвратить того, что делал с ним Рафик. Калеб стал кусать сильнее, желая, чтобы физическая боль уняла его душевные страдания.

Ему хотелось кричать. Ему хотелось крушить все вокруг. Но главное, ему снова хотелось.... убить.

Калеб провел своими ногтями по рукам, чувствуя одновременно облегчение и боль от того, как от его стараний кожа в некоторых местах надорвалась и оттуда стали просачиваться капельки крови. Он повторил процесс - больше боли - больше облегчения. В воде кровь Нарви смешивалась с его собственной.

Он не знал, что чувствовать при виде этой картины. Калеба охватило онемение. Замерев, он наблюдал за тем, как кровь человека, который мучил его на протяжении стольких лет, растворялась в воде, окружая его.

Кто он теперь?

Он больше не был *Кальбом, Псом* Нарви. Это было его единственным именем, которое он когда-либо знал и единственным, кем он когда-либо был**.** *Нарви мертв. Он, действительно, мертв.*

Мыслями, он вернулся в Тегеран, к той самой ночи, когда он убил своего хозяина, своего мучителя, и своего смотрителя.

Калеб поднес револьвер к лицу Нарви, и лишь на секунду заметил, как на нем отразился шок, а затем страх. И после того, как Нарви одарил *Кальба* взглядом – которым он напоминал ему, что в его глазах он был ниже человеческого существа.... *Пес* нажал на курок.

Его отбросило силой отдачи мощнейшего оружия.

Он пропустил. Он пропустил момент смерти Нарви.

Волосы, лицо и грудь Калеба были забрызганы сгустками крови, но он их не замечал. Он пробрался к телу. Оно не издавало ни булькающих, ни задыхающихся звуков... это был просто труп.

Он почувствовал... грусть. Нарви ни разу не попросил оставить его в живых, и ни разу не опустился перед Калебом на колени, вымаливая его милосердие и прощение. Нет, Нарви ничего не попросил, но он был мертв. И под этой грустью он ощутил благословенное облегчение.

Но теперь у тебя новый хозяин, не так ли, Калеб?

Закрыв на мгновение глаза, и сделав глубокий вдох, он сделал именно то, что сказал ему Рафик... смыл со своего тела свою прежнюю жизнь.

***

Калеб проснулся в тревоге и смятении.

Он попытался вернуться в свой сон, уйти в забвение от его бодрствующего сознания. Во сне было что-то... что-то очень важное. Но теперь оно исчезло. Пребывая в расстройстве, ему потребовалось меньше минуты, чтобы понять, что он является объектом изучения под взглядом Котенка.

Выглядела она ужасно. Синяки на ее лице стали ярче, чем прошлой ночью. Ее глаза были опухшими, и покрасневшими, выделяясь на ее смуглой коже. Ее нос, теперь уже без пластыря, так же выглядел припухшим. Но под всеми этими повреждениями, он все еще видел Котенка, которая выжила не смотря ни на что.

И снова, сердце в его груди будто защемило. Калеб не позволил этому чувству отразиться на своем лице.

Он пытался подобрать подходящие слова.

Но что он мог сказать после случившегося прошлой ночью, и все еще не оправившись от сообщения Рафика? Ведь все, чем он располагал - это еще более плохие новости. Поэтому, он просто решил изложить очевидное, - Уже утро.

Брови Котенка нахмурились, и она поморщилась от напряжения.

- Я знаю. Я давно проснулась, - угрюмо произнесла она.

Калеб отвел взгляд, изображая заинтересованность в окружающей их обстановке.

Вчера он едва не облажался, и чуть не трахнул ее. А этого ни за что *нельзя* было допустить.

Калеба заполнило чувство срочности - они должны были покинуть это место, и чем быстрее, тем лучше. Но он никак не мог заставить себя произнести эти слова вслух.

Ночь была напряженной.

- Тебе... больно? Ты сможешь сесть? - прошептал Калеб.

- Я не знаю. Мне слишком больно, чтобы даже попытаться, - так же мягко прошептала Котенок.

На мгновение - слишком долгое мгновение, их взгляды встретились, почти соприкасаясь, после чего оба быстро, даже лихорадочно отвели глаза, предпочитая смотреть куда угодно, только не друг на друга.

- Или может, я просто слишком напугана, чтобы думать о том, что произойдет сегодня. Или завтра. Может быть, я просто хочу уснуть, и проснуться от своей жизни.

В ее голосе ощущалась боль, и он знал, что она была не физической.

Калеб посмотрел в ее сторону и заметил, что она не плакала. Она просто уставилась в пустое пространство, слишком онемевшая для слез, предположил Калеб. Ему было хорошо знакомо это чувство. А теперь еще и эта неопределенность, которую он никогда раньше не испытывал.

Из-за случившегося между ними, Калеб чувствовал себя скованным, потому как независимо от того, насколько раньше все было запутанным, он все равно мог контролировать себя и абстрагироваться от нежелательных мыслей. Но эта ситуация была иной. Их длительное существование друг с другом только продлит агонию, принеся с собой больше боли.

Калеб потер свое лицо, почесывая пальцами щетину, и отвлекая себя этим, словно ему больше никогда не придется смотреть на Котенка, и никогда не нужно будет говорить о том, что они должны покинуть это место, и, что независимо от прошлой ночи... она все еще его пленница. А он все еще ее Хозяин.

- Пошло все нахрен! - выругалась она решительным голосом, казалось, просыпаясь от оцепенения, и снова становясь живой и своевольной, - Давай покончим с этим, Калеб. Какого черта сейчас происходит?

Калеб.

Он посмотрел на нее. Вот опять, она назвала его по имени. И он знал, что должен был ее исправить, заставить ее обращаться к нему Хозяин, снова выстроить между ними барьеры и границы, но он, блять, просто не мог этого сделать. Он устал! Он так, мать его, устал.

- Думаю, сначала, завтрак. После, мы должны будем уехать. А “все, что, кроме” - я обсуждать не собираюсь.

Он попытался придать своим словам некое подобие легкомыслия, но это не сработало, и Котенок это знала.

- А прошлая ночь?

Она старалась придерживаться нейтрального тона, но зная ее уже слишком хорошо, Калебу не нужно было гадать, о чем именно она спрашивала. Котенок хотела понять, значит ли она что-нибудь для него, учитывая тот факт, что они почти... *переспали*, и изменило ли это его намерение продать ее в сексуальное рабство.

Ответ был и да... и нет. Владэк все еще должен был заплатить, а у Котенка по-прежнему была в этом своя роль.

Они уже прошли точку невозврата.

- Я рассказал тебе обо всем, что тебе нужно было знать.

Он замолчал, смягчая свой тон.

- Больше я тебе ничего не скажу. Так что, перестань задавать вопросы.

Вскочив с кровати, он бросился в сторону ванной комнаты.

Оказавшись внутри, и избегая своего отражения, он начал искать зубную щетку. Найдя две, стоящие рядом с раковиной, и выбрав менее использованную на вид, Калеб выдавил на нее немного пасты. Микробы были последним, о чем он переживал в это утро. И, несмотря на то, что он принимал душ всего несколько часов назад, он открыл горячую воду, и начал снимать с себя позаимствованную одежду.

Вода ошпаривала его, и его собственное тело боролось с желанием покинуть карающую температуру воды, но Калеб не позволял себе этого. Он заставлял себя чувствовать обжигающую боль. Стиснув зубы, он проигнорировал тот факт, что, возможно, в некоторых местах его кожа покроется волдырями.

Положив руки на стену, он позволил почти кипящей воде и многочисленным душевым головкам смыть его замешательство.

Его спина была напряжена и стала сверхчувствительной. Шрамы, уродовавшие его плоть зудели и оживали. Это было то самое чувство, которое он искал. Эти шрамы

напоминали ему о том, кем он был, откуда он пришел, и почему ему нужно было двигаться дальше со своей миссией.

Вода обжигала его зад и гениталии и он почувствовал, как в его горле начал формироваться ком, угрожая, в конечном счете, сорваться с губ. Но он никогда бы этого не позволил. Он проглотил его, сделав того узником в своей груди.

Позволив своим рукам опуститься вниз, он прикрыл ими свой член и яички от высокой температуры воды.

Услышав стук в дверь, Калеб резко повернул голову на звук. В дверях стояла Котенок, которая, так и не дождавшись приглашения войти, ступила внутрь.

Он испытал шок, который сейчас отчетливо читался на его лице. Не задумываясь, он потянулся к крану, чтобы открыть холодную воду. Это было личным!

Ну, по крайней мере, она не убежала. Но в любом случае, куда бы она направилась?

Котенок осмотрела его... везде. Даже сквозь непроглядное облако пара, он увидел, как она густо залилась краской.

Краснела эта девственница или нет, но ее глаза не отпускали его тело. Наконец, их взгляды встретились.

- Я..., - Котенок прочистила свое горло, чтобы продолжить, но так и не смогла издать ни звука.

Она больше не краснела.

- Ты что-то хотела? - рявкнул Калеб.

Он пытался восстановить самообладание, но ее вмешательство заставило его чувствовать себя, в некотором роде, открытым, даже уязвимым, и ему это не нравилось. Однако она тоже была обнаженной, так и не одевшись со вчерашней ночи, что тоже здорово сбивало с толку.

Его глаза вкушали ее тело сантиметр за сантиметром, превращая его здравомыслие в пар.

Член, накрытый его руками, ожил. Он хотел было поморщиться от покалывающего ощущения растягивающейся и увеличивающейся наказанной им плоти, но она болела не настолько, насколько должна была, потому что внезапно удовольствие и боль смешались воедино.

Котенок выпрямила спину, принимая уверенную позу.

- Да. Я что-то хотела. Много чего. С чего, ты хочешь, чтобы я начала?

Он уставился на нее в потрясении. Она действительно только что сказала это? Ему? Калеб знал, что ему следовало рассердиться, но, вместо этого, он отвернулся, пряча улыбку. Эти поддразнивания были знакомыми, и, как ни странно, они смягчили те противоречивые эмоции, одолевавшие его разум всего несколько секунд назад. Он знал, что это была игра - его игра, и неважно, насколько активное участие принимала в этом Котенок.

Стоя лицом к стене, и пытаясь убрать из голоса нотки веселья, Калеб заговорил, - И что, это не может подождать, пока я, хотя бы, не выйду из душа?

И не имея сил сдержаться, он добавил, - Если, конечно, ты не собираешься забраться сюда и ответить на мою вчерашнюю любезность?

Он рискнул взглянуть в ее сторону. Она сильно раскраснелась, но держалась достойно, - Вообще-то. Типа того. То есть... нет, но...

Она рассердилась, - Я бы хотела принять душ, и так как я практически недееспособна, я могла бы воспользоваться твоей долбаной помощью. Только, если ты не будешь вести себя как засранец.

Она кивнула, словно говоря: *Вот, я это и сказала.*

Не удержавшись, Калеб рассмеялся. Его настроение значительно улучшилось, и он решил позволить ее выходкам развлечь себя. Это было гораздо безопаснее и менее запутанно.

Он знал, что его реакция шла вразрез с той, которая могла бы быть у него в другой день, в другой ситуации, и с другой девушкой. Но прямо сейчас он испытывал чертовское облегчение, чувствуя что-то похожее на радость, вместо того, от чего он проснулся сегодня утром. Он ухватился за него и не собирался отпускать.

Открыв дверь душевой кабинки, он послал ей свою самую лучшую и самую похотливую улыбку, - Ну, тогда заходи. Я очень постараюсь не вести себя как засранец.

Она не улыбнулась в ответ, предпочитая придерживаться своей сердитости. Для него это был своего рода вызов, и он его принял, потому как в один прекрасный день именно ее ненависть к нему поможет ей выжить.

Сейчас она нуждалась в нем, и он был полон решимости сделать для нее все, что только было в его силах. *Как минимум*, этим, он был ей обязан.

Когда она начала приближаться к нему, он отступил назад. Обходя его с осторожностью, она держала голову опущенной, а ее щеки были залиты розовым, с оттенками фиолетового, зеленого, желтого и синего.

Внезапно, в его сознании вспыхнули образы ее избитого и кровоточащего тела, и картины из его прошлого, смешались в одно целое, словно это были вновь пережитые

ужасные воспоминания одного человека. На Калеба обрушилось сильное чувство, и он был рад спрятать его в пару душевой и звуках воды, брызжущей на стены. Калеб моргнул, отгоняя голоса и мысли, заполонившие его мозг.

Когда Котенок потянулась к нему, используя его руку и плечо в качестве опоры, только тогда он ее увидел, и его мысли вернулись к ней.

- Господи, здесь как в сауне, - сказала Котенок.

Она подняла глаза с натянутым выражением лица.

- Можешь сделать так, чтобы было не так жарко?

- Не знаю. Может, скажешь 'пожалуйста'? - тон Калеба все еще хранил в себе нотку юмора, но чувство неловкости стало возвращаться.

Между ними в воздухе повисло тяжелое и густое чувство различия. Наконец, слегка изогнув свои полные губы, Котенок одарила его легкой улыбкой, но ее взгляд оставался непосредственным.

- *Ну, пожалуйста,* Калеб.

Она мгновенно превратилась в девушку, которой была прошлой ночью: соблазнительной, хищной... Ливви. Калеб медленно втянул в себя воздух и повернулся, чтобы отрегулировать воду. Он не осознал своей ошибки, пока не услышал ее резкого вдоха и не почувствовал ее ладони на своей спине.

- Не трогай, - прорычал он и повернулся к ней.

Зажав рукой рот, Котенок широко открыла глаза, в которых одновременно читались ужас и страх. Увидев, как Калеб сжал свои руки в кулаки, она отвернула от него лицо. Это было больно. Больно от того, что она думала, будто Калеб сможет ударить ее.

Сначала ему было очень сложно разжать кулаки, но увидев, что Котенок постепенно расслаблялась, это далось ему гораздо легче. В конце концов, когда он предстал перед ней с открытыми ладонями по обеим сторонам от себя, и нарочито спокойным выражением лица, она убрала руку от своего рта и стерла ужас и страх из своих глаз.

Котенок осторожно смотрела на него, пытаясь отыскать способ прикоснуться к нему, при этом, не рассердив его. Она с опаской потянулась к его руке.

Своими пальцами она дотронулась до него, молча спрашивая разрешения. На что он, медленно отвел свою руку, буквально на несколько сантиметров, выражая этим жестом отказ на близость между ними.

Он наблюдал за тем, как, опустив голову и сократив образовавшееся между ними расстояние, она провела своим указательным пальцем по его запястью.

- Давай же, Калеб, - мягко прошептала она.

Она не поднимала головы, позволяя ему сохранить в тайне его реакцию. Его кожа покрылась мурашками. Если бы она не была так сломлена, он бы оттолкнул ее от себя. Но, вместо этого, он позволил ей продолжить.

Теперь его касались два ее пальчика; они медленно скользнули от его запястья к ладони. И он снова разрешил.

Наконец, сделав глубокий вдох, он и вовсе позволил ее пальцам пробраться к его, и переплестись. Калеб смотрел в пространство поверх ее головы.

Его рука поднялась, и он почувствовал, как его пальцы легли на ребра Ливви. Потом на ее плечо. И, наконец, на ее щеку.

Сюда. Они ударили меня сюда.

Тело Калеба слегка пошатнулось.

- Поцелуй меня, - прошептала она.

Ее предложение было просто безумием. И он его принял.

Скрипнув грудной клеткой от силы сделанного им вдоха, губы Калеба устремились вниз, чтобы встретиться с, поднятым к нему лицом, Ливви.

Они простонали в губы друг друга. *Блять! Да!* Сейчас, ему больше всего на свете хотелось подхватить Ливви на руки, прижать ее к стене душа и трахать до тех пор, пока он не забудет о своем замешательстве, гневе, похоти и угрызениях совести.

Освободив их пальцы, Калеб потянулся обеими руками к груди Ливви и сжал ее. Его прикосновения были жаждущими и грубыми, но она отвечала с той же интенсивностью. Своими пальцами он начал вычерчивать круги на ее ареолах, заставляя ее плоть сморщиться под его умелыми ласками. Подушечки его пальцев терлись о затвердевшие вершинки ее сосков, заставляя ее мягко хныкать в ненасытные губы Калеба.

Дрожащие руки Ливви добрались до его талии, и, опустившись чуть ниже, она обхватила пальцами его бедра, впиваясь ногтями в его чувствительную плоть. Теперь была очередь Калеба стонать.

Его тело ныло от горячей воды, но он приветствовал эту боль, особенно, если она переплеталась с удовольствием. Он хотел большего. Он хотел ее всю.

Не прерывая их безумного поцелуя, Калеб шагнул вперед, а Ливви отступила назад. Это был уже знакомый их телам танец.

Начав покусывать его язык и его губы, оглушив тем самым Калеба на несколько коротких секунд, она сплелась с ним языками. Прислонив ее спиной к стене, Калеб воспользовался случаем и подошел ближе, углубляя их поцелуй.

Касаясь своим членом ее живота, он не устоял и толкнулся в ее мягкое и влажное тело.

- Ой, - выкрикнула Ливви.

Прервав поцелуй, она обернула руки вокруг своего туловища, и немного согнулась, пытаясь справиться с болью. Калеб мгновенно отступил назад.

- Дерьмо. Я не подумал, - сказал он, часто дыша, и сжимая свои руки по бокам.

- Ты в порядке?

- Да, - сказала она, ее голос звучал иначе, - я в порядке, просто дай мне секунду.

Калеб чувствовал себя глупо, нависая над ней своей внушительной, торчащей между ними, эрекцией. О чем он, на хрен, вообще думал? Ему не следовало этого делать.

Он разрывался между тем, что должен был и тем, что хотел. Он должен остановиться.

- Мы должны остановиться.

Ливви протянула ему одну руку, и Калеб подал ей свою для поддержки. Он совсем не ожидал, что ее другая рука обернется вокруг его члена и сожмет его.

Калеб громко простонал.

- Нет, - сказала она.

Ее тон не признавал никаких возражений.

- Я не хочу останавливаться. Я не хочу ни о чем думать. Я хочу остаться здесь и притвориться, что когда мы выйдем отсюда, нас ничего не ждет.

Слова, произнесенные Ливви, казалось, затронули некую потаенную струнку его души, которую ему самому было не достать. И конечно, немаловажную роль в этом играло и само физическое прикосновение ее ладони к его члену.

Он прошипел сквозь стиснутые зубы. Ее ладонь была плотно обернута вокруг него; ее пальцы были недостаточно длинными, чтобы до конца сомкнуться на его толщине.

Она снова сжала. Больше удовольствия. Больше боли.

- Мы не можем. Я сделаю тебе больно, - сказал Калеб.

Ливви лишь слегка ослабила хватку и ощущение того, как кровь, прилила к головке его члена, было достаточным, чтобы заставить его двигаться в ее руке. Он застонал, когда она провела кончиками пальцев по его твердой плоти.

- Да уж, я это *вижу*, Калеб. Они все... такие? То есть... у всех мужчин такие большие?

Калеб накрыл ее руку своей и остановил ее движения.

- Не говори сейчас о других мужчинах, Ливви. Не тогда, когда держишь мой член в своих руках.

Он не ревновал. Калеб не относился к числу тех мужчин, которые увлекались настолько, чтобы ревновать. Но ее вопрос напомнил ему о том, как много он знал о других мужчинах, и ему это ни хрена не нравилось.

- Прости, - прошептала она и залилась румянцем.

- Думаю, это никому бы не понравилось, так ведь?

Ливви послала Калебу осторожную и, несмотря на синяки, прекрасную улыбку.

Моя боевая девочка.

Карие глаза Ливви все еще вызывали его интерес, даже сильней, чем раньше. Он позволил себе наслаждаться ее видом, и ее глаза, казалось, делали то же самое.

Ее пальцы, обхватившие его член, дрогнули под его рукой. Застонав, он увидел, как ее зрачки расширились, увеличивая глубину ее темного взгляда; ему было интересно, реагировали ли и его глаза подобным образом.

Калеб наблюдал за тем, как она медленно провела своим кошачьим язычком по своей нижней губе. После чего, ее мягкая плоть неторопливо скрылась у нее во рту, и он увидел, как она ее прикусила. Он с трудом сглотнул.

- Нет, - сказал он хриплым голосом, - особенно в таком положении.

Он улыбнулся ей.

- Тем не менее, могу тебя заверить, что мой член весьма… особенный.

Ливви широко улыбнулась.

- Не могу поверить, что... это было во мне.

От ее слов, бедра Калеба дернулись вперед. Его член помнил, как он трахал ее в зад, и он не забыл тесноту и тепло, ожидающую внутри нее. Он помнил ее хныканье и вздохи, и то, как она выгибалась навстречу его груди, кончая под ним.

- Я не могу. Мы не можем.

Калеб был удивлен, услышав в своем голосе раздражение. Он настолько сильно хотел этого, что у него совсем не получалось это скрывать.

Ливви шагнула ближе к нему, пока ее голова не коснулась его груди. И словно повинуясь инстинкту, руки Калеба обняли ее.

- Я хочу, чтобы ты кончил, - прошептала она у его груди.

Застенчиво. Соблазнительно.

Все еще не отпуская его, она начала водить рукой по его длине вверх – вниз. Встав на носочки, Калеб застонал, не имея сил противостоять восхитительному трению ее ладошки, но сопротивлялся неимоверному желанию толкнуться к мягкости ее грудей, так как они касались головки его члена.

- Продолжай, - выдохнул он.

Упершись одной рукой о стену за спиной Ливви, он выпрямил ее как напоминание о том, чтобы не причинить ей боли. Его вторая рука слегка прижимала ее к нему.

Он заметил, что своим поврежденным плечом она терлась о него, держа свою вторую руку на его чувствительном, ошпаренном бедре. Ливви не переставала водить рукой.

Он открыл рот и молча перевел дыхание, чтобы не застонать. Живот резко скрутило. Ее прикосновения были неопытными и бессвязными; в одну секунду вознося к небесам, а в другую - сбрасывая на землю, но он наслаждался ими. Она прикасалась к нему, потому что хотела, и ни по какой другой причине.

Что, черт возьми, ты делаешь со мной, Ливви?

В следующую минуту его покинули все мысли. Не в силах сдержаться, он дернулся в ее руке, подавая свои бедра вперед, желая коснуться своим членом великолепных гребаных сисек Ливви.

Ты ломаешь мою жизнь...

Такая мягкая. Она была такой чертовски мягкой.

- О, Боже, - слетело с губ Калеба, но ему было наплевать.

У его груди Ливви шумно дышала от своего возбуждения и прикладываемых усилий. Ее пальцы, сжимающие бедро Калеба притягивали его ближе, потом отталкивали назад.

Еще. О, Блять! Пожалуйста, еще.

- Сильнее, Ливви, держи меня сильнее, - задыхался он.

Она подчинилась, отправляя Калеба в состояние нирваны. Ему казалось, что он был готов воспламениться изнутри.

- Не останавливайся. Да, вот так.

- О, Боже, Калеб. Ты такой твердый, - голос Ливви был пропитан чистой похотью.

- Я хочу, чтобы ты кончил. Я хочу видеть, как ты кончаешь.

Она попыталась отступить назад, но Калеб прижал ее ближе, мотая головой.

- Не смотри на меня, смотри на мой член. Смотри, как я кончу прямо на тебя.

Рука Ливви сжалась еще крепче и ускорилась.

Калеб не мог больше сдерживаться. Выкрикнув, он встал на носочки, и кончил на полную грудь Ливви. Задыхаясь и стараясь оставаться в сознании, Калеб услышал, как Ливви потрясенно пискнула.

- О. Боже. Мой, - прошептала она и засмеялась.

Она посмотрела вниз, на свое тело, и выражение ее лица было бесценным.

- Оно повсюду. Фууу. Калеб, оно... *липкое.*

Калеб рассмеялся, смотря, как Ливви тыкала пальчиком в его сперму и пыталась ее смыть.

Он захохотал.

- Когда она намокает, то становится еще более липкой, - предупредил он.

Он повернулся и потянулся за мылом.

Почувствовав прикосновение ее руки на своей спине, он застыл. Калеб глубоко вздохнул. После оргазма, у него не осталось сил на то, чтобы ссориться или спорить.

Он напрягся, когда она подошла ближе, и закрыл глаза, когда она провела пальцем по грубым белым линиям, исполосовавшим его спину. Он знал, что на раскрасневшейся от горячей воды коже, шрамы более заметны.

Это был не первый раз, когда кто-то видел эти полосы. Не то, чтобы он стеснялся их или прятал свое тело от многочисленных любовниц. Просто он никогда не говорил об этом, ни с кем.

- Что произошло? - произнесла Ливви таким мягким шепотом, что если бы Калеб не знал, что она спрашивает, он бы его не расслышал.

- Хреновое детство, - безразлично произнес он.

Согревая его кожу своим дыханием, Ливви покрывала шрамы поцелуями.

Глава 3

Сев в машину, Ливви с силой захлопнула за собой дверь. Поморщившись от резкого движения, она потерла ключицу, и попыталась скрыть боль, простреливщую ее тело, но Калеб все равно это заметил.

- Довольна? Преподала урок двери? - поддразнил он, усмехнувшись.

Сузив глаза, она посмотрела в его сторону - в ее взгляде безошибочно читался гнев.

- Не могу поверить в то, что ты сделал с этими людьми, Калеб. Ты просто... ладно, неважно. Может, поедем уже, пожалуйста?

Ярость Калеба, приглушенная ранее неожиданным оргазмом, вновь дала о себе знать.

- Во что именно ты не можешь поверить? - прорычал он, вставляя ключ в замок зажигания украденной машины и поворачивая его.

- В то, что я спас тебя от толпы потенциальных насильников, избивших тебя до полусмерти? Или, возможно, в то, что я - с огромным риском для себя - похитил врача, только чтобы спасти тебя? Скажи мне, что именно тебе не понравилось, чтобы я больше никогда не сделал этого снова?!

Выжав сцепление, он тронулся с места. На секунду ему даже стало все равно, что Ливви дернулась от такого резкого старта.

В салоне наступила тишина. Почувствовав удовлетворение, Калеб откинулся на спинку сиденья.

Он же не убил их. Врач и его жена были оставлены в целости и сохранности, с возможностью спокойно доживать свою жизнь.

Ливви пришла в ужас, обнаружив эту пару в том состоянии, в котором Калеб оставил их прошлой ночью - привязанных к кухонным стульям. Конечно, тот факт, что за эту долгую ночь они успели обмочиться, был весьма неприятным, но в остальном - они никак не пострадали. В другой ситуации, он бы не стал так просто оставлять живых свидетелей. И он невольно задался вопросом, как бы в противном случае отреагировала Ливви.

- Спасибо, - пробормотала Ливви с пассажирского сидения.

- За что? - Калеб был все еще раздражен.

- За то, что спас мою жизнь. Даже если ты снова собираешься подвергнуть ее опасности, - прошептала она.

У Калеба не нашлось, что ей ответить. Ведь именно это он и собирался сделать: доехать до Тустепека, привезти ее к Рафику, обучить ее, продать... потерять ее навсегда.

И убить Владэка. Не забывай об этом.

Эта мысль не притупила чувство вины, поселившееся внутри него. Его сердце испытывало тяжесть, а мысли были путанными. Но, тем не менее, он не мог позволить себе показывать свою слабость. Смятение в его душе должно было быть спрятано от посторонних взглядов.

- Всегда пожалуйста, Котенок, - усмехнулся он.

Боковым зрением он увидел, как Котенок вытерла слезу и смахнула ее на автомобильный коврик.

Ты ломаешь мою жизнь!

В душе все было намного проще - проще, когда они были только вдвоем, и внешний мир казался несуществующим и вне досягаемости для его мыслей. Но сейчас этот мир настиг их здесь, в машине, а вне досягаемости теперь уже, казалась, сама Котенок.

После того, как она доставила ему самое незабываемое удовольствие в его жизни - всего лишь своей ручкой - он наслаждался намыливанием ее тела, внимательно наблюдая за тем, как вода лилась на ее напряженные соски, сбегая вниз по изгибу ее загорелого живота и бедер, и сквозь треугольник иссиня-черных волосков, затекала ей между ног.

Он прикасался к ней и там, перебирая негустую растительность, пока не почувствовал под своими пальцами ее влажную плоть. Это было похоже на раскрывание цветка - дрожащих розовых лепестков, блестящих от росы и похоти.

Он встал на колени, преклоняясь перед ней, и она открылась ему, голодная и жаждущая.

Все его чувства устремились и сосредоточились только на ней. Он чувствовал запах ее возбуждения, видел, как наливалась ее плоть, ощущал своими пальцами ее дрожь и слышал ее негромкие стоны. Она умоляла его попробовать ее.

Медленно, он провел языком по ее крошечному бутону. О-о! Как же она его хотела.

Шире раздвинув свои ноги и запустив пальцы в его волосы, она притянула его ближе.

- Попроси меня, - прошептал он у ее плоти.

- Пожалуйста, Калеб. Пожалуйста, оближи меня.

Он подчинился. Одним долгим, влажным скольжением языка он провел по ее раскрытым лепесткам. Она всхлипнула, - Еще. Пожалуйста. Еще.

- Скажи, что ты хочешь, чтобы я облизал твою киску.

Она лишь сильнее сжала его волосы, - Калеб! - умоляла она.

- Скажи. Я хочу услышать, как ты говоришь пошлости.

Она замешкалась. Ее бедра двигались ему навстречу, но все, что он делал, это лишь целовал ее своими губами.

- Пожалуйста, Калеб. Об-оближи мою... киску.

Никогда раньше он не слышал ничего более возбуждающего. Разведя ее ноги шире и положив их себе на плечи, он уткнулся лицом в ее лоно. Облизать ее? Да он, блять, поглотит ее.

Казалось, боль уже не волновала ее, когда она извивалась, подавая свои бедра к его ненасытному рту. Ее руки держали его голову и притягивали Калеба ближе, требуя большего, несмотря на то, что он не переставал ее ласкать.

Когда она кончила, ее киска сжалась вокруг его языка. Влажная, пульсирующая плоть трепетала у такой же влажной, пульсирующей плоти. Ее соки заполнили его рот потоком медового нектара, который он не только проглотил, но и еще долго не отводил он нее своих жаждущих губ, даже после того, как она умоляла его остановиться.

Но, то было тогда. А это было сейчас.

Калеб тяжело вздохнул, раздосадованный таким поворотом событий. Больше беспокойства, чем поведение Котенка, ему доставляла разве что перспектива неизбежного визита Рафика.

Утром, в то время, пока Котенок одевалась и расчесывала свои волосы, он пытался дозвониться до Рафика, но ответа так и не последовало. Калеб допускал только два варианта - либо Рафик был уже в пути, либо он просто его игнорировал. Калеб надеялся на второе. Потому как последнее, что ему было нужно, после долгой и утомительной поездки - это противостояние с Рафиком.

Их отношения были более, чем сложными. Рафик был многим для Калеба. Первое время он был его опекуном, позже - другом. А сейчас?

Рафик звал его *братом.* Но Рафик был для него кем-то большим, чем просто братом. Он всегда удерживал господство и власть над Калебом, с давлением которых, тот никогда не мог смириться.

Калеб был трудным подростком. После Нарви в нем осталось неимоверное количество страха, которое со временем превратилось в злость. Временами, когда они ссорились, Калебу приходилось видеть в Рафике то, что ему никогда не хотелось увидеть снова.

Ради осуществления задуманного, Рафик никогда и ни перед чем не останавливался. Он жертвовал кем и чем угодно; для него люди были не чем иным, как пушечным мясом. И если, когда-нибудь дело дойдет до него самого, Рафик убьет и его, следовательно, Калебу нужно быть готовым к тому, чтобы нанести удар первым. Но вся суть была в том, что никто из них не получил бы удовольствия от смерти другого.

Проезжая по узким дорогам, Калеб думал о том, что ему делать, если Рафик ждет его в Тустепеке. Он сильнее сжал руль.

Он знал. В этом то и была проблема. Он точно знал, что произойдет.

Нужно подготовить ее.

- Прежде, чем мы доберемся до места, нам придется провести в дороге весь этот день и часть следующего.

Ослабив хватку на руле, он откинулся на спинку сидения. Ему нужно прекратить быть с ней мягким. Он должен был сделать ее стойкой и жесткой, ведь он не понаслышке знал, как беспристрастность восприятия реальности может отрезвить любую мечтательность в розовых очках.

Первым шагом было рассказать ей правду о том, что ее ждет… ему придется оттолкнуть ее от себя. Он должен был заставить ее понять, что у них нет будущего.

- Предлагаю тебе подумать о серьезности твоей ситуации. Я простил тебе твой побег, но только потому, что судьба сама тебя настигла, наказав сильнее, чем это сделал бы я.

Калеб смотрел вперед, отказываясь обращать внимание, на девушку, сидящую рядом с ним, ту, которой он разбивал сердце. Ему не нужно было видеть ее, чтобы знать, какую боль он причинял ей своими словами. Казалось, что отголосок ее боли, отражался в нем самом. По крайней мере, именно в это ему и хотелось верить, в то, что это было всего лишь отголоском.

Он вспомнил, как она прижималась своими губами к его шрамам.

Она целовала мои шрамы, а я создавал новые... на ней.

- Ты все еще не отказался от своего плана относительно меня? - голос Котенка сочился болью, но в нем также слышались нотки решительности и злости.

Он повторял себе снова и снова: она уже обдумывает свою месть, и никогда не будет испытывать к тебе теплых чувств.

Если он достаточно часто будет напоминать себе об этом, может быть тогда, эта правда осядет и закрепится в его голове. Именно по этой причине, он и повторял эти слова, как заклинание.

Она играет с тобой. Она просто оттягивает время, пока не освободится от тебя.

- Я никогда не говорил, что будет иначе, Котенок. Из-за тебя я не стану нарушать никаких обещаний, - ответил Калеб хриплым, непреклонным тоном.

Ему следовало закрыть все двери, что были между ними. Это было единственным способом двигаться дальше и обеспечить ее выживание.

Но это ведь и твое выживание.

Калеб ждал, что в любой момент она может разрыдаться. Таков был их танец: она сопротивлялась ему, он причинял ей боль, затем она плакала... а он чувствовал себя дерьмом. А потом, все повторялось сначала.

Поэтому, услышав в ее голосе сталь, когда она начала огрызаться ему, он был откровенно удивлен.

- Ты обещал мне, что если я буду делать так, как ты скажешь, мне всегда будет только лучше. Ты все еще веришь в это, Калеб? Ты, действительно, думаешь, что продать меня в сексуальное рабство, будет лучшим для меня?

- Разговор окончен, - сказал он.

- Да пошел ты, - огрызнулась она.

На тлеющих углях его вины стал вздыматься и разгораться гнев. Да, он обещал ей это, но не так, как она себе придумала.

- Я имел в виду, что научу тебя, как выжить во всем этом. Моей задачей было вооружить тебя всем, что для этого потребуется. В этом смысле, - прошипел он.

- Я сдержу свое обещание. Но у меня есть и другие обещания, данные людям, которые заслужили мою преданность.

- А я должна заслужить твою преданность, Калеб?

Она фыркнула на него.

- А что? Что насчет *моей* преданности?

- Что ты сделал, чтобы заслужить *ее*?

Калеб сжал челюсть.

- Ты еще хуже, чем эти байкеры, - выплюнула она, ее тело было напряженным и взвинченным, готовым к атаке.

- Они, по крайней мере, знали, что они монстры. А ты жалок! Ты - монстр, который возомнил о себе Бог весть что.

Калеб почувствовал, как по его спине начал опускаться жар, проникая во все части тела. Он с такой силой сжал руль, что у него побелели костяшки пальцев.

Его первым инстинктом было, отпустить руль и залепить ей пощечину, но что бы это доказало? Только то, что она была права, и ее слова, конечно же, были правдой. Только монстр мог делать те вещи, которые делал он. Только у монстра могли быть такие инстинкты, как у него, и только монстр мог ощущать безразличие к своей натуре или пытаться рационализировать ее.

- Я знаю, кто я, - сказал он, спокойно.

- И всегда знал.

Он осмотрел ее с головы до ног, ядовитым взглядом, от которого она вжалась в сидение.

- Это ты думаешь иначе, - сказал Калеб.

Он увидел, как Котенка передернуло. Его слова, очевидно, ранили ее, но они были правдой. И эта правда приносила страдания им обоим. Она видела в нем кого-то другого, кого-то, кого она считала лучше.

На какое-то время, он и сам разделял ее фантазию. Он никогда не задумывался над тем, как много это значило для него, пока это не перестало быть правдой. Никто и никогда не видел в нем человека, способного быть кем-то большим, и сейчас, он причинял боль тому единственному, кто по-настоящему в нем это увидел. Но это было к лучшему.

Ему хотелось вернуться к тому времени, когда он еще не знал о существовании Котенка, ко времени, когда его жизнь была поделена на белое и черное, а серое не имело значения.

Ему хотелось вернуться к своей простой, ни чем не обремененной, жизни, лишенной моральных принципов, чувства вины и стыда, неконтролируемой похоти, и самого страшного греха - страстного желания. Ему хотелось, отправляясь ночью в кровать, знать, что его ожидает утром. Ему хотелось выбросить Котенка из своей жизни и из своих мыслей.

Атмосфера внутри машины была тихой, но громкой и красноречивой в другом смысле.

Калеб был рад возможности смотреть в лобовое стекло, наблюдая за тем, как под колесами машины исчезают простирающиеся под ними дороги, унося их за тысячи километров от д*у*ша, их признаний, и всего того, что могло между ними произойти.

Спустя некоторое время, они, наконец, оказались на асфальтовом городском покрытии. Их окружила цивилизация. От Калеба не ускользнуло, как Котенок выпрямилась на своем сидении, и повернула голову, чтобы рассматривать картинки, проплывающие за окном. Подняв свою здоровую руку, она прижалась ладонью к стеклу. Калеб сглотнул и проигнорировал ее, устремив взгляд в точку перед собой.

Солнце светило ярко, сжигая все, что осталось от утренней прохлады. Потянувшись к кондиционеру, Калеб установил его на режим охлаждения. Он открыл бы окна, если бы на улице не было так много людей, способных услышать пронзительные крики Котенка о помощи.

Ему нужно было избавиться от машины, на случай, если врач не сдержал своего слова, и она уже значилась в ориентировке *федералов.* Благодаря доброму доктору, у Калеба с собой было несколько сотен американских долларов и несколько сотен песо. Этого конечно было недостаточно, чтобы подкупить копов, но вполне хватило бы для обычного нарушителя спокойствия. Так или иначе, чем быстрее они доберутся до Тустепека, тем лучше.

Калеб выехал на кольцевую развязку, ведущую к Чиуауа. Ему придется сделать остановку, где-нибудь поближе к городу и купить все, что им может понадобиться в дороге.

- Я не смогу изменить твое решение, да?

Мягко сказанные слова вернули Калеба обратно, в машину. Он больше не хотел этого делать. Он не хотел разговаривать.

- Это все происходит на самом деле. Правда? И ты собираешься позволить этому произойти... так?

- Попытайся немного поспать, Котенок.

Его голос был беспристрастным, черствым.

- Впереди у нас долгая дорога.

Несмотря на непринужденность и легкость в ее поведении, она не унималась, как будто просто хотела высказаться вслух, не ожидая от него ответа, - Должна признаться... сначала я подумала..., - она пожала плечами.

- Я подумала, что ты, действительно, *был* моим 'рыцарем в сияющих доспехах'. Это глупо, я знаю.

Ее ироничная печаль, когда она повторила слова Калеба, почти заставила его испытывать чувство вины. Однако, вместо этого, он старался не обращать на нее внимания. Меньше всего ему хотелось доставить ей удовольствие тем, что он втянется в спор.

- Я была настолько шокирована, увидев тебя во второй раз. Потрясена тем, что узнала тебя... Тогда я подумала, что ты монстр. Ты напугал меня. А теперь? Теперь, я даже не знаю, что чувствую к тебе, - прошептала она.

Сжав посильнее руль одной рукой, другой Калеб включил стереосистему, и салон заполнила громкая музыка. Котенок повернулась к нему, сменив выражение своего лица с задумчивого на раздраженное, сузив при этом глаза и сжав губы в строгую линию.

Потянувшись к кнопке, она выключила радио.

- И это твой ответ?

Калеб сделал глубокий вдох и попытался взять под контроль свой гнев, - Ты думаешь, ты охренеть какая умная, да?

Он засмеялся, снисходительно и невесело.

- Ты искренне веришь в то, что я не знаю о том, что ты делаешь? Ты пытаешься вызвать во мне чувство жалости, пытаешься заставить меня поверить в то, что у тебя есть ко мне какие-то чувства.

Она поморщилась, и крепко сжала челюсть.

- Ты знаешь, что оказалась в ловушке и ищешь пути, как бы из нее выбраться. Твои попытки соблазнить меня демонстрацией нежности и заботы на меня никак не действуют.

Он усмехнулся, когда увидел, как Котенок попыталась изобразить удивление и боль.

- Можешь не прикидываться. Я не впечатлен. Твои старания до смешного очевидны.

Ожидая ее гнева, он уже подготовился к нему... но он ошибся. Вместо эмоциональной брани, Котенок обрушила на него холодный и твердый аргумент.

- Ты прав, Калеб. Я *пытаюсь* соблазнить тебя. Я *пытаюсь* найти выход из этого гребаного дерьма, в которое попала по твоей милости. А что мне остается делать? Что бы ты сделал на моем месте?

В ее глазах не было ни слез, ни гнева. В них была только правда, а правда всегда была гораздо сильнее. И больнее. Калеб точно знал, что бы он сделал на ее месте.... потому что он уже так сделал.

Были времена, когда он пытался убедить мужчин помочь ему, освободить его и избавить от вероломства Нарви. Он слушал клиентов, бравших его тело и клявшихся ему в любви. Он позволял себе доверять красивым словам, которые они шептали ему на ухо. Но когда все заканчивалось, и они забирали у него все, что могли, они передавали сказанные им из-за доверия слова, Нарви.

Он помнил, как разрывалось его сердце всякий раз, когда Нарви поддразнивал Калеба его же словами, избивая его.

- Мне очень жаль, что я в этом так плоха. Мне жаль, что ты считаешь мои попытки *смехотворными*. Но ты - все, что я знаю. И как бы то ни было, я не пытаюсь заставить тебя поверить в то, чего нет. Я никогда не лгала тебе. Когда я просила тебя заняться со мной любовью, это была не уловка, и мне очень больно слышать, что ты думаешь иначе, потому что..., - ее голос сорвался, и в нем послышались слезы.

Калеб почувствовал панику. Он понятия не имел, что ему делать. Ее слова, ее присутствие, ее боль... волновали его. И он ненавидел это.

Его воспоминания, которые он так тщательно прятал в глубинах своего разума, ломились в дверь его сознания. И они были связаны с *Ливви*, с ее страданиями, которые объединившись, грозились уничтожить его.

Сделав судорожный вдох, Котенок, казалось, вернула себе самообладание. Вытерев глаза, и сделав еще один глубокий вдох, она отодвинулась подальше от Калеба, и снова сконцентрировала свое внимание на мире, проплывающем за окнами.

Иногда ее подбородок подрагивал, и она глубоко дышала, желая унять свои слезы. У нее было больше достоинства, чем она подозревала, и Калеб решил, что он никогда не подумает иначе. И ему было жаль, что он никогда не признается ей в этом вслух.

Его сердце неистово колотилось, отбивая громкий ритм в его груди и отдаваясь тяжелым грохотом в висках, отчего у него разболелась голова, а желудок скрутило от покалывающей боли в узел.

Он боролся с импульсом обнять Котенка, и сказать ей правду о том, что ее попытки были совершенно не смехотворными. Однако, он знал, что озвучив эти слова, он поставит себя в невыгодное положение. Осознание того, как сильно он хотел ее обнять, привело его в полное замешательство. И все же, мысль о том, чтобы причинить ей боли больше того, что он уже ей причинил, была слишком... слишком неприятной.

- Котенок, я...

Наклонившись, она нажала кнопку радио, оборвав Калеба раздражающим голосом диктора. Избегая его взгляда, она вернула свое внимание к окну.

Калеб вздохнул с облегчением. Ведь он понятия не имел, что он, мать его, собирался сказать. Сейчас ему было важно сконцентрироваться на том, чтобы какое-то время не вести никаких разговоров. То же самое он хотел сказать и в отношении следующих двадцати четырех часов, которые им придется провести вместе в дороге.

***

Это был утомительный день. Дорога была рассчитана на девять часов езды, но заняла все двенадцать, потому как время от времени Калебу приходилось останавливаться из-за Котенка. С ушибленными ребрами и ключицей, ей нужно было часто растягиваться, поэтому он то и дело тормозил посреди открытого шоссе. Когда они добрались до города Сакатекас, Калеб практически валился с ног от усталости, и решил, что, наконец, сможет остановиться на ночевку и выкроить несколько часов для так необходимого ему сна.

В дороге Котенок очень мало говорила, для Калеба это было несомненным облегчением.

Он обменял роскошный седан врача на побитый фермерский грузовичок и кое-какие продукты. Это была очень выгодная сделка для фермера, поэтому мексиканец задавал как можно меньше вопросов, и подчеркнуто игнорировал Котенка с ее синяками.

Большую часть пути она спала. Обезболивающее, похоже, помимо основного действия, обладало седативным эффектом. Калеб всегда ставил рядом с ней бутылку воды, потому что в редкие часы бодрствования, ее мучила жажда.

Сакатекас был развитым городом, с сотнями тысяч жителей, многие из которых были туристами. Калебу пришлось очень тщательно выбирать мотель, в котором им предстоит переночевать.

Котенок сказала, что больше не сбежит от него, но выражение ее глаз, появляющееся всякий раз, когда они проезжали мимо американских семей с детьми, говорило об обратном. Она бы сбежала снова, появись у нее хоть малейшая возможность. И он не мог ее за это винить.

- Мне нужно принять душ, - сказал Калеб в тишине комнаты.

- Ты можешь либо посидеть со мной в ванной, либо я тебя привяжу. Выбирай сама.

Котенок бросила на него сердитый взгляд.

- Не доверяешь мне? - поддразнила она.

- Нет, не тогда, когда ты смотришь на меня такими глазами.

Она неподвижно сидела на краю кровати, излучая злость, словно отравляющий газ, призванный его удушить.

- Я сказала, что не убегу. Иди, принимай свой долбаный душ и оставь меня в покое.

Калеб закрыл глаза и сделал глубокий успокаивающий вдох. Они снова вернулись к этому. Ну, подумал он, сейчас самое время восстановить между ними прежние правила.

Открыв глаза, он ощутил скольжение теплой волны по позвоночнику, и, наконец, снова почувствовал себя самим собой. Его взгляд упал на девушку, и он улыбнулся, увидев, как она вздрогнула.

- Встань, - сказал он спокойным голосом, отдающим приглушенной, но очевидной угрозой.

Посмотрев на него, девушка с трудом сглотнула. Было заметно, как ее злость быстро превратилась в страх.

- Калеб? - Ее голос был тихим, кротким.

- Встань. Сейчас же.

Медленно, Котенок опустила свой взгляд в пол и встала на дрожащие ноги. Фактически, дрожью было охвачено все ее тело.

В эту секунду Калеб не испытывал ни жалости, ни сожаления к девушке, стоящей перед ним. Она принадлежала ему, и он мог делать с ней все, что пожелает. Эта мысль была для него самым настоящим афродизиаком.

- Раздевайся, - приказал он, и девушка снова вздрогнула, несмотря на то, что его слова были произнесены мягким тоном.

С ее губ сорвалось хныканье, но она без колебания подчинилась его приказу. Медленно она потянулась к поясу струящейся юбки, которую Калеб выбрал для нее, и начала спускать ее вниз по бедрам, пока та не растеклась лужицей у ее ног. Оставив трусики на месте, она потянулась дрожащими пальцами к верхней пуговице своей блузки, сопровождая это более громкими всхлипами, но Калеб не обращал на них внимания.

Болезненно возбуждаясь адреналином, проносящимся по его венам, он наблюдал, как она робко расстегивала каждую пуговку, пока не дошла по самой нижней. Наконец, ткань разошлась, открывая дразнящую линию плоти между ее обнаженных грудей.

С мольбой в глазах, она коротко взглянула на него.

- Снимай все.

- Калеб...

- Ты! - прорычал он с угрозой, - не должна меня так называть. Сделаешь так еще раз, и я тебя не прощу.

Котенок начала плакать, но по-прежнему продолжала стоять на месте.

- Да... Пожалуйста... Не надо...

- Я предоставил тебе выбор. Если ты не можешь его сделать, то я сделаю его за тебя. Поняла?

Она шмыгнула носом, - Да... Хозяин.

Казалось, что ей было больно произносить эти слова, но в данный момент для Калеба ее боль была безразлична. В последнее время она неоднократно бросала ему вызов.

Он равнодушно наблюдал за тем, как она стянула блузку с плеч и спустила трусики вниз по ногам. Наконец, она стояла перед ним рыдающая и дрожащая, но... послушная.

- На колени! - рявкнул он, желая увидеть, как она будет пытаться подчиниться.

Он улыбнулся, когда ее колени стукнулись о протертый ковер, а руки накрыли грудь, чтобы скрыть ее от его глаз.

Его сердце мчалось галопом, и он чуть не застонал, положив ладонь на свою эрекцию, оказавшуюся в ловушке его штанов. Он стал нарочито медленно приближаться к ней, с садистским наслаждением наблюдая за тем, как закрыв глаза, она шевелила губами, не произнося при этом ни звука. Он потянул за ленту, удерживающую ее волосы, и, позволил ее длинной, темной копне волос рассыпаться по ее обнаженному телу, ничего не скрывая при этом.

- Ты помнишь, что случилось той ночью, когда ты пыталась выкрикивать мое имя? - равнодушно спросил он.

Девушка кивнула сквозь свои рыдания.

Он взял локон ее волос, и стал наматывать его себе на палец, все ближе и ближе подбираясь к ее голове, мягко потягивая ее за него, придавая своим действиям зловещий подтекст.

- Если бы я хотел, чтобы ты кивнула, я бы сам подвигал твоей чертовой головой. Ответь... пожалуйста.

Грудная клетка Котенка сотрясалась от силы ее рыданий, но она смогла выдавить из себя ответ, - Да, Хозяин.

Калеб расстегнул верхнюю пуговицу своих штанов, которые стащил у доброго доктора.

- О. Нет. Пожалуйста, нет, Хозяин. Пожалуйста, не надо.

- До тех пор, пока то, что ты пытаешься сказать, не будет ответом на вопрос, который я тебе задал, советую тебе не раскрывать своего рта!

Котенок замолчала, крепко сжав свои дрожащие губы.

- Дыши через рот; последнее, что мне нужно - это чтобы ты отключилась без моего разрешения.

Она резко втянула в себя воздух, но ничего не ответила.

- Как я наказал тебя?

Казалось, эти слова подействовали на нее на физическом уровне, заставив ее в панике отпрянуть от его руки, но бежать было некуда. Калеб потянул ее за волосы достаточно сильно, чтобы вернуть ее на прежнюю позицию, но не достаточно сильно, чтобы сделать ей больно.

- Ответь мне.

- Ты... ты... я не могу! - рыдала она.

- Отвечай на вопрос!

- Ты трахнул меня!

Калеб медленно потянул молнию вниз, оттягивая этот момент ради них обоих.

- Да, я трахнул тебя. Прямо в твою сексуальную, маленькую попку.

Она задохнулась от его слов. От бесконечных рыданий, ее лицо походило на опухшую маску.

- Тебе понравилось?

Она замотала головой, - Нет, Хозяин, нет.

Калеб цыкнул, и прислонил ее голову к своей эрекции, все еще спрятанной под нижним бельем, но обжигающую ее кожу своим горячим напряжением.

- Лгунья. Ты кончила больше раз, чем имела на то право. Я знаю это, потому что чувствовал, как ты пульсируешь и сжимаешься вокруг моего члена, умоляя меня кончить в тебя. Это правда?

Отрицательно качая головой, девушка все же прошептала, - Да, Хозяин.

Воспоминания заполнили память Калеба вереницей эротических вспышек. Он помнил, насколько приятными были ощущения от погружения в нее, и то чувство, когда она толкалась ему навстречу.

Ему не составило бы труда поиметь ее снова, поиметь ее именно так, как он хотел, возводя ее на вершину невыносимого блаженства, пока в ее сознании не сотрется грань между удовольствием и болью. Однако, у него была иная задача.

- Как тебя зовут?

- Котенок! - выкрикнула она, не задумываясь.

- Кому ты принадлежишь?

- Тебе! - рыдала она.

- Да. Мне. А теперь, скажи мне, что я могу с тобой сделать?

- Его тон был не терпящим возражений.

- Я не знаю!

- Нет, ты *знаешь*! Скажи мне.

- Кал...

- Даже не смей! Я не твой любовник. И не твой друг. Кто я?

- Хозяин! Ты мой... я хочу, чтобы это прекратилось. Пожалуйста, прекрати это.

- Ответь на мой вопрос: что я могу с тобой сделать?

- Все, что угодно! Блять, да все, что угодно! - прокричала она, захлебываясь слезами.

- Да, я могу сделать с тобой все, что угодно. Я могу кинуть тебя на кровать лицом вниз и трахать до тех пор, пока ты не сможешь ни сидеть, ни стоять, и ты будешь не в силах этому воспротивиться. Ты избита, изувечена и практически сломлена. Я мог бы убить тебя. Те байкеры могли бы убить тебя, но ты продолжаешь меня провоцировать!

- Нет! Нет, Хозяин.

- Ты гордая?

- Нет, Хозяин.

- Нет?

- Да! Да, Хозяин, я гордая. Прости меня!

- Сохранение твоей гордости стоит того, чтобы загонять себя в подобную ситуацию?

Убрав руки из ее волос, Калеб наблюдал за тем, как она положила ладони на пол и, опустив голову, зарыдала.

- Нет, Хозяин.

Он достиг своей цели.

- Вот именно, Котенок. Твоя гордость не стоит этого. Она не стоит боли. Она не стоит ни моих, ни чьих-либо еще мучений. И само собой, она не стоит твоей жизни. Будь умной! Борись там, где сможешь победить и принимай поражение там, где победа невозможна. Только так ты выживешь.

Только так тебя не привяжут к гребаной кровати и не утопят в собственной крови.

- Прости меня! Пожалуйста... просто прекрати. Больше не будь таким. Я не могу этого вынести! Я не могу быть с тобой, не зная, в кого ты превратишься в следующую секунду! - плакала Котенок.

Застегнув брюки, Калеб опустился на одно колено и притянул Котенка в свои объятия. Не выказав ни малейшего сопротивления, она обвила свои руки вокруг его шеи, словно ей отчаянно нужно было его обнять, и продолжила рыдать, уткнувшись в его шею.

- Мне намного больше нравится, когда ты такой, - прошептала она, мягко прижавшись своими губами к его шее, повторяя свои движения вновь и вновь, создавая иллюзию того, что успокаивая этими поцелуями его, она успокаивается сама.

- То, что тебе нравится или не нравится, не имеет значения, Котенок, - ответил он нежно.

Она притихла, но не напряженно… она просто расслабилась.

- Ты должна научиться ожидать чего угодно.

Не проронив больше ни единого слова, Калеб поднял ее на руки и понес в ванную комнату. Им обоим нужно было смыть сегодняшний день, чтобы завтрашний начать с чистого листа.

Глава 4

День 6:

Обводя взглядом комнату, я испытываю некое разочарование от отсутствия темноты и абсолютной стерильности.

У меня было свое представление о том, как должна была выглядеть комната для допросов: двустороннее зеркало, поцарапанный металлический стол, и высоковольтная лампа, освещающая мое лицо, и заставляющая меня потеть. Однако, вместо этого, комната больше походит на класс детского сада с углубленным изучением живописи, где повсюду на стенах развешаны яркие картонки с вклеенными в них мотивационными призывами.

Сидя на пластиковом стуле, я пялюсь на Рида, расположившегося прямо напротив меня за столом из искусственного дерева.

- Хорошо, - говорит Рид.

Он выдыхает, - Давайте восстановим хронологию событий: После вашего похищения, около трех недель вы провели запертой в темной комнате, в городе, название которого не помните. Сбежав от человека по имени 'Калеб', вы почти сразу же стали заложницей другого человека по прозвищу 'Шкет' и его байкерской банды, который потребовал за вас выкуп. Связавшись со своей подругой Николь Фридман, вы попросили ее найти сто тысяч долларов и встретиться со 'Шкетом' в Чиуауа, в Мексике, чтобы обменять вашу свободу на деньги. Но выкуп не состоялся, потому как вас *спас* 'Калеб'. Утром вы узнали, что он похитил двух людей и удерживал их в качестве заложников в их же собственном доме. Оставив их в живых, он угнал их машину, и вы оба отправились в Сакатекас, в Мексике, где провели *приблизительно* три месяца.

После его монолога, следует продолжительная пауза, как будто он ожидает, что я сообщу ему новую ошеломляющую подробность. Но он будет сильно разочарован. Ему вообще следует привыкнуть к разочарованию.

- Все правильно? - спрашивает Рид.

- Каждый раз, произнося его имя, ты выглядишь так, как будто тебе хочется сплюнуть, - говорю я равнодушно.

- Мои чувства не имеют значения, - отвечает Рид.

- Для меня имеют.

Рид качает головой и, кажется, не может удержаться от того, чтобы не вставить свои пять копеек, - Он торговец людьми, мисс Руис, к тому же насильник и убийца. И он не *спасал* вас, а *держал в плену*. Между этими двумя понятиями существует огромная разница. Вы никогда не задумывались над тем, что у вас, возможно, Стокгольмский Синдром? Иначе, я не могу найти рациональную причину, по которой вы защищаете его со всех сторон.

Мое зрение затуманивается.

- Да, это правда и он заслужил многое из того, что ты перечислил, - говорю я.

Мой голос охрип, а губы дрожат от глубокой печали.

- Но он отличался от того образа, который ты внес в свои долбаные отчеты.

Я моргаю и перевожу взгляд на агента Рида.

- Это байкеры пытались меня изнасиловать. Это байкеры избили меня до полусмерти! И если бы Калеб их не остановил, то, возможно, я была бы уже мертва.

- Это он их убил? - настойчиво спрашивает Рид.

Я делаю глубокий вдох и откидываюсь на спинку стула, вытирая слезы с лица.

Откуда мне знать? Я пожимаю плечами.

- Я была без сознания.

- Я не оправдываю того, что те люди с вами сделали. Особенно, если все было именно так, как вы рассказываете.

- Ты намекаешь на то, что я лгу?

Рид раздраженно выдыхает, - Я этого не говорил. Мне интересна только правда, не более того.

Следует еще одна долгая пауза, позволяющая нам обоим собраться с силами.

- Аукцион. Когда он должен пройти?

- Калеб говорил, что примерно через неделю, если отсчитывать от сегодняшнего дня.

- Где?

- Не знаю. Где-то в Пакистане.

Вопросы Рида обрушиваются на меня быстрым потоком. И у меня нет иного выбора, кроме как также быстро на них отвечать. Я не хочу, чтобы мои паузы он ошибочно принимал за ответы. Хуже того, я не хочу, чтобы он думал, будто я тяну время для того, чтобы сформулировать ложь – хотя именно это я и делаю.

- Получается, со слов Калеба и Мухаммада Рафика, на нем должен был присутствовать Дмитрий Балк, так же известный как Владэк Ростович?

- Кажется, да, - выдавливаю я.

- Рафик будет там?

- Откуда мне, на хрен, знать?

- А Калеб?

- Калеб мертв!

Я ударяю рукой по столу.

- Сколько раз мне это повторять?!

С не убежденным выражением лица, Рид облокачивается на спинку стула, - Как он погиб?

- Я тебе уже сказала!

- Скажите еще раз.

- Да пошел ты!

- Чья кровь была на вашей одежде, когда вас привезли сюда?

- Его.

- Как она там оказалась?

Он наклоняется ко мне.

- Я сказала тебе! Он умер на моих гребаных руках.

- Так романтично…кто его убил?

Вскочив со своего стула, я швыряю его назад, задевая им другой стол и рассыпая по полу принадлежности для рисования.

- Прекрати задавать мне эти вопросы! Я на них уже ответила.

Быстро встав со своего места, Рид обходит стол. И прежде, чем я успеваю убежать или хоть как-то отреагировать на клокочущий во мне страх, он припечатывает меня лицом к столу, и заводит мои руки за спину. Почувствовав холод его наручников, вскоре я слышу, как они защелкиваются на моих запястьях.

В мою голову тут же приходит мысль о том, что мне не следовало просить остаться с ним наедине. Здесь нет никого, кто мог бы следить за его действиями. Только мое слово против его.

Я пытаюсь освободиться, но он удерживает меня без особых усилий. Очевидно, он делал это и раньше. Калеб был бы впечатлен. Я - не очень, - Блять, отвали от меня, ты, придурок!

Его голос спокоен, но пропитан властью, - Я отпущу вас, как только вы успокоитесь. Я не люблю, когда мне угрожают, мисс Руис.

- Я не..., - начинаю говорить я, но он меня перебивает.

- Вы не можете разбрасываться мебелью. Я принимаю это за угрозу.

Я вне себя от злости!

Его тон такой собранный и спокойный, и я знаю, что если я не угомонюсь, он будет держать меня так целую вечность. Это почти заманчиво, но я заставляю себя расслабиться. В этой битве я не смогу победить.

Рид слегка разжимает свою хватку, и чем спокойнее я становлюсь, тем свободнее становится его захват, так происходит до тех пор, пока я не освобождаюсь от него до конца, и не выпрямляюсь.

Он гораздо выше меня; я не достаю ему даже до плеча, поэтому мне приходится запрокинуть голову, чтобы бросить на него сердитый взгляд.

- Только попробуйте плюнуть и вам не понравится то, что я потом сделаю, - говорит он очень серьезно, но я вижу легкий намек на улыбку.

Калеб.

- Что насчет того, что я просила? - шепчу я, воспользовавшись нашей близостью.

На мне уже нет тех синяков, которые были раньше, и я знаю, что мужчинам, подобным ему - властным мужчинам - хочется получить от красивых девушек, как я. Я трусь о его тело, пытаясь придать этому жесту случайный характер. На что он хмурится и бросает на меня странный взгляд.

Медленно, его руки опускаются на мои плечи. Они теплые. Мне интересно, его рот такой же теплый?

Я облизываю свою нижнюю губу, и его глаза следят за движением моего языка. Он напоминает мне. Он так сильно напоминает мне о НЕМ. Уже несколько дней никто не прикасался ко мне, чтобы сделать приятно.

Он аккуратно отодвигает меня от себя. Этот мужчина - сама деловитость.

- Вступление в программу Защиты Свидетелей не гарантировано, - говорит он.

Он берет стул, который я бросила, и жестом приглашает меня сесть.

- Здесь пересекаются не только федеральные, но и международные отношения. На данный момент Министерство Юстиции рассматривает это дело, и принятие решения по нему зависит от ряда непростых факторов.

Он ставит стул там, где ему хочется, и переводит взгляд на меня.

- Садитесь.

Я смотрю на стул и поднимаю сцепленные за спиной руки, шевеля пальцами.

- Я собираюсь оставить наручники. Сожалею, но я вам не доверяю.

Я натянуто улыбаюсь, но лишь для того, чтобы его позлить, - Я не буду ничего подписывать, пока ты не сделаешь то, что обещал. Я скажу, что все мои показания - ложь.

Он подходит ближе, - Так вы лгали мне, мисс Руис?

Его взгляд горячий и тлеющий - устрашающий, как ад. Если бы не тот факт, что я провела так много времени с Калебом, я бы, наверное, обмочилась, как щенок, но после Калеба, угроза Рида кажется лаской.

- Сядьте. На. Стул, - приказывает он менее вежливо.

Я медленно сажусь, посылая ему самый непристойный взгляд, на который только способна. Все это время он не отпускает моего взгляда, пытаясь удержать свой авторитет, свой контроль.

Я медленно наклоняюсь и плюю ему на ботинок. Потом смотрю на него, с влажными губами и... расплываюсь в улыбке.

С силой схватив меня за предплечье - достаточной для того, чтобы заставить меня содрогнуться - он рывком ставит меня на ноги.

- На сегодня мы закончили. Вы возвращаетесь в свою палату.

Он тащит меня к выходу, и я иду без сопротивления.

Я хочу вернуться в свою палату. Потому как я слишком близка к тому, чтобы расклеиться, и я не хочу, чтобы Рид это видел. Я не хочу, чтобы хоть кто-нибудь видел, как я схожу с ума.

***

День 7:

Боль в моей груди постоянна. Всякий раз, закрывая глаза, я мечтаю о Калебе.

В своих видениях я могу к нему прикасаться. В них, я могу проводить своими руками по его гладкой, загорелой коже. Он всегда такой теплый; внутри него так много тепла.

Я прижимаюсь своим носом к его груди и глубоко вдыхаю. Ощутив знакомый прилив возбуждения, мои соски твердеют, а киска набухает. Встав на носочки, я прижимаюсь своими губами к его. Он не раскрывает мне своего рта. Он хочет, чтобы я его попросила.

Моему Калебу нравится, когда я прошу. С ним у меня всегда есть для этого повод.

Я слышу свое собственное мягкое хныканье и трусь своим носом о его нос. Я чувствую его улыбку у своих губ.

Он раскрывает свой рот и позволяет моему языку проникнуть внутрь. *Ммм.* Мне потребуется целая жизнь, чтобы описать порочность его рта. На вкус, он - все, что я когда-либо хотела попробовать.

В отличие от нежного, теплого, сочного куска мяса, вкус Калеба никогда не исчезает. Он только расцветает. И с каждым движением его языка вдоль моего, я хочу его все больше.

Я хнычу громче. Прошу сильнее. *Еще. Пожалуйста, дай мне еще.*

Я слышу его. Он стонет у моих губ. Пока мы целуемся, он медленно вдыхает и выдыхает. Он не прекращает меня целовать - он просто продолжает красть мое дыхание, возвращая воздух лишь после насыщения его своими флюидами. Каждый сделанный мною вдох, должен идти из его легких. Внутри него живет чистая похоть.

Вот такие сны о нем я вижу. Я теряю их, возвращаясь в реальность.

***

Сказать, что ситуация неудобная - это ничего не сказать. Фактически, она близка к понятию невыносимая.

Агента Рида здесь нет. Его визит отменен доктором Слоан. Не могу сказать, что я этим недовольна. Но это означает, что я осталась наедине с доктором Слоан, а я этому *не рада.*

Вчера она застала меня за тем, что я плакала и покачивалась, прижимая фотографию Калеба к своей груди. Мне нравится покачиваться. Именно это я сейчас и делаю.

Конечно, она спросила меня про фото, и про то, что произошло между агентом Ридом и мной. Я отказалась отвечать на ее вопросы - у нее нет ничего, что она могла бы предложить мне взамен - даже фотографий, чтобы помахать ими перед моим носом.

После того, как меня вчера привели в мою палату, я не проронила ни слова. Вернувшись утром, агент Рид был готов к следующему раунду - как он называет, интервью - к которому я, в свою очередь, отношусь как к допросу. Но доктор Слоан появилась здесь за час до него. Я отрешенно наблюдала за тем, как она попросила агента Рида перекинуться с ней парой слов.

Обрушив на меня убийственный взгляд, он повернулся и вышел. Мне кажется, он думает, что я на него накрысятничала. Но мне нет до этого никакого дела, потому как это означает, что я могу молчать чуть дольше.

Вернувшись, доктор Слоан была заметно напряжена. Что бы ей там ни наговорили - это оставило ее в раздражении. И если бы я не была настолько убита горем, я бы улыбнулась.

Сегодня она выглядит гораздо спокойнее.

Закрыв дверь в мою палату, и спрятав нас от людских глаз, она не стала задавать мне никаких вопросов... пока что.

Сидя на своей кровати и держа в руках фото Калеба, я раскачиваюсь взад и вперед. Он такой красивый. Я так сильно его люблю.

Усевшись на стул в уголочке, доктор Слоан - подумать только - вяжет свитер. Он весьма странной конструкции - разве только если она не завела себе домашнего осьминога и не одевает его в собственноручно связанные вещи. Несколько раз я даже порывалась спросить у нее, что это за фигня.

Она замечает, что я на нее смотрю.

- Так я могу хоть что-то делать своими руками, - говорит она, послав мне печальную улыбку.

- Чаще всего я - последний человек, с которым люди хотят общаться. Поэтому, я сажусь и начинаю вязать. Я понимаю механическую составляющую процесса, но пока не научилась делать из этого целостный предмет. Думаю, это можно назвать "произвольным вязанием".

Она смеется над собственной шуткой.

Эта женщина смешная.

На мгновение она умолкает и мне кажется, что мы достигли конца нашего одностороннего разговора, но потом, вздохнув, она продолжает говорить.

- Меня никогда не учили вязанию. Думаю, большинство перенимают это у своих мам или бабушек, но я воспитывалась на государственном попечении, поэтому мне пришлось учиться самой. Я занялась этим несколько лет назад, когда моя подруга посоветовала мне обзавестись неким хобби. Бессмысленным хобби. По своей натуре я слишком много думаю. И если я не нахожу способ отключить свой разум от мыслительного процесса, я продолжаю думать, и думать, и думать. Чаще всего, о работе. Порой моя работа бывает такой неблагодарной.

Подняв на меня свой взгляд, она снова улыбается. В ответ, я закатываю глаза. Она, очевидно, пытается надоесть мне до смерти.

- Видишь, я же сказала. Неблагодарная.

Ради Бога - закрой рот! Позволь сучке насладиться своим нервным срывом в тишине.

- Мне это так понравилось, что я решила подобрать себе еще несколько других увлечений.

О, Боже. Пожалуйста, не надо.

- Я делаю свои собственные набивные куклы. Ну, не совсем собственные, потому что мы уже знаем, что ни мое вязание, ни шитье ничего не стоят, но я люблю покупать куклы, потрошить их, и собирать заново, но какими-то интересными способами. Мне нравится называть это `вариативной таксидермией'.

Убейте меня. Просто, мать вашу, убейте меня.

- Думаю, я слегка перегибаю палку, потому что таксидермия включает в себя соединение предметов только одним предполагаемым способом. А я называю это иначе. Это моя собственная маленькая фишка.

- А у тебя есть какое-нибудь хобби, Оливия? - спрашивает она, смотря на меня.

Не справившись с собой, я щурюсь. Мне бы не хотелось, чтобы она меня так называла.

- Тебе это не нравится, да? Когда я называю тебя по имени?

Совсем слегка, практически против своей воли, я мотаю головой. И сделав это, я хмурюсь и перевожу взгляд вниз на свои колени, на которых лежит фотография моего прекрасного Калеба.

Калеб. Не думать. Не думать о нем.

Я снова разбита. Я разделена на мягкую, сентиментальную девушку, любящую Калеба, несмотря ни на что, и жесткую, логичную версию себя, решившую выжить, пускай даже ценой вырезания Калеба из своего сердца.

- Тебе больше нравится Ливви? Твоя мама говорит, что все зовут тебя Ливви.

Подняв взгляд на доктора Слоан, я чувствую, как глаза щиплет от слез. Она старательно избегает зрительного контакта, сконцентрировавшись на очередном 'рукаве' ее странного наряда.

Против своей воли я задаюсь вопросом, здесь ли моя мать. Я не хочу ее видеть, но... почему она не пришла, чтобы навестить меня? Все, кого я люблю, меня предают.

О, Боже. Калеб.

Да, он тоже. Не думать о нем.

- Вчера я очень долго с ней разговаривала. Она хочет с тобой увидеться, - как бы случайно говорит доктор Слоан.

С каждым последующим ударом, мое сердце готово остановиться. Паника усиливается, но я дышу сквозь нее. С трудом.

- Но когда я заглянула сюда, чтобы узнать, может, тебе что-нибудь нужно...

Она хмурится и сердито качает головой. Я знаю, она думает про Рида.

- Я решила подождать, пока ты сама скажешь о том, что ты хочешь делать.

Я еле заметно киваю, и, увидев, как она кивает в ответ, чувствую, что мной манипулируют. Она пробирается в мою чертову голову, а я еще не произнесла ни слова.

Калеб сказал, что все мои эмоции можно прочесть на моем лице.

Заткнись и перестань думать о нем. Будь умной, хотя бы раз в жизни. Слушай меня.

Я вздыхаю. Думать о Калебе больно, но отказаться от моей любви к нему – еще больнее. Боль не уходит в прошлое, она переходит в другую форму, доступную для моего жадного поглощения.

- Ты хочешь увидеть свою мать?

Это объективный вопрос или угроза?!

Я всячески пытаюсь замаскировать испытываемые мною эмоции, следя за языком своего тела или выражением своего лица. Думаю, что это сработало, потому как доктор Слоан возобновляет абсурдный монолог о своих хобби.

- Я знаю, о чем ты думаешь.

Ты, мать твою, даже понятия не имеешь.

- Что я глупая женщина со смешными хобби.

А может, и имеешь.

- Но ты удивишься, узнав, что меня занимает не только произвольное вязание и вариативная таксидермия. У меня есть и темная сторона.

Хммм... сомневаюсь.

- Когда меня что-то по-настоящему расстраивает, - хихикает она, - ... Я люблю заходить в интернет и менять статьи в Википедии!

Эта сучка... *странная.*

- Однажды, я придумала целую историю с героем по имени Рождественская Амеба. Знаешь, я не самый лучший пекарь, но как-то раз решила приготовить печенье на весь офис. Они получились ужасной формы. Заметь, на вкус они были совсем неплохими, но по форме - кривыми - косыми. Это тебе не аккуратные круглые печенюшки из банки.

Я посмотрела на ее свитер для осьминога. И была совершенно уверена в том, что ничего, сделанного руками этой женщиной, нельзя показывать остальным людям, не говоря уже о том, чтобы давать пробовать.

- Поэтому к печеньям я приложила записку. В ней была история о маленькой деревушке, рядом с Чогори... ты же знаешь эту большую гору, правда?

Она смотрит на меня, чтобы убедиться, что я ее слушаю. Но я лежу на кровати и с раздражением смотрю в потолок. Где, черт возьми, медсестра с моими успокоительными?

- Неважно, об этом снят целый фильм. Не про мои печенья, - хихикает она, забавляясь сама с собой, - ... так вот, гора. Представь, если бы они сняли фильм про мои печенья? В общем, я придумала историю о том, что у жителей деревни близ горы Чогори вместо Санта Клауса есть Рождественская Амеба. Так как амебы -

микроскопические частички, и само собой, их никто не видит, они незаметно пробираются к Рождественской Елке, и оставляют для всех подарки. Взамен, жители этой деревушки готовят для них печенья всевозможных форм. Амеба бывает разной формы, поэтому, все логично.

Она не может видеть моего лица, поэтому я не чувствую себя предательницей, улыбаясь нелепой истории этой женщины.

- А коллеги, работающие в моем офисе - любители докопаться до истины. Знаешь, все должно быть проверено, и все такое. Поэтому, чтобы убедиться, они лезут в поисковик Google и БУМ - находят статью в Википедии про Рождественскую Амебу.

И тут она взрывается от смеха. О, Боже мой, она, на самом деле, сумасшедшая, и чтобы не рассмеяться с ней за компанию, я кусаю внутреннюю сторону своей щеки. Ее смех такой раскатистый и такой заразительный, но мне удается устоять.

От сдерживаемого смеха, у меня трясутся плечи, и, борясь с приступами хохота, я закрываю глаза. Но каждый раз, когда я это делаю, передо мной появляется Калеб. Радость превращается в печаль, и прежде чем я успеваю взять свои эмоции под контроль, они прорываются наружу. Я открываю глаза, и, лежа на кровати, срываюсь с катушек. Засмеявшись буквально на секунду, я начинаю плакать.

Я слышу какие-то движения доктора Слоан. Ее осторожные шаги приближаются ко мне. Но меня это не волнует. Я так *устала,* что теперь меня ничего не волнует. После всех этих месяцев, в течение которых я была аккуратной, скрывая каждую свою эмоцию, как могла, боясь будущего и не зная, что произойдет в следующее мгновение, думая, что я умру, но все же борясь за свою жизнь, ненавидя Калеба и любя его... Ради всего святого - я видела, как умирает человек!

И когда доктор Слоан без слов обвила меня своими руками, я прижалась к ней, обнимая ее из последних сил. Я купала в своих слезах эту до ужаса смешную женщину.

Она молчит, и я благодарна ей за это. *Пожалуйста, просто обними меня. Пожалуйста, просто обними меня и держи меня крепче,* потому что я так устала себя сдерживать.

Она покачивает меня, и мне это нравится.

Вперед - назад, мы двигаемся в течение бесконечных минут, пока я плачу и рыдаю в пиджак доктора Слоан.

Она приятно пахнет. Ее запах легкий и почти фруктовый. Он выразительно женский и оттого, далек от Калеба. Из-за этого женского аромата, мой мозг не может соединиться с воспоминаниями о запахе Калеба, в те моменты, когда он меня обнимал.

Приятно быть свободной от боли его потери.

Нехотя, и сгорая от стыда, я ее отпускаю. Я не знаю, что на меня нашло. Смущаясь, я сдвигаю брови и трясу головой.

С фотографии, лежащей на моих коленях, смотрит хмурое лицо Калеба. Я чувствую укол сильного желания.

Доктор Слоан убирает от моего лица волосы, и я вижу в этом сексуальный подтекст. Иной раз, я не придала бы этому никакого значения, но теперь любое мое

взаимодействие, кажется, заражается новообретенной похотью. Калеб обучил меня этому.

- Я хочу тебе помочь, Ливви. Поговори со мной, - мягко просит она.

Я знаю, что она не хочет меня пугать, но я уже чувствую напряжение, потихоньку пробирающееся вверх по моей спине к плечам. Она стоит слишком близко, и тот факт, что она говорит со мной, заставляет меня чувствовать себя загнанной в угол.

Должно быть, поняв это, она отступает. Я расслабляюсь, совсем немного.

- Я бы хотела, чтобы выдвинутые против тебя обвинения, были сняты, но тебе нужно с кем-то поговорить. Агент Рид... - она подбирает подходящее слово, - очень хорошо выполняет свою работу, и, несмотря на его вчерашнее поведение, он неплохой парень. Однако, для него приоритетной задачей является решение дела. В то время, как моим приоритетом являешься ты. Ему не следовало давить на тебя так, как он это делал.

Я смотрю на нее из-под ресниц, желая, чтобы она снова меня обняла.

- Мне нужен адвокат, - шепчу я.

- Конечно. Если ты готова идти на контакт, я найду тебе адвоката. Но, Ливви, то, что тебе нужно рассказать выходит далеко за рамки юридических вопросов. И я здесь, чтобы помочь тебе с этим.

Я киваю, но больше ничего не говорю.

Доктор Слоан возвращается к своему стулу и садится. Она выжидающе смотрит на меня своими зелеными глазами.

Она хорошенькая, но слишком глубоко прячет свою привлекательность. С ее рыжими волосами, надетый на ней коричневый костюм, только портит ее. Но все равно, в ней что-то есть, что-то приятное и теплое.

Когда становится очевидным, что я не буду активным участником нашего дальнейшего разговора, она снова берется за вязание, возобновляя свое бессмысленное занятие. Подыскивая слова, доктор Слоан сжимает губы.

- Ты хочешь увидеть свою мать?

Ни секунды не сомневаясь, я отвечаю, - Нет.

Она перестает вязать.

- Ливви, любящие тебя люди всегда примут тебя такой, какая ты есть. Независимо от того, что с тобой произошло.

- В этом весь вопрос. Моя мать меня не любит, доктор Слоан. Думаю, ей бы хотелось меня любить, но... просто, она меня не любит.

Она кивает, но я вижу, что она мне не верит. Что ей известно?

- Я думаю, что твоя мама тебя очень даже любит.

Я смотрю вниз, на фотографию Калеба. Я думала, что он любил меня.

Могло ли быть так, что единственный человек, которого я отвергала, любил меня больше, чем тот, кому я полностью доверяла? Мое сердце ноет. Это был вопрос, к ответу на который я пока еще не была готова.

Медленно, я заползаю под свое одеяло. Я хочу вернуться в сон. Я хочу снова быть с Калебом. В своих снах мне никогда не приходится сомневаться в том, что подсказывает мое сердце. В своих снах, он - все, кем я хочу, чтобы он был. Он - мой.

И словно по сигналу, Доктор Слоан перестает задавать мне эмоциональные вопросы и снова погружает меня в рассказы о произвольном вязании и вариативной таксидермии.

Глава 5

День 8:

Сегодня, я чувствую себя гораздо лучше. Да, я все еще скучаю по Калебу... не думаю, что эта боль когда-нибудь исчезнет, но теперь я хотя бы могу продержаться несколько минут, чтобы не разрыдаться, оплакивая его - а это уже прогресс. Доктор Слоан говорит, что в один прекрасный день такие минуты станут часом... затем, днем. Но все это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Мысль о целом дне без воспоминаний о нем, для меня совершенно невыносима. А надежда на то, что это когда-нибудь произойдет, отдает предательством.

И снова, я сижу в ужасно веселой комнате, которую они используют для допросов воспитанников детского сада. На этот раз мне не нужно утруждать себя разговорами. У меня есть адвокат, который делает это за меня. И вот уже битый час, он и агент Рид ведут бой, пуская в ход аргументы.

Дэвид, мой адвокат, не самый привлекательный мужчина на свете, но он очень умен и невероятно агрессивен.

В их спорах присутствует нечто безумно сексуальное... или мне просто нравится взбешенный Рид. Его волосы немного взъерошены от того, что он часто пробегается по ним своими пальцами, дабы удержаться, и не набить Дэвиду морду. Время от времени его взгляд падает на меня, наполняя мое тело дрожью, от одной лишь мысли о том, чего бы ему хотелось сделать со мной, если бы он только мог.

Если бы он был Калебом, предполагаю, все закончилось бы моей раскрасневшейся задницей!

- Когда именно ты стала представлять себя... моей любовницей?

Мое сердцебиение теперь уже начало отдаваться в моих висках.

- Когда ты кончила от моего языка? Или в один из многих раз, когда я перекидывал тебя через свое колено? Кажется, тебе это нравилось.

И снова он - Калеб, в моих мыслях, в моей крови. Я чувствую, как вспыхивает мое лицо, как мой желудок стягивается в тугой узел, а между ног барабанной дробью пульсирует мое возбуждение.

Сжав бедра вместе, я настолько глубоко погружаюсь в свои мысли, что не сразу осознаю, что Рид не отрываясь смотрит на меня. Когда наши глаза, наконец,

встречаются, я заливаюсь краской – густо. Он тоже краснеет, и, увидев это, я улыбаюсь.

Агент Рид откашливается и делает глоток воды. Этого достаточно, чтобы вернуть ему контроль. Я же вздыхаю от разочарования.

- Агент Рид, - говорит Дэвид, возвращая его внимание к себе, - мою клиентку задержали по нелепым обвинениям, которые никогда не будут признаны в суде. На период своего похищения, она проживала вместе со своей матерью и училась в старшем классе. Даже, несмотря на то, что ей восемнадцать, Федеральному Прокурору будет очень сложно привлечь ее к судебной ответственности, как совершеннолетнюю. Если же ее будут рассматривать как несовершеннолетнюю, подвергшуюся похищению с возможной дальнейшей продажей, то согласно статье 107 закона о Защите Жертв Торговли Людьми от 2000 года, она ограждается от методов расследования ФБР. Нет никакого смысла в вашем присутствии. Я буду вести переговоры с Федеральным Прокурором, не с вами.

Рид не выглядит особо счастливым, но и на побежденного он мало смахивает.

- У вашей клиентки на заграничном банковском счете числятся двести пятьдесят тысяч долларов. Как они туда попали? Она не говорит. Кроме того, некоторое время она проживала с людьми, подозреваемыми в терроризме. Она сама призналась в этом. В добавок, она располагает сведениями о проведении встречи с вражескими лицами Соединенных Штатов, которая пройдет менее, чем через неделю! Нам нужна информация, и ее отказ от дачи показаний квалифицируется как препятствие в осуществлении правосудия...

- Какими террористами!?! - кричу я на Рида, порываясь встать, на что Дэвид спокойно усаживает меня обратно на место.

- Мухаммад Рафик, Джаир Балок, Фелипе Вильянуэва, и, конечно, *Калеб,* - говорит он.

- Так у вас есть или у вас *нет* информации о Дмитрии Балке?

- Я никогда не говорила, что знаю его!

- Вы сказали, что знаете, где он будет, - отвечает Рид, приподняв бровь.

- Мисс Руис, прошу вас, прекратите разговаривать и предоставьте это мне, - говорит Дэвид довольно раздраженным тоном.

- Между прочим, - снова начинает агент Рид, игнорируя моего адвоката и фокусируя свое внимание на мне, - Балк подозревается в связях с незаконным оборотом оружия, и наркотиков. И пока я не узнаю, какова ваша, - он тычет в меня пальцем, - роль во всей этой истории, вы также значитесь в списке подозреваемых. Либо вы имеете дело со мной, либо я привлекаю Управление по Борьбе с Наркотиками и Национальную Безопасность, чтобы использовать против вас Закон о Борьбе с Терроризмом... и потом не говорите, что я вас не предупреждал.

- Хватит, - восклицает Дэвид, глядя на нас обоих.

- Калеб - не террорист. Я не знаю насчет остальных, но он не террорист! И я не террористка! И...

И тут, на меня ледяной волной обрушивается мысль. *Фелипе.* Я никогда не упоминала о Фелипе. Рид знает что-то, о чем он не говорил мне ранее.

Калеб! Блять!

Я не могу дышать; внезапно весь воздух покинул эту комнату, покинул мои гребаные легкие! Я делаю один глубокий вдох за другим - много вдохов, но мне не хватает воздуха. Мое сердце стучит с неимоверной скоростью.

Я не могу дышать!

- Оливия? - говорит Рид, и я слышу, как он устремляется ко мне.

- Мы закончили, агент Рид. Я буду разговаривать с вашим начальством.

Дэвид тянется ко мне и пытается поставить меня на ноги.

Мне не нравится ощущение его рук на себе. Я не могут вздохнуть! Это душит меня. Мне нужно думать. Мне нужно дышать.

- Заткнитесь! Просто заткнитесь, оба!

Рид и Дэвид умолкают и, не обращая на них никакого внимания, я кладу руки на стол, пытаясь восстановить дыхание.

Ты облажалась, девочка. Не усугубляй свое положение.

Крепко закрыв глаза, я заставляю себя дышать медленнее, глубже, спокойнее. Мое сердце понемногу начинает восстанавливать свой ритм, пока, наконец, я не ощущаю лишь остатки былой паники.

Не поднимая своих глаз, я думаю о том, что мне нужно сделать.

Откуда Рид узнал о Фелипе? Насколько больше он знает о Калебе? Неужели он, на самом деле, собирается предъявить мне обвинение в убийстве? Это была самооборона!

У меня такое чувство, что если бы моего адвоката здесь не было, Рид был бы более сговорчивым. Все еще придурком, конечно, но, навряд ли он стал бы давить так же сильно. Доктор Слоан сказала, что он хороший парень, и что он на моей стороне. В последнее время, я мало верю чужим словам, но все же, проблеск надежды лучше, чем ничего.

Когда Рид подносит бумажный стаканчик с водой к моему лицу, я делаю глоток. Надеюсь, этот сукин сын чувствует себя виноватым.

Дэвид кладет руку на мое плечо, но я стряхиваю ее, - Не трогайте меня.

- Думаю, я должен отвести вас обратно в вашу палату, мисс Руис, - говорит он.

- Я хочу, чтобы вы ушли, - шепчу я, по-прежнему не отрывая своего взгляда от стола.

- Простите? - негодующе спрашивает Дэвид.

- Не думаю, что это очень хорошая идея, мисс Руис. Я настоятельно рекомендую вам сохранять молчание и позволить мне выполнить мою работу.

- Она хочет, чтобы вы ушли, - говорит Рид.

Он знает, что победил в этом раунде. Он загнал меня в угол, и я позволила ему это. Мне следовало предположить, что он знает гораздо больше, не только обо мне, но и о других тоже.

Я чувствую себя глупой, злой и напуганной. И прямо сейчас, мне нужно подумать, что делать с этим дьяволом - Ридом.

Они еще некоторое время спорят, раздувая друг перед другом оперение, как самцы в брачный период с канала *National Geographic.* В конечном итоге, Дэвид собирает свои документы и уходит.

Мы с Ридом снова одни, и у меня такое ощущение, что все это время, он только этого и ждал. Он сидит тихо, терпеливо и расслабленно, не желая нарушать тишину.

Рид не хочет сдавать позиции. Он хочет, чтобы я пошла ему на встречу, и я знаю наверняка, что это - единственная возможность выбраться из сложившейся ситуации. Мне нужно, чтобы он был на моей стороне, точно так же, как это когда-то было с Калебом.

Мой голос нарочито мягкий. Мне нужно, чтобы он снова увидел во мне хрупкую девушку. Мне нужно выпустить альфа-самца, сидящего внутри него и заставить поверить в то, что я нуждаюсь в его защите, даже если я уже принадлежу другому. Калеб бы мною гордился.

Я напоминаю себе, что теперь, я сама себе Хозяин.

- Ты же не позволишь им отправить меня за решетку, так ведь? После всего, что произошло...

Я позволяю сказанным мною словам окраситься оттенками еле сдерживаемых слез. Рид протяжно выдыхает через нос, и я слышу, как он мягко постукивает пальцами по столу.

- Я бы никогда не отправил невиновного человека за решетку, мисс Руис, но мне все еще нужно, чтобы вы убедили меня в своей невиновности.

- Я думала, что я невиновна до тех пор, пока моя вина не будет доказана, а не наоборот.
Он усмехается, но его улыбка не касается глаз. Он, действительно, очаровательный.

- Думаю, на сегодняшний день большинство людей придерживаются философии ‘доверяй, но проверяй’.

Он наклоняется вперед, - Правда в том, что я думаю о вас, как об обыкновенной девушке, попавшей в эпицентр жуткого дерьма. Я думаю, что вы поступили так, как поступил бы любой, лишь бы вернуться домой, и это сделало вас невероятно умной и невероятно храброй. Но вам больше не нужно быть храброй, мисс Руис. Вам больше не нужно никого защищать. Вы уже спасли себя, и если вы расскажете мне всю правду, я сделаю все возможное, чтобы произошедшее с вами не случилось с кем-либо еще.

Было бы так просто поверить ему. Сейчас мне как никогда хочется излить Риду душу и позволить ему решить, как поступить дальше. Неудивительно, что он так хорош в своей работе.

- Мне бы хотелось доверять тебе, Рид, но я знаю, что не могу.

Его брови хмурятся в замешательстве, а губы недовольно искривляются, - Почему?

Я посылаю ему легкую улыбку, - Ты думаешь, что чем-то отличаешься от таких мужчин, как Калеб. Вы видите все в черном и белом, и вас не волнует вся история... вас не волнует серый. Некоторые истории не черные и не белые, агент Рид.

Он слегка качает головой, очевидно забавляясь всей этой ситуацией, но по-прежнему оставаясь профессионалом своего дела, - Из личного опыта... если женщина говорит, что хочет рассказать 'всю историю', это означает, что она пытается склонить мужчину к решению, основанному на эмоциях, а не на логике.

Мои глаза сужаются и, не моргая, я смотрю на поверхность стола, различая трещины, не видимые на первый взгляд, - Возможно, - начинаю я, пустым голосом, звучащим откуда-то издалека, - но если бы мои эмоции не одержали верх над логикой, меня бы здесь не было.

Улыбка Рида исчезает, взгляд становится внимательным, - Что это значит?

- Калеб. То, что он сделал для меня…это не было логичным.

Эти слова - мое откровение. Я не ожидала, что произнесу их, но знаю, они - сущая правда. Калеб может и не любил меня, но он заботился обо мне. Он сдержал свое обещание и защитил меня, даже если это означало, что мы не будем вместе. И этот факт делает мою боль еще более невыносимой.

- *Я слишком долго занимался тем, что манипулировал людьми, преследуя одну лишь цель - добиться своего. Вот почему ты думаешь, что любишь меня. Потому что я сломал тебя до основания и создал заново, чтобы ты в это поверила. Это не было случайностью. Однажды, оставив все позади... ты это поймешь.*

- *Пожалуйста. Умоляю тебя, Калеб. Не заставляй меня делать это, не заставляй меня возвращаться и пытаться быть той, кем я уже никогда не буду.*

- *Тебе пора идти, Котенок...*

Голос Рида возвращает меня к реальности, - Что он сделал для тебя?

Я вытираю глаза, смахивая появившиеся слезы, - Все, - отвечаю я сквозь страдальческую улыбку, - это не имело ничего общего с логикой, но полностью состояло из эмоций… месть, честь, предательство, похоть, и даже любовь – все эти чувства рождены нашими эмоциями.

Я делаю паузу.

- Я уверена, что даже в том, что ты делаешь, присутствуют определенные эмоции, агент Рид.

- В чем-то вы правы, - мягко отвечает Рид и наклоняется ко мне, - но за время своей работы мне пришлось увидеть немало всякого дерьма.

- Почему это должно иметь для меня значение? Полагается, что теперь я стану тебе доверять?

Рид пожимает плечами.

- У вас что, есть другой выбор?

- Откуда тебе известно про Фелипе?

Он улыбается, - Я подумал, что, это привлечет ваше внимание. Я хорош в своем деле, мисс Руис, и касательно Мухаммада Рафика я изучил все, что мне удалось о нем найти. И то, что я нашел - чертовски настораживающее. Просматривая лица из его окружения и сопоставляя их с теми, кто находился в Мексике, мне потребовалось не так много времени, чтобы выйти на Фелипе. И насколько я могу судить, человек он весьма... эксцентричный.

Эксцентричный - не совсем то слово, которое я бы к нему применила.

- Подожди... если ты знаешь, где он, почему ты не...

- Мексика - это не Соединенные Штаты, мисс Руис, и мы не можем выслеживать каждого преступника, находящегося в другой стране, основываясь только на подозрениях, которые не можем доказать. Кроме того, он покинул страну и уехал в неизвестном направлении. Может, в Пакистан?

Я поднимаю на него глаза и качаю головой.

- Сложно сказать.

Я задавалась вопросом, остались ли они в живых: Фелипе, Селия, Малыш и Нэнси. Мне хотелось бы верить в то, что Калеб не причинил вреда Селии, но потом я вспомнила кровь, и подумала, что если... Нет, я не смогу справиться с этим.

- Мисс Руис, где пройдет аукцион? - слова Рида серьезны и остры.

Это его конечная цель. И мне, действительно, придется сделать выбор.

- Я, на самом деле не знаю, Рид. Правда. Я не могу сказать точно, но, возможно, я дам какие-то зацепки. Может, если ты выслушаешь всю историю, то вычислишь сам. Скорее всего, ты и сам знаешь больше меня.

- Хорошо. Рассказывайте.

Теперь уже моя очередь улыбаться и качать головой, - Нет. Не без гарантий.

Он раздражен, - Программа Защиты Свидетелей. Я говорил вам, что не могу этого гарантировать. Более того, я не думаю, что для вас это станет верным шагом. Последнее, что вам нужно - это отгородиться ото всех и вся. Это бегство.

- Меня не волнует, что ты думаешь. Я хочу исчезнуть. Я хочу, чтобы все это осталось для меня в прошлом, и если я когда-нибудь решусь коснуться его - это мое личное дело. Не твое.

В течение нескольких минут мы с Ридом обсуждаем условия, которые я выдвигаю в обмен на свою историю. Это не очень приятно. Когда ему надо, Рид может быть страшным ублюдком, и я солгу, если скажу, что он меня не пугает... но я хочу с ним побороться. Есть вещи, под которые я не буду прогибаться, и есть противостояния, в которых я полна решимости одержать верх.

- Я знаю, чего хочу, Рид, и если ты не можешь мне этого дать... то тебе ни хрена не повезло. После того, через что я прошла, мне наплевать на то, что ты думаешь и что ты можешь со мной сделать.

Челюсть Рида сжимается, и я слышу скрежет его зубов. Продолжительное время он смотрит на меня жестким, неотрывным взглядом, и, несмотря на то, что мне хочется сжаться, я этого не делаю.

- Начинайте свой рассказ.

- Ты поможешь мне? - шепчу я, но держу свой подбородок поднятым, а наши глаза на одном уровне.

Он медленно выдыхает и расслабляет свою челюсть, - Я сделаю все, что в моих силах. Если вы расскажите, где пройдет аукцион, я помогу вам.

Мое сердце поднимается к горлу. Мне хочется перепрыгнуть через стол и задушить его в своих объятиях. Он дает мне надежду. Надежду на то, чего я хотела больше всего на свете.

Предельно осторожно, я облизываю свои губы и готовлюсь рассказать Риду о том, что он хочет услышать.

***

С чего начать?

Между мной и Калебом очень многое изменилось… и очень многое осталось прежним. Он все еще был человеком, нанявшим безжалостных головорезов, чтобы те похитили меня. Жестоким человеком, неделями удерживающим меня запертой в темной комнате, вынуждая меня стать зависимой от него, желать его, полагаться на него, до тех пор, пока мои собственные инстинкты не перестали этому сопротивляться. Он был человеком, спасшим мою жизнь, и человеком, подвергшим ее опасности. И наконец, он все еще был человеком, собирающимся продать меня в качестве секс-рабыни. Шлюхи.

У него были собственные причины для того, чтобы заполучить меня обратно, и его мотивы были далеки от моего благополучия - единственное, чего он хотел - это свою месть. Знала ли я, почему он хотел отомстить? Нет.

Доверие между нами не было взаимным. Но у меня не было выбора, кроме как доверять ему некоторые аспекты своей жизни: сохранность этой самой жизни, свое питание, свою безопасность и пока это не касалось его самого - свою неприкосновенность. Оставалось не так уж и много, но я отказывалась доверять ему самое важное, что у меня было - свое будущее.

Думаю, взаимоотношения между нами оставались прежними, и ничто другое не имело значения. Значение имело только то, что я была другой.

Из наивной девочки меня насильно превратили в женщину. Я была изъедена болью, печалью, страданием и потерей, и обласкана похотью, гневом и неуемным желанием жить. Я понимала то, о чем раньше даже не догадывалась. Я понимала потребность Калеба в мести, потому как семя этого чувства было посажено и в меня. Я осознавала, почему ему так часто удавалось повернуть мое тело против меня самой - мое желание к нему было бесконечным. Но самое главное, что я уяснила для себя, и что должен уяснить для себя каждый, и пронести это через всю свою жизнь - единственный человек, на которого, по-настоящему, можно рассчитывать - это ты сам.

Наконец, уложенная Калебом спать, меня продолжала бить дрожь от демонстрации его господства надо мной. Я должна была быть зла на него, на самом деле зла, но то, как он оторвался на мне, заставило меня осознать, каким внимательным и нежным он был раньше.

Взаимодействие с Калебом влияло на восприятие о нем. Ты не оценишь его доброту, пока не испытаешь его жестокости. Я с ней столкнулась, но даже я была достаточно умной, чтобы понимать, что он еще мягко со мной обошелся.

Он четко дал понять, что ничего объяснять мне не собирается. Однако, я знала о его желании донести до меня степень опасности, в которой я находилась. Он хотел, чтобы я думала, и только потом действовала, чтобы я принимала потенциально выигрышные для себя сражения, даже если они происходили с ним. Он хотел, чтобы я

выжила. Именно эти слова он сказал мне в машине, и именно это он показал мне на деле. Для Калеба это были еще цветочки.

Он снова вколол мне обезболивающее, и я уплыла, кружась в водовороте своих мыслей, ни одна из которых не приносила облегчения. Когда Калеб был со мной, я держалась за его длинное, теплое тело, как за спасение, сражаясь со сном, но, не умея ему противостоять.

Я проснулась в слезах. Услышав звук открытой воды в душе, я испытала тошнотворное облегчение от осознания того, что он был рядом. Я попыталась вернуться ко сну, и найти менее болезненное положение для моего поврежденного плеча и треснувших ребер, но без его руки, обернутой вокруг меня, я чувствовала себя неуютно. Я не могла спать, когда его не было рядом.

Это он сделал меня такой. Он вселил в меня страх и развил во мне потребность в нем. И если он думал, что внезапно отказавшись от меня, он очистит этим свою иссохшую совесть, то он здорово ошибался.

Мое внимание привлек странный шум, вырвавший меня из этих мыслей. Несмотря на свой заново оживший страх, это было желаемым отвлечением.

На мгновение я подумала, что Калеб мог удариться, поскользнувшись в душе или что-то в этом роде, но никакого сильного грохота не было... только приглушенные звуки. Внимательно прислушавшись, я стала ждать повторения шума, раздражаясь из-за ощутимой громкости собственного дыхания.

- Ах!

Снова этот шум. Словно хныканье, смешанное с ворчанием.

- Ах!

Что-то внутри моего живота напряглось. Должно быть, мышечная память. Мне следовало игнорировать эти звуки, но я не могла.

Несмотря на все то, что произошло со мной, несмотря на замысел и поступки Калеба, я все еще считала его самый красивым созданием, которое я когда-либо видела.

- *Min fadlik!* - громко выдохнул он, но я не знала, что это означает.

Что бы это ни было, это звучало... нуждающимся. В чем Калеб нуждался? И почему мысль о его нужде так меня интриговала?

Я нуждалась в его прикосновении - нет, не хотела - именно *нуждалась*. Только его обнимающие руки заставляли мои кошмары исчезнуть, только его запах заставлял меня забыть зловонное дыхание избивавших меня мужчин. Только его. Я всегда была и благодарна, и раздосадована его присутствием.

Из ванной послышалось еще больше звуков, и я уже не могла устоять. Я была не в силах остановить прилив адреналина, мчавшийся по моим венам и призывающий меня предпринять хоть какие-либо действия, чтобы узнать, что происходило за закрытой дверью. *А что, если он там кого-то трахал?*

От этой мысли я покрылась холодным потом, мой желудок скрутило, а горло сдавило от подступающей рвоты.

- Он бы так не сделал, - прошептала я в темноту комнаты.

По какой бы то ни было причине, в своем сознании я не допускала такой возможности.

Он делал это и раньше. Помнишь? Помнишь, как он трахал ту женщину, в то время как ты висела привязанная в соседней комнате.

Голос в моей голове был безжалостным. Я должна была знать! Я должна была знать, способен ли он сотворить со мной такое еще раз. *Ублюдок!*

С дрожащим телом и влажными от пота ладонями, но не в силах оставаться в неведении, я заставила свои ноги направиться в сторону ванной комнаты.

- Блять...

Приложив ухо к двери, я услышала ругательство, сказанное чуть громче шепота.

- О... да, детка, - потом что-то на другом языке, потом, - раскрой свою киску.

Почувствовав слабость в коленях, я привалилась к двери. Между ног я ощутила слабую пульсацию, отбивающую единый ритм с моим сердцем.

Пожалуйста, прошу, пусть там не будет никакой гребаной бабы.

Внутри слышалось гудение включенной вентиляции, отчего Калеб, видимо, не боялся издавать шум. И если бы я не проснулась, я бы его не услышала.

Собираясь с мужеством, которого я не чувствовала, я прикоснулась к ручке двери. Я сжимала ее в кулаке до тех пор, пока пот не стал просачиваться сквозь мои пальцы.

Душ располагался слева, и я забеспокоилась, что мне не удастся ничего увидеть, не открыв дверь полностью, и, следовательно, не объявив о своем присутствии, но справа висело зеркало, и я надеялась рассмотреть в нем отражение происходящего. Мне оставалось только молиться о том, чтобы он не стоял лицом к двери или к зеркалу.

Я приоткрыла дверь, буквально на зазор, в который не поместился бы даже палец, но за эти несколько бездыханных секунд, стук моего сердца стал отдаваться в моем горле.

Я ждала, надеясь, не услышать его крика или удивленного оха. Я слышала его тяжелое дыхание, и те же стоны, что и прежде, сопровождающиеся влажным ударным ритмом. Не доверяя своим ногам в поддержке, я опустилась на колени, и, приложив свою раскрасневшуюся щеку к зазору, осторожно заглянула внутрь.

Комната была заполнена непроглядным, удушающим паром. Ожидая, пока хотя бы часть его рассеется, все, что мне удалось увидеть - это лишь очертание в зеркале. Набравшись смелости, я открыла дверь чуточку шире, пропорционально чему увеличился уровень бушующего во мне адреналина.

Покидая ванную комнату, пар оседал на моем лице и шее, образовывая капли пота, скатывающиеся в ложбинку между моих грудей, и впитываясь моей сорочкой. Теперь, зеркало стало намного чище и, наконец, я смогла увидеть картину, происходящую в душе.

Я ахнула, но Калеб не слышал меня. Я была уверена, что он не мог. Он был слишком увлечен тем, что делал один в душе, всего лишь в нескольких шагах от моих любопытных глаз.

Мне следовало чувствовать себя виноватой или смущенной, но мне было не до этого. Все, что я чувствовала на тот момент, это пульсацию между ног и острый прилив желания к низу живота.

Он был чертовски... идеальным. Такиим чертовски идеальным. Он стоял лицом к стойке душа, поэтому я видела только его профиль.

От высокой температуры воды его кожа была розовой и белой. Одной рукой он упирался в стену, его длинные ноги были расставлены для равновесия, а голова опущена к груди... и он тяжело дышал. Его вторая рука была неподвижной; мышцы напрягались, а его большая ладонь обхватывала внушительных размеров эрекцию.

С трудом сглотнув, я облизала, осевший на моих губах, пар.

Скользящая в его кулаке головка была крупной и темно-розовой. У основания его ствол был толще, там его пальцам приходилось сжиматься крепче, чтобы удерживать его.

Я помнила его вес в своей ладони.

Он не двигал своей рукой по всей длине. Он толкался своими бедрами в кулак, при каждом движении вперед, напрягая накачанные мышцы своего зада, при этом его тяжелые на вид яички покачивались между его расставленными ногами в заданном ритме.

Его член был стрелой, а кулак - мишенью.

Я не могла оторвать от него взгляда.... я даже не пыталась. Мне было интересно, как много спермы пряталось в его больших яичках, и всю ли он мне ее отдал, когда кончил в мою руку и на мою грудь.

Я подумала о том единственном разе, когда он был внутри меня, и вспомнила звук того, как они шлепали о мою влажную киску, пока он вводил в меня свой огромный член, удерживая меня попой кверху.

Пульсация между моих ног была неумолимой. Мои собственные мысли ускорили мое дыхание и увлажнили мою плоть. Эти воспоминания были сексуальными и пошлыми, и наполнили мое тело всеми воображаемыми ощущениями.

- *Заставь его полюбить тебя,* - прошептала Безжалостная Я.

- *Сделай так, чтобы он не смог жить без тебя.*

- *Я не могу,* - прошептала я в ответ.

- *Я пыталась. Он назвал мои попытки смехотворными. Ему нет до меня никакого дела.*

- *Будет.*

- А... ммм... давай.

Глаза Калеба были крепко закрыты, а с его прекрасных раскрытых губ слетали самые сексуальные звуки, которые я только могла слышать в своей жизни.

Мне стало интересно, о чем он думал. Мог ли он думать обо мне. Могла ли я быть причиной этой безумной демонстрации похоти?

- *Дааааа,* - встрепенулась Безжалостная Я.

Мои соски были напряженными и болезненными, задевая, внезапно огрубевшую ткань моей сорочки. Мне хотелось высвободить их. Мне хотелось прислониться ими к чему-нибудь прохладному.

Продолжая наблюдать за Калебом, во всем его мужественном, и в некотором смысле, уязвимом великолепии, я прижалась телом к двери, и начала тереться сосками о твердое дерево. Отклонившись назад, своей ладонью я начала выписывать небольшие круги на своем холмике, боясь, что за этот короткий промежуток времени, это не подарит мне того, что мне нужно.

Я не хотела теряться в своем удовольствии. Я хотела наблюдать за Калебом, и увидеть, как он кончит.

Эта мысль заставила меня прижаться своими пальцами к клитору, и ласкать себя еще быстрее и жестче. Почувствовав дрожь в животе, а затем теплое покалывание, распространяющееся от позвоночника по всем конечностям, я, наконец, ощутила, как моя киска плотно сжалась, затем расслабилась, и снова сжалась. Тихонько вскрикнув, я засосала свои губы и прикусила их, чтобы больше не издать ни малейшего звука.

Этот оргазм не насытил меня. Он был ничем, по сравнению с ощущениями, которые я испытывала, когда Калеб доводил меня до пика, но этого было достаточно, чтобы вернуть все мое внимание к нему.

В нешуточной попытке достичь своей кульминации, его бедра двигались быстрее, а мышцы на ягодицах напрягались все сильнее. Подавшись вперед и уткнувшись лбом в свое предплечье, он скрипнул зубами, продолжая двигаться взад и вперед этим монстром, которого он называл членом, в свой влажный кулак.

По его прекрасному телу бежали ручейки воды, и внезапно на меня напала жажда. Мне захотелось встать на колени у его ног и слизать с его тела, а особенно с его впечатляющего члена, всю воду. Я хотела слизывать с него влагу и сосать его.

Думая обо всех тех вещах, которые мне хотелось сделать, я услышала его рык, за которым последовал болезненный, жалобный стон и из его члена прорвались брызги густого семени, попадая на его руку, потом сползая на его тяжелые яички, и в скором времени, оказываясь на полу душевой кабины. Из него вышло много спермы, но это не сделало его яички меньше.

С трудом втягивая в себя воздух, плечи Калеба поднимались и опускались от прикладываемых им усилий. Его прекрасное лицо было красным от напряжения... и если такое вообще было возможным, это делало его еще более красивым.

Я хотела продолжить восхищаться им, но тогда, это ощущалось бы как предательство... самой себя. Факты все еще оставались фактами. Ему было наплевать на меня. Он просто использовал меня.

Моя страсть быстро охладела и, наконец, медленно закрыв дверь, и забравшись обратно на кровать, я принялась зализывать, теперь уже не только физические раны.

Некоторое время спустя, я услышала звук открывающейся двери ванной комнаты, и мягкую поступь Калеба по ковру в направлении кровати.

Я почувствовала, как матрас прогнулся и он лег под другое одеяло, следя за тем, чтобы ни одна часть его тела не соприкасалась ни с одной частью меня.

- Я проснулась, а тебя не было, - прошептала я, лежа к нему спиной.

Я знала, что он напрягся, но не могла объяснить КАК - возможно, его напряжение передалось по окружающему нас воздуху.

- Ты давно проснулась?

- Нет, всего несколько минут назад, - я почувствовала, как он расслабился.

- Снова кошмары?

- Да, - солгала я, но посчитала это совершенно оправданным, ощутив, как его теплая грудь, покрытая мягким хлопком, прижалась к моей спине, а его пальцы - те, что всего несколько минут назад были покрыты его спермой - стали скользить по моей руке, успокаивая меня.

И снова, перед моим мысленным взором предстала картинка его сильного, скользкого от воды тела, преследовавшего свой оргазм.

Его длинные, умелые и все еще влажные пальцы блуждали по моему телу, оставляя за собой покалывающие следы. Я прикоснулась к нему.

- Ты мокрый.

Он тяжело вздохнул, - Прости, Котенок. Мне нужен был еще один душ.

Его голос был низким, усталым, но все же, искренним.

При упоминании слова ‘душ’, в горле пересохло. Мысли о воде, сбегающей по его идеальному телу, и с его прекрасного органа, сводили меня с ума. Мне стало интересно, каким он был на вкус.

- Все в порядке, - прошептала я.

Мой голос был хриплым.

- Что мне сделать, чтобы тебе стало лучше?

Мою одурманенную похотью голову заполнило множество всевозможных ответов. Меня искушала возможность придерживаться привычной тактики и притвориться, что все было... идеально. Что он был простым парнем, а я - простой девушкой и мы просто хотели друг друга.

Я хотела, чтобы он обнял и поцеловал меня и притвориться, что для моей защиты он сделает все, что угодно. Я хотела притвориться, что он испытывает ко мне хоть частичку того, что я испытывала к нему, и от чего я никак не могла избавиться. Мое сердце ныло. Боль в моем плече и в моих ребрах перекрывалась печалью, поселившейся в моем сердце.

Я больше не могла притворяться. Время мечтаний прошло; нужно взглянуть правде в глаза.

- Да, Хозяин, - я старалась не разрыдаться, - ты можешь сделать многое для того, чтобы мне стало лучше.

Он прижался ко мне, и на мгновение я позволила ему просто быть ближе.

- Ты можешь не продавать меня... я могу остаться с тобой… быть с тобой.

Калеб сильно сжал меня, но не потому что хотел причинить мне боль, а потому что я шокировала его до чертиков. Я и сама была в шоке, но я прошла через слишком многое, чтобы ходить вокруг да около.

Он громко сглотнул, и ослабил хватку.

- Котенок, - его лоб прижался к моей шее, - ты просишь о невозможном.

Я хотела спросить, что именно из этого было невозможным, но знала ответ. Он не мог отказаться от своей мести, но он мог отказаться от *меня.*

Глава 6

Мэттью изо всех сил пытался сосредоточиться на экране стоящего перед ним компьютера, но пока он печатал, его мысли все время где-то блуждали.

Вне всякого сомнения, Оливия Руис страдала от Стокгольмского Синдрома, оплакивая своего пропавшего любовника, похитителя и агрессора. Но агрессоры нисколько не интересовали Мэттью. Все они были одинаковы.

Мама Мэттью всегда пыталась извиниться перед ним за его избиение тем, что водила его в парк.

Прирожденные агрессоры могли заставить тебя поверить, что они признают свою виновность за то, что натворили, но ровно до тех пор, пока ты не спускаешь им все с рук. Но все же, он бы солгал, если бы стал отрицать - хотя бы самому себе - что способности Оливии в повествовании были весьма... убедительными.

За те четыре часа, что он слушал ее рассказ о ее отношениях с Калебом, он наблюдал за тем, как ее щеки вспыхивали, а кожа заливалась румянцем - и насколько он знал – это говорило о возбуждении.

Как это могло его не затронуть? Да, он стал настолько болезненно твердым, но ему это не нравилось. Кем должен был быть человек, чтобы испытывать сексуальное возбуждение от рассказа жертвы о ее истязаниях?

От этого ему стало тошно. Ему было не по себе. И, безусловно, эта проблема была для него не новой. У него имелась долгая история его необычных сексуальных предпочтений. И это было одной из причин, по которой в свои тридцать один, он до сих пор не был женат, причем без каких-либо перспектив на горизонте. Он боялся, что кто-нибудь увидит его таким, каким он был на самом деле.

То, что он был один, не означало, что он был одиноким... не совсем. Он был очень занят работой в ФБР. Однако, он частенько задумывался о том, как хорошо было бы возвращаться домой к кому-то, с кем он мог бы поговорить, и не чувствовать себя чудаком - даже если так оно и было на самом деле. Подобное тянется к подобному.

Он был увлечен травмированными и сломленными женщинами, точно так же, как они были увлечены им. И Оливия Руис не была исключением.

По какой-то причине, она тянулась к нему - он интуитивно чувствовал это - но знал, что это притяжение могло быть строго односторонним. Мэттью никогда бы не скомпрометировал расследование дела, никогда бы не воспользовался свидетелем в своих целях, и никогда бы не попытался спасти кого-то, настолько, очевидно сломленного. Он слишком хорошо усвоил этот урок, поэтому впредь занимался только своей работой.

По этой причине в Бюро он числился среди лучших - потому что даже в конце дня на него всегда можно было рассчитывать, он доводил начатое до конца. Он всегда уходил последним, ведь этому ничто не мешало. И никто.

Вернув свое внимание к экрану, Мэттью продолжил печатать рассказ Оливии о времени, проведенном в заточении. В процессе работы, он старался оставаться беспристрастным, но некоторые фразы продолжали бросаться ему в глаза:

- *Он заставлял меня выпрашивать еду...*

- *Неоднократно шлепал меня...*

- *... заставлял меня кончать.*

Его отчет больше походил на эротический роман, нежели на материалы дела.

Его мысли снова начали уплывать, теперь уже в сторону его последней девушки, той самой, которая не могла кончить, пока он не называл ее шлюхой. И снова он начал твердеть - *ХВАТИТ!*

Сохранив файл, он решил сделать так необходимый ему перерыв от Оливии и ее, относительно, бесполезных мемуаров, и открыв свой браузер, стал искать дополнительную информацию по Мухаммаду Рафику. Ведь именно он был основополагающим звеном этого расследования.

Со слов свидетеля, Калеб объяснил начало своих взаимоотношений с Рафиком необходимостью убить Владэка Ростровича, также известного, как Дмитрий Балк.

- Почему? - прошептал Мэттью сам себе и вспомнил комментарий о матери и сестре Рафика.

Они были мертвы?

Не имеет значения, подумал он. Главным в деле был аукцион, все остальное - несущественно.

Тогда почему он не мог выбросить это из головы? Почему эта история казалась значимой? Несомненно, это был мотив, но каким образом он привел к месту проведения аукциона, в Пакистан?

Протяжно выдохнув, Мэттью встал, чтобы налить себе еще одну чашку кофе.

Он почти ежедневно слышал жалобы местных копов на кофе, но в отличие от них, Мэттью нравился их офисный напиток. Скорей всего, кофе-машину, никогда не чистили, но возможно, именно осадок и придавал ему какую-то прелесть.

Он ухмыльнулся.

На обратном пути к столу, он захватил блокнот и стал просматривать свои записи в поисках отправной точки расследования. Рассказ Оливии о самоудовлетворении нельзя было назвать таковым, но Мэттью удалось узнать, что *min-fadlik* по-арабски означает 'пожалуйста'.

Очевидно, Калеб разговаривал на арабском с такой легкостью, что использовал его в подобных приватных ситуациях. Мэттью предположил, что, как правило, люди говорят на своем родном языке либо наедине с собой, либо, разумеется, во время подобной активности. Бог свидетель, он бы никогда не стал выкрикивать слова на китайском языке, в то время, как его тело бьется в судорогах оргазма. Разумеется, он не говорил по-китайски.

Просмотрев еще несколько своих записей, он нашел информацию о том, что Калеб также говорил по-испански, а его английское произношение отдавало странным акцентом, характеризуемым -... смесью британского, арабского, и персидского... *может,* иранского.

Разложив карту Пакистана, Мэттью попытался отыскать местность, которая могла бы сочетать в себе такую смесь. Ему казалось маловероятным, что он найдет ее. Но тем не менее, акцент Калеба означал, что он был либо рожден, либо долгое время проживал на некой территории, где эти языки ежедневно были у него на слуху.

Афганистан, Индия и Иран граничили с Пакистаном, и у каждой из этих стран, наверняка, имелись сходства в демографических и социальных условностях. Очевидно, что Британцы оказали свое влияния на каждую из упомянутых держав, но наиболее значительно их воздействие отразилось на Индии. Калеб, очевидно, не был индусом, и если бы он вырос там, то владел бы одним из диалектов. Мэттью нужно было сузить список возможных мест для проведения аукциона, и на это у него был свой опыт, материалы старых дел и всемирная глобальная сеть.

Пакистан преуспел в снижении уровня преступлений с продажей людей в пределах своих границ, но, все же, их правительство было очень далеко от лидирующих позиций в таких аспектах, как влияние на собственную политику и общество. Рабство в этом регионе было весьма популярным, хотя большая часть составляла бесплатную рабочую силу из женщин и детей.

В Пакистане люди покупались, продавались и нанимались практически на повседневной основе и, в конце концов, это коснулось Соединенных Штатов. Правительство начало уделять этому особое внимание и обратилось в ООН с просьбой взять эту проблему под контроль.

Мэттью не был наивным; он знал причину, по которой США решили возглавить изменения политического устройства ряда стран Ближнего Востока - все дело было в заграничных запасах. И все же, если это способствовало снижению уровня продаж женщин и детей в сексуальное рабство или подневольный труд, то он был только ЗА. Нефть и свобода для всех.

Провинции Синд и Пенджаб были крупнейшими очагами подобного рода деятельности, но он временно решил исключить их, так как это были земледельческие территории и на них преимущественно ввозились рабы для труда на полях. То есть, это, определенно, не было местом сбора развратной элиты и террористов, для организации пышного аукциона с продажей рабынь для удовольствия.

Блять! Это будет очень долгая ночь.

Взглянув на часы, Мэттью решил заказать себе ужин, пока его любимый китайский ресторан не успел закрыться на ночь. При мысли о чесночной лапше и хрустящих яичных рулетах, он чуть не захлебнулся слюной.

Было время, когда он делал заказ для двоих, но прошло уже около года с тех пор, как у него был напарник, с которым он делил долгие часы расследования. В эти дни он работал один.

Таким же образом у него обстояли дела и с окружающими людьми. Мэттью был слишком честным и за это его недолюбливали. Да, он был хорош в своем деле и коллеги уважали его, но это не означало, что они с радостью ухватывались за возможность работать с ним, или были не прочь после работы выпить с ним пива. Тем не менее, они делали то, о чем он их просил, и он не мог их за это винить. И если он

предлагал кому-нибудь из аналитиков задержаться и помочь с некоторыми исследованиями, те нехотя отзывались, придерживая свои пренебрежительные замечания при себе, до тех пор, пока в следующий раз не оказывались в лучшей компании.

Для данного дела Мэттью просил выделить ему специальную рабочую группу. На случай, если им придется наведаться в Пакистан, существовала потенциальная потребность в быстрой реакции и возможность международного инцидента. Тем не менее, его начальник отказал ему в приличной рабочей группе до тех пор, пока Мэттью не предоставит ему конкретные доказательства присутствия на этом аукционе личностей, подозреваемых в терроризме и объектов политического значения. Если бы он не был благоразумным, он бы обвинил ФБР в том, что оно умышленно пускало его дело под откос.

По всем новостным каналам мелькало лицо Оливии Руис, дополненное записями с камер наружного наблюдения, и видео с мобильных телефонов, заснявших ее противостояние с сотрудниками пограничной службы. Такие вещи не могли остаться незамеченными.

Он прокрутил имеющуюся у него информацию про Мухаммада Рафика и его сообщников.

Тот был офицером высокого ранга в армии Пакистана, и воевал на стороне сил ООН в составе коалиции, во время операции *"Буря в Пустыне*". Он был награжден высокими орденами и поговаривали, что он входил в круг ближайших приспешников бывшего генерал-майора, который в 1999 году способствовал захвату власти и свержению тогдашнего президента Пакистана. Если коротко, у Рафика в окружении значились весьма влиятельные люди. И если бы Рафик захотел убить кого-нибудь, Мэттью не думал, что у того могли возникнуть с этим какие-либо сложности. Конечно, он сделал бы это тихо, не подставляя перед международным сообществом ни себя, ни своих начальников.

Могло ли его вмешательство быть причиной, по которой Бюро не решалось заниматься данным делом в полную силу?

Взяв ручку, Мэттью записал список пунктов, о которых ему нужно было собрать информацию: военные базы в Пакистане, полевые аэродромы неподалеку или в самих базах, расположения таможенных постов и заправочных станций. Одно было точным - Рафик не стал бы летать коммерческими авиалиниями, и ему нужен был частный самолет, свободный от таможенных досмотров. Это было немного, но начало было положено.

Из оцепенения его вырвал звонок внутреннего телефона. Его еду, наконец-то, доставили.

Спустившись на лифте на первый этаж, он встретил посыльного, и, вручив тому хорошие чаевые, потащился обратно наверх, чтобы насладиться своим обильным, вкусным ужином.

Несколько часов спустя, Мэттью решил, что пора закругляться и вернуться обратно в свой отель. Он планировал встать рано утром и снова навестить Оливию в больнице. Она будет ждать от него вестей по поводу своей просьбы о вступлении в Программу Защиты Свидетелей, чем он пока не располагал, но ему нужно было услышать оставшуюся часть ее истории. Если предоставленная ею информация

принесет результаты, которые он сможет предложить своему начальству, то ее условие, скорей всего, будет выполнено, но это было бы неправильно.

В чем, на самом деле, нуждалась эта девушка - так это в правосудии, чтобы люди, ответственные за ее похищение, изнасилование, и ее страдания заплатили за свои преступления перед обществом. Она нуждалась в том, чтобы этих людей судили, призвав к элементарной морали. Только после этого, собрав кусочки своей сломленной жизни, она смогла бы двинуться дальше.

Однако, если он был прав в своих предположениях, Бюро значительно сильнее интересовалось факторами национальной безопасности, а не вершением правосудия для одной восемнадцатилетней девочки. Не было бы ни официальных арестов, ни публичных судов, потому как информация, которую она могла представить и секретная операция по добыче доказательств вовлечения состоятельных и могущественных военных лидеров, глав государств или шишек-миллиардеров в бизнес по продаже людей, стали бы бесценными козырями в руках правительства Соединенных Штатов.

Для Мэттью это было чем-то вроде нравственного парадокса.

Оливия убегала. Она не хотела столкнуться со своей прошлой жизнью или людьми из этой жизни, что Мэттью понимал, но с чем не мог согласиться. И в то же время, он был последним человеком, который мог давать советы о том, каким образом нужно было преодолевать личные травмы. Он сам все еще был травмирован, все еще нездоров головой, и неважно, какое количество психотерапевтов работало с ним, когда он был подростком.

Данные о нем были засекречены, и, несмотря на намерения и цели, которым он соответствовал для работы, он знал свой собственный разум. Он знал свои отклонения и ограничения. И полагал, что знание собственных недостатков имело какое-то значение и дарило ему видимость наличия перспективы в выполнении своей работы.

Войдя в свой номер, он поставил портфель на стол. Опустошив свои карманы и высыпав мелочь, он разложил монетки по достоинству и по размеру в ряд. Его ключи, бумажник и часы бережно легли рядом с ними.

Расстегнув пиджак, он повесил его в шкаф. Затем, он сел и снял по очереди свою обувь, носки, рубашку и галстук. Наконец, он вытянул ремень, сложил его, и положил на стол рядом с остальными вещами, после чего снял нижнее белье. Аккуратно поставив обувь под кровать, он сунул остальную одежду в мешок для прачечной отеля.

Это был его еженощный рутинный процесс, в повторяющихся действиях которого он находил утешение. Порядок был важен.

Стоя обнаженным, в теплом, слегка влажном техасском воздухе, он игнорировал покалывающие ощущения в своем возбуждающемся пенисе. Он знал, от чего тот становился твердым и хотел, чтобы этого не происходило.

Несмотря на многообещающую информацию, которую ему удалось собрать при детальном изучении Рафика, он был не в состоянии преодолеть искушение и внимательно изучил свои записи с интервью. Так много в истории этой девочки было заполнено печальной жестокостью, и хоть эта жестокость являлась прямым результатом отвратительных обстоятельств, но то, как она рассказывала эту историю, пронизывая ее хитростью и манипуляцией, своим очевидным возбуждением - было

достаточным, чтобы подвести его к грани. Это давило на все его слабости, и что самое ужасное, несомненно, ускоряло его пульс.

Он не станет этого делать. Он не станет фантазировать. Он не станет мастурбировать, и искать сексуального освобождения. Потому как, сделав это, он сделает шаг в неверном для него направлении, что, как он знал, приведет его к неумолимо последующему истощающему чувству вины.

Вместо этого, он лег на пол, решив сделать столько отжиманий, на сколько у него хватит сил. Он был уставшим и его мышцы протестовали. Два часа ночи было не самым лучшим временем для занятий спортом - кричали ему его мускулы, но это было лучше имеющейся альтернативы.

Он отжимался до тех пор, пока с его спины не стал стекать пот, живот сводить судорогой, а руки грозились сдаться... до тех пор, пока не осталось ни единого долбаного шанса на то, что он поддастся своей похоти.

После этого он принял душ и лег в кровать. Он спал спокойно, без снов.

Глава 7

Калеб не мог уснуть.

Он перепробовал все, что только могло прийти ему в голову: принял горячий душ, самоудовлетворился, и даже посидел в библиотеке Рафика, просматривая его книги. Он не умел читать, но в некоторых книгах были картинки.

Пройдясь по дому, и особенно заострив свое внимание на кухне, он нашел, чем там можно было полакомиться. От съеденных имеющихся запасов *гулаб джамуна* его пальцы и уголки рта до сих пор были липкими от сладости. И все равно, он не мог уснуть.

Где Рафик, гадал он?

При мысли о своем новом хозяине, его сердце застучало быстрее.

Что, если он не вернется? Что, если с ним что-нибудь случилось?

Желудок Калеба скрутило.

Раньше ему никогда не приходилось оставаться одному. С ним всегда кто-то был рядом: если не другие мальчики, то Нарви, если не он, то, возможно, очередной клиент.

Поднявшись, Калеб скинул подушку и одеяло на пол; его кровать была слишком мягкой. Он лег на толстый ковер и завернулся в одеяло, которое ему дали.

На улице завывал ветер.

Почему Рафик оставил его одного? Притянув колени к груди, он начал раскачиваться из стороны в сторону. Ему бы так хотелось, чтобы Реза сейчас оказался здесь, рядом с ним.

Реза был одним из британских мальчиков, который часто делил с ним 'кровать'. И если у него и был когда-нибудь друг, то это был именно Реза.

Впервые за целую неделю он позволил себе подумать о ком-то другом, кроме себя. Если Нарви был мертв, то что случилось с другими, с Резой?

По правде говоря, они часто дрались, и порой подставляли друг друга под гнев Нарви, но это не означало, что между ними не было взаимной привязанности. Всякий раз, после плохого обращения клиентов или особенно жестокого избиения, они помогали друг другу обрабатывать раны или просто дарили свои объятия, которые утешали, а не оскорбляли.

Калеб был меньше, и, наверное, младше, но он был бойцом, тогда как Реза был более миролюбивым и легко управляемым.

- Почему ты так часто злишь его, Кальб? Ты же знаешь, чем он тебе ответит, - шептал он Псу в темноте, нанося мазь на его израненную кожу.

- Я ненавижу его. Скорее он убьет меня, чем я стану его ручной собачкой. Я может, и Пес, но не его.

- Ты не Пес, Кальб, - Реза поцеловал его в лоб.

- Ты просто глупый мальчик.

- А ты - ручная собачка, - невесело усмехнувшись, парировал Кальб.

Реза тоже усмехнулся и накрыл мазь крышкой. После чего, тихонько встал и на носочках направился к своей кровати на полу.

- Реза! - прошептал Кальб.

- Что?

- Когда-нибудь, я убью его.

Последовало долгое молчание, - Я знаю. Спокойной ночи, глупый мальчик.

Калеб сделал все именно так, как и обещал. Он хладнокровно и умело расправился с Нарви. Но после, он даже не удосужился найти своего друга, и объявить всем о том, что они были свободны, что они могут бежать.

Он мог бы оправдать себя тем, что эта мысль не пришла ему в голову, но это было не так. Он боялся. Он боялся, что они ополчатся против него, потому как без Нарви, многим из них придется выбирать между нищетой и новым, неизвестным хозяином, который возможно, принудит их к тяжкому физическому труду. Он также боялся, что Рафик решит, что все они, включая Калеба - стали бы для него слишком тяжким грузом и его постигла бы участь остальных мальчишек. Поэтому, он просто позволил Рафику увести его оттуда.

Он позволил себе впасть в оцепенение и шок, от того, что он сделал. Он позволил себе стать жертвой. Он заслужил, чтобы в наказание за это его оставили одного.

Некий шум вырвал его из самоуничижительных мыслей. Застыв как камень, он вслушивался в звуки, пытаясь определить, находился ли в доме еще кто-то, и сулило ли ему опасность чужое присутствие.

Услышав, как аккуратно закрылась входная дверь, он распознал знакомые шаркающие звуки, кто-то снимал свою обувь и ставил ее возле двери. Привычные шумы были хорошим знаком, подумал Калеб, так как вряд ли человек с плохими намерениями стал бы разуваться.

Калеб хотел выйти из комнаты, чтобы узнать кто пришел, но страх, который он все еще испытывал, не отпускал его. Рафик был незнакомцем, и его настроение могло быть переменчивым. Он очень хорошо помнил, как тот бросил его в ванну и удерживал своими сильными руками в холодной воде. Калеба передернуло.

Услышав приближение шагов к свой комнате, Калеб напрягся еще сильнее, отчего его мышцы стало сводить судорогой. Дверь медленно открылась, и он крепко закрыл глаза.

Если Рафик попытается изнасиловать его, он будет сопротивляться. Но где-то в глубине своего сознания он услышал голосок, шепчущий о том, что Калеб сделает все, что от него ожидает новый хозяин. Он выживет. Ему хотелось бы умереть, но он снова выживет.

- Калеб? - прошептал в темноту голос Рафика.

Затаив дыхание, Калеб не ответил.

- Калеб? Ты спишь? - снова прошептал Рафик, казалось, мужчина был спокойным, не злым и не настроенным на насилие.

Но, тем не менее, Калеб отказывался отвечать, и, держа глаза закрытыми, изо всех сил старался дышать как можно тише, поверхностнее и ровнее, до тех пор, пока, наконец, дверь не закрылась и Рафик не ушел.

Калеб моментально почувствовал облегчение, а вместе с ним... чувство потери. Он снова остался один. Одинокий и напуганный в странной, темной комнате.

Какова была его жизнь теперь? Он убил человека. Он убийца.

Он не чувствовал угрызений совести от того, что сделал, и, представься ему еще один шанс, он бы повторил это снова, но чем он мог заняться в своей жизни, и кем он мог быть? Кем был Калеб?

Он всегда говорил себе, что однажды он станет свободным, но он не осознавал, что свобода могла ощущаться слишком... большой, открытой и неопределенной. Теперь он был свободен... и лишен какой-либо цели, но чего стоит жизнь без цели? Он был в долгу перед Рафиком и он его отплатит, но как только его задача будет выполнена, он снова вернется к этим же самым чувствам.

Сглотнув свой страх и сбросив с себя одеяло, он решил найти ответы на интересующие его вопросы, и единственным человеком, который мог ими располагать, был Рафик.

Медленно открыв дверь, он на носочках пробрался к комнате Рафика. Засомневавшись у двери, он все же осторожно постучал.

- Меня там нет, - прозвучал голос Рафика за его спиной.

Калеб резко обернулся и встретился с пристальным взглядом Рафика, - Я-я-я прошу прощения, - запинался он.

- Когда ты вернулся, я не спал, но я..., - он опустил взгляд к своим босым ногам, - я не знал, что тебе было от меня нужно.

Калеб сглотнул.

Рафик ухмыльнулся, - И что ты решил?

Калеб пожал плечами, - Я не знаю. Я подумал... Покончить с этим и просто спросить у тебя.

Рафик громко вздохнул, отчего плечи Калеба напряглись, но он не сделал ни единого движения, чтобы отойти от своего хозяина.

- Ты очень храбрый, *мальчик,* но тебе не нужно меня опасаться, у меня нет намерений причинить тебе вред.

- Тогда каковы твои намерения? - ощетинился Калеб на то, что его назвали мальчиком.

- Я надеялся, что уже успел заработать твое доверие. Я только хотел проверить, все ли с тобой в порядке. Меня не было дома с раннего утра, и я боялся, что мое отсутствие далось тебе... тяжело.

Калеб равнодушно пожал плечами, но на самом деле, ему хотелось разрыдаться от признательности. Никто из людей имеющих власть не утруждал себя мыслями о его самочувствии. Никто и никогда не приходил к нему просто так, чтобы проведать его.

Сделав глубокий вдох, он спрятал свои эмоции поглубже. Ему не хотелось казаться слабым перед человеком, который собирался сделать его сильным.

- Было странно находиться в одиночестве. Раньше, с Нарви, всегда кто-то был рядом, но... это было... я не знаю, что сказать. Я съел весь *гулаб джамун,* - робко признался он.

- Я был в твоей библиотеке. Я никогда не видел так много книг! Должно быть, ты очень много знаешь. Но не волнуйся! - сказал он, начиная нервничать.

- Я не умею читать. И я не пытался вторгнуться в твое личное пространство. Я только посмотрел картинки. Прости меня.

Рафик рассмеялся и этот звук, несколько успокоил Калеба. Он расслабился еще больше, когда Рафик положил свою руку ему на голову и взъерошил его длинные, светлые волосы.

- Все в порядке, Калеб. Теперь это и твой дом. Еда была оставлена тебе, и ты в любое время можешь брать книги. Я научу тебя читать. Крепко закрыв глаза, Калеб пытался сдержать поток подступивших слез.

Без предупреждения, он бросился к Рафику и обнял его своими худыми ручонками. Он хотел выразить свою благодарность. Он хотел, чтобы Рафик знал, насколько Калеб был ему признателен.

Медленно и с дрожащими руками, Калеб притянул голову хозяина к себе, и прижался своими губами к его губам. Мужчина замер, но это не помешало Калебу скользнуть своим языком в его открытый рот. Калеб делал это много раз с мужчинами, которых ненавидел и, несомненно, сможет сделать это с тем, кого он уважал.

Юное тело Калеба отозвалось на поцелуй, и он прижался ближе, преследуя губы Рафика, его вкус. Рафик отстранился.

Калеб запаниковал. Если хозяин отвергнет его, он умрет. Он умрет от стыда, потому что он был шлюхой и не знал другого способа.

- Калеб, нет.

- Я не буду сопротивляться тебе. Я сделаю так, как ты скажешь, - прошептал Калеб.

Произнесенные им слова были неуверенными и полны страха.

- Тогда сделай, как я тебе говорю, и сейчас же прекрати это.

В тоне Рафика проступили нотки пренебрежения. Калеб отодвинулся и попытался проскользнуть мимо Рафика, но тот преградил ему дорогу, сжимая своими сильными ладонями руку мальчика.

- Прости меня! Я не хотел. Больше этого не повторится.

На этот раз в его голосе отчетливо слышались слезы. Он не мог скрыть своего стыда.

Рафик притянул его к груди и крепко обнял, - Ты уже не Кальб. Ты не Пес и не чья-то шлюха. Ты не должен мне отплачивать этим. И никому не должен.

Рыдая, Калеб еще сильнее прижался к Рафику. Он не мог говорить.

- Ты когда-нибудь был с девушкой, Калеб? - спросил Рафик шепотом.

Калеб замотал головой. Он, конечно, видел их, девочек-шлюх Нарви, но их держали отдельно от мальчиков и никогда не подпускали друг к другу. Он мельком видел их тела и думал о том, каково было бы прикасаться к ним, но это было удовольствие, которого он пока не испытал.

Рафик подвел Калеба к его комнате и открыл дверь. Медленно отстранившись от мальчика, он впустил его внутрь.

Нехотя, Калеб убрал руки от своего хозяина и покорно пошел к кровати, которую сам соорудил для себя на полу.

- В таком случае, завтра, - равнодушно сказал Рафик, - Завтра ты начнешь свое обучение тому, как занять достойное место рядом со мной. Ты сам сможешь выбрать себе девушку.

Калеб в изумлении уставился на Рафика, на что тот улыбнулся и закрыл дверь.

Калеб все еще не мог уснуть, но теперь уже по другим причинам. Впервые за всю свою жизнь, он был приятно взволнован тем, что принесет ему завтрашний день.

***

Открыв глаза, Калеб уставился в темноту. Этот сон, это воспоминание все еще не отпускали его. Внезапно, он снова почувствовал себя мальчиком, боящимся темноты, неизвестности и одиночества.

Было странным, насколько реальным мог казаться сон. Он мог овладеть разумом и разбудить все ощущения до такой степени, что они отражались на теле. Калеб почувствовал ком в горле, но его не должно было быть там. Он уже давно не был тем напуганным мальчиком, но все же, ничего не мог поделать с реакцией своего организма.

Его сердце неистово колотилось, ладони вспотели, и он повторял себе снова и снова, что это был всего лишь сон, но эмоции облепили его, как густая патока. Как он ни старался стереть их из своих мыслей, они оставались, переходя из одной формы в другую, выражаясь то радостью, которую он испытывал с первого момента принятия, то тоской от осознания будущего.

Реза погиб. Рафик сжег тело Нарви там, где Калеб его и убил - внутри дома. Он не стал искать выживших, и никого не предупредил о грядущем пожаре.

Однажды утром, после завтрака, Рафик поведал обо всем Калебу, когда, тот, наконец, нашел в себе достаточно смелости, чтобы спросить о том, что произошло.

Оставшись наедине с собой, он оплакивал своего друга и других мальчишек, обжигая себя раскаленной ложкой, которой помешивал фасоль. Ошпаривая свое тело, он пытался представить, что испытывал Реза в последние мгновения своей жизни. Калеб убил своего единственного друга, и, в конечном счете, единственный шрам, в память об этом остался внутри него, тогда как тот, что был снаружи, сменился новой кожей.

Калеб хотел принять еще один неимоверно горячий душ, который вытеснил бы все мысли из его головы, но знал, что это неразумное поведение, и скорей всего, продолжению его миссии это доставит больше вреда, чем пользы.

Калебу давно не приходилось испытывать такое количество неконтролируемых эмоциональных всплесков. Да, порой ему требовалось ощущать боль, но между этими потребностями проходили довольно продолжительные промежутки времени. А за последние несколько недель, ему слишком часто приходилось бороться с этим чувством.

Так больше не могло продолжаться. Рафик сделал то, что должен был сделать. Калеб стал таким мужчиной, каким *он* был нужен Рафику, а для этого, ему нельзя было оставлять свидетелей, знавших его, как Пса Нарви.

Тогда это была тяжелая и жестокая правда, которую понимал Калеб-мужчина, но никогда бы не понял Калеб-мальчик. Реза поступил бы точно также.

Перевернувшись на полу, Калеб сел и стал наблюдать за Котенком, спящей на кровати, над ним. Она много ерзала, время от времени дергая под одеялом ногами, Калебу показалось, что она хотела повернуться на бок, или лечь на живот, но даже во сне боль держала ее в относительно ровном положении.

В его памяти тут же всплыли ранее произнесенные ею слова:

- *Ты можешь не продавать меня... я могу остаться с тобой… быть с тобой.*

Он вздохнул, желая, чтобы все было вот так легко и просто.

Что бы Рафик ответил на такую просьбу? Да и можно ли было ее вообще озвучивать? В конце концов, Калеб был мужчиной, к тому же, опасным.

Возможно, ему нужно было только проинформировать Рафика о том, как все идет, и двигаться дальше. Девушка были избита, все ее тело было покрыто синяками, а ее девственность… для Рафика она была под вопросом.

Можно ли было считать просьбу Котенка “дохлым номером”?

Хотя, честно говоря, это бы ничего не исправило. Он навсегда останется ее похитителем, а она всегда будет его пленницей. Ему нужно перестать кидаться из одной крайности в другую. Он принял решение и должен придерживаться его. Конец истории.

Еще немного поерзав на кровати, Котенок захныкала и, наконец, открыла свои глаза.

Ее грудь поднималась и опускалась от глубокого, тяжелого дыхания. Очевидно, Калеб был не единственным, кто страдал от ночных кошмаров. К ее чести, она не закричала и не позвала его на помощь.

Оглядев комнату, и поймав его взгляд, она отвернулась и медленно села.

- Доброе утро, - сказал он с иронией.

Она кивнула, но больше ничего не ответила. Стянув со своих ног одеяло медленным, затрудненным движением, и с усилием встав с кровати, она прошла в ванную комнату и закрыла дверь.

Через несколько секунд, он услышал, как открылся кран над раковиной.

Калеб задался вопросом, как она планировала воспользоваться туалетом, ведь он был вделан в пол, и для осуществления своих целей ей нужно было садиться на корточки. С ее повреждениями ей было бы сложно держать равновесие, но он решил, что сейчас, личное пространство ей было куда нужнее помощи.

Калеб стал наводить в номере порядок, попутно собирая вещи, которые ему понадобятся на день грядущий. У них обоих было не так много выбора в одежде, но учитывая, что в пути им осталось провести всего один день, это было не так уж и важно.

Изучив купленные им в городе продукты, он нашел бананы и печенье с малиной. Для завтрака сойдет. Кроме того, у них оставалось достаточно запасов питьевой воды.

Взглянув на часы, он отметил, что было всего половина шестого утра. Чем раньше они отправятся в дорогу, тем лучше. Даже если на оставшийся путь им потребуется не меньше двенадцати часов, то до Тустепека они доберутся в послеобеденное время. Но прежде, ему придется сделать остановку в городе.

Взяв в руки мобильный, Калеб набрал номер Рафика.

- *Салам.*

- Почему ты не отвечал на звонки?

- А должен был?

- А какого хрена нет? Мы партнеры или за последние два дня Джаир успел сменить меня на этой позиции?

Рафик рассмеялся. Это был тот самый смех, который Калеб терпел в течение многих лет - презрительный, глумливый смех, целью которого было ставить Калеба на место - ниже своего хозяина.

- Не будь ребенком, Калеб. Именно ты сделал наш последний разговор таким неприятным. Джаир едва ли метит на твою позицию, чтобы вызывать твою ревность.

- Я не ревную, я раздражен, а ты делаешь только хуже. Где ты?

- А где ты, Калеб? Где девчонка?

Сделав глубокий вдох, и убрав телефон от лица, Калеб выдохнул. Это был момент истины.

- Мы в Сакатекасе. В Тустепеке будем, самое позднее, к утру.

- К утру? - заметил Рафик, - От Джаира и твоих заложников тебя отделают сутки езды, почему у тебя это заняло так много времени?

- Нас задерживает девчонка и ее травмы. Из-за нее мне приходится останавливаться.

- Разъезжая с ней вот так, ты вызываешь подозрения.

Рафик сделал паузу. Его дыхание скрежетало так же, как и его голос. Калеб был готов к этому.

- Она - финальная часть этого плана, Калеб. Она должна быть готова. Она должна быть идеальной. И если ты не можешь с ней справиться, я буду более, чем готов взять ее на себя.

Калеб сжал челюсть с такой силой, что услышал хруст собственных зубов.

- Все будет в порядке, Рафик. Я все сделаю, - выплюнул он.

- И прекрати сомневаться во мне. Я знаю, что мне нужно делать. Это все, о чем я думаю.

- А что насчет заложников, которых ты взял? Какие у тебя планы на них?

- Месть. Естественно.

Рафик рассмеялся, - Вот и ты, *брат.* Я начал уже было беспокоиться. На этот раз не кипятись. Насколько я слышал, эта парочка может нам пригодиться.

В груди у Калеба поселилось странное чувство, - Где ты?

- Близко.

- Отлично. Значит, скоро увидимся.

Он раздраженно нажал на кнопку отмена вызова.

Котенок вышла из ванны, выглядя немного потерянной. Прошлая ночь развела их по разные стороны, и сейчас от Калеба зависело удержать свой статус-кво, который он установил.

Положив телефон на стол, он направился к своей пленнице.

Увидев его приближение, она опустила взгляд в пол, сцепив руки перед собой. Ее нервозность была такой очевидной, но, тем не менее, такой соблазнительной.

Проведя руками по ее лицу, осторожничая, чтобы не задеть синяки, Калеб убрал ее волосы назад, за плечо.

- Всякий раз, когда ты входишь в комнату, и твоя цель неясна, всегда становись на колени, рядом со своим Хозяином.

Не сомневаясь ни секунды, Котенок подчинилась, медленными движениями встав коленями на пол.

- Хорошо, - прошептал Калеб, - а теперь раздвинь колени и сядь на лодыжки, положив руки на бедра, ладонями вверх, и опустив голову. Твой Хозяин сможет видеть каждую часть тебя и знать, что ты не сдвинешься с места, пока он не скажет. Тебе понятно?

- Да, - прошептала Котенок, с некоторым сомнением, - Хозяин.

Неуверенно, она приняла нужную позу.

На ней была ночная сорочка, скрывающее ее тело от глаз Калеба, но он знал его достаточно хорошо и понимал, что конкретно упускает, отчего его тело стало невольно отзываться.

- *Leet sawm k'leet sue (Лицом к лицу)* - это по-русски. Когда ты слышишь этот приказ, ты ложишься на спину с раздвинутыми коленями, притянутыми к груди. Придерживай ноги за коленями.

Выйдя из предыдущего положения, Котенок уставилась на него умоляющим взглядом. От волнения у Калеба перехватило дыхание. По крайней мере, она была податливой и выполняла его приказы.

Это чувство было опьяняющим, но в чем-то опустошающим, так как он учил ее приказам на русском языке.

- *Leet sawm k'leet sue (Лицом к лицу),* - повторил он.

Выражение его лица было жестким, глаза серьезными.

Уголки губ Котенка опустились вниз в легкой гримасе, а ее подбородок задрожал от усилий не расплакаться, но она кивнула. Мучительно медленно она легла на пол.

Она посмотрела в потолок и из ее глаз брызнули сдерживаемые ею слезы, скользя по вискам и затекая мокрыми дорожками в волосы. Для нее это было трудно, и Калеб знал, что так и будет, но это было самым простым из того, что ее ожидало впереди.

Он испытывал чувство вины наравне с сильным желанием, проникающим в его кровь. Вина была ничем по сравнению с непреодолимым желанием обладать Котенком в полной мере. И если это делало его развратным психом, то он уже давно это принял.

- Ноги, Котенок. Подними их.

Он наблюдал за тем, как ее колени стали сгибаться, и он сам чуть не согнулся пополам от возбуждения, когда потянув руками за свою сорочку, она подняла материю к бедрам. Он не ожидал, что она обнажится для него, но она это сделала.

Его член начал твердеть в такт его барабанящему сердцу, наполняясь, удлиняясь и умоляя выпустить его наружу.

Притянув колени к груди, Котенок сжала сорочку, задранную до талии, в кулаках. Ее киска была как на ладони - розовые лепестки раскрыты и налиты, а над ними возвышался аккуратный клитор.

Резко втянув в себя воздух, Калеб сглотнул.

Он мог бы смотреть на нее вечно, но целью этого упражнения было не его желание.

Это был самый выразительный способ восстановить их роли. Сегодня не должно было быть ни вспышек эмоций, ни споров в дороге, ни размышлений о жалости к ней.

- Ты, действительно, там очень красивая, Котенок.

Она хныкнула.

- Не понял? - рявкнул он.

- Спасибо, Хозяин, - исправилась она.

- Очень хорошо, Котенок. Теперь можешь опустить ноги.

Ее движения были быстрыми, он и представить себе не мог, что с ее травмами такая поспешность была возможной, но оставил это без комментариев. В равной степени он проигнорировал и ее всхлипывания.

- *Lye zhaash chee (Лежачее),* означает *лечь ничком.* Тебе понятно значение слова?

Рыдая, Котенок кивнула, - Да, Хозяин.

- Тогда перевернись на живот.

- Мне будет больно, - сказала она.

- По крайней мере, попытайся. Всегда старайся подчиняться. Позволь мне беспокоиться о том, что ты сможешь, а что не сможешь вынести, поэтому, возвращайся в исходное положение, спиной ко мне, - сказал Калеб.

Его слова были четкими и обсуждению не подлежали.

- *Lye zhaash chee* (*Лежачее).*

С губ Котенка снова сорвался хныкающий звук, но быстро сжав губы, и задержав дыхание, она попыталась перевернуться, словно черепаха, вылезающая из своего панциря. Калеб хотел помочь ей, и это напомнило ему о том первом случае ее неподчинения, когда он докрасна шлепал ее по груди, пока она не сдалась. Казалось, с тех пор прошла целая вечность.

Через минуту или две, она, наконец, заняла исходное положение. И теперь Калеб снова любовался тем, как ее попа опиралась на ее босые пятки.
- А теперь наклонись вперед, и приподними свой зад. В идеале, твои руки должны быть вытянуты перед собой, но сейчас держи их там, где тебе удобно.

Котенок мужественно выполнила приказ. Она предпочла держать свои руки скрещенными на груди, упираясь щекой в пол.

Сорочка скрывала от Калеба весь вид, поэтому, сделав шаг вперед, он поднял ткань, оголяя ее округлую попу.

- Ох, Котенок. Нравишься ты мне в этом положении. *Очень* нравишься.

В его словах не было ничего, кроме правды.

Не в силах устоять, он провел рукой по приоткрытым ягодицам и медленно раскрыл их еще шире. Котенок дрожала, но в остальном держалась стойко под его блуждающими пальцами.

- Можно мне тебя потрогать? - спросил он с намеком на вызов.

В течение нескольких секунд стояла полнейшая тишина, после чего, она ответила, - Да, Хозяин.

Калеб улыбнулся - это был тот самый ответ, который он ожидал услышать и тот самый ответ, который она должна была дать. Она училась.

- Хорошо, Котенок. Я горжусь тобой, - сказал он.

Он погладил мягкую кожу на внутренней стороне ее бедер, отчего Котенок порывисто выдохнула, и Калеб принял этот звук за отчаяние.

В ее состоянии, всего несколько дней спустя после таких травм, это было слишком много. Она хорошо справилась и он, правда, гордился ею. Этого было достаточно.

Опустив ее сорочку на место, он снова усадил ее в исходное положение. По ее щекам струились слезы, что портило общий вид ее лица, но Калеб поцеловал ее в мокрые щеки, помогая ей вернуть свое спокойствие.

После того, как он дал ей дополнительную дозу обезболивающего, он неспешно накормил ее завтраком, пока она тихонечко сидела между его коленями, и принимала все, что он ей давал.

Глава 8

День 9:

Доктор Слоан не спрашивает меня, почему я плачу, видимо она считает, что знает причину. Хотя, я бы предпочла, чтобы она все-таки спросила меня.

- Я знаю, о чем ты думаешь, - говорю я, но это звучит как обвинение.

Доктор Слоан прочищает горло, - И о чем же я думаю?

- Что Калеб ужасен и жесток, а я глупая, раз люблю его.

Несколько иронично покачав головой, она, как мне кажется, беспристрастно отвечает мне, - Я совсем не думаю, что ты глупая. Даже наоборот, я считаю тебя необычайно храброй.

Я презрительно усмехаюсь.

- Точно. Храбрая. Рид сказал то же самое.

Я слышу, как царапает по листу ее ручка, пока она вносит дополнительные записи, - Значит, у тебя есть второе мнение. Ты не считаешь свои действия храбрыми?

- Не особо. Думаю, я просто делала то, что должна была делать. Калеб всегда говорит, что человек должен делать все, чтобы выжить. Выживание - это единственное, что имеет значение.

- А ты не считаешь, что выживание - это храбро?

- Я не знаю. Думаешь, тот парень, придавленный булыжником, отрезал себе руку, потому что он был храбрым? Это всего лишь инстинкт.

- Это называется бороться или бежать, и в зависимости от обстоятельств, один человек, несомненно, бывает храбрее другого. При твоих обстоятельствах, то, что сделала ты - очень храбро. Ты здесь, Оливия. Ты выжила.

- Я бы не хотела, чтобы ты меня так называла. Мне это не нравится.

- Ты бы предпочла мисс Руис? Агент Рид говорит, что ты не возражаешь против такого обращения.

- Да? Что еще он рассказал тебе обо мне?

Она застенчиво улыбнулась, и внезапно у меня закрались подозрения касательно их отношений. Мне не нравится, что они говорят обо мне.

- Мы должны обсуждать дело, мисс Руис. Мы обмениваемся всей информацией и записями, так же как и интуитивными выводами, которые у нас могут сложиться. Я говорила тебе об этом.

- Я знаю. Так что он рассказал обо мне?

В отношении Рида меня одолевает странное, не ослабевающее любопытство. Не знаю, что в нем такого, но, определенно, что-то есть.

- Он сказал, что ты хулиганка, - говорит она, но ее глаза улыбаются. Я тоже слегка улыбаюсь. Такого Рид мне не говорил.

- Вернемся к нашей теме. Почему ты не считаешь себя храброй?

Я вздыхаю, - Я не знаю. Думаю... я здесь потому, что этого хочет Калеб.

Мы погружаемся в неловкое молчание. Я теряюсь в своих мыслях.

Этого. Хочет. Калеб. Я думала, что сделала все, что он хотел, изо всех сил пытаясь сделать его счастливым, но в конечном итоге... это не имеет значения.

- Ты продолжаешь говорить о нем в настоящем времени, почему?

В своем воображении я вижу его лицо, такое прекрасное и такое грустное. По его щеке размазана кровь, но мне все равно. Я уже не брезгливая. Это лицо мужчины, которого я люблю, единственного, которого я любила и мне сложно представить, что когда-нибудь будет другой.

Я вытираю новый поток слез. *Этот ублюдок...*

- Так легче, - наконец, отвечаю я, - мне не нравится мысль о том, что его больше нет.

Слоан кивает.

- Продолжай, расскажи мне о том, что случилось дальше.

- На самом деле, ничего особенного, после завтрака, он помог мне одеться. Затем, он привязал меня к кровати, вставил в рот кляп и ушел на несколько часов.

Теперь я понимаю, куда он уходил - в банк, но не знаю, следует ли мне говорить об этом Слоан. Опять же, Рид уже знает про деньги.

- Он ходил в банк, - добавила я.

Слоан возвращается к своему блокноту и делает какие-то записи.

- Почему здесь нет Рида? Почему вы приходите не в одно и то же время?

- У агента Рида и у меня разные должностные обязанности. Его интересует дело, меня же, наравне с делом, интересует твое самочувствие.

- Значит, ты хочешь сказать, что ему по барабану то, что со мной происходит.

Я не шокирована этой информацией - я уже знаю, что это правда, но все же, ее больно слышать от кого-то другого.

- Я этого не говорила. Пожалуйста, не переиначивай мои слова, - говорит Слоан.

Думаю, я поставила ее в неловкое положение, но не могу сказать, по какой причине.

- Агент Рид говорит, что ты поцеловала его...

У меня расширяются глаза, и слегка приоткрывается рот. Не могу поверить, что он рассказал ей! Зачем он это сделал?!

- И что!?!

Мое лицо вспыхивает, и я уверена, что это происходит в равной степени и от смущения, и от злости.

Ее бровь приподнята, уголки губ слегка сжаты - эту сторону Слоан я еще не видела.

- Я тебе не враг. Пожалуйста, прекрати занимать такую оборонительную позицию. Он рассказал мне об этом потому, что беспокоится о тебе, и единственная причина, по которой я подняла этот вопрос - только что высказанные тобой слова о том, что ты не заботишь его.

- Отлично! Я его поцеловала.

Я отвожу взгляд от Слоан в сторону окна.

Только Рид пользуется комнатой для допросов воспитанников детского сада, чтобы поговорить со мной. Наверное, я заставляю его нервничать. Хорошо.

- Почему?

- Потому что у него было то, что я хотела.

Как только эти слова срываются с моих губ, я понимаю, в каком должно быть свете они меня выставляют, но не могу сказать, что меня это особо волнует.

Я сосредотачиваю свое внимание на голубе, гуляющем взад и вперед за моим окном. Я завидую голубю. Ему не нужно заморачиваться об окружающем мире, кроме еды, сна и порчи статуй в парках. Это и есть жизнь.

- Это единственная причина?

Она пытается придать своим словам невинный смысл, но я знаю, что ничего из произнесенного ею, не бывает невинным, включая эти ее безумные рассказы о вариативной таксидермии.

Довольно легко забыть о том, что Слоан является агентом ФБР и что она обучена заниматься такими делами, как мое. Она производит впечатление весьма сопереживающего, даже ранимого человека, но она бы не была там, где она есть, если бы под ее овечьей шкурой не пряталась волчица.

Я отвожу взгляд от окна и смотрю на нее, заставляя себя нагло улыбнуться, - Ты ревнуешь, Джэнис?

Она и глазом не моргнула - Кого, Оливия?

Я снова улыбаюсь, и на этот раз, на ее лице появляется ответная улыбка. Да, у Слоан есть зубки. Мне это нравится.

Наша совместная баталия продолжается еще несколько минут. Она задает мне вопрос, на что я, перефразировав, задаю его ей обратно, после чего она снова задает его мне. Это могло бы показаться бессмысленным разговором, но я думаю, что с каждым подобным обменом, мы чуть больше узнаем друг о друге.

Но все же, я бы предпочла иметь дело с Ридом. И я не забыла сказать об этом Слоан.

- Знаешь, я не могу назвать это чем-то необычным. Некоторые жертвы насилия, как правило, тяготеют к сильным, властным мужчинам... таким, как агент Рид. Кроме того, они склонны воспроизводить поведение, ожидаемое от них их же насильниками, особенно, если это поведение сексуального характера.

Я чувствую себя так, словно она окунула меня в кипящее масло.

- Не надо. Не надо проводить со мной эту психотерапийную херню. Это был гребаный поцелуй, а не залог моей нетленной привязанности. И к твоему сведению, я не какая-то сломленная жертва насилия, которую тебе нужно приводить в чувство. Я в порядке.

Я снова начинаю плакать, и я ненавижу себя за это. Когда мои глаза, наконец, перестанут слезиться?!

- Прости, Ливви. Я не хотела тебя расстраивать, - говорит Слоан.

Ее слова искренни, и это раздражает меня еще больше, чем ее предположение о том, что я какая-то ненормальная. А разве нет?

Ты уже не знаешь, кто ты такая. Тебе некуда идти из этой больницы.

- Думаю, на сегодня достаточно. Хочешь остановиться? Мы можем поужинать в кафетерии, либо пойти в комнату отдыха и поиграть в карты, или шашки? Я обожаю шашки.

- Слоан?

- Да?

- Ты опять это делаешь.

Стерев с лица слезы, я сморкаюсь в салфетки - забавно, они всегда лежат наготове, рядом с моей кроватью.

Глубоко вздохнув, Слоан откидывается назад на спинку своего стула. Выражение ее лица непроницаемое, как будто она сама не знает, что чувствует, о чем думает, или что хочет сказать.

Наконец, слегка кивнув самой себе, она открывает рот.

- Я не думаю, что ты сломлена. Я не собираюсь 'подвергать тебя психоанализу', ну..., - она невесело смеется, - по крайней мере, вслух, но я считаю, что в тебе есть некоторые трещины, которые надо залечить. За последние месяцы ты прошла через очень многое, и я необычайно поражена тем, что ты отделалась только этими трещинами. Ты должна быть сломленной, но это не так. Трещины можно заделать, и веришь ты мне или нет, но вокруг тебя масса людей, желающих тебе помочь.

С неимоверным трудом я сглатываю. Я не хочу больше плакать. Я вообще не знаю, чего хочу, кроме Калеба.

Думаю, я бы с радостью вернулась в особняк, если бы это означало, что я снова буду с Калебом. Я бы пережила все это заново.

Знаю, что это не совсем разумно, и я беспокоюсь, что возможно, Слоан и Рид правы - я больна на всю голову, ведь ничего из того, что я чувствую, не является реальным.

- *Ты не знаешь, чего ты хочешь, Ливви, а то, что ты думаешь, ты хочешь - навязано тебе промывкой мозгов.*

Даже Калеб сказал о том, что моя любовь не настоящая, но... я чувствую ее. Я чувствую, что моя любовь к нему гораздо сильнее и глубже, чем все то, что я когда-либо испытывала в жизни. И если вдруг выяснится, что они правы, а я ошибаюсь... *это* меня сломает.

Выживание... это самое важное.

***

Думаю, это было неплохое утро. Я особо не стремлюсь разговаривать со Слоан, но поиграть с ней в шашки было несколько забавно. Уверена, что в процессе игры она не переставала анализировать меня, задавая провокационные вопросы под видом обычного диалога, но большей частью, мы говорили о жизни вне стен этой больницы.

Я немало пропустила за лето.

Для начала, я пропустила окончание школы. Не знаю, что я чувствую по этому поводу. Наверное, я не особо переживаю, что странно. Ведь всего лишь четыре месяца назад это казалось мне таким важным. Думаю, я до сих пор числюсь в выпускницах. До того, как я ушла, у меня были отличные отметки.

Ушла, забавно.

Николь поступила в университет. Несколько раз она звонила мне в больницу, и мы немного поболтали с ней о всяких пустяках. Я избегаю разговоров на важные темы.

Она предложила отпроситься со школы на несколько недель, чтобы приехать ко мне, но я просила ее не утруждать себя. Я в порядке и у меня полно всяких дел, которые идут своим чередом. Отговорить ее от приезда оказалось шокирующе простым делом.

Чужая жизнь продолжается. Даже если твоя закончена.

Перед тем, как уйти из больницы, Слоан сказала, что чуть позже она снова вернется. Как-будто я просила или когда-либо хотела ее присутствия - сумасшедшая женщина.

Посмотрю *'Ответы на вопросы по сто баксов от Алекса'*.

Но все же, мне бы хотелось заняться чем-нибудь еще, помимо просмотра телевизора, лежа в кровати. Я сходила в библиотеку, но ее содержимое показалось мне совершенно не впечатляющим.

Совсем скоро на очередное интервью (больше походившее на допрос) должен был прийти Рид, и я испытываю некоторое волнение от предстоящей с ним встречи. Когда он злится на меня, в его карих глазах я почти вижу Калеба. Это глупо, но я практически живу ради этих мимолетных видений.

Уже несколько дней у меня ничего не болит. Мои синяки исчезли, царапины зажили. Когда все пройдет, будет так, словно все доказательства моего времени, проведенного с Калебом, стерлись. Обняв себя руками, я сжимаю себя до тех пор, пока эта мысль не проходит.

Если бы месяц назад, кто-нибудь сказал мне о том, что я буду грустить без своих увечий, я бы назвала этого человека придурком и наваляла бы ему, до кучи. Но вот она я - девочка без отметин и без причин продолжать двигаться дальше.

- *Это неправда, зверушка. У тебя есть все причины,* - шепчет мне на ухо Призрак Калеба.

Я не знаю, делает ли меня сумасшедшей тот факт, что я слышу его голос в своей голове, но меня это не волнует. Потому как, это единственное, что у меня осталось после заживших ран. И я не могу потерять его. Кроме того, я знаю, что этот голос - ненастоящий, и неважно, насколько бы мне хотелось обратного.

Мне нравится мысленно проигрывать его голос по ночам, когда в больнице становится тише, и я могу сосредоточиться на том, чтобы сделать его настолько реальным, насколько это возможно. Раздвинув ноги, я ласкаю себя, вспоминая его губы, засасывающие мою грудь, и его пальцы, кружащие на моем клиторе.

Если очень, очень сильно постараться, я слышу его, чувствую его, даже воспроизвожу его запах… но я не могу ощутить его поцелуя.

Обычно, кончив, я плачу. И именно об этом, я никогда не скажу Слоан. Я абсолютно уверена, что она посвятит целый день изучению этой информации.

В ожидании Рида я с пользой провожу время: принимаю душ, надеваю до ужаса сексуальную больничную одежду для душевнобольных - серые штаны и рубашку. Судя по обстановке, можно подумать, у них есть что-то более веселое, но потом на ум приходит комната 'сделай своими руками', и я решаю, что это даже к лучшему.

Оттенок моей кожи стал желтоватым.

Мне приносят ужин, и я ем сырую морковь, и безвкусную - несмотря на подливу - говядину, запивая все это молоком. В добавление ко всему я ем зеленое желе.

Во время моего похищения Калеб и то кормил меня лучше, чем эти люди. Я смеюсь над собственной шуткой.

- Что-то смешное, мисс Руис? - подняв глаза от своего подноса, я вижу Рида.

- Да, - говорю я, - что-то очень смешное, Рид.

Он улыбается, не разжимая губ, но все равно это очень мило.

Интересно, у Рида есть девушка? Он не носит обручального кольца. Какой бы она могла быть?

- Может, поделитесь, или для начала вам нужно вытянуть из меня как можно больше поблажек? - говорит он, попутно проходя в мою палату, и становясь у подножия кровати.

- Ты забавный, Рид. *Мне* вытянуть из *тебя,* это круто.

Он снова улыбается и пожимает плечами. Я передразниваю его.

- Я смеюсь потому, что еда здесь просто ужасная, и Калеб кормил меня намного лучше. Кажется, *это* место и есть настоящее заточение.

- Одно слово и я позабочусь о вашем переводе в Пентагон. Слышал, по четвергам там дают вкуснейшие спагетти.

Поставив свой портфель на стул, он облокачивается о стену.

- Ого, спасибо. Думаю, я просто смирюсь с ужасной едой. Если я и покину это место, то только в свое новое жилье в каком-нибудь городишке на среднем западе страны, где вы захотите меня спрятать.

Я одариваю его своей самой милой, самой снисходительной улыбкой.

- Кстати, как обстоят дела с этим?

Рид невозмутимо мотает головой. Не то, чтобы я ожидала от него реакции, но этот парень никогда не теряет своего хладнокровия... до тех пор, пока его не выведешь из себя. Я снова улыбаюсь, шире, во все тридцать два, и теперь моя улыбка даже отдаленно не напоминает милую.

Мысль об обещании, кажется, единственное, что нас объединяет.

- Тогда давайте сразу приступим к делу, мисс Руис. На досуге я занялся изучением вашего парня и его друзей-террористов, и у меня есть к вам несколько вопросов, первый: Когда вы познакомились с Мухаммадом Рафиком?

Рид умеет разрушить любое подобие приятного момента. Этот мужчина - робот и он запрограммирован на одну цель: любым способом добраться до плохих парней. Я бы уважала его, если бы он не пытался разрушить мою жизнь. С другой стороны, он напоминает мне Калеба.

- Мы остановились не на этом, Рид. Ты обещал, что я смогу рассказать тебе всю историю.

Он вздыхает.

- Покинув больницу, доктор Слоан позвонила мне. Позже я получу все ее записи, но к данному моменту единственное, что ей удалось узнать у вас - это признание, что именно Калеб положил деньги на ваш счет в Сакатекасе. Двести пятьдесят тысяч долларов - это большие деньги, чтобы переводить их на счет девушке, которую он планировал продать. Несомненно, мне хочется обсудить этот вопрос, но прямо сейчас важнее побольше узнать про Рафика. Когда вы с ним познакомились?

Рид был здесь меньше десяти минут, а уже успел довести меня до белого каления.

- Я не знала о том, что он делал. Я до последнего не знала, что он оставил мне деньги.

Запнувшись на секунду, до меня доходят его слова, и я начинаю злиться и на Слоан, потому что за три, проведенных с нею часа, она обратила внимание *только* на то, что Калеб ходил в банк? Это очень жестоко. В последнее время, все окружающие меня люди прямо-таки полны сюрпризов.

- Рафик, мисс Руис. Когда вы познакомились с ним? - Рид, видимо, решил отказаться от навязчивой обстановки 'детской комнаты' и допрашивать меня прямо в моей палате.

Что касается меня, то мне это подходит.

- Впервые я увидела его, когда мы приехали в Тустепек, - прошептала я.

Это не та часть истории, которую я хотела рассказать, но я знала, что должна была это сделать. И вся правда была в том, что я хотела, чтобы Рид попал на этот аукцион. Я хотела, чтобы он выследил и арестовал этих ублюдков и освободил рабынь.

Я в долгу перед ними. Я в долгу перед собой. Я в долгу перед Калебом.

- Он ждал нас.

На мгновение мы с Ридом умолкаем. Вытащив из кармана пиджака диктофон, он нажимает на кнопку записи и кладет его на кровать.

- Позже, это поможет мне еще раз, но уже внимательнее исследовать ваше заявление. Я знаю, это сложно, мисс Руис. Я также знаю, что вы думаете, будто я не хочу помочь вам, но это не так. Просто мне нужно выполнить свою работу и заставить этих людей заплатить за то, что они сделали с вами, и с множеством других женщин и детей. Там были дети... вы знали об этом?

Я отрицательно мотаю головой. Я ненавижу его за то, что он заставляет меня проходить через все это. Я не могу думать о страданиях детей.

Больше никаких шуток и противостояний.

Тихо подняв свой портфель, Рид ставит его на пол, а сам садится на стул.

Прочистив горло, я облизываю губы. С этого места и начинается реальная история.

***

Не могу назвать точное время нашего прибытия, но солнце зашло незадолго до этого. В пути мы с Калебом почти не разговаривали. Мне действительно нечего было ему сказать, кроме того, что в последствие обернулось бы для меня наказанием.

Мое сердце неистово стучало, пока мы ехали по, как мне показалось, бесконечной подъездной аллеи. Человек, владевший этим особняком, определенно, был при деньгах и старался сохранять в тайне свою личную жизнь.

Наш пункт назначения был скрыт большими деревьями, но вдали я смогла разглядеть мерцание огней.

Скоро. Скоро я потеряю все, что когда-либо было для меня важным.

Я ругала себя за то, что не предприняла больше ни единой попытки сбежать, даже если едва могла ходить, не говоря уже о том, чтобы бегать. Но все равно, даже если бы я умерла в процессе, я должна была попытаться снова. Смерть, наверное, лучше того, что меня ожидало.

Я знала, что как только я переступлю порог этого дома, я навсегда стану секс-рабыней. Знаю, что Калеб говорил, что это продлится всего лишь два года, но я уже не верила в это. Да и как я могла?

- Не плачь, Котенок. Я никому не позволю причинить тебе вред. Подчиняйся и все будет хорошо.

Слова Калеба должны были успокоить меня, но его тон был лишен каких-либо эмоций. Казалось, даже он не верил в то, что говорил.

Еще сильнее обняв себя руками, я закрыла глаза и попыталась собрать крохи своей выносливости. Я смогу это сделать, твердила я себе. Я смогу выжить. Я смогу протянуть до побега. Я не должна терять надежду. Кто-нибудь обязательно придет за мной.

Внезапно, грузовик остановился, и мужчина в смокинге попросил Калеба предъявить приглашение.

Мне очень хотелось позвать на помощь, но что-то подсказывало мне, что мужчина совершенно точно знал, почему меня сюда привезли, и последнее что мне

было нужно, это доказать Калебу, что он был прав относительно меня. Что я попытаюсь сбежать при первой же возможности. Это, конечно, было правдой, но у него не должно было быть такой уверенности.

- У меня нет приглашения, но я был приглашен - Калеб.

Все, что ему потребовалось - это назвать свое имя. Мужчина махнул нам рукой.

Проехав чуть дальше, Калеб остановил машину и, обойдя ее, открыл мою дверь. Взяв меня за руку, он медленно повел меня по аллее, пока кто-то забирал грузовик.

- Я могу идти сама!

Игнорируя боль в плече, я попыталась высвободиться из хватки Калеба. Я рыдала, совершенно не в состоянии остановиться. Я не могла поверить в то, что это происходит на самом деле.

Ты умрешь в этом доме. Не иди к своей могиле!

Я остановилась.

- Калеб. Пожалуйста, я тебя умоляю, не заставляй меня туда идти. Пожалуйста. Пожалуйста!

Я повернулась, чтобы убежать, но рука Калеба остановила меня до того, как я успела сделать хоть один шаг. Я попыталась вырваться, но боль прострелила все мое тело, особенно отдаваясь в плече.

Зажав мой рот рукой, и прижавшись к моей спине, Калеб полностью меня обездвижил.

- Котенок, даже не смей! - наполовину прошептал, наполовину прорычал он мне в ухо.

- Я предупреждал тебя не называть меня по имени. Я предупреждал тебя не убегать от меня. Так или иначе, ты зайдешь внутрь и ты ничего не сможешь с этим поделать. Прими это. Дыши и прими это.

Я рыдала и хныкала под его рукой, но должна признать, что его объятия постепенно меня успокоили. Моя паника была осязаемой, буквально пульсируя в моих венах, но руки Калеба были сильными. Сам Калеб был сильным.

Мои мышцы сопротивлялись, делая мою боль практически невыносимой. Я заставила свое тело немного расслабиться и заметила, что пальцы Калеба тоже расслабились. Он медленно убрал руку от моего рта. Задыхаясь от рыданий, я ловила ртом воздух.

- Шшш.

Он гладил меня по волосам, продолжая меня удерживать.

- Я знаю, что это страшно. Я знаю, что ты боишься. И я пытаюсь облегчить это для тебя настолько, насколько я могу, но ты не можешь меня ослушаться. Если кто-нибудь усомнится в том, что я не твой Хозяин... будет плохо, Котенок. Ты поняла?

Я сжала руку Калеба, обернутую вокруг моей талии.

Не оставляй меня, молча кричала я. *Не оставляй меня.*

Медленно кивнув, я позволила прикосновениям Калеба заверить себя в том, что он никому не позволит причинить мне вред. Чем дольше я буду подчиняться Калебу, тем больше я буду принадлежать ему, и никто не сделает мне больно. Никто, кроме Калеба.

Остаток пути мы прошли в полной тишине, но Калеб позволил мне держать его за руку. Я знала, что, в конце концов, он накажет меня за мой порыв... но это будет потом. Сейчас его злость была остужена, а его рука, по сравнению с моей, была теплой и сильной.

Как только мы подошли к деревянным дверям громадного особняка, Калеб прекратил меня утешать. Все мое тело дрожало, но я сохраняла голову опущенной, и старалась глубоко дышать.

Продолжительность моей безопасности, равна продолжительности моей покорности. Это могло быть и ложью, но сомнений моя хрупкая психика вынести не могла.

Калеб нажал на звонок, и через несколько секунд послышался металлический щелчок. Дверь со скрипом открылась.

- *Buenas tardes, Señor….*

Я отвернулась, пока Калеб и мужчина, открывший нам дверь, разговаривали.

Не вслушиваясь в их беседу, мне показалось, что я услышала пронзительный визг. У меня закружилась голова, и я подумала, что, возможно, виной тому, послужила моя паника, и адреналин, не покидающий мою кровь. Жадно втягивая и выпуская воздух из легких равномерными порциями, я заставила себя сделать глубокий вдох.

Положив руку мне на поясницу, Калеб подтолкнул меня внутрь, и я сделала это – первый шаг на пути к своему уничтожению. Потом еще один, и еще, и все это время я не отрывала глаз от своих ног, которые продолжали меня нести.

Пока мы шли, на заднем фоне играла музыка, и вскоре я не могла не заметить, что выглядело это место как роскошная гостиница. Полы были сделаны из мрамора и были устланы коврами винной расцветки, что лишь подчеркивало богатое убранство.

Я держалась рядом с Калебом, и он этому не препятствовал.

Внезапно, слева, я услышала громкий шлепок, сопровождаемый мучительным женским стоном. Проследовав глазами за звуком, мимо впереди стоящего мужчины, я увидела сцену, разворачивающуюся в примыкающей комнате.

Толпа хорошо одетых мужчин, и даже несколько женщин, наблюдали за тем, как мужчина в белом смокинге удерживал обнаженную женщину, перекинутую через свое колено. Ее черные волосы были убраны в сторону, открывая ее искаженное болью лицо.

Даже в таком унизительном положении, ее тело казалось грациозным. На ее бледной, белой коже отчетливо выделялись ярко-красные отпечатки ладони. Мужчина гладил ее спину, а она извивалась, приподнимая свой зад еще выше, словно умоляя его об очередном ударе. Когда он вновь ее шлепнул, я отвела взгляд в сторону. Женщина всхлипнула, но не закричала.

Именно этого Калеб ожидал от меня?

Я знала ответ. Я также знала, что с треском провалю это задание. Неважно, сколько раз Калеб шлепал меня - я всегда кричала и молила его остановиться, даже если после этого я сдавалась на волю оргазму, который он мне дарил.

- Один из гостей хочет вас видеть. Я отведу вас к нему, - сказал наш провожатый.

Пальцы Калеба дернулись на моей спине, и я почувствовала соответствующий толчок неподдельной паники.

- Это, случайно, не хозяин дома? Я бы хотел с ним познакомиться.

Не останавливаясь, провожатый ответил, - Нет, сэр. Хозяин дома - Фелипе Вильянуэва. Мы прошли мимо комнаты, в которой он был со своей рабыней - Селией. У сеньора часто бывают гости - ему нравится находиться в центре внимания.

Еще одна рабыня. Еще одна женщина, удерживаемая против воли в этом же доме.

Меня сейчас стошнит.

Эту бедную женщину унижали перед целой толпой незнакомцев, при этом она знала, что никто из них ей не поможет.

Калеб остановился, и я вздрогнула, когда его рука подтолкнула меня вперед. Наши взгляды встретились. Его голубые глаза были холодными и таили в себе что-то очень темное.

Я не хотела знать, о чем он думал. Я заставила себя идти дальше.

С каждым сделанным шагом и поворотом в этом лабиринте, звуки музыки и гостей медленно затихали. И, к сожалению, они окончательно были заглушены звуками кричащей женщины.

Не справившись с собой, я начала плакать. Отыскав руку Калеба, я вцепилась в нее обеими руками, и обернулась своим телом вокруг нее. Подняв глаза, я увидела, как провожатый открыл двери и крики стали еще громче.

Обменявшись с Калебом коротким кивком, провожатый оставил нас.

Проходя дальше, Калеб потащил меня внутрь. Сделав несколько шагов, Калеб остановился, и я почувствовала, как все его тело напряглось. Что-то заставило его впасть в оцепенение.

Женщина все еще кричала.

Подняв глаза, я увидела картину, от которой, в конце концов, потеряла сознание.

Нэнси, девушка, которая помогала байкерам в их попытке изнасиловать меня, та самая, которая смотрела, как эти мужики держали меня, пытаясь зажать с двух сторон. Именно та, которая бездействовала, когда они избивали меня руками и ногами! Все эти крики издавала она.

Она была голой и привязанной лицом вниз к чему-то вроде деревянного коня, в то время как мужчина с арабской внешностью вбивался в нее снова и снова.

Когда я пришла в себя, я поняла, что Нэнси больше не кричала.

Я лежала на бордовом кожаном диване, а на меня сверху, смотрело сердитое лицо Калеба. Не говоря ни слова, он поднес к моим губам стакан воды.

Я даже и не думала о том, чтобы заговорить. Я увидела, что могло со мной случиться, если Калеб вдруг оставит меня, поэтому я решилась сделать все возможное, чтобы расположить его к себе.

Внезапно, тишину нарушил мужской голос. Он говорил на языке, которого я не понимала. Это была та же самая быстрая, отрывистая речь, которую я слышала от Джаира.

Обмениваясь накаленными и напористыми репликами, мужчина в итоге *рассмеялся* над Калебом.

Я не осмелилась посмотреть в сторону этого голоса.

Брови Калеба сдвинулись и его глаза сконцентрировались на точке поверх меня, за моей спиной, - Она напугана. Сомневаюсь, что напугав ее еще сильнее, ты добьешься своей цели.

Мужчина зловеще усмехнулся, - Английский, *брат*? Ты хочешь, чтобы она понимала наш разговор?

В его речи присутствовал сильный акцент, но она была понятной.

- Она должна бояться. Очевидно, когда она заварила эту кашу, заставив тебя гоняться за ней, причинив тем самым массу проблем, она была недостаточно напугана. Джаир сказал, что ты был с ней мягок, - сказал мужчина.

У меня не было сомнений в том, что этот мужчина обладал огромной властью. Будь оно иначе, я не представляла, чтобы Калеб позволил кому-нибудь разговаривать с ним подобным тоном.

Голос Калеба стал громче, и он обрушил на того целый поток речи на непонятном мне языке; Арабский, подумала я. Если бы мне пришлось угадывать то, о чем они разговаривали, я бы предположила, что он высказывал другому мужчине свое недовольство.

Вдавившись в диван, я попыталась стать невидимой, пока оба мужчины обменивались своими репликами.

Наконец, Калеб сказал, - Хватит! Котенок, встань на пол в исходное положение.

Несмотря на бушующий во мне ужас, я не стала дважды прокручивать в голове его приказ и незамедлительно подчинилась. Быстро встав на пол у ног Калеба, я раздвинула ноги, положив руки на бедра ладонями вверх, и опустила голову именно так, как он и говорил.

- Я хочу на нее посмотреть. Иди сюда..., - он снова усмехнулся, - Котенок.

Я всхлипнула и задрожала, но не могла заставить себя сдвинуться с места. Прислонившись головой к ноге Калеба, я съежилась, умоляя его о защите, делая это как могла, не говоря ни слова, и не нарушая свою позицию.

Он обещал защитить меня. И теперь мне оставалось надеяться лишь на это.

Мужчина цыкнул, и я почти почувствовала излучаемую злость Калеба, но не знала, в чью именно сторону она была направлена. Однако на то, чтобы выяснить это, ушло не так много времени.

Рука Калеба оттолкнула мою голову в сторону, и он отошел от меня.

- Посмотри на меня, - сказал Калеб.

Он встал рядом с мужчиной арабской внешности. Тот как раз надевал на себя одежду, и я была несколько удивлена, увидев его в темном, хорошо пошитом костюме. Кое-где его рубашка была расстегнута, открывая темно-коричневую и слегка покрытую потом кожу.

Он был на несколько дюймов ниже Калеба, но, тем не менее, высоким, по моим меркам. Он был старше Калеба - возможно, ему было за сорок. Его глаза были темными и... мертвыми, казалось, что они были подведены сурьмой, но я знала, что это не так. Характерным признаком мужчин Ближнего Востока являлись длинные, густые, и темные ресницы. Но, несмотря на это, он не привлек меня, ни капельки. Он был монстром.

- Иди сюда, - сказал Калеб, и я точно знала, чего он хотел.

Приложив невероятные усилия, я каким-то образом умудрилась приползти к нему, не используя при этом свое травмированное плечо. В процессе, я увидела Нэнси, которая была без сознания, все еще привязанная, и с кляпом во рту. Я вздрогнула. Совершенно очевидно, что судьба Нэнси была мне до одного места, но никто не заслужил такого.

Обменявшись еще несколькими словами на арабском языке, стоящий передо мной араб обратился ко мне, - *Leet sawm k'leet sue (Лицом к лицу).*

Я посмотрела на Калеба, который повторил команду с некоторым раздражением.

Мои глаза наполнились слезами, но я легла на спину и раскрыла свои ноги, испытывая облегчение от того, что на мне была одежда. Что длилось ровно до тех пор, пока мужчина не нагнулся и не задрал мою юбку выше коленей.

Потеряв все самообладание, я одернула юбку вниз, и изо всех сил попыталась отодвинуться.

- Оставайся на месте! - крикнул Калеб, и мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться приказу.

Подойдя ко мне, он резкими движениями уложил меня на пол, и уже через несколько секунд я лежала в соответствующей позе, раскрывая свои самые интимные части перед этим незнакомцем.

Чувство предательства прожигало в моей груди огромную дыру, но голос в моей голове уговаривал меня быть умной, и не вступать в противостояние. Никто не причинил мне вреда... пока никто, и Калеб все еще сдерживал свое обещание.

- Едва ли можно назвать ее сломленной. У меня были более покладистые самки!

Сузив глаза, Калеб посмотрел на меня. Из-за меня он был выставлен в невыгодном свете. Теперь я знала это.

И до меня начало доходить, кем должно быть был этот мужчина. Рафик, откликнулось в моем сознании. Это был тот самый человек, которому Калеб был обязан, и именно он являлся причиной, по которой Калеб собирался меня продать.

- *Lye zhaash chee! (Лежачее),* - приказал Калеб и снова я сделала так, как он сказал.

Перевернувшись на другой бок и подняв свою попу кверху, я зарыдала в ковер, желая как можно быстрее выбраться из этого унизительного положения.

Калеб и Рафик продолжали говорить на арабском, игнорируя мои рыдания и осматривая меня. Рука Калеба скользила по моему телу, обнажая наиболее важные части меня. Одной рукой он гладил мою спину, пытаясь меня успокоить, в то время как другой, он водил по моим бедрам, притрагиваясь по очереди к каждой ягодице. Все выглядело так, словно Калеб пытался в чем-то убедить Рафика. Я надеялась, что это было в моих интересах, но у меня на этот счет были сомнения.

Наконец, Рафик смиренно выдохнул.

- Ладно, *брат*. Возможно, когда она поправится и должным образом обучится, я увижу в ней то, что видишь ты. Но на данный момент, я не особо впечатлен.

Калеб усадил меня обратно в исходное положение, поправляя мою одежду резкими, дерганными движениями, от которых мне захотелось съежиться. Несмотря на свое облегчение, я знала, что в ближайшее время мне придется заплатить за то неловкое положение, в которое я его поставила.

Стон, послышавшийся из угла, вернул наше внимание к Нэнси.

Рафик рассмеялся, - Теперь об этой, *брат*. Это - самая настоящая шлюха. Ее поимели почти все, но она продолжает кончать, в независимости от того, сколько раз или как жестко ее берут. Было бы жалко ее убивать, но, конечно же, выбор за тобой. Я никогда не лишу тебя права на благословенную месть.

Подойдя к Нэнси, он ее освободил. Она вскрикнула, когда он поднял ее, и я вся съежилась, увидев кровь и сперму, стекающую по обеим ее ногам, пока он заставлял ее идти к нам, ведя за волосы.

То, что она была здесь - моя вина. И как ни странно, но я была рада, что она обошлась со мной настолько жестоко, и принимала активное участие в моих мучениях. Иначе, я бы просто сошла с ума от того, что с ней сделали. Было трудно переварить увиденное. Я даже не могла себе представить, что было бы со мной, если бы это наказание она получила за то, что пыталась мне помочь.

Рафик бросил ее передо мной, и Нэнси рухнула на пол. Она плакала и рыдала, но больше всего я пришла в ужас от того, как она потянула ко мне свои руки, - Помоги мне, - плакала она, - пожалуйста, помоги мне.

На несколько секунд я застыла, но потом, схватив ее за руки, я начала отцеплять от себя ее пальцы до тех пор, пока она меня не отпустила. Я не хотела принимать в этом никакого участия.

Я отползла назад и осмелилась взглянуть на Калеба.

- Это твое решение, Котенок. Я не знаю, что между вами произошло. Я не знаю, какова была ее роль, но если ты хочешь, чтобы ее наказали, если ты хочешь ее смерти, просто скажи, и я позабочусь об этом, - сказал Калеб.

Он был ужасно серьезен. Я видела это в его глазах, и знала, какой ответ он хотел получить. Он хотел, чтобы я вынесла ей смертный приговор.

От Нэнси послышались судорожные рыдания, и на удивление те же самые звуки исходили и... от меня.

- Я не могу! - оплакивала я Нэнси.

- Я не могу это сделать! Она отвратительная. Она помогала им. Она держала меня, - рыдала я.

- Но я не могу убить ее, я не убийца!

Когда я выкрикнула слово 'убийца', лицо Калеба стало мрачным.

Он рванул вперед, и я вздрогнула, но его целью была Нэнси. Резко подняв ее голову, он повернул ее в мою сторону, и, не отрывая от меня глаз, начал что-то шептать Нэнси на ухо.

- Да! - закричала она, - Все что угодно... только не убивайте меня, - рыдала она.

Калеб отпустил голову Нэнси, и сделал это так, словно он только что прикоснулся голыми руками к куску дерьма.

- Ты слышала это?

Он указал на меня пальцем, - Она только что сказала, что убьет тебя, если за это мы сохраним ей жизнь. Такого человека ты хочешь спасти?

Моя голова буквально вибрировала от мощи его голоса.

- Нет! - рыдала я, - Я не могу, Калеб. Я не буду. Пожалуйста, пожалуйста, не делай этого. Не для меня.

- Калеб? - тихо сказал Рафик, его лицо перекосило, за чем последовал еще один стремительный поток арабской речи.

С ужасом, я поняла, что натворила.

- Хозяин... я не хотела!

Я взмолилась, - Я знаю, ты мой Хозяин. Пожалуйста, прости меня. Прости меня. Прости меня.

Повторяя эти слова, я раскачивалась взад и вперед. Без предупреждения, Калеб поднял меня на ноги, оставаясь совершенно равнодушным к той боли, которую он мне причинял. Послышалось больше слов на арабском, после чего он вывел меня из комнаты, подальше от Нэнси и ее страдальческих криков.

Глава 9

По воле Рафика, Калеб повел Котенка обратно на вечеринку. Хоть это и не было его прямым желанием, но в незнакомой обстановке величественного дома 'друга' Рафика, у него не было иного выбора, кроме как последовать за провожатым к остальным гостям.

Его мысли были переполнены злостью по отношению к Рафику, и ему требовалось некоторое время, чтобы обдумать все, что он чувствовал.

Почему Рафик уже здесь, и зачем он умышленно устроил Калебу засаду? Это не имело смысла, за исключением того, если только Рафик и Джаир не сговорились у него за спиной. Ему уже хотелось назвать произошедшее предательством, но это слово, пожалуй, было слишком громким, особенно учитывая все то, что Рафик сделал для Калеба в прошлом.

К тому же, Котенок тоже его разочаровала.

Он ведь предупреждал ее о послушании, предупреждал о том, что могло означать ее неподчинение перед Рафиком и всеми остальными, и, тем не менее, она его унизила. Но даже несмотря на все произошедшее, ее рука по-прежнему продолжала тянуться к его ладони в поисках банального утешения.

С того момента, когда Котенок увидела блондинку, она до сих пор не могла успокоиться, продолжая рыдать навзрыд. Смотря на нее, внутри Калеба все сжималось, и он не понимал почему.

Блондинка, несомненно, заслужила всего того, что с ней сделали. Сейчас ему уже было доподлинно известно, какую роль она сыграла в том, что произошло с Котенком. Она заслуживала каждую каплю той участи, которая ее настигла.

Женщина была жестоко избита. Все ее тело было покрыто следами от укусов и плетки, ее горло было сплошь изуродовано синяками, а глаза налиты кровью. Видимо женщину пытались душить. Рафик упомянул о том, что ее насиловали... жестко и неоднократно. Пытали. И все же, несмотря на то, что она получила по заслугам, Калебу претили методы жестокого изнасилования.

Он далеко не сразу смог прийти в себя, от вида крови и спермы, стекающих по ее ногам. И от того, что во всем этом непосредственное участие принимал его наставник.

Он хотел преподнести Котенку подарок, который для самого Калеба был всем – месть. Калеб был готов отдать все что угодно, лишь бы вернуться назад и увидеть кончину Нарви, самым медленным, наиболее болезненным и унижающим достоинство способом, но этому не суждено было сбыться. Нарви мертв и Калебу приходилось жить с осознанием того, что даже перед смертью он никогда не просил о пощаде и не раскаялся за мучения Калеба.

Унизительной пощечиной было для него, когда Котенок отказалась воздать своей мучительнице по заслугам, да еще и это выражение ее лица, когда она посмотрела на Калеба, словно на монстра, когда он предложил ей это. Он же не собирался заставлять ее смотреть на сцену отмщения!

Но здесь, сейчас, находясь в непосредственной близости к своей цели, он не мог позволить себе проявить слабость, особенно в том, во что была вовлечена Котенок. Этот момент был чрезвычайно важен, и, как и ожидалось, за всем этим неотрывно наблюдал Рафик.

В течение двенадцати лет они были партнерами, единственной целью которых было всеми возможными способами разрушить жизнь Владэка Ростровича. Эта была цель, ради которой они оба, как говорится, продали души дьяволу.

Гибли мужчины. Гибли женщины. Некоторых из них убивал Калеб. И все это ради того, чтобы в один прекрасный день насладиться своей местью.

Они расписались кровью на своей жизненной цели, но на финишной черте, Калеба начали одолевать абсурдные муки совести. Одна глупая девчонка ставила под вопрос все то, чего они с таким трудом добивались вместе с Рафиком. И когда Калеб оценил эту ситуацию более адекватно, он понял, каким это было безумием. Возможно, Котенку и не нужна была ее месть, но она абсолютно точно нужна была Калебу.

Калеб не отрывал глаз от спины провожатого, пока они проходили бесконечное количество поворотов и пролетов, чтобы оказаться среди гостей. Он понятия не имел, что повлечет за собой сегодняшний вечер, но ощетинившийся пес внутри него был во

всеоружии, и у него не будет ни капли жалости к тому, кто вдруг решит пошутить с ним – ни капли жалости даже к дрожащей девчонке рядом с ним.

Калеб с трудом подавил усмешку, вспомнив, как она выкрикнула слово *'убийца'* прямо ему в лицо. Да, он был убийцей. И он снова напомнил себе о том, что больше не мог позволить себе быть с ней мягким. Больше никакой снисходительности и милости. Ей придется уяснить, прямо сейчас, что милосердие с его стороны по отношению к ней, закончилось.

Наконец, услышав громкий гул посторонних голосов, Калеб испытал облегчение от того, что ему больше не придется слушать рыдания Котенка. Дойдя до остальных гостей, провожатый попросил Калеба подождать, пока он сообщит хозяину дома о том, что они готовы присоединиться к праздничному мероприятию.

О Фелипе Вильянуэва, Калеб почти ничего не знал, кроме того, что Рафик, очевидно, ему доверял. Рафик рассказывал, что они познакомились с ним много лет назад после политического переворота в Пакистане, в результате которого к власти пришел его генерал. По признанию Рафика они были не столь близки, что, скорей всего, было следствием щепетильности Рафика в вопросах доверия. Больших рекомендаций Калебу и не требовалось. Проще говоря, у него не было иного выбора.

Котенок, в который раз потеряв самообладание, прижалась к Калебу сзади и обняла его руками. Раздраженный, он с силой сжал пальцами ее запястья, заставив ее себя отпустить.

- Не смей ставить меня в неловкое положение перед всеми этими людьми, иначе мне придется преподать тебе урок. Что я говорил тебе делать, если твоя цель неясна?

Котенок рыдала, потирая свои запястья, но ей хватило здравого ума на то, чтобы принять свое исходное положение. Услышав, что она начала делать медленные вдохи, не привлекая к себе внимания, Калеб мгновенно успокоился. Погладив ее по голове, он произнес шепотом, чтобы никто другой не могу услышать их разговора, - Хорошая девочка, Котенок. Подчиняйся мне и я продолжу заботиться о твоей безопасности.

Он почувствовал, как она кивнула под его ладонью.

Еще не дождавшись окончания этого дня, он с ужасом ждал того, что может принести ему следующий.

В сторону Калеба и Котенка направлялся мексиканец, на вид лет пятидесяти, с темными волосами, зелеными глазами и впечатляющей бородой. Одет он был в необычный белый смокинг, и его манера поведения значительно отличалась от всех окружающих его людей.

Согласно краткому описанию, которое составил ему Рафик, Калеб знал, что это и был тот самый Фелипе. Только хозяин подобного особняка, в котором они сейчас находились, мог позволить себе облачиться в такой помпезный костюм для столь экстравагантной вечеринки.

Калеб, одетый в неподходящие ему джинсы и футболку, едва ли вписывался в эту компанию, и несколько смущался своего неопрятного вида. Ему очень хотелось познакомиться с этим человеком, находясь на равных условиях.

- *Bueno!* Вы должно быть, мистер К, - сказал мужчина официальным, но легким тоном.

- Мистер Р рассказал о вас много хорошего. Я - Фелипе. Добро пожаловать в мой дом.

У Фелипе был сильный акцент, но его слова оставались понятны.

Протянув свою руку лишь после того, как Фелипе протянул свою, Калеб обменялся с ним крепким рукопожатием.

Много лет назад Рафик учил Калеба тому, насколько важно не протягивать руки первым для приветствия, и не входить первым в комнату. Между людьми, встречающимися впервые, это устанавливало еле уловимую, но значимую динамику власти.

- *Buenas noches*, - поприветствовал Калеб.

Он медленно разжал свою руку.

- *Buenas noches*, - ответил Фелипе.

Его лицо было на удивление веселым и добрым, что казалось полной неожиданностью, учитывая, что он был другом Рафика. Однако, кому как не Калебу было известно, насколько обманчивой могла быть внешность, поэтому он не спешил делать выводы.

Взгляд Фелипе опустился вниз, на Котенка, и он расплылся в похотливой улыбке.

- Пожалуйста, говорите на английском. Мне нравится практиковаться при любой возможности. Вам, должно быть, тоже. Никак не могу определить, откуда у вас такой акцент?

Калеб напрягся, - Понятия не имею, о чем вы говорите.

Рассмеявшись, Фелипе продолжил, - Это она? Девчонка, в поисках которой вы перерыли всю Мексику?

Он усмехнулся, - Она не выглядит проблемной. Опять же, проблемной не выглядит и моя маленькая Селия, хотя она та еще штучка.

Фелипе снова рассмеялся и Калеб не мог не заметить появившийся у него в глазах блеск. Он знал, что Фелипе был очень счастлив со своей *маленькой Селией*. Единственное на что он надеялся, так это на то, что понятие *'маленькая'* не относилось к *возрасту*. Даже у него были свои границы и Рафик, мать его, чертовски хорошо знал о них. Хотя с другой стороны, он только что стал свидетелем изнасилования в исполнении самого Рафика.

Калеб заставил себя улыбнуться.

- Да, это Котенок. Я приношу свои извинения за наш внешний вид. Это была вынужденная мера.

Выражение лица Фелипе было заинтересованным, но Калеб не выдал больше никакой информации.

Спустя несколько секунд, Фелипе продолжил разговор.

- Ее лицо... ваших рук дело?

Калеб понял, что чувство такта у Фелипе было не самой сильной чертой характера, мало того, оно переходило все рамки дозволенного, что ему крайне не нравилось. Его оскорбил не только намек мужчины на причастность Калеба к побоям Котенка, но и дерзость, с которой незнакомец задал вопрос. Даже, несмотря на то, что дом принадлежал Фелипе, будучи гостем, Калеб ожидал от него большего.

- Нет, - ответил он холодно.

- Но я разобрался с ними.

Слегка улыбнувшись, Фелипе кивнул в знак одобрения.

- Согласно пожеланиям их хозяев, остальные рабыни обнажены.

Натянуто улыбнувшись, Калеб находил необузданную веселость Фелипе и весь этот разговор несколько раздражающим.

- Одной из них даже приделали хвост! Бедняжка умоляет, чтобы ее избавили от мучений, но мистер Б считает это весьма забавным. Не могу не согласиться.

Он снова рассмеялся.

- Несмотря на мое положение хозяина дома, не мне говорить вам о том, что должно быть надето на вашем Котенке, хотя, может, вам обоим будет легче освоиться, если она снимет с себя все эти вещи?

Его взгляд, на удивление, смягчился и снова опустился на Котенка.

Калеб был вне себя, но он пытался оставаться почтительным в выражении своего расхожего мнения.

- Мы устали. К тому же, как видите, девчонка сильно избита. Она еще не готова, возможно, в другой раз.

Разочарование Фелипе было очевидным, - Как скажете. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам и угощайтесь закусками и вином. Я не уверен, что мистер Р успел оповестить вас, но я задействовал в сегодняшнем мероприятии парня, которого привезли ваши люди. Надеюсь, вы не возражаете, но он, кажется, более... чувствительным, в отличие от девушки, которая с ним была. Вы ведь, не возражаете, правда?

Калеб почувствовал тепло, устремляющееся вниз по его спине. Конечно, он, мать его, возражает. Им полагалось быть его заложниками, а не долбаной увеселительной программой для Рафика, Фелипе и любого другого гостя, который бы на них позарился.

Однако, у Котенка жажды мести не наблюдалось, а он и без того пролил достаточно крови, так почему черт возьми его это должно было заботить?

- Считайте его подарком. Надеюсь, он достоин того, чтобы содержаться в такой роскоши.

Калеб попытался сдержать нотки сарказма в своем голосе, но ему это плохо удалось. Фелипе ухмыльнулся. Мужчина не был дураком.

- Вы очень добры, мистер К. Прошу считать меня своим другом.

Кивнув один раз, Калеб последовал за Фелипе мимо его любопытных гостей в сторону красных, обитых бархатом стульев, расположенных в углу зала.

- Здесь вы сможете не только наблюдать за всем происходящим, но и находиться в уединении, - Фелипе жестом указал на стулья.

- Благодарю Вас, - ответил Калеб настолько почтительно, насколько это было для него возможно, - Меня зовут Калеб. Котенок до боли привязана к моему имени, поэтому проявление официальности в отношении меня необязательно.

У Калеба не было ни малейшего желания, чтобы весь вечер его называли мистером.

Фелипе посмотрел на Котенка и улыбнулся.

- Как пожелаете, мистер Калеб, - сказал он и направился к остальным гостям.

Усевшись на один из бархатных стульев, Калеб погладил по волосам Котенка, спокойно занявшую свое место рядом с ним, на полу.

Она проследовала за ним через толпу на четвереньках, оберегая свое плечо.

Глубоко вздохнув, и продолжая ее гладить, Калеб тем самым, пытался успокоить их обоих. Он не хотел, чтобы все было настолько сложно, но время что-либо хотеть уже прошло.

Внезапно, Калеб услышал звон колокольчика, и его внимание привлекла миниатюрная азиатка с черными, как смоль, волосами и миндалевидными глазами. Она очень медленно ползла на четвереньках, но при первом же взгляде на ее, можно было понять причины ее осторожных движений.

Звенящий звук исходил от маленького колокольчика, прикрепленного к ее кожаному ошейнику. В дополнение к нему, на ее спине располагался серебряный поднос, сцепленный на ее туловище, но никак не прикрывающий ее полностью

обнаженное тело. На подносе стояли ряды высоких бокалов, наполовину наполненных белым вином.

Калеб знал эту игру. Если она прольет напиток, тем самым привлекая внимание остальных гостей, ее хозяину придется наказать ее для развлечения толпы. Это была относительно неприятная, но далеко не самая жестокая игра.

Хозяин молодой рабыни, видимо, не был сторонником насилия; на коричневато-желтой коже девочки не было никаких отметин.

Калеб перевел взгляд на Котенка, которая казалось, замерла при виде женщины. Ее тонкие ручки с силой сжались в кулачки, а ее лицо заметно вспыхнуло.

- О чем думаешь, зверушка? - спросил Калеб.

Это был первый момент, когда они остались в относительном уединении и Калеб был удивлен, насколько ему была приятна компания Котенка в отсутствие посторонних.

Когда ее большие, заплаканные глаза робко встретились с его, он мягко улыбнулся. Ее губы задрожали от усилий сдержать новый поток рыданий, готовых вот-вот сорваться.

Калеб вздохнул. *Ну, вот тебе и все спокойствие.* Убрав свои пальцы от Котенка, он встал, чтобы взять с подноса бокал вина.

Когда он потянулся, девочка застыла, как статуя. Ее губы были слегка приоткрыты, пропуская медленные, поверхностные вздохи. Калеб сделал ей одолжение, и с осторожностью выбрав бокал, чтобы не нарушить баланса, вернулся к Котенку, которая тут же стала покорно тереться своей головой о его колено.

- Испугалась, что я тебя оставлю? - поддразнил он.

Котенок кивнула.

Он все еще был в бешенстве от сцены, устроенной ею перед Рафиком, но эти чувства, большей частью, бушевали внутри него. Ему не следовало позволять Котенку пробраться ему под кожу.

- Ты заслуживаешь ничуть не меньше.

Она всхлипнула и прижалась еще ближе. Калеб знал, что он должен был исправить ее поведение, но решил вознаградить ее за то, что она не плакала.

Странно, но он был доволен тем, что Котенок не отвечала Рафику, или его приказам, тогда как пыталась сделать все, что говорил Калеб. *Правда, с переменным успехом.*

Сунув руку в карман, он вытащил две таблетки викодина, хранившиеся в пузырьке. У него уже не было морфина, а Котенка все еще мучили сильные боли.

- Открой рот, - сказал он.

И когда она незамедлительно подчинилась, он послал ей улыбку.

Он знал, что она была напугана. У него не было никаких сомнений в том, что это было единственной причиной того, почему она подчинялась ему, но тем не менее, видеть ее такой податливой было невероятно возбуждающе.

Положив таблетки ей в рот, он поднес к ее губам бокал с вином, и позволил ей запить, неотрывно наблюдая за изящным изгибом ее горла, когда она запрокинула голову, и с жадностью глотала содержимое бокала, пока полностью его не опустошила.

Его член затвердел.

Шоколадные глаза Котенка посмотрели на него с благодарностью и мольбой. Она так много могла сказать ими. Он видел в них все ее эмоции. И если она была актрисой, то она была очень хорошей актрисой. *Хотя, возможно, он видел лишь то, что хотел видеть.*

Брови Калеба слегка нахмурились, и он заметил, как взгляд Котенка мгновенно вернулся на ее колени. Возможно, глаза Калеба также говорили ей о многом. Пора с этим завязывать.

Калеб поднял глаза в тот момент, когда к нему подошел Рафик и сел рядом с ним.

- Я разобрался с той шлюхой, - сказал Рафик по-арабски.

- Здесь? - Калеб старался не выдать своего легкого недоумения.

- Калеб, я тебя умоляю. Мы в гостях. Я разобрался с ней, поместив в подвал... поспать, - произнес Рафик насмехающемся тоном.

Калеб не видел в этом ничего смешного. Кивнув, он постарался сменить тему разговора.

- Как долго это продлится? Я хочу убраться отсюда и сменить эту клоунскую одежду. Ты специально не сказал мне о своем местонахождении. Более того, ты не упомянул о том, как много здесь потенциальных свидетелей наших деяний. К тому же, я отвратительно выгляжу.

Рассмеявшись, Рафик хлопнул Калеба по плечу.

- Ох, *брат*. Тебе во всем мерещится предательство. Даже будучи мальчишкой, ты стремился к тому, чтобы все было на твоих условиях. Помнишь, как я впервые отвел тебя в публичный дом? До этого ты никогда не был с женщиной, но тебе показалось мало быть с обычной женщиной. Это должна была быть 'идеальная' женщина! И что в итоге, *брат*? Я скажу: ты управился меньше, чем за минуту!

Рафик рассмеялся так, что от силы его смеха у Калеба плечо заходило ходуном.

Он *ненавидел* эту историю и то, с каким удовольствием Рафик ее рассказывал. Ему не нравилось быть чьим-то объектом для насмешки, даже если этот кто-то был человек, которого он считал другом, братом, и что самое важное - союзником.

Калеб почувствовал, что его лицо вспыхнуло как от смущения, так и от злости.

- Черт тебя побери, Рафик! Если ты так хотел предаться воспоминаниям, что же ты не нашел своего друга - Джаира? Уверен, его компания пришлась бы тебе больше по душе.

Калеб отмахнулся от руки Рафика, в то время как тот вытирал выступившие в уголках его глаз слезы, и пытался отдышаться.

- Ты такой ребенок, Калеб. Джаир - всего лишь источник информации, когда ты становишься менее разговорчивым. Я слишком хорошо тебя знаю, *брат*, и я был бы дураком, если бы подумал, что ты мне рассказываешь все. Кроме того, я хотел посмотреть на девчонку, которую ты выбрал для Владэка. Я хотел убедиться, что она идеально подойдет для этого задания. Но, честно говоря, на данный момент, я в этом не уверен.

Калеб попытался утихомирить свою злость; бессознательно он потянулся и стал гладить Котенка по волосам.

- Мне обидно, Рафик. Я лично выбрал Котенка в соответствии с твоими указаниями и меня вполне устраивает мой выбор. Тебе когда-нибудь приходило в голову, что тогда, в руках той шлюхи, мне вполне хватило той одной минуты?

Смягчившись, Калеб, наконец, улыбнулся, - Она сказала, что все было идеально.

Рафик захохотал и, не сдержавшись, Калеб присоединился к нему. Они давно знали друг друга. Рафик был единственным, кто действительно хорошо понимал Калеба, и, несмотря на их странные и порой напряженные отношения, Калеб должен был признать, что ему было приятно снова смеяться вместе с ним. Они давно не виделись, а их телефонные переговоры сводились в основном к обсуждению общих дел. Калеб расслабился.

- Уверен, *брат*, что это была лучшая минута в ее жизни.

- Согласен, - усмехнулся Калеб.

Рафик хотел было озвучить еще одну остроумную шутку, когда хозяин вечера призвал всех к вниманию.

- Дамы и господа. Сегодня у меня для вас особенное развлечение. Благодаря моим дорогим друзьям, с недавних пор я стал обладателем великолепного нового раба. Он крепок и молод, и я уверен, что вы оцените всю прелесть его неопытности.

Он рассмеялся, - Увы, я передал все права на его обучение моей давнишней рабыне Селии.

Комнату заполнило еле слышное одобрительное бормотание и аплодисменты.

Калеб посмотрел на Рафика, которого казалось, забавляли выходки Фелипе. Со своей же стороны, Калеб был несколько насторожен, учитывая реакцию Котенка на блондинку. Он приготовился ко всему, что бы ни произошло в следующий момент. Слишком поздно покидать комнату.

- У моей Селии испанские корни, и ее познания в английском языке крайне скудны. Я буду переводить от ее имени и помогать. Надеюсь, вам понравится.

Фелипе махнул рукой, и дверь открылась, запуская Селию, одетую в тугой, белый, кожаный корсет с чулками и обувью в тон.

В штанах Калеба стало тесно.

Селия была олицетворением испанской красоты. Ее волосы были угольно-черными, а глаза настолько темными, что в них мог утонуть кто угодно. Ее губы были накрашены ярко-красной помадой, сочетающейся по оттенку с цветком, вплетенному

в ее волосы. Ее кожа имела молочный оттенок, который не позволил бы скрыть какие-либо отметины.

Маленькая грудь Селии была обнажена, возвышаясь над корсетом, а ее светлая кожа сильно контрастировала с ярко-малиновым цветом ее твердых сосков. Под корсетом она была без трусиков, демонстрируя свою оголенную розовую плоть пытливым взглядам собравшихся гостей. Очевидно, раннее ее отшлепали, это было видно по следам на ее круглой попке.

Ее чулки представляли собой белую сетку, подчеркивающую соблазнительные очертания ее бедер и ног. Полусапожки на ее ногах были маленькими и изящными, и сверху украшались небольшой шнуровкой. Калеб должен был отдать должное Фелипе - его рабыня была потрясающей.

Внезапно ему стало безумно интересно, что она собиралась делать с плетью, которая была у нее в руках.

Рядом со своим стулом, Калеб заметил, что Котенок также с замиранием сердца наблюдала за Селией. Он погладил ее по волосам, удовлетворяясь про себя тем, как она потянулась к его прикосновению и положила свою голову ему на колено. От него не ускользнуло то, с какой покорностью она держала руки перед собой.

По комнате пробежал ропот волнения, когда спустя несколько секунд, после Селии, в ту же дверь, откуда зашла она, двое мужчин завели парня, которого Калеб знал как *Малыша*.

Очевидно, Малышу было не меньше восемнадцати, и не больше двадцати трех лет, но черты его лица молодили парня, что, видимо, и послужило причиной полученного им прозвища. Калеб был согласен с тем, что оно ему очень подходило.

Малыш вошел в комнату с завязанными глазами, руками, и с кляпом во рту - больше на нем ничего не было. На первый взгляд было видно, что его избивали, но все оказалось не так плохо, как мог подумать Калеб. Словно кто-то вступился за него, чтобы он не кончил так, как это произошло с его подружкой.

Калеб тревожно поерзал на своем месте. Что-то в этом парне его смущало.

- Он немного похож на тебя, - сказал Рафик.

- Да пошел ты, - сказал Калеб на английском.

Котенок резко вскинула голову, но потом снова опустила ту на колено Калеба, когда он нежно прижал ее к себе.

Рафик рассмеялся, но воздержался от дальнейших комментариев.

Селия держалась властно, - Поставьте его на колени и прицепите его запястья к лодыжкам.

Мужчины сделали так, как она сказала, Фелипе перевел и публика тихо поаплодировала.

Малыш заметно дрожал, но на удивление, не сопротивлялся двум мужчинам. Калебу стало интересно, был ли он по природе покорным, или ему напомнили о жестоком наказании за малейшее неподчинение. Калеб надеялся на первое. Потому как, если бы этот парень имел хоть какое-нибудь отношение к состоянию Котенка, Калеб проследил бы за тем, чтобы тому досталось, независимо от того, послушным он был или нет.

- Вытащите кляп у него изо рта, - приказала Селия.

Неспешно подойдя к Малышу, она провела пальцами по его длинным волосам, успокаивая его обманчивым чувством защищенности, после чего сжала в кулаке его золотистые локоны и резко запрокинула его голову назад.

- Блять, - выкрикнул парень.

Он пытался высвободиться из хватки Селии, но она с легкостью сжимала его своим маленьким кулачком.

Калеб был впечатлен.

- Тебе больно, Раб? - промурлыкала она и в комнате послышался смех.

Парень молчал. Его руки, сцепленные сзади, сжались в кулаки и он попытался высвободиться из сдерживающих его оков.

Селия потянула еще сильнее, выкручивая его голову так, что стала полностью видна линия его горла.

- Да... Селия, - наконец, прошептал он.

Фоновая музыка начала медленно затихать до тех пор, пока комната не погрузилась в полнейшую тишину. Это придало моменту еще больше концентрации, где каждый издаваемый звук расценивался, как действие. Казалось, что сама комната была живым дышащим, дрожащим и голодным существом.

Даже Калеб не мог устоять перед обаянием миниатюрной девушки, господствующей над парнем, в два раза больше нее.

- Очень хорошо, Раб.

Голос Фелипе был едва ли громче шепота, когда он перевел слова Селии. Калебу перевод не требовался, но он оценил то, как низкий, властный голос Фелипе увлекал всех присутствующих, вызывая в них потребность услышать каждое слово.

Селия отпустила волосы Малыша, и он вздохнул с облегчением. Несколько секунд она гладила его золотистые пряди. Ее публика одобрительно вздохнула, услышав прерывистое дыхание Малыша.

Калеба всегда восхищала неспособность человека различить высшую степень собственного унижения. Несомненно, Малыш был бы раздавлен, узнав, что каждый издаваемый им звук слышала и внимала комната, полная людей, которые жили ради подобных представлений. Калебу было почти стыдно за него, или, может быть, ему просто было неудобно на это смотреть.

Соблазнительно медленно Селия погладила Малыша по лицу, шее и плечам. Она позволила себе не торопясь разбудить в нем желание к себе. Возможно, Малыш ощущал запах ее парфюма, либо чувствовал прикосновение ее соска к своему лицу, пока она стояла перед ним, трогая его как любовника в комнате, полной незнакомцев. Потому как, стоило Селии отойти, парень чуть не грохнулся лицом вперед, преследуя ее запах.

- Она очень хороша, - внезапно прошептал Рафик в пол тона.

Калеб кивнул в знак согласия.

Селия медленно обошла комнату, и наконец, подошла к невысокому, пузатому мужичку в ковбойской шляпе и повязанным коротким галстуком. Подавшись к нему

своим телом, она греховно потерлась о его грудь своими торчащими сосками. Усмехнувшись, мужчина устремился вперед, в попытке поцеловать Селию, но в последнюю секунду, она выхватила флоггер из рук южанина, и резко повернувшись на каблуках, шлепнула его своими волосами по лицу.

Комната взорвалась смехом.

- Черт побери, Фелипе, - сказал мужчина с сильным, протяжным техасским акцентом, - Ты счастливый ублюдок. Продолжай, сладенькая, преподай этому парнише урок.

Улыбнувшись публике, Селия нагло помахала своим флоггером.

- Прижмись лицом к полу и подними свой зад, - сказала она.

Малыш вздрогнул, но не собирался подчиняться, даже после перевода Фелипе. Публика неодобрительно зашипела.

- Нет? - спросила Селия.

- Пожалуйста, - хныкнув, произнес Малыш.

Это были самые настоящие всхлипы – их невозможно перепутать ни с чем.

- Мне и так достаточно. Больше не надо.

Калеб заерзал на сидении. Он снова начал гладить Котенка по волосам, и неожиданно она устроилась между его ног, положив свою голову на верхнюю часть его бедра, прижимая его руку к своему уху.

- Уж больно она смелая, Калеб. Я удивлен, что ты спускаешь ей подобные вещи, - чуть слышно проворчал Рафик.

- Я тебе уже говорил, Рафик, она не в себе. Прекрати вести себя так, словно ты никогда не был снисходительным. Я видел, как ты учил рабынь. Даже у тебя случались подобные моменты.

После этих слов, тема сразу была закрыта.

- Достаточно? Я только начала, - ухмыльнулась Селия.

- И, конечно..., - сказала она, и подняла флоггер.

Выдержав паузу, тем самым, позволяя публике разделить ожидание Малыша, она хлестнула его по груди, - Ты забыл сказать 'пожалуйста, Селия'.

Застонав, Малыш сильно закусил губу, пытаясь потереть свою грудь коленями, согнувшись пополам. Рассекая воздух флоггером, Селия снова хлестнула Малыша, но по спине, и на этот раз он, открыв рот, громко простонал во все горло.

- Ты будешь подчиняться мне?

- Да, Селия, - сказал парень сквозь стиснутые зубы.

Публика зааплодировала.

Калеб усмехнулся про себя. Да, было неплохо находиться в окружении людей, разделяющих твои увлечения. Слабое чувство вины, которое он испытывал до недавнего времени, сошло на нет. Оно испарилось, сменившись на более знакомое чувство - похоть.

Голова Котенка, лежащая на его бедре, была так близко к его члену, что он практически чувствовал ее дыхание. Ему нестерпимо захотелось высвободить себя и заставить ее ему отсосать.

До сих пор он не требовал от нее подобного удовольствия, но знал, что не сможет противостоять вечно. Он трахнул ее в попку, так почему бы не в ротик?

- Докажи, Раб, и подними свой сексуальный зад, - промурлыкала Селия.

Калеб услышал, как у парня перехватило дыхание, когда он изо всех сил пытался опустить свою голову на пол. Он переставлял свои колени ровно до тех пор, пока не принял позу головой вниз, задом вверх – ту самую, которую от него требовала Селия.

Публика оживилась - ее возбуждение казалось осязаемым.

Селия провела длинными, кожаными лентами по выставленной напоказ плоти Малыша. Обнаженный и накрепко связанный, он не мог контролировать того, что должно было с ним произойти. Его дыхание было неровным и быстрым, с каждым разом сотрясая все его тело.

Селия осторожно провела концом флоггера по яичкам Малыша, которые оказались на виду у тех, кто стоял или сидел позади него. Он зашипел, корчась на ковре.

- Тебе нравится, Раб?

- Нет, Селия.

Еще один удар, - Это не вежливо. Может, мне высечь тебя посильнее? Как это сделал бы мужчина?

Публика с восторгом приняла эту идею.

- Нет! Нет, Селия. Прости меня. Прости меня, - умолял Малыш.

Подняв флоггер, Селия хлестнула парня еще сильнее, после чего он потерял самоконтроль и разрыдался, уткнувшись в ковер.

- А как тебе это, Раб? Достаточно сильно?

Малыш с трудом дышал, не говоря уже о том, чтобы говорить, но, тем не менее, он изо всех сил попытался выдавить из себя слова, - Да... Селия.

Калеб знал, что он не был ни геем, ни бисексуалом. Изучению этого вопроса он посвятил некоторое время сразу после того, как его жизнь в публичном доме осталась позади, но он должен был признаться, что покорность Малыша была весьма привлекательной. Селия также была впечатляющей в своей роли.

- Ты так хорошо справляешься, Раб. Еще немного и я тебя награжу, - пролепетала Селия.

Калеб, как и все присутствующие в комнате, слышал, сдерживаемые Малышом рыдания. Но вот чего Калеб не ожидал, так это ответных рыданий, прозвучавших от Котенка, голова которой покоилась на его колене.

- Что случилось, зверушка? - прошептал Калеб.

Он провел пальцем по тонкой раковине ее ушка, и она вздрогнула.

- Все эти люди...

Она умолкла. В комнате эхом зазвучали шлепки об обнаженную плоть, сопровождающиеся страдальческим рычанием Малыша. Снова, и снова, флоггер высекал уже чрезмерно разгоряченную кожу Малыша. С каждым ударом, ему все больше изменяла выдержка, пока, наконец, его мышцы не перестали сопротивляться флоггеру, и он не прекратил сдерживать звуки, вырывающиеся из него наружу.

Это представление должно было казаться Калебу отвратительным. Где-то в своем сознании, он знал, что смотреть на то, как кого-то секут, должно было быть ему противным... но ничего подобного. Порка возбуждала его, как ничто иное.

В его памяти всплыл тот вечер, когда он высек Котенка. Она вырывалась от него, проклинала его, физически кидалась на него, но в самом конце, она сдалась в его руках. Тогда, его не волновали ее чувства, и он был убежден, что они не должны были волновать его и сейчас.

Наклонившись к Котенку, он произнес, - Ты опозорила меня. Может, мне стоит раздеть тебя и вернуть должок на глазах у всех этих людей?

Котенок приглушила свой плач, прижавшись раскрытым ртом к его ноге.

Она неистово замотала головой, - Нет, Хозяин, - еле выговорила она.

- Я был бы не прочь посмотреть на это, - вмешался Рафик.

- По крайней мере, это доказало бы, что ты не стал совсем слабаком.

Приподняв бровь, Калеб посмотрел на своего наставника.

- Ну, хотя бы она обращается к тебе, как положено.

Калеб рассмеялся, проигнорировав некоторых гостей, которые посмотрели на него с недовольством. Он ведь не заглушал Селию. Да и вряд ли ее кто-то смог сейчас сбить с мысли, она была настолько поглощена рабом у своих ног, что не заметила бы ни его, ни кого-либо другого.

- Я бы так и поступил, но знаю, что она не готова. Так она еще больше меня скомпрометирует.

- Тогда, может, тебе следует передать это дело мне, - сказал он на английском.

Внезапно, в комнате поднялась суматоха и Калебу с Рафиком пришлось вытянуть свои шеи, чтобы увидеть происходящее за гостями, загораживающими им обзор. Калеб резко втянул в себя воздух, почувствовав, как Котенок случайно потерлась своей щекой о его твердеющий член.

Селия, маленькая экзотическая лисица, привязала к себе самый огромный искусственный член, который Калеб когда-либо видел, и который теперь торчал над ее оголенной киской. Она позволила публике оценить его размер, и прежде чем приняться за дело, дождалась, пока шум стихнет.

Малыш, все еще с завязанными глазами, застыл в дурном предчувствии. Он пытался, правда, безуспешно, крепче обнять себя, словно, таким образом, он мог пробраться внутрь себя и, в итоге, исчезнуть. Но все, что ему удалось – это лишь развить массовую похоть у своей извращенной публики.

- Толкните его назад. Я хочу, чтобы он сидел на пятках, - сказала Селия, и мужчины разогнули парня.

Лицо Малыша было ярко-красным и мокрым от слез, а его грудь, в отличие от спины, была отмечена следом лишь от одного удара флоггера.

- Раздвинь ноги, Раб, - сказала Селия.

Малыш рыдал, сотрясаясь всей грудной клеткой от попытки сдержаться, но все же подчинился.

- Ты был таким хорошим мальчиком, Раб. Думаю, ты заслужил подарок.

Селия медленно провела флоггером по члену и яичкам Малыша. Внезапно дыхание Малыша сбилось, и не восстанавливалось до тех пор, пока Селия не повторила движение мягкими кожаными лентами еще несколько раз. Медленно, его член начал твердеть, несмотря на его стыд и унижение. Несмотря на публику, которая затаив дыхание, ожидала момента, когда Селия войдет в него своим искусственным членом. Несмотря на то, что он не мог знать, что произойдет в следующий момент.

Селия продолжила будить эрекцию Малыша, дойдя до того, что встав на колени, начала водить по нему своей рукой. Малыш застонал от ощущения опытных прикосновений к своей чувствительной плоти. Казалось, что он даже забыл про флоггер, и не зная о члене Селии, его тело стало медленно подаваться к ней. Вперед и назад, следуя за ее пальцами и хныкая, когда они двигались не достаточно быстро, чтобы удовлетворить его.

- Жадный раб, - сказала Селия.

- Я тоже жадная и не думаю, что пока ты заслужил свой подарок.

Она встала и Малыш снова задержал дыхание. Неторопливо Селия поднесла свой малиновый сосок к губам Малыша.

Это было смело, учитывая, что парень мог укусить ее, но казалось, что Селию такие вещи не волновали.

- Соси.

Открыв свой рот, Малыш втянул сосок Селии. Он громко и откровенно застонал. Его член мгновенно устремился вверх. По всей видимости, боль для него отошла на второй план, пока он сосал грудь Селии долгими, голодными втягиваниями, заставляя ее учащенно дышать и еще ближе прижиматься к его губам.

- Да! - выкрикнула Селия, это словечко не потребовало перевода Фелипе.

- Соси жестче.

Малыш подчинился, отрываясь только для того, чтобы глотнуть воздуха, и время от времени переходя на другую грудь, которую Селия ему с удовольствием подставляла. Наконец, наступил момент Х и она с силой оттолкнула от себя его голову.

Ее соски стали ярко-красными и набухшими от интенсивной работы его губ, на что она, казалось, не реагировала, и не замечала вовсе. Схватив резиновый член, она поднесла его к губам Малыша.

- Теперь, соси это.

Очевидно, почувствовав что-то неладное, Малыш отпрянул назад и отвернул голову, - Нет, Селия. Пожалуйста, не надо.

Даже не утруждая себя ответом, Селия подняла флоггер и хлестнула Малыша по груди с такой силой, что все присутствующие в комнате коллективно поежились. Малыш попытался согнуться пополам, но мужчины, удерживающие его, не позволили ему этого сделать.

Калебу стало интересно, какого это было бы позволить женщине себя высечь. После Тегерана, кроме Рафика никто не смел избивать его или угрожать его жизни. Да, Рафик наказывал его в первые годы, когда Калебу все еще требовалось напоминание о том, что он выжил. И с тех пор, как Калебу нужно было подчиняться в той или иной степени, прошло более двенадцати лет.

- Соси! - повторила Селия.

На это раз, Малыш не стал сопротивляться и позволил Селии трахать свой рот громадным фаллосом. Каждый раз, когда Малыш давился, в комнате слышались редкие смешки, но большей частью, толпу окутывала похоть. Оглянувшись вокруг можно было увидеть, как некоторые хозяева решили воспользоваться своими рабами, сидящих у их ног, и, подражая движениям Селии, стали толкаться своими настоящими членами в их ненасытные рты.

Калеб посмотрел на Котенка. Она не могла не видеть или не слышать происходящего, и открыто наблюдала за развратом, творившимся вокруг нее.

Потянувшись к ее руке, Калеб нежно прижал ее ладонь к своей эрекции. Его член дернулся, когда ее широко открытые глаза метнулись к нему. Он ожидал, что она попытается убрать руку, но вместо этого почувствовал, как ее пальцы сжались вокруг него через джинсовую ткань.

- Кажется, ты ей нравишься. А вот на мое присутствие ей совершенно наплевать, - несколько иронично сказал Рафик.

- В отличие от других, у нее есть вкус, - парировал Калеб.

Медленно приподняв свои бедра, он сильнее вжался в ладонь Котенка. Он помнил их совместный душ, и то с каким рвением она хотела его ублажить. Он хотел этого снова. Он хотел Ливви. Эта мысль вернула его в настоящий момент, и он остановил движения руки Котенка на своей эрекции.

Она подняла на него свои глаза. *"Я сделала что-то не так?" - спрашивали они.*

Калеб замотал головой, но убрал от себя ее руку.

- Смущаешься, Калеб? Серьезно? Уж кто-кто, но ты..., - поддразнивал Рафик.

- Пошел ты, - сказал Калеб веселым тоном.

- Освободите его, - сказала Селия, снова возвращая его и Рафика к разворачивающейся перед ними сцене.

Пока мужчины занимались тем, что отцепляли Малыша, Селия трясла ремешками, освобождаясь от искусственного члена. В комнате пульсировало напряжение, а нетерпеливый Малыш пытался развязаться еще быстрее. Но, даже избавившись от оков, он оставался стоять перед Селией на коленях и с повязкой на глазах. Его член был по-прежнему твердым, что впечатляло, учитывая обстоятельства.

- Думаешь, ты был хорошим, Раб? - голос Селии сошел на шепот, и Фелипе повторил его в меру своих голосовых данных.

- Да, Селия, - ответил Малыш.

- Я согласна. Для первого раза ты был очень хорош. Хочешь меня трахнуть?

Малыша передернуло, когда Фелипе перевел для него слова, и хотя он, казалось не был способен озвучить свой ответ, его член все сказал за него, дергаясь на глазах у публики вверх-вниз, пока не пришел в полную боевую готовность. На головке выступила обильная капля смазки.

- Ну, Раб. Так ты хочешь трахнуть меня или нет?

Малыш кивнул и протянул, - Да-а-а, Селия.

Селия встала перед Малышом и подняла его руки, чтобы обернуть их вокруг себя. Издав непонятный звук, он с жадностью впился в предлагаемое ему тело.

- Тогда трахни меня, - сказала Селия.

Без лишних слов, Малыш набросился на Селию, грубо повалив ее на пол. Не сдержавшись, Селия вскрикнула, но не сделала никаких попыток остановить Малыша, позволяя ему взять то, что он хотел. Всего лишь на секунду подав бедрами назад, он резко двинулся вперед, жестко толкаясь в киску Селии. Оказавшись в ней, он всхлипнул. Застонав, Селия выгнула спину и развела ноги как можно шире, отдаваясь на милость парню, который стал в нее вколачиваться.

- *Sí, mi amor! Es todo para ti... (Да, любовь моя. Это все для тебя...)*

Вслепую найдя сосок Селии, Малыш, наконец, взял один из них в рот, начав сосать их грубыми, болезненными втягиваниями. Его бедра двигались как поршень. Более того, было очевидно, что парню отчаянно нужно кончить и, судя по тому, как крепко он держал Селию, не оставалось сомнений в том, что он убил бы любого, кто посмел бы его остановить.

Наконец, издав звук, похожий на вопль умирающего животного, Малыш толкнулся в Селию последний раз. Публика зааплодировала, выкрикивая одобрительные возгласы, а парень задрожал и рухнул сверху на Селию.

Быстро извинившись, Калеб помог Котенку подняться на ноги и покинул комнату, в поиске провожатого и своей комнаты.

Глава 10

Несмотря на сухость во рту, Мэттью сглотнул. Если бы он не был в курсе реального положения дел, то заподозрил бы, что у Оливии имеются некоторые телепатические способности.

Все еще сидя на неудобном стуле, он старался не привлекать внимания к своей растущей эрекции, угрожающей в скором времени стать слишком очевидной. Глаза Оливии были сфокусированы на нем, но вот ее пристальный взгляд... казалось, проходил сквозь него, и видел то, что было недоступно ему. Ее глаза были полны слез, но по непонятной причине, Мэттью сомневался в том, что они имели хоть какое-нибудь отношение к рассказанной истории. И учитывая то, сколько чувств она вложила в свое повествование, Мэттью счел этот факт весьма тревожным.

Внезапно, его разум заполнили нежелательные образы молодой женщины, одетую в обтягивающую белую кожу, с огромным искусственным членом в руках, и ему стало интересно, какого это, быть вынужденным сосать его на глазах у целой

толпы незнакомцев. Член Мэттью сильно дернулся, в очередной раз ставя своего хозяина в неловкое положение. Молчаливо укорив себя, он вздохнул и положил лодыжку на колено, чтобы получше спрятать свое возбуждение.

Пощелкав несколько раз ручкой, тем самым стараясь хоть чем-нибудь занять свои пальцы, он написал имена: *"Малыш", Нэнси и Селия (фамилия не известны).*

- Значит, получается, именно той ночью и состоялась ваша первая встреча с Рафиком и Фелипе. Вы знаете, что случилось с Малышом или Нэнси? Чем закончилось их пребывание в этом доме? Их похищение тоже дело рук Калеба?

Оливия нахмурилась и казалось, что какое-то время она не могла сфокусировать на нем свой отсутствующий взгляд.

Несмотря на распространенность явления Стокгольмского Синдрома, он не мог понять ее чувств к похитителю. По мнению Мэттью, у этих чувств просто не было оснований. Но, тем не менее, он должен был признать, что многие вещи, рассказанные Оливией, достойны восхищения. Последние четыре месяца она провела в компании работорговцев, наркодилеров, похитителей детей, и убийц, но каким-то немыслимым образом, ей удалось сохранить некоторую наивность и непомерную силу, которую у нее, очевидно, было не отнять.

- Я не знаю, что с ними произошло. В последний раз, когда я их видела, они оба были живы. С Малышом, скорее всего, все в порядке - он стал любимчиком Фелипе. Нэнси... не знаю. Возможно, она все еще с Рафиком, - прошептала она, не моргая.

- Вы в порядке, мисс Руис? - спросил Мэттью.

Его эрекция, наконец, начала успокаиваться, и он мог сосредоточиться на вопросах.

Девушка, в конце концов, моргнула, и смахнула крупную слезу, скатывающуюся по ее щеке.

- Я в порядке, Рид. Просто... да не бери в голову.

Подняв на него глаза, она попыталась улыбнуться, но ее попытка была безуспешной, и они оба об этом знали.

- Расскажите мне. Знаю, я не Слоан, но я вас пойму, мисс Руис.

Когда ее улыбка стала искренней, Мэттью позволил себе улыбнуться в ответ.

- Слоан. Я даже не знаю, в чем состоит ее задача. Она всегда такая милая, но меня это почему-то раздражает. Я не считаю ее лицемерной, но знаю, что в ее голове крутится гораздо больше того, что она демонстрирует открыто. Я имею в виду, что она ведь работает на ФБР, так же как и ты. Только она не такая как ты.

- Да? А какой я? - спросил Мэттью.

Она закатила глаза, - Ты придурок, агент Рид.

- Да и вы не лучше моего будете, мисс Руис, - сухо подметил Мэттью.

Она рассмеялась.

- Ооо, как мило, - слегка поддразнила Оливия, и снова непринужденно рассмеялась, почти как девушка у которой никогда не было никаких проблем.

- Значит, вам не нравится Слоан, - перефразировал он.

- Почему?

- Я не говорила, что она мне не нравится, Рид. Ты всегда переиначиваешь мои слова, - пожурила она.

- Думаешь, я не заметила, как ты намекнул на то, что именно Калеб похитил Малыша и Нэнси. Это не мог быть он, ведь он был со мной, помнишь?

Усмехнувшись, Мэттью замотал головой, - Я вовсе не намекаю, мисс Руис. Я задаю вопросы. Это моя работа. К тому же, нам обоим известно, что их похитил он. Возможно, он сделал это не сам, но приказ отдал именно он. Хотя, появление дополнительных эпизодов похищения в списке обвинений против него, вряд ли что-нибудь изменит.

После этих слов, Оливия надолго замолчала, и как показалось Мэттью, о чем-то задумалась.

- Ты все время говоришь о нем так, будто он живой, Рид, хотя я тебе уже сказала, что... это не так.

Ее глаза снова наполнись не пролитыми слезами, и Мэттью было очень сложно на них не реагировать. Независимо от того, что он думал про этого Калеба, Оливия, безусловно, испытывала к нему глубокие чувства.

- Почему вы так сильно печетесь о нем, мисс Руис? - настаивал он.

Он банально этого не понимал, и это раздражало его больше, чем следовало.

- Он ужасно к вам относился. То, что он *делал с вами*... не говорите, что вы этого хотели. Я вам не поверю.

Оливия снова уставилась в пустое пространство, но теперь уже говорила даже сквозь слезы, - С ним тоже произошло множество ужасных вещей, Рид. Его спина была сплошь покрыта шрамами от плети, и по его собственному признанию, это произошло с ним в очень раннем возрасте.

Не сдержавшись, Мэттью усмехнулся, и Оливия подняла на него сердитый взгляд.

- Я не идиотка, Рид. Я знаю, что та херня, которую он со мной вытворял, была ужасной, но я, мать его, выжила. И поверь мне, такими монстрами как Калеб не рождаются, ими становятся. Кто-то избивал его, кто-то делал с ним ужасные вещи, и единственный человек, который ему помог - Рафик - сделал из него убийцу. У него не было никого, похожего на тебя или Слоан, или гребаного ФБР, чтобы помочь ему. Он пережил все это сам, и, хотя я и не могу простить его, но я его понимаю.

- Вы пытаетесь сказать мне, что он монстр с золотым сердцем? - спросил Рид недоверчивым тоном, - Да ладно, мисс Руис. В самом деле?

Ее лицо исказилось от гнева.

- На мне не осталось никаких шрамов, Рид, ни одного. И ты не знаешь, как часто он поддерживал меня в те минуты, когда я была готова развалиться на части. Он - монстр, - рыдала она, - я знаю. Я знаю но... для меня это больше не имеет никакого значения.

Плачущие женщины всегда вводили его в ступор. Слишком уж они напоминали ему его родную мать, лежащую на диване, дрожащую и умоляющую его достать ей очередную дозу. В такие минуты его настигала паника, потому что он знал, что, если

вернувшись домой, Грег найдет ее в таком состоянии, он изобьет ее до полусмерти, а потом обрушит весь своей гнев на Мэттью.

Ему было всего семь, но он уже знал, как прятаться так, чтобы найти его было невозможно. Как правило, он хватал свое пальто, и, поцеловав мать, обещал ей достать то, о чем она его просила, и уходил.

В нескольких кварталах от них, жила пожилая женщина - миссис Кавана. Поэтому когда все становилось слишком плохо, он оставался у нее, угощаясь печеньем и смотря по телевизору спортивные матчи, до тех пор, пока его мать или Грег, не отправлялись на его поиски.

Его мать была слабой женщиной, пристрастившейся к наркотикам, которую больше заботили мужчины, избивающие и унижающие ее, меняющиеся в ее жизни со скоростью света, нежели собственный сын. В течение многих лет Мэттью пытался помочь ей избавиться от наркозависимости, но она так и не смогла ее побороть. И однажды ночью, когда у нее не было никаких сил на самозащиту, Грег забил ее до смерти.

Мэттью не было дома, он был на улице со своими друзьями, и по возвращению домой он обнаружил ее окоченевшую и холодную.

На тот момент Мэттью было тринадцать, и он переехал жить к дочери миссис Кавана - Маргарет и ее супругу Ричарду Риду.

Не желая отправляться за решетку, Грег покончил с собой, и, несмотря на то, что после этого жизнь Мэттью кардинально изменилась в лучшую сторону, он так и не забыл об этой несправедливости.

Маргарет и Ричард стали для него настоящими родителями. Поэтому он старался больше не думать о тех, других людях.

- Со многими случаются ужасные вещи, мисс Руис. Однако не все от этого становятся монстрами, - сказал он.

- Не все, но мир полон таких людей. Это то же самое, что и дети в Африке, которых учат обращаться с оружием, чтобы убивать людей. Некоторые из них с трудом держат это самое оружие, но они уже убийцы. Что насчет них, Рид? Ты считаешь их ответственными? Ты бы лишил их свободы, поместив за решетку?

Она вытерла глаза.

- Это другое, и вы это знаете. Весь тот континент утопает в общественных беспорядках, и такие люди, как Мухаммад Рафик, Фелипе Вильянуэва, и да, даже Калеб, подсаживают этих детей на кокаин и учат их убивать. Вот их я считаю ответственными.

- А что ты скажешь о тех, кто уже вырос? Тех, кто выжил и стал взрослыми? Ты винишь их за то, что повзрослев, они занимаются тем единственным, что умеют?

Ей пришлось остановиться и отдышаться - от гнева ее била дрожь. Он видел это по ее лицу. Мэттью подумал, что в таком состоянии она могла бы его даже ударить.

- Думаешь, через десять или двадцать лет я почувствую себя нормально, буду нормальной или буду жить нормальной жизнью, *как это делаешь ты*?

Мэттью с досадой вздохнул, - Я не знаю, мисс Руис. У меня нет ответов на эти вопросы. То, что происходит с этими детьми совершенно неправильно, но это не дает

им право, будучи взрослыми, убивать и насиловать, только потому, что с детства они занимались именно этим. Испорченное детство не оправдывает их действий.

- Так... что тогда? Хрен с ними? - с вызовом спросила она, смотря на него дикими глазами.

- Это лучшее, что ты можешь сделать?

Мэттью пожал плечами, - Я не вижу разницы, мисс Руис. Даже если и так, вы хотите сказать, что если кто-нибудь из этих детей наставил бы на вас оружие или изнасиловал, вы были бы готовы простить их? Просто я сомневаюсь, что у меня для этого достаточно сострадания. Любой, кто станет мне угрожать, будет уничтожен. И мне без разницы, даже если это будет гребаная девочка-скаут.

Оливия невесело усмехнулась, - Ты чертовски неправ, Рид. Именно так сказал бы Калеб.

Несколько минут она смотрела на него.

- Ты не такой как Слоан. Она бы так никогда не сказала.

Мэттью пожал плечами, пытаясь успокоиться. Этот разговор выходил из-под контроля, что, в данный момент было нецелесообразным.

- Я сказал так, как есть, и поверьте, вы не первая, кого это раздражает.

- Кстати... почему ты рассказал Слоан о том, что я тебя поцеловала?

- Потому что так оно и было. Доктор Слоан начала бы расспрашивать, и несмотря на то, что для меня это не имеет никакого значения, для нее это могло быть важным.

Она снова закатила глаза, - Я просто хотела тебя отвлечь. Ты не отдавал мне долбаную фотографию Калеба, а мне она была нужна. Теперь Слоан считает меня какой-то извращенкой, пытавшейся соблазнить агента ФБР - по совместительству засранца, который не прочь пристрелить даже девочку-скаута.

Не сдержавшись, Мэттью улыбнулся, - А разве не так?

- *Скажи*, что ты шутишь.

Она уставилась на него удивленным, и даже в некотором роде, комичным выражением на лице.

- Не бывает настолько самовлюбленных....

- Я шучу. И да, *я настолько* самовлюбленный.

Они оба разразились примирительным смехом, но разговор был далек от завершения, и от Мэттью зависело вернуться к нему или нет, но он хотел дать Ливви немного времени.

- Вы так и не ответили на вопрос: Почему вы так печетесь о Калебе?

Она вздохнула и снова направила свое внимание в никуда. И когда она заговорила, ее голос был мягким и каким-то грустным.

- Он разговаривал со мной ночами. Словно тьма позволяла нам быть самими собой, оставляя позади тот факт, что он был моим похитителем, и человеком, ответственным за весь тот ужас, который происходил со мной в течение дня. Но ты должен понять, что, несмотря на все плохое, он также защищал меня, только по-своему. Без Калеба мне было бы гораздо хуже.

- В ту ночь, после того, как Селия высекла Малыша у всех на глазах, Рафик пытался разлучить нас. Он хотел, чтобы я осталась в его комнате, и я безумно боялась, что Калеб позволит этому произойти. Я видела, что Рафик сделал с Нэнси. Я все еще слышала ее крики, звенящие у меня в ушах и чувствовала ее руки, хватающиеся за мои. Я не хотела кончить как она. Калеб отказался.

- Он сказал, что без него я буду орать как резанная. Он сказал, что я была опасной даже для самой себя, и что Рафик недостаточно хорошо меня знает, чтобы понять, что мне нужно. Он говорил все это на английском и когда Рафик стал ко мне приближаться, я стала орать как сумасшедшая, пока Калеб не поднял меня на руки. Я даже стала произносить какие-то непонятные слова, цепляясь за него и умоляя, чтобы он меня не отпускал.

Мне не нужно было изображать панику. Я, действительно, была в панике.

- Калеб гладил меня по волосам, и я медленно расслабилась в его руках, настолько, что почти ‘потеряла сознание’. Возможно, это был перебор, но это сработало. Фелипе извинился перед Калебом за то, что не показал его комнату раньше, и, подозвав нашего провожатого, сказал ему отвести нас к себе.

Рассказывая Мэттью эту историю, Ливви тихонько хихикала, и ему стало интересно, всегда ли ее чувство юмора отдавало такой чернотой, или это было результатом ее нахождения в компании безжалостных людей.

- О! - внезапно воскликнула Оливия, - Я кое-что вспомнила. Фелипе сказал Рафику, что судно должно было прибыть через четыре дня, и спросил у Рафика, собирается ли он его встречать, или останется, поручив это дело кому-нибудь другому.

Мэттью подался вперед, занеся ручку над блокнотом, - Он сказал это в вашем присутствии?

- Он думал, что я была без сознания. Не знаю насколько это важно. Ведь это было несколько месяцев назад, поэтому судно, очевидно, уже прибыло и убыло, но я помню об этом, потому что тогда мне стало интересно, находились ли мы поблизости от воды и поместят ли меня на это долбаное судно.

- Само собой, этого не произошло, - сказал Мэттью, констатируя очевидное.

- Нет, но ты спрашивал меня не об этом. Ты хотел, чтобы я рассказала тебе обо всем, что помню, - сказала она.

- Так что же произошло?

- Я не знаю, но через несколько дней, Рафик куда-то уехал, поэтому я предположила, что он отправился встречать судно и кого-то или что-то, прибывшее на нем.

Возможно, наркотики, подумал Мэттью, и пометил себе посмотреть информацию о местах у воды и сопоставить их со списком военных объектов в Пакистане. Скорее всего, ему придется связываться с Федеральным Агентством Расследований в Пакистане, они должны были что-то об этом знать, поэтому ему необходимо заставить их в этом сознаться.

- Что-нибудь еще, что могло бы быть полезным? - спросил он.

- Прямо сейчас, ничего такого я больше вспомнить не могу. Кроме того, я ведь рассказывала тебе о себе и Калебе.

Мэттью закатил глаза.

- Ладно. Видимо, это помогает вам вспомнить некоторые подробности, только прошу, постарайтесь свести все эпизоды с сексом к минимуму. Мне, действительно, не хочется, высасывать из вас по капле нужные для расследования детали.

Оливия улыбнулась, - Это была игра слов, Рид?

- Навряд ли, скорее, неудачно подобранный фразеологизм, - сознался он.

Его мысли снова атаковал образ Селии, толкающейся искусственным членом в рот Малыша. Он тряхнул головой, и они исчезли. Ему бы хотелось никогда не слышать этого рассказа. С чувством вины, он находил интригующим не само действо, а власть, скрывающуюся за ним.

Мэттью не особо уделял внимание слабым женщинам, но его, определенно, тянуло к доминирующим представительницам слабого пола. И в самых потаенных и темных уголках своего разума, он знал почему.

- Ты точно собираешься слушать? И, наконец, попытаешься посмотреть на эту историю моими глазами? - искренне спросила она.

Желудок Мэттью как-то странно сжался при звуках ее просящего тона. Это была часть работы, которую он всегда ненавидел. Ему нравилось складывать паззлы, собирать воедино факты запутанного дела, следить за преступниками, но иметь дело с жертвами, и мириадами личностей и жизней, большая часть из которых являлась трагической - было выше его сил.

С Оливией ему было проще, чем со всеми другими, кого он когда-либо интервьюировал. Теперь, когда она уже была не такой слабой, она производила впечатление весьма энергичной натуры, но она до сих пор находилась в подвешенном состоянии между потерпевшей и подозреваемой. До сих пор.

- Не знаю, смогу ли выполнить это обещание, мисс Руис. Я могу только обещать, что выслушаю. Могу обещать, что выполню свою работу. Я даже могу пообещать помочь вам всем, чем смогу. Но я никогда не смогу обещать вам, посмотреть на эту историю вашими глазами.

Было такое ощущение, что его отказ, на самом деле, ее расстроил. Плечи Оливии поникли, и снова потерявшись в пространстве, она кивала намного дольше, чем это было необходимо. Когда она заговорила, казалось, что она обращалась к комнате, в которой Мэттью был лишь предметом мебели. Ее слова предназначались не ему и они оба это понимали.

- Я знала, что ты мог так сказать. Думаю, в этом есть некий смысл. Просто... я не уверена, что хоть кто-нибудь, когда-нибудь посмотрит на произошедшее моими глазами, Рид. Никто и никогда меня не поймет. И если об этом узнают, то подумают, что я сумасшедшая. Что я молодая, и не знаю, о чем говорю. Что я жертва, и что мои чувства всего лишь результат полученной травмы. Наверное, это больнее всего.

- Я пережила все это. За одно лето я испытала и прошла то, что большинство людей не проходят за всю свою жизнь, но в конце... я осталась всего лишь девчонкой, которую никто и никогда не поймет. Во мне так много того, что уже никогда не станет прежним. Никогда.

- Тебе не хочется слушать про эпизоды, связанные с сексом. Я это знаю. Я понимаю, насколько неуместно сидеть здесь и рассказывать совершенно незнакомому

человеку о том, как людей связывали, высекали и трахали прямо у меня на глазах. Но... я должна это кому-нибудь рассказать. Кому-нибудь, кто не посмотрит на меня как на чудачку. Кому-нибудь, кто не будет анализировать меня так, как это делает Слоан.

- Она заставляет меня чувствовать себя чудачкой... во всяком случае, не намеренно. Это проявляется тогда, когда она говорит о том, что я тянусь к тебе, потому что ты сильный мужчина, такой же как Калеб. Тогда, когда она говорит о том, что я поцеловала тебя, потому что секс - это единственный способ, в рамках которого я могла достигнуть своей цели, что все это имеет под собой психологическую основу, потому что Калеб запудрил мне мозги. Я не могу это вынести. Я не могу вынести то, что мои чувства умещаются в описание на блокнотном листке, которое подходит мне и миллионам других сломленных идиоток. Более того, я не могу вынести мысль о том, что возможно... она права.

- Может быть, я на самом деле не люблю Калеба, может, мой мозг сработал таким образом, чтобы я не совершила самоубийства, или не чувствовала себя одинокой или напуганной. Может быть, я когда-нибудь это приму, и мне больше не будут сниться кошмары. Может, я больше никогда не открою своих чувств. Но кто полюбит такую девушку, Рид? Кто полюбит такую чудачку, как я?

Рухнув на свою кровать, она свернулась калачиком и, начав покачиваться, зарыдала. Сердце Мэттью забилось с невероятной скоростью. Он не знал, что должен сделать, чтобы она перестала плакать. Он не хотел к ней прикасаться, это казалось неправильным. Обнять? Ничем не лучше.

Ему хотелось, чтобы Слоан сейчас была здесь. Она была социальным работником. И именно ее обязанностью было заниматься всем этим сентиментальным дерьмом.

Он вспомнил, что Оливия не была сентиментальной.

- Кто-нибудь обязательно полюбит вас, мисс Руис. Даже несмотря на то, что вы... чудачка.

- Пошел ты, Рид, - всхлипнула она.

Он рассмеялся, - И вы тоже весьма очаровательны.

- Ты говнюк, ты знаешь об этом?

- Да, - безразлично ответил он.

- Боже! Почему ты такой странный?!?

Присев, она посмотрела на него.

- У всех есть свои тараканы, и все мы чудаки каждый в своем роде.

- Откуда тебе знать? - ответила она, хлюпая носом, и не отрывая от него взгляда.

- Скорей всего, у тебя была прекрасная жизнь где-нибудь в пригороде. Ни забот. Ни хлопот. Идеальная жизнь.

Он одарил ее невозмутимым взглядом.

- Когда я был ребенком, я подвергся насилию. Африканские военные заставляли меня хранить порох и кокаин, и нападать на деревни с пулеметом Узи наперевес. Пожалейте меня и прекратите распускать нюни о том, что вас никто не полюбит, - спокойно предложил он.

Ее шокированное выражение лица было бесценным. Посмотрев на нее прямым взглядом, он смягчил свой тон.

- Вы молодая, умная, и, в добавок, та еще засранка. С вашими мозгами вы не пропадете. И никому, никогда не позволяйте разубедить себя в этом. Особенно самой себе.

Выражение лица Оливии смягчилось, и спустя некоторое время, она слегка улыбнулась.

- Думаю, ты хороший, Рид. Тебя никто и никогда не полюбит, но ты хороший.

Он криво ей улыбнулся, - Спасибо, мисс Руис. Я вспомню об этом, когда вы будете умолять меня о снисхождении.

Она вздохнула.

- Мы можем на сегодня закончить? Я очень устала. Один разговор с тобой стоит мне целого года жизни.

- Хотите, чтобы я выключил свет? Может, тьма поможет вам стать более откровенной? - сказал он, шутя лишь наполовину.

- Смешно.

- Я старался, - сказал он.

- Я вернусь завтра.

Замолчав, он снов обратился к ней.

- Послушайте. Мы тратим время, мисс Руис. Нам нужно попасть на аукцион, и вы - наша единственная надежда на освобождение таких, как вы, Нэнси, Малыш, Селии. Всех. Я не хочу, чтобы вы об этом забывали. Я выслушаю вас. Я даже попытаюсь разделить вашу точку зрения, но в конечном итоге... вы в безопасности. Другим повезло меньше.

Она мрачно кивнула.

- *Я знаю*, Рид. Поверь мне. Я тоже не хочу, чтобы тем ублюдкам это сошло с рук. Правда, не хочу.

- Я на это надеюсь, мисс Руис. Поспите.

Мэттью встал и собрал свои вещи. Не забыв выключить диктофон, он сунул его в пиджак, чтобы тот не потерялся. Выйдя из больницы, он решил на несколько часов вернуться в офис. Было относительно рано, и отделения ФАР в Пакистане еще должны были работать. Ему нужно сделать несколько звонков.

Вернувшись в свой кабинет, он нашел телефон ФАР и спросил, располагают ли они какой-либо информацией о проведении аукциона по продаже живым товаром, который должен был пройти в ближайшие дни. Как и предполагалось, агенты ФАР были не в восторге от звонка из ФБР, но после того, как он приправил свою речь стандартными вкрадчивыми оборотами с угрожающими оттенками, и выразил все это самым вежливым тоном, они нехотя признались, что выяснят все, что возможно и проработают любую полученную информацию.

- Прошу вас уделить особое внимание частным аэропортам и въезду в страну высокопоставленных лиц: миллионеров, шейхов - любого, у кого есть деньги и власть.

В особенности тех, у кого, по вашим данным, имеются связи с организованным преступным миром, включая оборот оружия, наркотиков и человеческого труда.

- Мы не нуждаемся в ваших инструкциях относительно того, как нам выполнять свою работу, агент Рид, - сказал человек на другом конце линии.

У него был южно-африканский акцент.

- Мы вполне способны собрать разведывательные данные и без Правительства США.

- Значит, ребята, в течение следующих пары дней я ожидаю вашего звонка? - поддразнивал Мэттью.

- Непременно, агент Рид. Мы проследим за Дмитрием Балком или любым другим человеком, прибывшим в нашу страну под именем Владэк Ростович.

На этом связь оборвалась.

- Хрен моржовый, - проворчал Мэттью.

Он нажал на кнопку, чтобы сделать еще один звонок.

Просмотрев распечатку правительственных агентств Пакистана, он сделал звонок в орган, отвечающий за ЗПБТЛ.

Закон о Предупреждении и Борьбе с Торговлей Людьми был принят всего в 2002 году, но уже набирал обороты. Было нелегко связаться с кем-то, кто говорил по-английски, но после нескольких повторных наборов, ему, наконец, удалось попасть на сотрудника, владеющим иностранным языком.

В начале девятого вечера, Мэттью решил, что за один день он сделал все, что мог. Собрав вещи, в том числе и диктофон, он отправился к себе в отель.

Он не мог перестать думать об истории, рассказанной Оливией. Он не мог перестать думать о Селии.

Добравшись до своего номера и поставив портфель на стол, он опустошил свои карманы, аккуратно разложив монетки по достоинству и по размеру в ряд, так же положил на стол ключи, бумажник и часы, после чего повесил свой пиджак и решил еще раз прослушать чертову запись, которую он не мог выкинуть из головы. Он уже был настолько твердым, что с трудом мог сесть, чтобы снять с себя туфли и носки. Поспешно завершив свой ежедневный ритуал, он стремился как можно быстрее освободиться от одежды и прикоснуться к себе. Наконец, развесив одежду, он остался в одном нижнем белье, натянутым его бесстыдным возбуждением.

Обычно, у него не было никаких проблем с самоудовлетворением. Однако, на этот раз, обстоятельства возникновения его стояка заставляли его чувствовать себя виноватым.

- Ты больной сукин сын, - прошептал Мэттью, и спустив трусы вниз по ногам, сунул их в мешок для стирки.

Он настолько нуждался в разрядке, что даже не потрудился принять душ.

Вместо этого, откинув покрывало, он упал на чистые прохладные простыни. Потянувшись к диктофону, стоявшему на прикроватном столике, он перемотал запись на место появления Селии. Его член дернулся. Когда комнату заполнил голос Ливви, он закрыл глаза и положил руку на свою горячую плоть.

Мэттью особо с собой не церемонился. Ему не нравилась нежность. Схватив свой член, словно тот был своего рода его противником, он сжал его до боли.

Маргарет и Ричард были прекрасными родителями: добрыми, любящими и отзывчивыми. Забрав сломленного ребенка, чья мать была жестоко убита, они подарили ему потрясающую жизнь, но не смогли стереть его воспоминаний. Они не смогли освободить его от тьмы, прячущейся внутри него. Они не смогли уберечь его от наслаждения этой тьмой.

Мэттью провел ногтями по своей груди, и, задев сосок с такой силой, что заставил себя самого поежиться, толкнулся бедрами в кулак.

- Селия подняла флоггер и хлестнула Малыша по груди. Малыш вскрикнул и попытался согнуться пополам, но мужчины, удерживающие его, не позволили ему этого сделать, демонстрируя гостям ярко-красную линию на его груди. Малыш зарыдал...

Мэттью представлял себя на месте Малыша, стыдясь того, что эти картинки были столь возбуждающими, столь разрушающе приятными... в его глазах стояли слезы, потому что он знал, что это неправильно. Было неправильно слушать голос Оливии. Было неправильно слушать об унижениях Малыша. Это было неправильно! Неправильно! Неправильно!

Мэттью кончил. Сильно. Сперма брызнула ему на грудь, обжигая кожу в расцарапанных местах, но тем не менее, даря ему блаженство. Он тяжело и гулко дышал, слушая в темноте голос Оливии.

Потянувшись к диктофону, не выпачканной в сперме рукой, он его выключил. В конце концов, все это не имело значения.

Он снова был твердым. Он уже давно не позволял себе получать такого рода разрядку, и его члену не хватило спешного самоудовлетворения. Но он отказывался повторно слушать запись. Отказывался.

Вскочив с кровати, он направился в душ, чтобы смыть с себя позорное удовольствие.

Клуб. У него всегда был клуб. И неважно, что Мэттью всячески старался избегать его - в итоге, он всегда оказывался там. Он знал, где мог найти то, что требовалось его подсознанию.

Выйдя из душа, он быстро надел джинсы и рубашку. Ничего черного, ничего, что выдавало бы в нем доминанта. Он не выносил, когда жаждущие сабы подсаживались к нему, думая, что все, о чем он мечтает - это перекинуть их через свое колено. Он всегда отправлял их обратно в слезах, стыдясь того, что он не мог дать им то, чего они хотели.

Он пытался. Пытался быть таким, как им нужно. Но это всегда плохо заканчивалось.

Глава 11

День 10:

Мэттью проснулся с неприятными ощущениями во всем теле. Медленно наклонив голову вперед, он заворчал, когда простелившая шею боль, осела между плечами. Почувствовав слабость, он снова рухнул на кровать. Очевидно, будет гораздо сложнее, чем он думал.

С каждой секундой, его разум прояснялся все больше, и вскоре, его сердце лихорадочно забилось. Прошлой ночью он был в клубе.

- *Мэттью? Это ты?*

Мэттью застонал. *Нет. Нет, нет, нет, нееееет.* Зарывшись лицом в подушку, он не мог не заметить, что его член затвердел. И дело было не только в утреннем стояке. Он вспоминал.

Мэттью вздрогнул, услышав знакомый голос. Ее голос.

- Блять! - выругался он шепотом.

Как он справится с этим? Как объяснит?

Кто-нибудь другой! Был бы это кто-нибудь другой, все было бы в порядке. Но нет.

Когда он, наконец, набравшись храбрости, повернулся на стуле, то увидел рядом с собой именно *ее.*

Ее рыжие волосы были распущены, струясь мягкими волнами по спине. На ней была белая блуза, запахивающаяся на талии, и завязывающаяся сзади. В вырезе блузки слегка виднелась ложбинка между грудей, что было достаточно для того, чтобы вызвать мужской интерес, но недостаточно, чтобы разглядеть, что же скрывалось под этим обтягивающий лифом. Ее образ завершался черной кожаной юбкой до середины бедра и туфлями на металлических шпильках.

Лицо Мэттью тут же вспыхнуло, покрывая его щеки стыдливым румянцем. Особенно, когда он вспомнил о том, как пытался объяснить ей свое присутствие.

- *Мне нужно было выпить.*

- *Ох, поверь, я тебя так понимаю. Хотя во время сессий я не пью, - равнодушно сказала она.*

Мэттью задался вопросом, какого хрена она могла оставаться такой равнодушной. На самом деле, он задавался этим вопросом в течение всей ночи.

Он знал, что большинство людей считали его холодным, профессиональным и отстраненным, но за ней такого не наблюдалось. Она разнесла в щепки весь тщательно возведенный им самоконтроль, и сделала это, не потеряв ни грамма хладнокровия.

- *Я здесь не для сессий. Мне просто нужно было выпить, - сказал он.*

Его уши горели, и он знал, что в любую минуту этот жар распространится на его шею и лицо. Он хотел было уйти, но она не позволила, остановив его своим подозрительным взглядом.

- И поэтому ты оказался здесь? Прости меня, Мэттью, но верится в это с трудом.

Она изогнула свою рыжую бровь.

- Я... я..., - начал было он.

- Не нужно смущаться, Мэттью. Я имею в виду, я ведь тоже здесь, правильно? У меня к тебе всего лишь один, единственный вопрос - Кого ты ищешь?

Бедра Мэттью подались вперед, и он почувствовал жжение в мышцах, протестующих против этого движения. Если сегодня он сможет сидеть, это будет приятной неожиданностью.

- Я никого не ищу. Я просто...

- Лжешь? В самом деле? Я бы могла подумать о тебе что угодно, но слово лжец последнее, что приходит мне на ум, - сказала она.

- Да мне похер на то, что ты думаешь, - парировал он, ударив о стойку бара стаканом с неразбавленным виски.

Он встал, чтобы уйти, но Слоан заблокировала ему путь, поймав его в ловушку между своим телом и стулом. От нее пахло чем-то сладким, напоминающим аромат зеленых яблок. И это определенно было не то, чего он ожидал. Не в секс-клубе.

Зная, что это вызовет болезненные ощущения, он напрягся, и, протянув руку, прикоснулся пальцами к своему заду. Да: вся его задница была сплошь покрыта припухшими рубцами. Он провел по ним кончиками пальцев, восхищаясь тем, что на участках его тела, куда приземлялась ее рука, остались следы от ее тонких пальцев.

Он частенько задавался вопросом, занималась ли несравненная доктор Джэнис Слоан психоанализом во время секса. Теперь он знал ответ.

- Это грубо, Мэттью. Ты пытаешься задеть мои чувства. Но я тебя прощаю, потому как знаю, что ты смущен.

Шагнув к нему ближе, она положила свою руку ему на грудь, заставляя его сесть на место. Ее ладонь ощущалась горячей, очень горячей, словно она могла прожечь ей дыру в его груди. Уступив ей, Мэттью позволил ей усадить себя обратно на барный стул.

Встав на носочки, Слоан наклонилась к Мэттью и прошептала ему на ухо, - У тебя покраснели щеки, и сердце забилось намного быстрее.

Мэттью застонал и снова потер свой зад.

Да, он был смущен. Он никогда не думал, что когда-нибудь увидит Слоан, одетую как нечто среднее между Мадонной и шлюхой, источающую аромат яблок, и трущуюся своими сиськами о его грудь. Она знала, что делала, и сейчас это стало слишком очевидно.

- Послушай, Слоан...

- Оставь Слоан для офиса, Мэттью, - сказала она с улыбкой.

- Ладно. Какого черта тебе нужно, Джэнис? Хочешь рассказать всем и каждому, что видела меня здесь? Что я ненормальный? Давай. Мне похрен, - прошептал он слова наполовину сердито, наполовину нервно.

Он не знал, что ему делать, если она решит растрезвонить людям о его увлечениях.

Его до сих пор это беспокоило. То, что он позволял ей делать с ним! Как умолял ее не останавливаться.

Замотав головой, он попытался очистить свою голову от этих воспоминаний, но это не помогало... не тогда, когда все его тело болело, и не тогда, когда ее запах до сих пор цеплялся за его простыни.

- Ты не Дом.

Джэнис замотала головой, - Я так не думаю. Я имею в виду, что ты мог бы им быть, ты такой мужественный, сильный, и всегда все контролируешь. Но в этом и проблема. Так ведь, Мэттью? Очень сложно постоянно все держать под контролем.

Подняв свою нежную ручку, она запустила ее в волосы Мэттью, начав перебирать их пальцами на затылке. Это был интимный жест, полный значения.

Оу, да. Гребаный психо-треп. Оливия была права - Слоан ничего не могла с собой поделать. Она смотрела прямиком в самую суть человека, и разрывала его на части. И неважно, что это было больно, и, что ее об этом не просили. Она проделывала это с ним всю ночь, протыкая, протыкая и протыкая, до тех пор, пока он не сдался.

Вторая рука Джэнис легла Мэттью на бедро и нежно его сжала. Мэттью судорожно сглотнул, но потом впустил Джэнис, и она встала между его раздвинутыми ногами, словно это было ее законное место.

- Я никогда не расскажу о твоих секретах, Мэттью. Я храню множество тайн - это моя работа. Если ты скажешь мне оставить тебя в покое, я так и сделаю. Просто... я хочу тебя.

- Почему? - еле выговорил Мэттью.

Джэнис улыбнулась у его уха и тихонько хихикнула, - Потому что ничего не доставит мне большего удовольствия, чем твоя сексуальная задница на моем колене.

Да, это, определенно, было сексуально. Мэттью никогда не кончал так сильно и никогда не просил так много. Он пытался быть неразговорчивым, не придавая значения болезненным вопросам Слоан. Но, в конце концов, ему так отчаянно хотелось кончить, что он готов был сделать и сказать все что угодно… чем Слоан незамедлительно и воспользовалась. Она вытянула из него такие признания, что от стыда он едва мог дышать. Она была безжалостна.

Скользнув рукой по внутренней стороне бедра, она приблизилась к его промежности и накрыла ладонью его яички. Мэттью испуганно подскочил, но его руки так и не ослабили хватку на барном стуле. Ногти Джэнис царапали его через ткань джинсов, и он не смог сдержать беспомощного звука, сорвавшегося с его губ.

Он больше не мог смотреть ей в лицо, ни сегодня, ни когда-либо еще. Сейчас она слишком хорошо его знала. Он признавался ей в таких вещах, о которых никто и никогда не знал.

- Хорошо, - прошептал он.

- Хорошо? - промурлыкала она ему в ухо, попеременно то, лаская, то царапая его своими ногтями.

Она была такой успокаивающей, гладя его по волосам и твердя ему о том, что все в порядке, и что в этом нет ничего страшного.

Мэттью кивнул и закрыл глаза. Он едва сдерживался, чтобы не кончить прямо в штаны, как какой-то школьник при виде чирлидерши.

- Ты никому не скажешь? - взмолился он тихим голосом.

Джэнис сжала его волосы на затылке с такой силой, что у него защипало в глазах, - Нет, Мэттью. Я никому не скажу. Теперь вставай с этого долбаного стула и давай выбираться отсюда.

Прошлая ночь была потрясающей, освобождающей. Она была светом во тьме его души, но сегодня... сегодня он был на грани того, чтобы взять больничный, и спрятаться, отлеживаясь в кровати.

Наконец, Мэттью перевернулся и позволил боли завладеть собой. Закрыв глаза, он подвигал всеми конечностями своего тела, проверяя работу своих мышц. Плечи сковала ноющая боль, поворачивать шею было практически невозможно, но больше всего досталось его заднице. Казалось, она была покрыта синяками до самой кости, и он знал, что эта боль не пройдет даже после горячего душа. Он будет думать о Слоан весь день, всю ночь, и каждый раз, когда будет садиться, ровно до тех пор, пока эта боль полностью не исчезнет. Но внезапно он понял, что в самом уязвленном состоянии находилась его гордость.

Мэттью медленно открыл глаза. Этим утром он должен вернуться в больницу к Оливии и выслушать оставшуюся часть ее рассказа.

Он задался вопросом, будет ли Слоан там. Его желудок сжался. Нет. Он не может видеться со Слоан. Никогда.

Ему была невыносима мысль о том, что он мог столкнуться с ней и с ее самодовольным лицом. Хотя, если честно, кто бы не был самодовольным на ее месте?

Мэттью повел себя как полный придурок. Ведь он знал массу людей, которые заплатили бы огромные деньги, чтобы услышать о том, как низко он пал.

Но он больше не мог пойти на поводу у Слоан и снова уступить ей. Для этого все, что ему нужно делать - просто избегать ее. Это было настоящей трусостью, но Мэттью считал, что иногда можно побыть трусом. Он не позволит этому повлиять на ход его дела.

Громко вздохнув, Мэттью скатился с кровати, встал на подкашивающиеся ноги, и упершись о стол для равновесия, потянулся за своим телефоном.

На столе лежала записка:

Дорогой Мэттью,

Спасибо. Ты оказался даже лучше, чем в моих мечтах. Трудно оставлять тебя, но я знаю, что тебе необходимо личное пространство. Утром я буду в больнице, и, если хочешь, можешь найти меня там, если же нет, я оставлю тебе вечер для работы. Конечно же, я надеюсь, что снова тебя увижу. Наша договоренность в силе. Мой рот на замке.

Джэни.

- Блять, - вздохнул Мэттью.

Даже по этой записке он почувствовал ее самодовольство относительно прошлой ночи. Если он не покажется, то точно будет выглядеть трусом. А если покажется, то значит, этим он пытается что-то доказать. Палка о двух концах.

Разозлившись, он взял свой телефон и набрал текст.

Рид: Intel @ office. До обеда занят. Пож-та запиши интервью.

Он подумал о том, что его сообщение было нечетким, но достаточно лаконичным. И надеялся, что она поймет этот намек и не станет обсуждать события прошлой ночи.

Будет лучше, если они и впредь будут пересекаться только по работе. Это дело скоро закроется, и они оба будут перераспределены на другие задания. И если повезет, у него больше не будет причины видеться с ней снова. Все, что ему нужно сделать - это протянуть еще несколько дней. Может, и того меньше, если ему удастся разговорить Ливви. Большей мотивации ему и не требовалось.

Мэттью принимал долгий, горячий душ, тем самым, помогая своим ноющим мышцам расслабиться. По правде говоря, его повреждения были незначительными - всего лишь несколько синяков и рубцов на заднице. Было облегчением знать, что кроме как под одеждой, никаких других отметин на его теле не осталось.

По пути на работу, он остановился купить кофе. Ему не хотелось пользоваться офисной кофе-машиной. Порой его коллеги пытались вовлечь его в разговор, а сегодня Мэттью был не в духе.

Молча войдя, и, кивнув в знак приветствия дежурному по отделению, он вызвал лифт, и к огорчению сторожа здания, который ехал в кабине вместе с ним, добрался до нужного этажа в полнейшей тишине.

- Агент Рид.

Поставив портфель рядом со своим рабочим столом, а кофе рядом с клавиатурой, Мэттью повернулся и увидел другого сотрудника.

- Да?

- Вчера поздно вечером было получено сообщение на ваше имя. Дежурный по отделению принес его сегодня утром, - передав сообщение Мэттью, молодой человек пошел прочь.

- Спасибо, - пробормотал Мэттью в спину удаляющемуся коллеге, и опустил глаза на сообщение.

Получен звонок от агента ФАР.

Мэттью посмотрел на часы и понадеялся, что их офисы были все еще открыты. Оттягивая предстоящий разговор до последнего, он развернул свой стул и взял телефон, чтобы набрать длинный номер.

- Алло? Старшего сержанта Пателя, пожалуйста.

Несколько минут он ждал, пока его соединят с сержантом, испытывая облегчение от того, что позвонил вовремя.

- Говорит старший сержант Патель.

- Мэттью Рид, ФБР, - быстро сказал он.

- Вы оставили мне сообщение. Что вы нашли?

На другом конце линии послышался глубокий вдох, - Мы отследили запланированное прибытие частных самолетов на ближайшие три дня.

Он замялся, - Вы были правы. Наблюдается гораздо больше активности, чем обычно. Пока нет никакой информации по Дмитрию Балку или Владэку Ростровичу, но на данный момент мы располагаем неполным списком пассажиров.

- Вы не могли бы прислать мне уже имеющиеся данные по этому делу? Если не возражаете, я хотел бы все просмотреть.

- Мы возражаем, агент Рид. На случай, если все-таки что-то происходит, это попадает под нашу компетенцию и наш офис в состоянии решить этот вопрос самостоятельно. У вас есть какая-нибудь еще информация, которой бы вы хотели с нами поделиться?

Мэттью сжал зубы с такой силой, что у него разболелась голова. Сейчас он был явно не в том настроении, чтобы играть во все эти бюрократические игры.

- Я хочу делиться информацией, но только при условии сотрудничества. Для данного дела необходим полный информационный взаимообмен. Мы ограничены во времени, старший сержант. Его нет и на то, чтобы мериться градусниками.

- Ох уж эти американцы и их красочный сленг, - сказал Патель.

- Никто ни чем не 'меряется', агент Рид, но я уверен, что в этом деле вы можете наблюдать политическую подоплеку. В настоящее время, все мировое внимание сосредоточено на Пакистане и нам необходимо знать, что данная ситуация может быть решена с крайней осторожностью, не ставя ни одну из двух стран в компрометирующее положение.

- Если вы не направите данные, мне придется связаться со своим начальством, которое, в свою очередь, будет действовать через ваше правительство. Это займет несколько дней, и к тому моменту аукцион по продаже рабынь будет уже завершен, - сказал Мэттью.

- Я понимаю, что вам нужно выполнить свою работу, агент Рид. То же самое могу сказать и о себе. Я буду продолжать собирать информацию по прибытию частных самолетов, спискам пассажиров, времени прибытия, ориентировочному времени отбытия, и так далее. В это время советую вам связаться со своим начальством. Я сделаю то же самое и, возможно, мы сможем прийти к взаимовыгодному соглашению.

- Прекрасно, - прорычал Мэттью в трубку.

- До завтра, - холодно ответил старший сержант Патель.

- Можете на это рассчитывать, - повторил Мэттью и подождав, пока связь оборвется, положил трубку обратно на рычаг. Он постарался не треснуть ею по телефону. Ему не нужно было привлекать к себе внимание.

До того, как Слоан закончит свое общение с Оливией, у него было несколько часов, поэтому он решил откопать дополнительную информацию о Дмитрие Балке.

Если Рафик с Калебом бросили все свои силы на поиски неуловимого миллиардера, то Мэттью должен был сделать то же самое.

Он сомневался, что ему удастся подобраться к этому человеку стандартными путями. Мэттью не хотел его спугнуть. Балк мог решить держаться в стороне от аукциона, поэтому Мэттью не смог бы использовать его в качестве приманки.

До девяностых годов о Дмитрии Балке не было практически никакой информации. На первый взгляд, компания Алмазы Балка появилась буквально за одну ночь вместе с длинным списком крупных инвесторов, которые мгновенно взвинтили стоимость его акций, способствуя национализации бизнеса. Дмитрий Балк был главным акционером и числился Председателем Правления компании. Крупный конгломерат был изначально заявлен как ювелирная компания, но она также поддерживалась множеством других предприятий.

Компанию окружали противоречивые слухи. При поверхностной проверке можно было найти не одну историю, указывающую на причастность Алмазов Балка к добыче камней в африканских месторождениях, но никакого официального расследования с привлечением правительства не проводилось. Происхождение алмазов было весьма спорным, но никто не мог выявить непосредственную связь Алмазов Балка к любому из месторождений в Африке, возможно благодаря взаимодействующей сети отдельных и дочерних компаний.

Внимание Мэттью привлекла одна из дочерних компаний АКРААН, что была основана в России и занималась производством и продажей оружия. Дальнейшая проверка подтвердила наличие связи АКРААН с Алмазами Балка во времена преобразования второй в Открытое Акционерное Общество, что означало непосредственное осведомление об этом Председателя Правления.

Мэттью не удивился, обнаружив переплетение алмазной и оружейной сфер бизнеса. Однако интересным фактом было то, что оружейная компания была основана раньше, еще в шестидесятых годах. Производитель, поддерживаемый правительством, продавал оружие некоторым странам, что примечательно, включая Пакистан и Ирак.

Каким образом Дмитрию Балку удалось основать эти две компании? Мало того, оказавшись на посту - ни больше, ни меньше - Председателя Правления?

В *журнале Форбс*, Дмитрий описывался как 'миллиардер, достигший успеха собственными силами, с неприметными корнями в Советской России'. Мэттью усмехнулся, - Неприметная задница.

Он поморщился от своих слов, в красках вспоминая, как прошлой ночью его собственный зад “приметили” по полной программе. Сидеть было не очень просто. Но он старался не ерзать.

Наконец, его посетило вдохновение, и он позвонил в свой офис. После краткого разговора со своим начальником, тот, наконец, сдался, и согласился выделить Мэттью все необходимые ресурсы для завершения этого дела. Он также согласился решить бюрократическую волокиту между Мэттью и ФАР.

В течение часа, две технические школы, используя программы личностной идентификации и Базы Данных Национальной Безопасности, занимались изучением каждой фотографии, и каждой истории, связанной с Алмазами Балка, АКРААН, Дмитрием Балком, Владэком Ростровичем и Мухаммадом Рафиком. Мэттью предвидел, что рано или поздно, это даст свои плоды.

Он посмотрел на часы. Вероятно, ему уже нужно было отправляться в больницу.

Позвонив на пост старшей медсестры на этаже Оливии, и убедившись, что Слоан ушла, он собрал свои вещи и направился к двери.

***

Когда Мэттью вошел в палату, Оливия что-то увлеченно писала. Казалось, сегодня она пребывала в лучшем расположении духа, нежели вчера.

Мэттью отдал должное Слоан.

- Что вы пишете? - спросил Мэттью.

Поставив портфель на пол, он сел. Этот стул был куда удобнее того, что стоял в комнате отдыха. К тому же, окружающая обстановка ее собственной палаты могла сработать ему на руку, сделав ее более разговорчивой.

- Доктор Слоан принесла мне тетрадь. Очень мило, правда? Я так давно ничего не писала, что почти забыла, как сильно я это люблю, - сказала Оливия.

Она улыбнулась.

- Я спрашивал не об этом, мисс Руис, - ответил Мэттью, но в его словах не было никакого укора.

Она вздохнула, - Знаешь…я… я просто хочу сохранить свои воспоминания, прежде чем я перестану им доверять.

Мэттью, действительно, не нашлось, что на это ответить, кроме как, - Между прочим, эти записи могут быть приобщены к материалам расследования.

С шумом бросив свою ручку, она уставилась на него пораженным взглядом.

- В самом деле? Для чего ты это сказал?

- Не берите в голову, - просто ответил он, - забудьте о том, что я сказал.

Она посмотрела на него, потом на свою тетрадь, потом снова на него, после чего с подозрением подняв бровь, звучно захлопнула обложку.

- Я помню каждое твое слово, Рид. Только идиот поступит иначе.

Наклонив голову, Мэттью поморщился, - Спасибо за комплимент.

- Что с твоей шеей?

Мэттью сконцентрировался на том, чтобы никоим образом не выдать своего смущения, и, судя по его же собственной оценке, ему это неплохо удалось.

- Кровать в отеле. От нее у меня болит шея.

- Ооо, бедняжка агент Рид, - мягко поддразнила она.

- Забавно, но давайте уже покончим с этим, чтобы я мог, наконец, вернуться домой и спать в своей собственной постели, - сказал Рид.

Она вздохнула, - Всегда такой деловой. Именно поэтому Слоан так сердита на тебя?

- Что? - рявкнул Мэттью.

- Она говорила обо мне?

Теперь уже Оливия смотрела на него в замешательстве.

- Она спросила, приходил ли ты сегодня утром, и когда я сказала, что нет, она выглядела немного раздраженной, только и всего. Наверное, у тебя просто дар выводить людей на такие эмоции. Или только женщин. Она не хотела об этом говорить. Что между вами двумя происходит?

Еще больше разжигая свое любопытство, Оливия подняла свои брови. - Между вами что-то происходит? Неужто это выяснение отношений агентов ФБР?

Мэттью выдохнул, не осознавая, что задерживал дыхание. Он испытал облегчение и почувствовал себя глупо за то, что так резко отреагировал.

- Выяснение отношений? Нет. Вам никогда не говорили, что вы склонны все драматизировать? - холодно отрезал он.

- Обычно, доктор Слоан профессионально концентрируется на деле, а не на внешних отвлекающих факторах, какими бы они ни были.

- Боже, Рид. Какого черта этим утром происходит с твоей задницей?

Щеки Мэттью тут же вспыхнули, но он заставил себя подавить эту реакцию, пока она не стала очевидной. Его мало что могло вогнать в краску, но, черт побери, казалось, что последние дни были созданы для того, чтобы всему миру продемонстрировать его слабые стороны.

- Просто продолжайте вашу историю. Прошу вас. Я вымотан, у меня болит шея, вдобавок, я чувствую приближающиеся головные боли, поэтому, может, мы все-таки двинемся дальше?

Внезапно, выражение лица Оливии лишилось какой-либо легкости и юмора.

- *Ладно*, Рид. Задавай свои гребаные вопросы.

Он сделал глубокий вдох.

- О чем вы говорили со Слоан? Позже у меня будут ее записи, но может, вы введете меня в курс дела?

- Мы говорили о Калебе. Я уверена, ничего такого, что могло бы тебя заинтересовать.

- Тем не менее, рассказывайте, - настаивал Рид.

Чтобы наладить более располагающие отношения, он попытался изобразить улыбку, но судя по лицу Оливии, одной улыбкой тут было не обойтись.

- Попав в особняк, мне снилось множество кошмаров. Иногда о том, как Рафик насиловал Нэнси. Или о том, как Калеб продавал меня. Хотя, большей частью, мне снились ужасы той ночи, когда меня почти изнасиловали байкеры. Во сне я видела, как они надо мной издевались, наступали на живот и били меня по лицу.

Она сглотнула.

- Я почти чувствовала, как кровь заливалась в мой рот. Я просыпалась, глотая воздух. И когда Калеб находился рядом..., - Оливия вздохнула, - Он просто обнимал меня. Думаю, Калебу нравилось спать рядом со мной. Но с приходом утра все менялось. Лежа с ним в кровати, я смотрела на него спящего, думая о том, как он

выглядел, когда был еще ребенком, когда не был одержим идеей моего обучения или демонстрацией того, как много власти он имел надо мной.

Мэттью перебил ее, - Рафик все еще был там?

- Нет. Он уехал через несколько дней после нашей первой встречи. Они с Калебом завтракали на террасе. Рафик использовал Нэнси в качестве стола, и мне часто приходилось закрывать глаза, потому что я думала, что нарезая стейк, нож Рафика вот-вот войдет в тело Нэнси. Хотя такого ни разу не произошло.

- Что случилось с Нэнси? - спросил Мэттью.

- До последнего я об этом не знала, но уезжая, Рафик взял ее с собой. И прежде чем ты спросишь: Нет, я не знаю, куда он направлялся.

- Встретить судно. Помните?

- Точно, встретить судно, - сказала она.

- Ну, а где ели вы?

- На полу, рядом с Калебом. Он отрезал для меня кусочки и скармливал их мне, продолжая есть сам. Это то, о чем я тебе говорила, Рид - он был добр ко мне. Я, действительно, не ценила этого, пока не увидела, как обращались с Нэнси. Даже с Малышом. Хотя, с Селией обращались лучше всего. Ближе к концу я надеялась, что...

Она надолго замолчала.

- Надеялась на что? - спросил Мэттью, пытаясь вернуть ее внимание.

- Что у нас с Калебом могли бы сложиться такие же отношения, как и у них. Фелипе был не самым лучшим человеком. Если бы он был таковым, он бы не числился в друзьях Рафика, но... Селия любит его и, кажется, Фелипе испытывает к ней те же чувства. Он ее защищает.

- Хотите, чтобы я позвонил Слоан? - терпеливо спросил Мэттью.

Ее глаза стрельнули в него, и сузились с подозрением.

- Для чего?

- Для того, что вам требуется интенсивная терапия, мисс Руис. Весьма интенсивная.

В ответ она покачала головой, несомненно, забавляясь его откровенностью.

- Да пошел ты, Рид, - с улыбкой сказала она.

- Прошу. Продолжайте свой рассказ…

Глава 12

Открыв глаза и осознав, что наступило утро, мне понадобилось несколько минут, чтобы сориентироваться. Тревога, испытываемая мною в течение ночи, медленно отступала. Я не помнила, как погрузилась в сон - только как часами лежала на кровати,

пытаясь придумать способ выбраться из моей ситуации, которая бы не потребовала вмешательства Калеба в мое спасение.

Комната, в которой я спала была красивой и чистой. Каждое утро, когда солнце только-только начинало заливать комнату светом, входила Селия, чтобы раздвинуть тяжелые шторы.

Я говорила ей о том, что вполне была в состоянии делать это сама, но она попросту игнорировала меня, продолжая заниматься своей работой.

- Ей запрещено с тобой разговаривать, - сказал Калеб, сидя на краю кровати.

Это была всего лишь наша вторая неделя пребывания в особняке, но он выглядел таким уставшим, словно и вовсе не отдыхал. Он жаловался на то, что не может всегда спать полностью одетым. Тем не менее, каждую ночь именно так он и поступал.

В течение первых нескольких дней, Калеб был рассеяннее, чем обычно. Да, он был жестоким. Он проверял мои возможности, обучая меня командам на русском языке, и действиям, которые мне следовало выполнять, когда я их слышала. Он настаивал на том, чтобы я ползала на четвереньках, звала его Хозяином, и, пропуская меня через череду унижений, заставлял меня побороть мою застенчивость. Но, несмотря на все это, он меня не трогал. Не настаивал на том, чтобы я была обнажена, и защищал меня тем, что не подпускал ко мне других.

Я знала, что он оставался со мной на ночь, потому как был в курсе, что без него меня мучили кошмары. Он спал в футболке и боксерах, и вроде был в состоянии спать рядом со мной, не прикасаясь к моему телу, но все это длилось ровно до тех пор, пока я не просыпалась от какого-нибудь кошмарного сна, и не сворачивалась рядом с ним калачиком.

Он меня успокаивал.

- Почему ей запрещено со мной разговаривать? - поинтересовалась я язвительным тоном.

Посмотрев на меня пару мгновений, Калеб ответил.

- Котенок, тебе, действительно, стоит пересмотреть манеру общения со мной. Только потому что ты еще до конца не оправилась после случившегося, не означает, что я не веду счет твоим оплошностям.

Он неотрывно смотрел мне прямо в глаза, пока я, наконец, не опустила взгляд в пол.

- Прости, Хозяин.

Он смотрел на меня со странным выражением.

- Пожалуйста, могу я узнать, почему ей запрещено со мной разговаривать?

- Селия не просто любовница своего господина, она еще и служанка. Думаю, это довольно типично. Я никогда не был с кем-то настолько долго, чтобы вникнуть в особенности отношений, но знаю достаточно, чтобы утверждать, что в этом есть некий смысл. Он может использовать ее не только для секса.

Должно быть, на моем лице отразилось негодование, потому что Калеб прижал палец к моим губам, лишая меня возможности заговорить. И хотя мне этого делать не следовало, и в добавок, это могло разозлить Калеба, но я все равно произнесла, - Ты не находишь это правило глупым? Лично мне это кажется противным.

- Поверь мне, порой разговаривать с тобой - вот что противно, - прокомментировал он, но улыбнулся.

Я улыбнулась в ответ. Придурок.

Странно, но я подумала о том, как сильно мне будет не хватать его после того, как он меня продаст. Мне вдруг стало интересно, станет ли он также скучать по мне, настолько, что даже возможно решит меня забрать.

Ты не принцесса и он не прекрасный принц, который пришел спасти тебя. Или ты забыла?

Вздох был ответом моему внутреннему голосу.

Я все чаще и чаще говорила сама с собой. Не то, чтобы мой внутренний голос сводил меня с ума, но он однозначно составлял мне дрянную компанию. Порой я почти забывала, что меня держали в плену против моей воли. Я никогда этого не делала, но иногда допускала подобную мысль.

По просьбе Калеба, Селия приносила нам завтрак и мы ели на террасе. Только он и я. Купаясь в лучах солнечного света, лакомясь свежими пирожными из рук Калеба, и попивая вручную выжатый апельсиновый сок, я думала - все не так уж и плохо.

Но конечно, порой было почти невозможно забыть о том, что я была пленницей Калеба. Из-за своих повреждений я все еще медленно двигалась. Синяки почти исчезли, но боль в плече и ребрах никуда не делась, напоминая мне о многом. Это казалось сдерживающим фактором против новой попытки побега. Кроме того это служило мне напоминанием о том, как быстро Калеб меня нашел. Но все же, это было по части Калеба думать о том, для достижения каких целей можно использовать боль.

Однажды утром, он оставил меня наедине с Селией, и вопреки здравому смыслу, я решила заговорить с ней. Избегая моего взгляда, Селия ходила по моей комнате, поправляла вещи, которые в этом не нуждались, и вытирала пыль.

Мне, на самом деле, было жаль ее. Она была красивой, и ее манера вести себя намекала на присутствие недюжинной внутренней силы, но тем не менее... она была рабыней. Я гадала, буду ли я хоть наполовину такой же грациозной, как она, когда, наконец, придет и мое время.

С некоторой надеждой, я отметила, что, судя по ее внешнему виду, ее не избивали. На ней не было синяков, и никаких признаков того, что она страдала.

Да. Мне оставалось надеяться только на это.

- Селия? - запинаясь, произнесла я ее имя, боясь как ее ответа, так и ее молчания.

Устремив на меня свой добрый взгляд, она вопросительно приподняла бровь. Это был не совсем ответ, но это было больше, чем я получала от нее раннее. Я решила, что в отсутствии Калеба, она могла бы со мной поговорить.

- Как долго ты здесь находишься?

Она смотрела на меня довольно продолжительное время до тех пор, пока мне стало не по себе. Этот вопрос не казался мне сложным, хотя, постепенно я хотела добраться и до них.

Наконец, ее губы изогнулись в кривой улыбке и она, коротко кивнула – лучше от ее ответа мне не стало. Посмотрев на меня улыбающимися глазами, она подняла шесть пальцев.

Мне хотелось накричать на нее за то, что она не отвечает мне словами, но я была уверена, что ни к чему хорошему это не приведет.

- Шеееееесть... месяцев?

Она замотала головой.

Я сделала глубокий, успокоительный вдох для следующего вопроса, - Лет?

Улыбнувшись, она кивнула.

Блять. Лет? Она была рабыней Фелипе целых шесть лет. У меня в это голове не укладывалось.

- Ты никогда не пыталась сбежать?

Очевидно, мой голос прозвучал слишком громко. Потому как ее взгляд тут же стал отчаянным, и она посмотрела на дверь, словно та сейчас распахнется и произойдет что-нибудь ужасное. Спешно приблизившись ко мне, она поднесла пальцы к моим губам.

Я была потрясена и стояла неподвижно, в ожидании, когда эта ситуация уляжется. Ее глаза сохраняли укоризненное выражение пока, она пятилась назад, мотая своей головой.

Она вышла из комнаты до того, как я успела извиниться, или задать еще один вопрос. Прекрасно!

- Да пошла ты, - прошептала я в никуда.

В течение нескольких минут после ухода Селии, я ожидала столкнуться с гневом Калеба, но никто не приходил. Калеб четко дал понять, что мне запрещалось покидать мою комнату. Поэтому я ждала... и ждала... и ждала.

Несколько часов спустя, я умирала с голоду, а боль в моем плече и ребрах с каждой минутой становилось все сложнее терпеть. Под конец, я рискнула и попыталась открыть дверь, но она оказалась заперта.

По прошествии времени, я прибегла к крикам и мольбам, обращенным к Калебу через дверь, чтобы он простил меня и дал мне мои лекарства. Я задумалась, не пристрастилась ли я к приему данных препаратов, но судя по тому, какую боль я испытывала, это было маловероятно. Мне нужны были эти гребаные таблетки. И еще мне нужно было поесть!

Конечно же, Калеб тоже об этом знал, и это его ненасильственное наказание было не менее жестоким.

Постепенно, на улице стемнело. Рыдая на кровати, я услышала, как кто-то отпирает мою дверь. Увидев, как Калеб входит в комнату, я зарыдала с новой силой.

- Ты готова?

Хныкнув, я кивнула.

- Да, Хозяин. Прости. Я больше так не буду.

- Ты всегда это говоришь, Котенок, но потом снова отказываешься следовать правилам, и мне приходится заново тебя наказывать. Разве я не говорил, что Селии запрещено с тобой разговаривать? - ворчал он.

- Да, Хозяин. Я помню, ты говорил. Мне очень жаль.

- Ну, если раньше тебе и не было жаль, то, по крайней мере, сейчас я в этом не сомневаюсь.

Сев на кровать, он протянул мне стакан с водой и несколько таблеток.

- Присядь и выпей.

Всхлипывая, я медленно села. Частично мои слезы были вызваны болью, но в этом присутствовала еще и некая доля стыда. Калеб был разочарован мною. Он рассказывал мне о правилах, объяснял их. Но я не слушала.

- Не могу поверить, что ты оставил меня так надолго. Это чертовски обидно, - плакала я.

- Оставить тебя был не мой выбор, Котенок. А твой, - сказал Калеб.

На удивление, он не кричал и не обещал возмездия, оставаясь абсолютно равнодушным. Мне подумалось, а может это его новый способ воздействия на мой разум?

- Где ты был? - спросила я, прежде чем успела себя остановить.

- Прямо сейчас? В кровати. Ранее, вне дома. У Фелипе есть лошади, а я на них никогда не катался, - улыбнулся он.

- Я тоже, - прошептала я.

Теперь, когда Калеб был рядом, я чувствовала себя спокойнее. Конечно, я была зла на него, но я жила ради этих моментов с Калебом. Я чувствовала себя защищенной. Я чувствовала себя в безопасности. Без него моя жизнь была под большим знаком вопроса.

Слегка улыбнувшись, он заправил выбившуюся прядь волос мне за ухо, - Может быть, когда ты поправишься, я смогу взять тебя с собой.

Казалось, что мое сердце вот-вот лопнет в груди, - Я так долго буду здесь? С тобой?

Встретившись с ясными голубыми глазами Калеба, я увидела в них тоску. Я отдала бы все, чтобы узнать, о чем он думает, но мне хватило ума не спрашивать его об этом.

- Возможно, Котенок. Посмотрим... - он замолчал.

- Посмотрим? - я пыталась разговорить его.

-Посмотрим.
Улыбнувшись, он продолжил гладить меня по волосам с такой безмолвной лаской, что я снова чуть не расплакалась.

- Ты голодна, Котенок? - прошептал он.

Склоняя свое лицо к его руке, и закрыв глаза, я пыталась удержать его, но знала, что это было не в моих силах.

- Да, Хозяин.

Затем мы поели; Калеб скармливал мне кусочки со своей тарелки. Странно, но я чувствовала себя... умиротворенной. После этого, он гладил мое израненное тело, пока я не уснула.

***

Я заснула, но меня снова посетил этот жуткий сон. Мой желудок казался тугим, раскаленным узлом, изнутри тянущим меня вниз. Я ворочалась и ворочалась, а узел становился только туже, раскаленнее и тяжелее.

Они удерживали меня на полу, и от них волнами исходил запах пива и сигарет. Их грубые руки оставляли на моей коже следы, пока они срывали с меня одежду, а звуки моего сопротивления тонули в равнодушных ушах.

Этот ужас воспроизводился в замедленной съемке, появляясь случайными вспышками того, что я до сих пор помнила, и чувствовала. После этого, мой кошмар начинал жить своей жизнью, больше не стесненный реально произошедшими фактами.

Я не могла им противостоять. Мои кулаки двигались медленно, не имея возможности ударить с полной силой. Мой голос был не громче шепота.

Один из них припечатывал меня к полу, пока второй целовал. Я звала кого-то на помощь, и не знала кого, но отчего-то была уверена, что это единственный человек, который поможет мне, если только я до него докричусь.

Я сопротивлялась изо всех сил. Мои руки были вялыми, а голос тихим... но я дралась. Я начала плакать.

Самое ужасное - это когда события во сне опять неожиданно менялись. Теперь они были быстрее, быстрее того, как это происходило на самом деле.

Калеб открыл дверь и спросил какого черта происходит, и руки, удерживающие мое тело, отпустили. Они зажались в угол за мной.

Получив свободу, я встала и побежала в его объятия. Обхватив его руками, я рассказала ему о том, что именно они хотели со мной сотворить. Они пытались все отрицать. Калеб приказал им закрыть свои рты.

Подняв меня на руки, он сказал им оставаться на месте, после чего, перенеся меня через грязную комнату, заваленную одеждой и надувными матрасами, укрыл в помещении, в котором я узнала его комнату. Поставив меня на ноги, он оглядел меня с головы до ног.

- Ты в порядке? - спросил он.

Я кивнула, смутно осознавая, что он начал водить пальцами по моему полуобнаженному телу в поисках каких-либо повреждений. Он казался довольным тем, что мне не причинили боли, и снова меня обнял.

- Что ты хочешь, чтобы я сделал? - спросил он.

Этот момент замедлился, и я посмотрела ему прямо в глаза.

- Убей их ради меня, - прошептала я.

- Они за все заплатят, - сказал он.

Его пальцы продолжили блуждать по моему телу, а мои руки крепко сжали его рубашку. Напряжение в моем животе из твердого превратилось в жидкое, и оно

устремилось к моим бедрам. Узел развязался и теперь уже ощущался веревкой, протянутой от моих сосков к моему женскому началу. Когда он прикасался ко мне, веревка натягивалась, погружая меня в неимоверные, дикие и на удивление, желанные ощущения.

Убрав руки от его груди, я попыталась сорвать с себя блузу.

- Они могли сделать мне больно, если бы не ты, - сказала я.

Его глаза застыли на мне - в них плескалось потрясение и похоть. Своим телом он прижал меня к стене, а его горячее дыхание согревало и оставляло влажные следы на моей шее. Я хотела что-нибудь сказать, но его правая рука прикоснулась ко мне ТАМ, внизу, и меня словно парализовало.

Невидимая веревка внутри меня туго натянулась. С моих губ сорвался сладострастный крик.

Он прижался губами к моему уху.

- Не дразни меня, - прорычал он.

- Трахни меня, - был мой единственный ответ.

Протиснувшись руками между моими бедрами, он поднял меня у стены. За секунду справившись со своими штанами, он рывком проник в меня. Я отыскала его губы, чтобы отвлечь себя от его размера, и когда наши языки нашли друг друга, через меня прошел поток обжигающего тепла.

***

Громко простонав, я резко дернулась, и проснулась - я задыхалась, мое сердце колотилось, и в течение нескольких секунд я испытывала знакомое чувство, когда все мышцы моего тела сокращались и расслаблялись. Сомнений не осталась - я испытывала оргазм.

Лежащий рядом со мной Калеб поспешно сел и включил стоящую сбоку ночную лампу.

- Что случилось? - спросил он.

Я была потной и все еще втягивала в себя воздух большими глотками.

- Ты в порядке? - его голос был скорее раздраженным, и уставшим, чем каким-то еще.

Я кивнула.

- Плохой... плохой сон, - запиналась я.

Он смотрел на меня несколько секунд, и всего лишь его взгляд не давал мне до конца вырваться из моего сна. Я опустила глаза и мое дыхание, наконец, стало приходить в норму.

- Ты покраснела. Почему? - спросил он мягко и пригладил мои волосы назад.

- Я в порядке... мне... мне... просто снова приснился кошмар.

Мое дыхание выровнялось, и неожиданная пульсация между ног сошла на нет. Наконец успокоившись, я посмотрела в сторону Калеба. Он не отрывал от меня своих глаз.

- Почему ты так на меня смотришь? - спросила я.

Его брови сошлись, а на губах заиграла улыбка.

- Почему ты так на меня смотришь... Хозяин, - ответил он.

Прикусив губу, я отвернулась.

- Ох, Котенок, - прошептал он, все еще гладя меня по волосам, смахивая их с моего потного лба.

- Если бы твое состояние позволяло нам с тобой поиграть... я бы не упустил наш шанс. Но если тебе так хочется знать...

Наклонившись, он поцеловал меня в плечо.

- Я смотрю на тебя, потому что считаю тебя сексуальной.

Он поцеловал меня выше - ближе к шее.

- Твое личико разрумянилось, а твои волосы находятся в чудесном беспорядке.

Он поцеловал меня еще выше, на что я закрыла глаза и задержала дыхание.

- Почему ты прикасаешься ко мне? Разве тебе не... - спешно сказала я.

- Я не прикасаюсь к тебе. Я целую. Это разные вещи.

- Не для меня, - вздохнула я, мой голос был слишком тонким, никак не подходящим моему мнимому образу.

Мне бы хотелось звучать решительно и твердо.

- Значит... если я сделаю вот так, - сказал он у моей шеи, и, положив свою руку мне на грудь, стал слегка поглаживать ее через ночную сорочку.

- Это значит то же самое, что и это?

Он поцеловал меня в шею.

Мне было практически невозможно дышать и шевелиться. Он поглотил весь окружающий меня кислород.

- Прекрати, - сказала я и на этот раз мои слова прозвучали убедительно.

Он покручивал мой сосок, зажав его между большим и указательным пальцами с достаточной силой, чтобы эти ощущения отдавались у меня внизу живота.

- Пожалуйста, прекрати... Хозяин, - сказала я, сквозь зубы.

К моему удивлению, он, действительно, прекратил. Отклонившись назад, он смотрел на меня, казалось, целую вечность, но в реальности, это заняло всего несколько мгновений.

Каждый сантиметр моего тела пылал, а мое лицо, должно быть, стало темно-темно-красного цвета.

Он потер руками лицо, и простонал. Я откровенно нервничала, и хотела что-нибудь сказать, но не могла ничего придумать.

Внезапно, откинув простыни в сторону, он встал. Мои глаза тут же устремились к огромной эрекции, натянувшей ткань его боксеров.

- Возвращайся ко сну, - сказал он.

Подняв свои штаны, он стал поспешно их натягивать.

- Куда ты идешь? - спросила я, все еще продолжая нервничать.

- Тебе, мать твою, не стоит об этом волноваться, - сказал он и вышел за дверь.

Пребывая в состоянии шока, я смотрела, как он покинул комнату, и резко захлопнул за собой дверь, но этот шок был вызван еще и моим желанием сказать хоть что-нибудь, чтобы его остановить. Оставшись в одиночестве, я почувствовала, как во мне стало разрастаться чувство тревоги. Все, о чем я могла думать - это о своем сне и о том, как приятно мне было от того, что он меня целовал. Что со мной не так?!

Мне не пришлось слишком долго задаваться этими вопросами, или тем, как мое тело реагировало на его ласки. Потому как, дверь неожиданно распахнулась и в комнату зашел Калеб. Следом за ним зашла Селия, на которой не было ничего, кроме черных кружевных трусиков.

Аккуратно закрыв за ними дверь, Калеб не спешил встречаться с вопросом, который горел на моем лице неоновыми лампами: Какого хрена ОНА тут делает?

Очевидно, Селия спала. Ее волосы были распущены и слегка взъерошены. Стоя молча и прикрывая руками свою маленькую грудь, она не производила впечатления встревоженной, разве что немного стеснительной и любопытной девушки. Ее

теперешнее поведение составляло разительный контраст с тем вечером, когда она доминировала над Малышом на глазах у целой толпы незнакомцев.

Я заглянула ей в глаза, и когда ее взгляд встретился в моим, на ее губах проскользнул намек на шаловливую улыбку.

- Опусти руки, - сказал Калеб на испанском.

Он говорил на нем не так хорошо, как на английском, но, тем не менее, против моей воли, меня это заинтриговало.

Селия тут же опустила свои руки по сторонам. Ее соски уже были твердыми.

Калеб вернул свое внимание ко мне, - Ты помнишь Селию, Котенок?

Когда я ничего не ответила, он рявкнул, - Отвечай мне!

Мы с Селией обе подпрыгнули от громкости его голоса.

- Да, Хозяин.

- Хорошо.

Он улыбнулся.

- Потому что она поможет тебе кое-что понять. Я не твой, чтобы ты имела право меня дразнить. Думаешь, я не заметил, как ты пытаешься мной манипулировать? *Я* придумал эту игру.

Я разинула рот. О чем он, на хрен, говорил?

- Манипулировала? Я не...

- Да! - гаркнул он низким голосом.

- В одну минуту ты прижимаешься ко мне, пытаясь... я не знаю. В следующую - ты говоришь мне... говоришь мне, чтобы я к тебе не прикасался.

Я хотела сказать ему, что он смешон. Каким образом мне полагалось манипулировать им, тогда как моя судьба была в его руках?

- Калеб, я...

- Замолчи. Просто смотри, - сказал он.

У меня во рту стало совершенно сухо, и меня окутало беспокойство, сжигая все мои внутренности. Я снова посмотрела в глаза Селии.

Она улыбалась, изгибая свои губы в кривой ухмылке. Эта улыбка предназначалась только мне. Это ошарашило меня.

Встав позади Селии, Калеб перекинул ее волосы на левое плечо, заставив ее вздрогнуть.

- Даже не думай отводить взгляд, иначе я придумаю, как наказать тебя - неважно, избита ты или нет, - сказал Он мне.

Я с трудом сглотнула.

Калеб вернул свое внимание к Селии, которая, казалось, слегка покачивалась в предвкушении его прикосновений.

Он проложил дорожку из поцелуев от ее плеча к шее, точно так же, как делал это со мной. Протяжно застонав, она запрокинула свою голову назад.

Я не могла поверить, что я наблюдала за этим.

- Тебе нравится? - прошептал он в мертвую тишину комнаты.

- Sí, Señor, - ответила Селия с придыханием.

Мой желудок скрутило и мне захотелось согнуться пополам, но я не могла оторвать глаз, когда потянувшись рукой, он накрыл ее грудь. Она вскрикнула, когда он стал мять ее, зажав между пальцами ее сосок.

Ее яркие соски были похожи на ягоды малины венчающие вершинки ее груди. Мое лицо пылало и во мне стало зарождаться что-то отдаленно знакомое и непрошеное.

Стоны Селии стали несколько громче. Сжав ткань его штанов в кулаках, она прижалась к Калебу своим задом.

Я была совершенно не готова к тому, когда свою свободную руку Калеб запустил ей в трусики и ее колени подогнулись. Все мое тело дернулось вперед, чтобы удержать ее от падения, но шарахнулось назад от боли. Оказалось, мои усилия были напрасными. Калеб держал ее крепко.

Он смотрел мне прямо в глаза, которые теперь были застелены туманом, и продолжал двигать своей рукой в трусиках Селии. Я испытывала злость... и страх... и физическую боль... и... и... жар. Я хотела обрушить на него все существующие проклятия, но не знала почему.

Его грудь вздымалась и опускалась быстрее обычного, я знала, что он был возбужден.

Внезапно, он толкнул Селию вперед на кровать, и, протянув свои руки, чтобы на них упасть, она приземлилась на мои колени. Я услышала, как треснула материя ее трусиков, и увидела, как Калеб вытащив одним резким движением то, что от них осталось, отбросил их в сторону.

- Повернись и раздвинь свои ноги, - сказал он хриплым голосом.

Селия постаралась подчиниться, и теперь я сидела в состоянии нескрываемого ужаса, так как ее голова покоилась на моих коленях. Калеб спустил свои штаны вниз, а его толстое достоинство подпрыгнуло вверх, словно ему тут было не место.

Не справившись с собой, я закрыла глаза.

- Не отводи глаза, мать твою, - ухмыльнулся он.

Я распахнула ресницы. На них повисли слезинки.

Наклонив голову между ног Селии, Калеб сказал что-то о том, как он обожает голые киски и зарылся лицом между ее бедер. После этого, Селия попала в небытие. Она стонала, а ее голова металась из стороны в сторону. Ее руки потянулись ко мне, и сжали ткань сорочки на моих бедрах. Я попыталась отцепить ее от себя, но эта сучка держалась крепко.

- Пожалуйста, - сказала она на выдохе.

- Пожалуйста. Позволь мне кончить.

Она повторяла эти слова, словно заклинание. Мое сердце стучало, как набат.

Самозабвенно отдавшись своему занятию между бедер Селии, Калеб совершенно меня не замечал, целуя и посасывая ее тело, постепенно пробираясь восходящими поцелуями к ее соску. Опустив руку, он, должно быть, направил в нее свой член, потому что Селия резко замерла. Ее лицо стало нелепого красного цвета, и она испустила возмутительный, в своей греховности, стон.

Калеб посмотрел на меня, в его глазах плескался огонь и голод.

Он прошептал, - Я мог бы точно также довести до оргазма ТЕБЯ. Если бы именно этого ты и хотела. И если бы ты не была такой лгуньей.

Прежде чем его слова успели просочиться в мое сознание, он схватил меня за затылок и поцеловал - мой рот тут же заполнился вкусом Селии и от этого во мне что-то оборвалось. Высвободившись из хватки Калеба, я так сильно ударила его по лицу, что у меня закололо ладонь.

Пока он не успел прийти в себя, я забежала в ванную комнату. Я задыхалась. Прислонившись спиной к двери, я пришла в ужас от мысли, что он ворвется сюда и обдумывала некоторые варианты дальнейшего развития событий, которые могли между нами произойти.

Я жалобно рыдала, вытирая рот свободной рукой, чтобы избавиться от вкуса Селии. Не то, чтобы этот вкус мне был совсем неприятен - большей частью, причиной моих действий служил тот факт, что он проник ко мне изо рта Калеба.

На меня обрушилась целая гамма эмоций, но почему одной из них было щемящее чувство предательства? Я не могла отрицать того, что мне было больно, но я не могла точно сказать почему.

Спустя пятнадцать минут, Калеб все еще за мной не явился. Приложив ухо к двери, я слышала их. Они все еще трахались. Я различала ее стоны и грубый тембр его голоса. Он что-то говорил, но я не могла расслышать его слов.

Я должна была радоваться тому, что он не был заинтересован в моем наказании, но я не испытывала радости. Во мне все еще присутствовало то знакомое, но нежелательное чувство, возникшее у меня ранее, разрастаясь в груди и вызывая во мне новый поток слез ревности.

Мысль о том, что я ревновала, разрывала меня на части, пока я лежала на кафельном полу. Почему я ревновала? К кому?

Не думаю, что я ревновала Калеба к тому, что он делал. У меня не было никакой причины придавать этому хоть маломальское значение. Никакой причины, кроме того, что чуть более месяца он пытался соблазнить меня, завоевать мое доверие, и старался вызвать во мне те чувства, которых я не испытывала... но для чего? Чтобы потом отвернуться от меня, и трахнуть другую?

А она! Вошла в мою комнату, изображая из себя подобие жертвы. На самом деле мне было ее жаль, но ровно до тех пор, пока я не увидела ее улыбку, пока она не показала мне, что в некотором смысле, она была лучше меня.

По моим щекам бежали слезы разочарования, и, несмотря на мои мысли об этой ситуации, мне до сих пор было больно.

Позже, когда слезы высохли, я, наконец, решила покинуть свое добровольное заточение и встретиться лицом к лицу с любым изощренным наказанием, которое, без сомнения, припас для меня Калеб. Я открыла дверь ванной комнаты.

Свет озарил темную комнату, и я почувствовала сильный укол в груди, увидев, как их переплетенные друг с другом тела лежали на - как мне раньше казалось - моей кровати. Я шагнула ближе. Очевидно, они оба были голыми, прикрывая нижние части своих тел тонкой простыней.

Лицо Селии все еще было красным, а ее губы выглядели опухшими от многочисленных поцелуев. Она казалась удовлетворенной. Калеб обнимал ее в своей собственнической манере, как будто не хотел ее отпускать, хотя я сомневалась, что она стала бы пытаться уйти.

Проглотив огромный ком в горле, я осмотрелась вокруг. И где мне полагалось спать? Я начала пробираться по комнате, зная что скорей всего, местом моего отдыха станет пол, но пока не соглашаясь на это условие.

Пройдя мимо двери в спальню, мое сердце помчалось вскачь от мысли, что дверь в комнату могла быть открытой. Снова посмотрев в сторону кровати, я увидела лицо Калеба в линии света, льющегося из ванной комнаты. Он мирно спал.

Положив ладонь на ручку двери, я задержала дыхание, когда слегка толкнув, дверь открылась.

Коридор освещался мягким сиянием, и у меня почти возникло чувство, что мы находились в отеле, и что моя дверь была единственной в этой части коридора, в конце которого я увидела перила и прямо над ними большой канделябр, свисающий с потолка.

Сделав шаг вперед, я ступила на мягкое ковровое покрытие, и на меня тут же напало непреодолимое желание помочиться. Какого черта ты делаешь?

Подкрадываясь, я стала дальше продвигаться по коридору, не имея понятия о том, что я была намерена сделать, когда достигну его конца. Дойдя до середины, я обернулась и посмотрела в сторону двери в спальню и внезапно, мой разум заполонили воспоминания о байкерах.

Я сразу поняла, что не убегу.

Сейчас, мне больше всего хотелось пройтись и осмотреться, но я не могла испытывать терпение Калеба больше, чем я это уже сделала. Я вернулась назад, и закрыла за собой дверь так же осторожно, как и открыла.

- Нашла что искала? - спросил меня хриплый мужской голос.

- Я ничего не искала, - ответила я, злостью придав моим словам больше остроты, чем хотела, и это изобличило мое чувство страха от того, что меня поймали.

Калеб вздохнул.

Я смотрела, как он высвободился от Селии и перекатился на свою сторону, чтобы встретиться со мной взглядом.

Простонав, Селия обняла мою подушку и продолжила спать.

- Иди сюда, - сказал он мягко, но я знала, что это была не просьба.

Демонстрируя уверенность, которую я не чувствовала, я пересекла разделяющее нас небольшое расстояние, и встала рядом с кроватью. Пока я стояла там, стараясь не стучать коленками, он оглядывал меня с головы до ног, и от одного этого взгляда, по моему телу разлилась непонятная теплота.

Протянув руку, он провел пальцами от моего локтя, до запястья, и прижался к его внутренней стороне губами.

- Ты ударила меня, - сказал Он.

Он посмотрел мне в глаза, и я сглотнула.

- Да, Хозяин, - прошептала я.

Я надеялась, что правильное обращение угодит ему.

Переплетя наши пальцы, он сильно сжал их. Я поморщилась.

- До тебя, я не знал ни одной женщины, которой бы сошло это с рук.

Из моих глаз покатились слезы. Я больше не могла притворяться храброй.

- Пожалуйста, не делай мне больно, - пробормотала я.

Он смотрел на меня спокойным взглядом, расплываясь в улыбке.

- Да тебе много и не понадобится, так ведь? Ты уже сломлена. Мне не доставит это никакого удовольствия.

Я протяжно выдохнула, не подозревая о том, что задерживала дыхание, и сделала еще один вдох.

- Тем не менее, я не могу оставить это безнаказанным.

Когда он это сказал, я непроизвольно сжала его руку.

- Чего ты боишься? - спросил он.

- Я же сказал, что не буду делать тебе больно.

По непонятной причине, мою грудь стали сотрясать рыдания, но сквозь них я сумела произнести, - Ты уже сделал мне больно, Калеб. Для чего ты это сделал? Для чего?

После продолжительного молчания, он ответил, - То, что между нами происходит... должно прекратиться. Мне это не нравится. Как бы смешно это ни звучало, я пытался сделать для тебя все проще. Я не могу забрать тебя, Ливви. Прекрати пытаться склонить меня к этому.

При звуках моего имени, мое сердце сжалось. Он помнил. Я даже не могла об этом мечтать. Для него это было таким же настоящим, как и для меня, еще чуть-чуть и я не смогла бы этого вынести.

Все его слова были правдой. Я пыталась манипулировать им с той самой ночи, как он рассказал мне о моем предназначении. С той ночи, когда я поняла, что я была не более, чем объектом, вещью, которую привезут в назначенное место и продадут.

Но с другой стороны, я не испытывала никакого чувства вины. Калеб хотел, чтобы я выжила, и я, мать его, делала все, что было в моих силах. Выбрав свою модель поведения, я осторожно следовала ей.

Для меня, Калеб был единственным способом выбраться отсюда, и я была настроена сделать все, что угодно, лишь бы склонить его на свою сторону. Но то, чего я никак не могла ожидать - так это того, что мои чувства к нему станут настолько глубокими.

- Я даже не знаю, что сказать, - наконец, ответила я.

Он грустно улыбнулся, - Ничего и не говори. И мне не следовало. Просто ложись в кровать.

Мое лицо исказилось от шока.

- Я не буду спать с вами двумя, - безапелляционно заявила я.

- Кроме того, ты же голый.

Его смех походил на низкий рокот, что заставило меня почувствовать себя капризным ребенком, но мне было плевать.

Он сел и простынь с трудом скрывала его пробуждающийся пенис. Положив свои руки мне на бедра, он нежно притянул меня к себе. В моем животе стало растекаться тепло и, посмотрев за его голову, я увидела спящую Селию.

Когда он заговорил, его дыхание ласкало мой живот через тонкую материю сорочки, - Это не просьба, Котенок.

Только я хотела было сказать, что считаю неправильным спать рядом с Селией, как его губы сомкнулись вокруг моего торчащего соска, и невероятно сильный внутренний толчок ускорил мой пульс, наполняя мое лоно возбуждением. Он быстро отпустил меня, но его цель была достигнута.

Влажность, оставшаяся от его рта, продолжала делать мой сосок твердым с каждым соприкосновением воздуха. Казалось, что мое дыхание стало затрудненным, но внешне Калеб выглядел спокойным и держал себя под контролем.

- А сейчас, - сказал он, едва не зарычав мне в ухо, - ты ляжешь в постель или предоставишь мне причину помучить тебя тысячей способов, от которых не испытывают лишь физической боли?

Я хныкнула.

Он начал подталкивать меня к кровати, но я, упершись пятками в пол, мягко демонстрировала свой отказ.

Калеб глубоко вздохнул. Я знала, что тем самым я испытывала его терпение на прочность, но уступать не собиралась.

- Пожалуйста, сделай так, чтобы она ушла, - прошептала я.

- А разве это не будет противно? - поддразнил он меня, ссылаясь на прошлый наш разговор, и не сдержавшись, я улыбнулась.

Он смотрел на меня некоторое время, после чего игриво закатил глаза и крикнул, - Селия!

Я подпрыгнула.

Дернувшись, Селия проснулась, потирая руками свои заспанные глаза.

- Sí, Señor? - спросила она спросонья, встревоженным тоном.

- Возвращайся к себе комнату.

Глава 13

Несколько минут Мэттью сидел в абсолютной тишине, пытаясь переварить услышанное. Что он мог сказать? История не несла в себе какой-либо важной информации, но у него, определенно, разыгралось любопытство касательно Калеба и того, каким человеком он был.

Калеб казался весьма противоречивой персоной. По мнению Мэттью, данные противоречия не оправдывали его действий, но сидя в палате Оливии, и изо всех сил стараясь игнорировать дрожь возбуждения, которое он испытывал всякий раз, ерзая на своем месте и думая о Слоан, он гадал, были ли у него какие-нибудь схожие черты с этим человеком. С какой стороны ни посмотри, эта мысль была малоприятной, но она имела право на существование. Ему стало любопытно.

Во время повествования Оливии, он вспомнил их предыдущий разговор о том, рождаются ли люди монстрами, или все-таки становятся таковыми. Он верил во второй вариант, так же, как и Оливия, но у Мэттью были проблемы с пониманием постулата о том, что жестокостью из детства можно оправдать жестокость в поведении взрослого человека. То же самое обстояло и с похотью.

В случае с Мэттью, он чувствовал, что ему следовало подчинить свою потребность к сексуальному доминированию и унижению. Его желания брали свои корни в его прошлом, когда он заботился о слабой женщине, кроме того вербально и физически унижаясь перед еще более слабым, чем он сам, мужчиной. То, что Мэттью стал решительным и уверенным в себе человеком, было благословением, но его потребность, время от времени, испытывать насилие над собой было проклятием, с которым он боролся в каждых романтических отношениях, которые у него были.

Мэттью задумался о том, если бы они с Калебом оказались в жизненных ситуациях друг друга, стали бы они другими людьми, нежели являлись сейчас? Стал бы Мэттью похитителем? И испытывал бы Калеб потребность в подчинении вместо доминирования? Или некоторые аспекты личности укоренились в них с самого рождения?

Громкий писк ноутбука вырвал Мэттью из его мыслей. Он получил сообщение от агента Уильямса. Возможно, было невежливо открывать его прямо сейчас, но он был рад внезапному отвлечению и к тому же, входящая информация могла быть важной.

- Извините. Мне нужно прочитать это сообщение, - сказал Мэттью.

- Можешь сказать мне, что в нем? - спросила Оливия.

Казалось, ей тоже нужно было чем-нибудь отвлечься. И пока он, прокручивая сообщение, просматривал отрывки информации, его брови хмурились, а губы изгибались, придавая лицу разное выражение, в зависимости от того, что он читал.

- Думаю да. Было бы неплохо, если бы вы смогли добавить что-нибудь новое.

- Я могу попытаться, - сказала она, и тут Мэттью понял, что он ей верил.

Он по-прежнему был твердо уверен в том, что Оливия страдала от Стокгольмского Синдрома, но это не означало, что она пыталась помешать его работе.

- Дмитрий Балк пошел на многое, чтобы скрыть свое прошлое. Согласно полученной информации, до 1988 года его звали Владэк Ростович. По неподтвержденным данным, он был мелким торговцем оружия из России, - сказал Мэттью.

- После 1988 года он исчезает, а через десять лет появляется под фамилией Балк. В 2002 году его компания приобретает статус Открытого Акционерного Общества и буквально за одну ночь он становится миллиардером.

- Что это значит? - спросила Оливия.

- Не могу сказать наверняка, - ответил Мэттью.

Он не мог предоставить Оливии все детали сообщения. Ей не следовало знать обо всем этом. Однако, он надеялся, что открыв ей некоторую информацию, он подтолкнет ее рассказать те подробности, которые она либо скрывала, либо не знала об их существовании.

Согласно сообщению, Мэттью предположил, что Пакистан, так же, как и большинство граничащих с ним государств, в восьмидесятые годы, получал оружие от российских торговцев. Это было наиболее вероятным объяснением пересечения путей Рафика и Владэка.

На мгновение, Мэттью подумал о том, что ссора между ними двумя могла быть связана с продажей оружия врагам Пакистана, но казалось, что данный вопрос не мог оправдать мести, охватившей в своем временном масштабе целых двадцать лет. Это должно было быть чем-то личным.

По крайней мере, сейчас у Мэттью были временные рамки того, когда этот инцидент мог произойти. К тому же, учитывая факт похищения Оливии с целью дальнейшей продажи в рабство, но никак не оборота оружия или наркотиков, в этом паззле недоставало большого куска.

- Калеб когда-нибудь упоминал о том, по какой причине Рафик хотел смерти Балка?

Слегка склонив голову набок, Оливия подняла глаза к потолку, как будто ответ на заданный вопрос был написан именно там.

Мэттью подумал, что так можно было описать поведение человека, пытавшегося о чем-то вспомнить. Он нашел интересным тот факт, что, несмотря на все различия между людьми, у них наблюдались общие черты.

Наконец, Оливия ответила.

- И да и нет. В ту ночь, когда Калеб рассказал мне о том, что он..., - внезапно она стала грустной.

- В чем дело? - спросил Мэттью.

- Думаю, ты прав, Рид, - ответила она несколько грубым голосом.

- Мне понадобится интенсивная терапия.

- Мне жаль, - сказал он, и это было чистой правдой.

- Мне тоже, - прошептала она и сделала глубокий вдох.

- Во всяком случае, в ту ночь, когда Калеб рассказал мне о своих планах продать меня, он упомянул о том, что Балку нужно было заплатить за то, что тот сделал с матерью и сестрой Рафика. По-видимому, он что-то сделал и Калебу. Я помню это, потому как позже задавалась вопросом, не был ли он связан со шрамами, покрывающими спину Калеба.

- И как? - спросил Мэттью.

Снова замолчав, она отвела взгляд.

- Нет. Он сказал, что это было дело рук человека по имени Нарви. Он мало что рассказал - только то, что именно он избивал Калеба, когда тот был моложе. Еще он сказал, что его жизнь была сущим адом, пока... его не спас Рафик.

Мэттью записывал каждое слово, надеясь, что в скором времени все кусочки головоломки сложатся воедино. Каждая деталь была значимой, в то время как по отдельности они не имели смысла, однако сложившись в полную картину, могли привести его к разгадке. Именно это он и любил. Это все, ради чего он жил - собирать паззл.

- Он что-нибудь еще говорил? О том, кем был Нарви? Когда это было?

Оливия замотала головой, - Сожалею, но нет. Знаю только то, что когда это происходило, Калеб был младше меня.

- Откуда вы знаете?

- Он сам мне сказал. Ближе к концу мы... мы стали очень близки, Рид. В последний раз, когда ты пришел сюда сразу же после ухода Слоан, я испугалась, что все это было плодом моего воображения. Я боялась, что то, что я испытывала к Калебу было моим способом выживания. Тогда я думаю обо всем, что он мне говорил. О том,

как многие дразнили его за то, что он был мягок со мной, и я... я не считаю, что я все это придумала. Это по-настоящему. Чувства, которые я испытываю к нему настоящие, - сказала Оливия.

- Так или иначе, я не могла тебе сказать.

Мэттью пожал плечами, - Моя работа заключается в расследовании дела, а не в определении подлинности ваших чувств. Я не говорю о том, что ваши чувства не имеют значения, просто никто кроме вас не сможет ответить на этот вопрос.

- Я знаю, Рид. Просто...

- Я понимаю, мисс Руис, - сказал Мэттью.

- В самом начале моим приоритетом было выслушать ваш рассказ и привлечь виновных к ответственности. Теперь же это дело приняло гораздо большие масштабы, нежели я или мое начальство могли предположить. Я не хочу задеть ваши чувства или игнорировать их, но ключевым моментом в этой ситуации является то, что кто-то должен остановить проведение аукциона. Все остальное не имеет значения, - сказал Мэттью.

За последнюю неделю он много говорил с Оливией. Он узнал некоторые детали, но приведут ли они к аукциону, до сих пор оставалось неизвестно. К счастью, теперь для этих целей ему назначили рабочую группу.

- Почему бы вам не рассказать мне остальное?

Снова уставившись в никуда, Оливия кивнула.

- Да, почему нет…

***

Моя привязанность к Калебу становилась все сильнее, но дело было не только в этом. Я уже могла предугадывать его потребности и стала понимать, что же скрывалось за его таким частым молчанием.

Порой, он бывал жестоким, и тогда я изо всех сил старалась выполнять каждую его прихоть настолько безукоризненно, насколько могла. Иной раз, он казался удовлетворенным только оттого, что я была рядом с ним, что делало нашу жизнь похожей на повседневную рутину.

Калеб любил читать, но когда я спрашивала, он никогда не говорил мне, о чем именно были его книги. После того, как я упомянула ему о том, как мне самой нравилось это занятие, он презентовал мне *Гамлета*, Шекспира.

Я подумала, что это было ироничным - он подарил мне историю об одержимости человека идеей мести и о том, каким образом эта самая идея буквально отравила всех вокруг. Он не нашел в этом ничего забавного, но все же позволил мне ее сберечь. Я не понимала значения этого поступка.

Я много думала о той ночи, когда на моих глазах он занялся сексом с Селией. Это было болезненным воспоминанием по многим причинам, но самым ужасным казалось изводящее меня чувство ревности.

В независимости от обстоятельства, я всегда считала, что когда Калеб был рядом со мной, мне было лучше, чем когда его не было. Я тосковала не только по его физическому присутствию, но и по нему самому.

Через несколько недель после инцидента с Селией, я, наконец, освободилась от всех пластырей и бондажей. Боль в ребрах время от времени давала о себе знать, но эта была уже не та острая боль, заставляющая мое дыхание сбиваться.

Открыв свои глаза, я увидела, что в комнате все еще было темно, но пробивающийся свет говорил о том, что наступило утро. Селия пока не явилась выполнять свои ежедневные обязанности. Зевнув, я потянулась, стараясь не задеть спящего рядом Калеба.

Мои кошмары являлись мне уже не так часто, но каждый раз, когда Калеб спал не в моей комнате, я жутко пугалась темноты и не могла уснуть. То же самое произошло и прошлой ночью, отчего я стала снова и снова громко выкрикивать его имя, пока он со злостью не открыл дверь, одетый только в свои боксеры и не спросил меня, какого хрена я ору. Как только я увидела его, я испытала небывалое облегчение. Подбежав к нему, я обняла его. Прижав свое лицо к его груди, я тут же окунулась в безопасность и комфорт. Он казался раздраженным, но утерев мои слезы, он сказал мне возвращаться в кровать, и он остался на всю ночь. Я знала, что утро повлечет за собой перемену в его отношении ко мне, и я пока не была готова это принять. Что было само по себе смешным, ведь поначалу я ненавидела темноту.

В те первые недели моего заточения, я сильно изнывала от желания увидеть солнце и ощутить его лучи на своем лице. Но внезапно, все стало совсем наоборот. В темноте, мой Хозяин сбрасывал свою защиту и снова становился Калебом.

Он не исправлял меня. Не наказывал, и не отталкивал меня в эмоциональном плане. Калеб обнимал меня, пока мои ночные кошмары не оставались позади. Он говорил мне, что я прекрасна, и что со мной все будет хорошо. В темноте он соблазнял меня. И я не хотела, чтобы это когда-нибудь заканчивалось.

Медленно повернувшись к Калебу, я уставилась на его спину. Я и раньше видела его шрамы, даже целовала их, но он никогда не давал мне пристально их рассмотреть. Пока его глаза были крепко закрыты, и он делал глубокие вдохи, я воспользовалась ситуацией, чтобы удовлетворить свое растущее любопытство.

Даже в тусклом свете я смогла различить толстые линии, сплошь покрывающие его загорелую кожу. Они выглядели почти как свежие шрамы, но я знала, что они уже давно зажили.

Не в силах сдержаться, я потянулась и провела кончиками пальцев по одной из линий, идущей от плеча до середины спины. Застонав, он слегка заворочался, и я одернула руку. Подождав несколько нетерпеливых секунд на случай, если он

проснется, я увидела, что он продолжил свой сон, и вернула руку на прежнее место. Там его кожа бугрилась, и меня шокировало, как много на ней было этих шрамов.

Откуда они у тебя?

Придав мне смелости, мое любопытство позволило мне провести раскрытой ладонью по всей его спине. На ней были десятки и десятки шрамов.

Кто сделал это с тобой? Поэтому ты сейчас такой?

Недолго думая, я придвинулась ближе и прижалась губами к его израненной плоти.

Калеб был мягким - мягче, чем я ожидала, учитывая твердые рубцы. Короткие, невидимые светлые волосы стали щекотать мои губы, и я улыбнулась.

Я никогда не была настолько близка к мужчине, как у меня это было с Калебом. Все с ним было для меня открытием. И пусть, большая часть моих открытий в Калебе была ужасающей, но иногда... иногда я обнаруживала его мягкость.

Задержавшись над его обнаженной кожей, я приникла ближе, наслаждаясь им.

Он больше никогда не просил меня прикоснуться к нему. Я подумала о том разе, когда он предложил мне это сделать. Тогда я сомневалась. Я ненавидела его. И к своему удивлению, я поняла, что больше не ощущала той неприязни. Я испытывала к нему так много чувств, и да, ненависть была в их числе, но там присутствовало что-то еще, намного сложнее этого простого чувства.

Калеб собирался продать меня. За это я ненавидела его. Что до остального… Я была поражена, осознав, что, наверное, могла бы простить его. Я сражалась с этой мыслью каждый день, и при каждой возможности, повторяя себе, что это разрушит не только меня, но... и мое сердце. Мое сердце, независимо от моей логики сохранило местечко для моего мучителя и моего утешителя.

Потерявшись в мыслях, я продолжала гладить спину Калеба, когда он резко вздохнул и шлепнул себя по плечу, чуть не задев меня. Съежившись, я издала испуганный писк. Резко повернувшись, он схватил меня за руку, которой я его гладила. Мы уставились друг на друга, я - широко открытыми и испуганными глазами, он - озадаченными и немного злыми.

- Что ты делаешь? - спросил он с подозрением.

Он держал мою руку так, словно только что вытащил ее из пресловутой вазы с печеньем - и что я могла сказать - почти так оно и было.

Беззастенчиво освободив свою руку из его хватки, я спросила, - Что случилось с твоей спиной?

Посмотрев на меня так, словно я сказала что-то неприличное, он снова уронил голову на свою подушку и смачно зевнул.

- Знаешь, Котенок, когда я впервые решил тебя так назвать, я не понимал, насколько точным будет мой выбор.

Прочитав на моем лице недоумение, он продолжил.

- Любопытство сгубило кошку.

Он улыбнулся, но я не думала, что это было так уж смешно.

Шутки о том, что может убить меня. Неа - не смешно.

- Ты перестанешь задавать вопросы, если я тебе отвечу? - сказал он и потянулся.

Я старалась не отвлекаться на его почти обнаженное тело и нешуточный утренний стояк.

- Для чего мне продолжать спрашивать, если у меня есть ответ?

Сказав это, я смело улыбнулась, когда он впился в меня взглядом.

- Правильнее было бы спросить: чего ради я с тобой вожусь?

Я понимала, что он хотел надо мной подшутить, но этими словами он добавил ситуации еще больше неловкости. Мы оба знали, почему он возился со мной и ответ на этот вопрос был препоганым. Я уже хотела ему соврать, сказав, что мне вообще-то и не очень интересно, но в комнату вошла Селия с завтраком.

Селия... на удивление, отношения между нами не были натянутыми. Ее не очень то и радовало видеть Калеба, воспользовавшегося ею и отправившего ее восвояси, но на следующее - после случившегося - утро, когда Селия вошла к нам, она сделала вид, что ничего не произошло. А в один из дней, когда Калеб провел ночь вне моей комнаты и соответственно, на утро его еще не было, я снова попыталась с ней заговорить.

На самом деле, она даже казалась несколько напуганной, когда схватив ее за руку, я задала ей вопрос, что же означала та ее улыбочка.

- Пожалуйста, не обижайся на меня, - сказала она, и я, почувствовав себя несколько мерзко, отпустила ее.

- Он привел меня для тебя, - продолжила она.

Выражение ее лица давало мне понять, что она считала меня полной тупицей, раз я не понимала этого, хотя, судя по всему, так оно и было.

- Что значит, для меня?

- Он заботится о тебе. Заботится так, как бы мне хотелось, чтобы мой Хозяин заботился обо мне, - сказала она грустным и задумчивым голосом.

- В некотором смысле, я была рада, что ты завидовала мне - это было видно по твоему лицу. И мне было приятно поменяться с тобой местами, потому как все это время я завидовала тебе.

Она поразила меня - я никогда не думала о том, что она мне завидовала. Я никогда не считала свое положение достойным зависти.

После того, как Селия завершила свои утренние приготовления, мы с Калебом остались лежать в кровати - только мы вдвоем. С каждым днем, с каждой неделей, это чувство становилось все более и более комфортным.

У меня все еще не было возможности убедить его позволить мне осмотреть особняк - как называл его Калеб - но в его сопровождении я иногда выбиралась на террасу. От открывающегося вида захватывало дух.

Оказалось, что это была типичная вилла в испанском стиле, окруженная пышными лугами, распростертыми у подножия особняка, и цветущими кактусами, расставленными в огромных керамических горшках, установленных на испанской плитке, и украшающей причудливую террасу.

Я мечтала жить в таком месте, как это. Хотя, в своих мечтах я никогда не была пленницей. Н-да.

- Завтракаем на террасе? - спросила я с большим энтузиазмом, чем требовалось.

Он улыбнулся.

- Тебе кажется, что мы на отдыхе?

Я почувствовала в груди острый укол, когда он поддразнил меня. Думаю, мне это уже начинало нравиться. Не сами поддразнивания, а то, как он при этом улыбался.

- Это вряд ли, - смущенно ответила я.

Снова потянувшись, он закинул руки за голову, после чего посмотрел на меня с недоверием. Его губы растянулись в широкой улыбке.

- Ты... *целовала* меня утром?

Мгновение и мое лицо вспыхнуло, окрасив меня как минимум в восемь различных оттенков красного. Я изо всех сил сдерживалась, чтобы устоять перед желанием зарыться лицом в подушку.

Убейте меня. Убейте меня, сейчас же!

Я не могла говорить, просто решительно замотала головой, но судя по его глазам, он знал о том, что я лгала.

- Да. Целовала.

На этот раз его поддразнивания были несколько болезненными. Мне, действительно, было стыдно, и я знала, что он это так просто не оставит, на мои глаза набежали слезы.

- Нет, не целовала! - возразила я на выдохе, и почувствовала, как по моим щекам покатились теплые слезы.

Закатив глаза, он приподнялся и сел. Положив палец мне под подбородок, он приподнял мою голову выше.

- Да ладно? Слезы, Котенок? *Ты* поцеловала *меня*. Смею добавить, без моего разрешения. Разве это не я должен плакать? - сказал он.

Он громко рассмеялся, и на этот раз я зарылась лицом в подушку.

- Ой, да ладно тебе! - сказал он раздраженным тоном и устроил свое лицо рядом с моим.

- Так уж и быть, сделаю вид, что не заметил.

Медленно подняв голову и утерев свои слезы, я прошептала, - Обещаешь?

Он обернул руку вокруг моей талии, и, прижав к себе, перевернул меня на спину. Очарованная его действиями, я просто смотрела на него.

- Конечно, нет, - ответил он.

Я осторожно попыталась отодвинуться, но он вдавил меня своим весом в матрас.

- Пора бы тебе уже знать, что я всегда получаю то, что хочу.

Пока я смотрела в его загадочные голубые глаза, мне было трудно игнорировать чувственную линию его подбородка. На нем проступила еле видимая утренняя щетина. Его волосы были взъерошены от сна и хотя - как я думала - это должно было придать ему нелепый вид, его это делало еще более привлекательным. Калебу шло все, даже утренняя прическа. Но, несмотря на красоту, лежащего на мне мужчины, все-таки между нами стояла одна штуковина... в буквальном смысле слова. Между моих бедер он был невероятно твердым.

- И чего же ты *хочешь*? - мягко спросила я.

Казалось, мы не отрывали взгляда друг от друга целую вечность. Он смотрел на меня так, как никогда прежде. Я не хотела давать этому взгляду ни названия, ни относить его к какой-либо категории. Я была более, чем счастлива быть предметом его внимания, особенно, когда он смотрел на меня вот ТАК.

Медленно, я подняла руки к его лицу. Я ничего не могла с собой поделать. Я знала, каким он мог быть мягким, и не хотела сопротивляться своему желанию почувствовать его.

Казалось, он опешил от моего прикосновения, и с его лица сползла игривая улыбка. На краткий момент наши глаза встретились, и своими пальцами я ощутила легкое мотание его головы, после чего впилась в его губы с такой силой, что мы оба издали болезненный стон.

Мой мозг разжег синапсами все части моего тела, распространяя огонь по всей моей коже, и сосредотачиваясь у меня между ног. Его язык молил впустить его внутрь, и я открылась ему. Мои руки зарылись в его волосы. Он простонал мне в рот, и мой обращенный к нему голод взорвался в том месте, о существовании которого я узнала совсем недавно.

Мне стало немного не по себе, когда он, потянувшись вниз, задрал мою сорочку. *Не думаю, что я была готова к этому.*

Раздвинув мои ноги свои телом, он устроился между моими бедрами. Его член был невероятно твердым. Я хотела что-нибудь сказать, как-нибудь воспротивиться, но когда я почувствовала его жар у моей влажности, я могла поклясться, что услышала наше обоюдное шипение.

Оторвавшись от моих губ, он впился своим горячим ртом в мою шею, посасывая ее. Откинув голову назад, я потонула в ощущениях блаженства и боли, в ощущениях, которые стали еще острее, когда этот сукин сын укусил меня. Громко вдохнув, мои руки инстинктивно сжали его волосы в кулаках, и я оттянула его назад.

- Больно! - сказала я сквозь сжатые зубы.

Вытащив мои руки из своих волос, он завел их над моей головой, удерживая левой рукой.

- Думаешь, я не знаю? - сказал он.

Его лицо исказило безошибочное чувство похоти, своей глубиной придавая ему дикость. Я была немного напугана, но мое желание к нему не давало мне об этом задумываться.

Я вновь притянула его губы к себе. Мое сердце бешено колотилось в груди, разнося поток жидкого огня по моим венам, и сжигая меня изнутри. Внезапно, его прикосновения стали мягкими, а его поцелуи нежными, отчего мне снова захотелось плакать.

- Ты такая влажная... мой член покрыт твоей влагой, - прошептал он в мой рот.

Я громко простонала от его слов, и поняла, что мой мозг принял решение.

- Займись со мной любовью, - ответила я.

Мой голос звучал чужим даже для моих собственных ушей. Его сердце билось очень сильно, а его член пульсировал у моей плоти.

Сделав глубокий, дрожащий вдох, он уронил свой лоб на мое плечо. В тишине мой голод конфликтовал с моим возрастающим чувством стыда при мысли, что он мог сказать что-нибудь жестокое или озвучить какую-нибудь глупую шутку. Это убьет меня.

Наконец, подняв голову, он посмотрел на меня. Я не могла понять выражения его глаз. В них было так много всего и сразу: нужда, злость, смущение и что-то еще.

- Блять, - выругался он.

Его плечи поникли, и я забеспокоилась, что именно сейчас он собирался сказать что-то такое, от чего мне захочется заползти внутрь себя и умереть. Я хотела что-нибудь сказать, возможно, нанести упреждающий удар, вроде, 'я просто пошутила', но я не могла произнести ни слова.

Затем, к моему облегчению, он отпустил мои руки и спустил лямки моей сорочки с плеч, открывая мою грудь.

- У тебя самая красивая грудь.

По моему телу пробрался жар, и мои соски затвердели.

- Спасибо... - неуверенно ответила я.

- Пожалуйста, - улыбаясь, сказал он, и сомкнул губы вокруг моего жаждущего соска.

Я попыталась обнять его руками, но они запутались в лямках сорочки. Превозмогая целый поток чувств, я сильно сжала свои бедра, в попытке притянуть Калеба ближе к моему телу, пока я извивалась под его уничтожающими ласками.

Он пососал и укусил один сосок, после чего принялся за второй, не оставив без внимания ни один миллиметр кожи между ними. Закрыв глаза, я поплыла в море удовольствия, желания и боли.

Кажется, я люблю тебя.

Эта мысль ворвалась в мой разум, словно безжалостное торнадо, умоляя произнести ее вслух, но я не могла, наверное, не могла. У меня было ощущение, что я кончу еще до того, как он окажется внутри меня, и до того, как он даже прикоснется ко мне ТАМ. Я балансировала на грани, что ощущалось до раздражения прекрасно.

Скажи! Кажется, я люблю тебя.

Просунув руку между нашими телами, он спустил свои боксеры, освобождая свою эрекцию.

О, Боже мой! О, Боже мой!

- Подожди, - сказала я, задыхаясь.

Калеб остановился.

- Что? - спросил он.

Казалось, что он, на самом деле, был весь во внимании.

- Будь нежным, хорошо? - прошептала я, отдавая себя ему на милость.

Его взгляд стал испепеляющим. Словно он хотел разорвать меня одними зубами, и, наверное, я бы ему это позволила.

- Не волнуйся, Котенок. Я не собираюсь тебя трахать, - сказал он, послав мне печальную улыбку.

И прежде чем я успела спросить, какого хрена нет, он раздвинул своим горячим стволом мои половые губы, и начал тереться твердым членом о мой набухший клитор. Меня парализовало. Из моего рта стали вырываться отчаянные, хныкающие крики, и мои бедра стали инстинктивно двигаться вперед и назад у его горячей плоти. Я собиралась кончить, и это должно было быть потрясающе.

Он двигал своим членом вверх и вниз по чувствительной точке в вершине моего лона, и все, что я могла делать - так это изнывать, стараясь выпутать свои руки из долбаной сорочки, чтобы прикоснуться к нему.

Его губы блуждали по моему телу и остановились в основании моей шеи. Он снова укусил меня, и на этот раз, я к нему прильнула.

- Тебе приятно, зверушка? - спросил он, пропитывая свой голос самонадеянностью, но мне было все равно.

Я неистово закивала и посмотрела на его губы.

Своими губами он ласкал мои, все это время, не сбиваясь с выбранного ритма ласки моего клитора.

- Я хочу услышать, как ты это скажешь. Скажи мне, что тебе приятно. Скажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы твоя маленькая киска кончила.

О. Боже. Мой!

Внезапно, каждый мускул моего тела напрягся. Вход в мое тело начал сокращаться, сжимая то, чего там не было. Мое сердце помчалось вскачь, а мои руки запутались в простынях, пока мои ноги со всей силы стискивали Калеба.

Из моего тела стал беспорядочно вырываться оргазм, захлестывая все на своем пути, и ошеломляя меня настолько, что по моему лицу покатились слезы.

- Я люблю тебя! - выкрикнула я.

Не справившись с собой, я продолжала плакать, даже когда горячее семя Калеба брызнуло на мою киску и живот. Тяжело дыша, он сжимал свой член, выплескивая на меня все, что у него было. После чего, схватив меня за задницу, и еще сильнее прижав к себе, снова нашел своими губами мои губы, и целовал меня до тех пор, пока мы оба не успокоились. Несколько секунд спустя, Калеб осторожно навалился на меня.

Глава 14

Калеб знал, что его вес, должно быть, давался Ливви нелегко, но он пока не был готов столкнуться лицом к лицу с этой новой и весьма провокационной ситуацией. Он полагал, что в порыве страсти - особенно для представительниц женского пола - было обычным делом выкрикивать ничего не значащие слова, но он не мог сказать наверняка, потому как ничего подобного с ним раньше не случалось.

Она сказала, что любит его, произнеся эти слова во время очень сильного оргазма, однако факт оставался фактом.

Даже сейчас он чувствовал тепло и влажность ее слез на своем плече. Она не рыдала и не плакала. Более того, то, как она водила по его бедру кончиками своих пальцев говорило об ее удовольствии, если не об удовлетворении. Внезапно испытав желание положить конец своему дискомфорту, возникшему как от его мыслей, так и от ощущения жара и липкости, он поерзал, чтобы освободить себя от Ливви.

Она издала несколько протестующих звуков, пока он выпутывался из ее объятий, стирая следы своего семени ее ночной рубашкой с низа своего живота. Она сморщила свой носик, как будто это было самой отвратительной вещью, которую она когда-либо видела, но он оставил это без комментариев.

Ему не нравились бушевавшие в нем чувства. Он прокручивал этот инцидент в голове, пытаясь найти тот самый момент, когда лишился контроля, попав под чары девушки, которой полагалось быть *его* пленницей. Она была практически обездвижена, но, тем не менее, было невозможно игнорировать ту власть, которую она обрела над ним своими большими, невинными глазами и пухлыми, дрожащими губами.

Натянув боксеры, он сел на край постели, пытаясь сообразить, что бы ему сказать. Услышав ее удовлетворенный вздох, он почувствовал тепло ее щеки, прижавшейся к его спине, и распространившей покалывание по всему его телу. Она слабо обернула свои руки вокруг его талии.

- Пожалуйста, не надо, - прошептала Ливви у его спины.

- Не надо что?

- Всякий раз, когда между нами случается что-нибудь... хорошее... после этого ты становишься холодным.

Прижавшись к его спине, она обняла его сильнее.

Смущение Калеба стало превращаться в злость, но он понимал, что она была права. Его инстинкты взбунтовались против его же попыток отгородиться от Ливви. Он называл ее трусихой, грозил унижением и жестокостью, даже трахнул другую

женщину у нее на глазах, чтобы остановить все то, что происходило между ними. Но ничего из этого не сработало.

И теперь они находились в еще одной эмоционально компрометирующей ситуации. И это лишало всяких сил.

- *Я люблю тебя!*

Слова Ливви эхом отдались в мыслях Калеба. Он посмотрел вниз на руки Ливви, на то, как она обнимала его.

Он понял, что это была безмолвная мольба: - *Я могу остаться с тобой... быть с тобой.*

Закрыв глаза, Калеб позволил себе положить свою руку поверх ее, отвечая на объятие.

- Я не могу, - ответил он, зная, что его слова звучали странно. Ливви ни задавала вопроса, ни ожидала ответа, но он не сомневался, что она поймет то, что он пытался сказать.

- Почему, Калеб? Почему ты не можешь? - прошептала она.

Калеб с трудом сглотнул. Она понимала. Он знал, что она поймет, и все же, это выворачивало его наизнанку.

Потому что ничего из этого не имеет гребаного значения!

Он хотел прокричать эти слова, но просто ответил, - Мне нужно идти.

- Нет, не нужно, Калеб. Тебе не нужно идти.

Ее руки сжались вокруг него, словно тиски.

В который раз, Калебу захотелось исправить ее за то, что она назвала его по имени, но на данный момент, это казалось абсурдным. Ливви была такой чертовски упрямой, вне зависимости от того, что он делал или говорил. Хотя, в конечном итоге, было всего несколько приказов, которым она не подчинялась. И единственным смягчающим обстоятельством в сложившейся ситуации было то, что она делала это не на глазах у других.

- Мне нужно принять душ, - сказал он, надеясь, что логика превалирует.

- Мне тоже, - парировала она.

- Мы могли бы принять его вместе? Мне нужна твоя помощь.

Калеб невесело усмехнулся, - Тебе не нужна моя помощь. Ты ненавидишь, когда я тебе помогаю.

Рассмеявшись, Ливви потерлась щекой о спину Калеба.

- Вот еще одна причина для твоей помощи. Ты обожаешь делать то, что я прошу тебя не делать, это типа твоя фишка.

- Да, это так, - согласился Калеб.

- Это так. К тому же... - она неловко поерзала, - Есть кое-что, о чем я думала.

Вопреки своей воле, Калеба заинтриговал ее сомневающийся, но взволнованный тон голоса.

- И что бы это могло быть? - спросил Калеб.

Переместившись, Ливви встала на колени позади него, и, прижавшись грудью к его спине, прошептала ему на ухо. Глаза Калеба расширились, а сердце застучало быстрее.

За последние несколько месяцев, Калеб злоупотреблял их сексуальными приключениями; и хотя всякий раз, как он к ней прикасался, доводя ее до оргазма, она всегда была неимоверно влажной, он подозревал, что ее сердце в этом не участвовало, и его это особо не волновало. Но каким-то образом, сейчас все было по-другому.

- *Займись со мной любовью.*

Он ведь рассчитывал поиграть в такую знакомую им игру, в которой он представал в роли Большого Серого Волка, а она была Маленькой Красной Шапочкой. Он не был готов к тому поцелую, или...

- *Я люблю тебя!*

После ее избиения, он обращался с ней, как с хрустальной вазой. Он был осторожным, чтобы не нанести ей еще больше увечий, или причинить ей излишнюю боль. Но, к сожалению, таким образом, он позволил ей пробраться не только в свои мысли. И впервые с тех пор, как его жизнь погрузилась в этот мрак, внутри него проросло чувство, похожее на заботу о ком-то еще, кроме себя.

Казалось, что прошла целая вечность, с тех пор, как Калеб покорялся воле другого человека и в последний раз его это чуть не убило. И все же, она обладала им... больше, чем просто физически.

- Котенок? - сказал он.

- Да? - сомневаясь, ответила Ливви.

- Я кончил на тебя, - сказал Калеб, сквозь смех.

Ливви рассмеялась, - Ага.

Она поцеловала Калеба в шею.

- Я тоже вся липкая.

- Душ?

- Конечно, - ответила Ливви.

Зайдя в ванную комнату, Калеб посмотрел сначала на душевую кабину, потом на ванну. Оба эти варианта отвечали их цели, но в каждом из них была своя прелесть.

В душе была скамья, и стеклянный кокон оставлял пар внутри, даря ощущение комфорта, даже вне прямых потоков воды.

У Калеба возникла картинка, как он прижимает Ливви к стеклянной стенке, и на мгновение от этого у него закружилась голова.

- Душ или ванна? - спросила Ливви.

- Я задавался тем же вопросом. Думаю, решать тебе. В конце концов, это твоя фантазия, - Калеб расплылся в улыбке и повернулся, чтобы посмотреть, как Ливви заливается краской.

Она игриво шлепнула его по груди.

- Ну да, конечно! Уверена, тебе это даже не понравится.

Она широко улыбнулась, но потом, казалось, немного засомневалась.

- В чем дело? - спросил Калеб.

- Ни в чем. Просто... - она закусила нижнюю губу и стала царапать ее ногтями.

Калеб убрал ее руку от губ.

- Просто что? Передумала?

Он испытал одновременно облегчение, и раздражение.

Она замотала головой.

- Нет, просто... я никогда этого раньше не делала.

Она опустила взгляд к своим ногам, потом подняла его на Калеба, потом снова вернула к ногам.

Калебу хотелось вывести ее из этого положения, правда, хотелось. Он хотел сказать ей, что это не имеет значения, что все, что бы она ни соизволила сотворить с ним, будет прекрасно. Но, по правде говоря, его забавляло наблюдать за ее смущением, и он не мог лишить себя этого удовольствия.

- Никогда не делала чего? - спросил он и направился к душевой кабине, чтобы включить воду.

Предстоящие планы могли оставить кое-какие следы на их телах, поэтому душ прекрасно подходил для того, чтобы потом их с себя смыть.

В раздражении Ливви закатила глаза, - Ты знаешь чего.

- Котенок, - начал он, когда звук воды стал эхом отдаваться от стен комнаты, - Если ты не можешь это произнести, как ты собираешься это делать?

Ливви вспыхнула, и Калеб улыбнулся.

- Не смейся надо мной, Калеб. Не люблю, когда надо мной смеются, - сказала она и прикрыла свою грудь.

Калебу это уже не нравилось. Он шагнул ближе, возбуждаясь и поглощая Ливви глазами.

Она была прекрасна. Ее синяки почти полностью исчезли и Калеб не мог не испытывать чувство... благодарности. На Ливви не останется шрамов. По крайней мере, снаружи. Мысль о внутренних шрамах Ливви заставила его остановиться.

В последнее время, ему снились сны - старые воспоминания, подрывающие его посреди ночи.

В первые месяцы после его спасения, они случались у него практически каждую ночь, но спустя год или два нахождения с Рафиком, они прекратились. Чем сильнее Калеб становился, чем более уверенным в себе и своей судьбе он был, тем более мирными были и его сны. Он не хотел размышлять о том, по какой причине они вернулись сейчас, и почему большая часть из них была связана с Рафиком.

Встав перед Ливви, Калеб притянул ее голову к своей груди.

- Я не смеюсь, но Котенок... нам не следует этого делать.

К удивлению Калеба, Ливви вырвалась из его рук, и оттолкнула его от себя, отчего тому пришлось сделать шаг назад, но он быстро вернулся на прежнюю позицию.

Ливви уставилась на него, - Нет. Мы это сделаем. Ты снимешь свои трусы и встанешь под душ, - указала она, - А я, я...

Сложив руки на груди, Калеб самодовольно улыбался, наблюдая, как Ливви пыталась закончить свое предложение, краснея при этом, как маков цвет.

- Отсосешь мой член.

- Да! Именно! - сказала Ливви серьезно.

Калеб захохотал, - Но не прежде, чем ты это скажешь. Собственно, не прежде, чем ты меня об этом попросишь.

Глаза Ливви заискрились возмущением.

- Ты хочешь, чтобы я попросила тебя о том, чтобы отсосать твой член? Это... это... ты - свинья.

Калеб выпрямился.

- Нет, я - твой Хозяин.

Казалось, что Ливви слегка побледнела.

- Разве ты забыла? Разве мое разрешение называть меня по имени, когда мы наедине, меняет дело?

- Конечно, нет, Калеб. Прости.

Калеб не испытывал злости - возможно, легкую неопределенность, но не злость. Он подумал, что, может быть, вернувшись к некоторой степени нормальности, они смогут преодолеть эту неловкость.

- Когда мы наедине, ты называешь меня по имени, и для меня это ожидаемо, но это не означает, что тебе позволено забывать о том, кем я являюсь для тебя. Понятно?

Он заправил выбившуюся прядь блестящих черных волос ей за ухо. Они стали намного длиннее. *Прекрасна.*

- Да, Калеб, - прошептала она, наклоняя голову навстречу его руке.

Медленно, ее глаза сфокусировались на его глазах, ее зрачки расширились.

- Пожалуйста, Калеб, позволь мне отсосать твой член.

Вот теперь у Калеба точно голова пошла кругом. Произнесенные ею пошлости возбудили его до состояния физической боли.

Он прочистил горло, - Забирайся под душ, Котенок.

Потянувшись к нему рукой, она смело обхватила его член. Калеб зашипел и направил ее к душу, прижимая к теплому стеклу.

- Я не собираюсь повторяться, - сказал Калеб.

Ливви еще сильнее сжала член Калеба, заставив его простонать и толкнуться своими бедрами в ее ладонь. Это была одна из ее сторон, которую Калеб еще не видел, во всяком случае, в сексуальном плане. И ему это нравилось.

- Ты такой твердый, - простонала она, прильнув к нему.

- Сними их, - поторапливал Калеб, и сильное желание в его голосе было сродни настоящему потрясению.

Зарывшись пальцами в ее волосы, он наслаждался ее теплым дыханием на своих запястьях.

Он посмотрел в черный омут ее глаз - она была такой невинной, такой ошеломляющей. Облизнув свои губы, он словно животное, готовое с жадностью наброситься на свою добычу, наклонил голову к ее губам. Она отстранилась, и их глаза встретились в неловком, но чувственном моменте. Не разрывая зрительного контакта, она опустилась на колени.

С губ Калеба сорвался приглушенный стон, когда своими дрожащими руками она зацепилась за пояс его трусов. Он запрокинул голову, желая насладиться каждым мгновением ее нежных пальцев на своей коже. И дернулся вперед, когда его боксеры соскользнули вниз, и ее пальцы, наконец, произвели контакт с его твердой плотью, освобождая ее. Казалось, что больше ничего не существовало - ничего, кроме Ливви.

Потянувшись, она осторожно взяла его горячую длину в свою ладонь. И даже, несмотря на то, что она сжала его, ее пальцы едва соприкасались друг с другом.

Не устояв, он подался вперед в попытке дотянуться до ее губ, - Ты такая смелая. Я сказал тебе забираться в ду...

Он не смог договорить остальное, потому как язычок Ливви прошелся по головке его члена.

Зачарованно, он смотрел, как Ливви отклонилась, оставив на своей нижней губе липкую полоску его смазки, и показала свой кошачий язычок, чтобы слизать ее.

Ливви сглотнула, - Ты - вкусный.

Калеб сделал глоток воздуха, сотрясший его грудную клетку.

- Ты - вкуснее, - сказал он и провел пальцем по ее пухлой, розовой губе.

Калеб не мог дождаться, когда снова окажется во власти ее рта, наблюдая за тем, как эти чертовски сексуальные губы скользят вверх и вниз по его члену. Он простонал, когда она, раскрыв свои губы, всосала его палец в рот.

- Котенок. Забирайся в этот долбаный душ. Сейчас же.

Ливви в последний раз ласково поиграла с его пальцем, - Да, Калеб.

Неспешно встав, она открыла дверь душевой кабинки. Из нее повалил пар, тут же покрывая ее тело капельками влаги. Калеб спешно заталкивал ее внутрь, умирая от желания прикоснуться к ней, и почувствовать ее прикосновения.

Закрыв за собой дверь, через секунду он подхватил ее и прижал своим телом к стене. Теплая вода каскадом лилась сверху, когда он обернул ее ноги вокруг своей талии, и удерживал ее на месте, пока они целовались. Простонав ему в рот, Ливви схватилась за его плечи, притягивая его еще ближе. Ее ноги обнимали его, прижимая ее нетронутую киску к животу Калеба в неистовой мольбе о его внимании.

Руки Калеба блуждали по ее скользкому телу, обхватывая ее попку и впиваясь ногтями в ее нежную, податливую плоть. Не желая отрываться, но сгорая от нетерпения насладиться остальными ее прелестями, он скользнул рукой к ее левой

груди, и, зажав торчащий сосок между большим и указательным пальцами, стал покручивать его, параллельно вращая своими бедрами.

Его член, твердый и обильно выделяющий смазку, двигался у ее попки и Калеб согнулся, в поисках теплой расщелины между ее ягодицами.

- О. Боже, - простонала Ливви.

Она присоединилась к ритму Калеба и ослабила хватку своих рук, чтобы ее попка соприкасалась со скользким членом Калеба.

- Блять! - вскрикнул Калеб, сжимая Ливви до тех пор, пока она не хныкнула.

- Калеб, мои ребра, - мягко сказала она, не прекращая своих движений.

- Прости.

Калеб немного ослабил свой захват, но только для того, чтобы не причинить ей боли.

- Что происходит? - простонала Ливви, двигаясь на нем, - Я думала, что буду сосать твой член.

Плоть Калеба дернулась между ягодиц Ливви. Если он подождет еще хоть одну минуту, он потребует оказаться в ее попке. Этой мысли было достаточно, чтобы вытянуть из него еще больше стонов, но он, мать его, хотел минет.

Внезапно, он поставил Ливви на ноги и, дав ей секунду на то, чтобы обрести равновесие, положил руку ей на плечо, побуждая встать перед ним на колени.

- Так и есть. И прямо сейчас, - сказал он.

Не было ни споров, ни сомнений, и казалось, что грудь Калеба разорвется от гордости, когда облизнув свои губы, Ливви взяла его в рот. Колени Калеба чуть не подкосились, и он не смог удержаться и не толкнуться в ее рот, заставив ее снова искать равновесие. Он низко заворчал, словно не хотел, чтобы она это слышала, и двигался по возможности, не удерживая ее голову своими руками и не задавая свой темп.

Ее рот был теплым и невероятно нежным, несмотря на очевидную неопытность. Она держала его в своих руках, медленно облизывая головку его члена, после чего снова заглатывая в рот.

Калеб сопротивлялся каждому импульсу ворваться еще глубже. Он хотел, чтобы она сделала это сама.

- Ммм, - простонала она.

Калеб вторил ее звукам, наслаждаясь вибрацией ее голоса на своем члене. Он хотел еще. Еще. Еще. Еще. Ее прикосновения и ее рот воплощали их общую цель. Удовольствие перемешивалось с болью всякий раз, когда она случайно царапала его своими зубами, после чего ласкала это место своим язычком.

- Глубже, Ливви. Пожалуйста, глубже, - услышал он свои слова.

Он не мог адекватно думать, поэтому не понимал того, что говорил.

Ливви хныкнула, пытаясь вобрать его глубже, растягивая свои губы вокруг его ствола. Его царапали зубы, но ему было все равно, и он знал, что она не сможет принять в себя даже и половину его.

Калеб отказывался возвращать контроль в свои руки. Он был готов кончить только от того, что это была ее фантазия - не его. Он гадал, как долго она хотела ему отсосать, и сетовал на зря потраченное время.

Ливви взяла его еще глубже, и Калеб почувствовал, как ее глотка сжалась у головки его члена, после чего она отстранилась, чтобы наполнить свои легкие воздухом. Калеб сжал руки в кулаках по сторонам от себя, полный решимости позволить ей подышать, после чего потребует вернуться в ее теплый, влажный ротик.

Он вздохнул, когда она положила одну руку на его бедро для равновесия, а второй взяла член и снова всосала его. Она ускорила темп, держа свои глаза закрытыми и концентрируясь на ритме. Это было едва ли не больше того, что Калеб мог вынести.

Не в силах больше сопротивляться, он опустил свою руку на член и, накрыв ее руку своей, стал направлять их вверх-вниз, в ритме ее рта. Она замедлилась, и Калеб еле сдержался, чтобы не толкнуться в нее изо всех сил. *Сильнее. Глубже. Быстрее.*

Калеб крепко держал ее руку, двигая ею по своей длине. Другой рукой он гладил ее лицо, упрашивая ее ротик продолжать сводящие с ума ласки, и испытывал облегчение, когда они возобновлялись. Калеб убрал свою руку, снова позволив Ливви делать свое дело.

Его рука была покрыта слюной Ливви, так же, как и его член.

Ливви стонала и мяукала с его плотью во рту, заглатывая его глубже, разжигая свою похоть и позволяя своим инстинктам взыграть. Ее рука двигалась вверх-вниз, пока она скользила своими губами с увеличенной скоростью и более плотным сжатием на головке его члена.

Калеб приближался к своему пику, всем телом напрягшись как натянутая струна. Тяжело дыша, он разминал своими руками плечи Ливви, поддерживая ее. Внезапно, сжав ее волосы в кулаках, он вытащил свой член из ее влажного рта.

- Открой рот, - потребовал он.

Ливви была бессильна, когда он почти яростно вторгся в ее рот и, толкнувшись буквально несколько раз, начал сильно и долго кончать. Она застонала, протестующее вцепившись своими руками в его бедра. Калеб не мог остановиться, не мог ничего поделать с тем, как неподвижно удерживал ее, освобождая себя. Он чувствовал, как она пыталась глотать солоноватую жидкость, переполняющую ее рот, но ее было слишком много. Она вытекала на ее подбородок, и скользила ниже по шее.

Калеб зарычал, его колени подкосились, и он оказался на полу рядом с ней. Он целовал ее снова и снова, посасывая ее губы и отыскивая ее язык. Его вкус у нее во рту ощущался притязанием, клеймом.

- Господи, - прошептал он в никуда, целуя ее в шею.

Ливви тяжело дышала Калебу в ухо, прижимая его ближе, и возвращая его страстные поцелуи. Схватив Калеба за руку, она прижала его пальцы к своему клитору, всхлипнув от жажды внимания к этому участку своего тела.

- Справедливо, - прошептал Калеб.

Он быстро и сильно кружил пальцами по ее клитору, и в течение нескольких секунд, он почувствовал горячий поток соков Ливви, вытекающих из ее киски, когда она во второй раз кончила в его руках.

- Ох, ох, ох, - стонала она в его ухо, - Я люблю тебя. О, Боже, я люблю тебя.

Калеб был слишком пресыщен, чтобы подумать о том, что она вновь произнесла эти слова.

Медленно, мир стал приобретать четкие очертания и Калеб отстранился от Ливви, чтобы поднять ее на дрожащие ноги. На мгновение их глаза встретились, после чего Ливви повернулась лицом к льющемуся сверху потоку воды. Калеб почувствовал приступ гнева, наблюдая за тем, как она полоскала свой рот, но осознал, что это следовало сделать. Он старался не принимать это на свой счет. Она дала ему так много, открылась ему так полно и обнажила перед Калебом то, что больше ни одному человеку не довелось ни тронуть, ни увидеть.

Он чувствовал, что должен был предложить ей что-нибудь взамен. Он жаждал предложить ей что-нибудь взамен, и не придумав ничего другого, произнес, - Когда я был подростком, меня избили почти до смерти.

Ливви дрогнула от этих слов и остановила свой взгляд на Калебе. Потянувшись к мылу, он стал наносить его на свои руки, после чего повернул Ливви к стене и начал покрывать им ее тело.

- Я был моложе тебя, и мало что знаю. Человек по имени Нарви опробовал на мне длинный кнут. Там было много крови. От этого у меня остались те шрамы, и я умер бы, если бы... если бы Рафик не спас меня.

Прочистив горло, Калеб сосредоточился на намыливании. Ливви попыталась повернуться к нему лицом, но Калеб не позволил ей этого. Он просто повернул ее тело в нужном ему направлении и продолжил ее мыть.

Тишину нарушил ее приглушенный голос, - Почему кто-то сделал это с тобой?

- Я был...

Он не мог сказать ей. Он не мог сказать ей, каким человеком он был, и какие вещи ему приходилось делать. Она была единственной, кто заслуживал того, чтобы знать правду, но он отказывался ее озвучивать.

- Я был слишком слаб, чтобы защищаться. Вместо этого, некоторое время спустя, я вернулся и убил его.

Он ухмыльнулся, погружаясь в свои мысли.

- Кстати, той пушкой, которую ты на меня наставляла.

Ливви напряглась под его руками, ее плечи застыли.

- Поэтому...? Поэтому ты чувствуешь себя обязанным Рафику? Потому что он спас твою жизнь?

Непроизвольно, руки Калеба сжались, и Ливви зашипела от боли. Сразу же отпустив ее, он снова потянулся за мылом.

- Прости, - пробормотал он.

Ливви не повернулась к нему лицом; она просто смотрела на стену.

- А как же я, Калеб? Ты не считаешь себя обязанным мне?

Калеб пожалел, что вообще что-либо сказал. О чем он думал, произнося настолько личные вещи? И не кому-нибудь, а Ливви - девушке, которую он планировал продать для своих собственных целей, дабы отплатить долг двенадцатилетней давности?

Это было опрометчиво и глупо, вдобавок ко всему тому, что он уже и так натворил.

- Нет, - сказал он.

Это ощущалось ложью. Это была ложь. Он многим был обязан ей. И он был наивным, полагая, что когда-нибудь освободится от своих долгов.

Он всегда был кому-нибудь чем-нибудь обязан.

- Но если ты когда-нибудь захочешь мне отомстить, дай мне знать.

В течение нескольких минут Ливви молчала, после чего повернулась к Калебу лицом, - Мне не нужна месть, Калеб. Я не хочу кончить, как ты, позволив некой хреновой вендетте разрушить мою жизнь. Мне просто нужна моя свобода. Я хочу быть свободной, Калеб. А не быть чьей-нибудь шлюхой... даже твоей.

Как только он распознал искренность в словах Ливви, его глотку тут же охватило пламя. Все это время она играла. Он знал об этом, неоднократно напоминал себе, и даже нехотя уважал ее попытки... но все же, купился на это. Он заслужил каждую каплю того, что получал. Он знал это, и ему было плевать.

Шагнув вперед, он оттолкнул Котенка со своего пути и стал ополаскивать свое тело под охлаждающимися струями воды. Чувствуя взгляд Котенка на себе, он отказывался признавать ее присутствие.

Ополоснувшись, он открыл стеклянную дверь, и, схватив полотенце, направился в спальню.

- Ты уходишь! - вскрикнула Котенок, выбежав из душа и впившись в его руку.

С силой отпихнув ее от себя, Калеб продолжил свой путь в спальню.

- На сегодня у меня достаточно дел. В последнее время ты занимаешь слишком много моего времени, - холодно сказал он.

На мгновение, он окинул комнату взглядом в поисках своих штанов, потом вспомнил, что пришел сюда без них, потому как, отправившись в кровать, ему пришлось столкнуться с ее ночными концертами.

Посмотрев на ее лицо, он увидел боль в ее глазах, готовую вот-вот скатиться слезами. Она с трудом сглотнула, стараясь сдержать их в узде, и накрыла свою грудь руками.

- Ты собираешься уйти... после *всего*? Я думала..., - ее голос сорвался, затерявшись где-то между гневом и болью.

При виде нее, внутри Калеба что-то сжалось. Он хотел поцеловать ее, и сказать ей слова, которые остановили бы ее слезы; но потом одна эта мысль о том, что он думал о таких вещах укрепила его решимость и злость.

- Думала что? Что, предложив мне свою маленькую киску, сможешь что-нибудь изменить? Или что отсосешь мой член, а я за это дам все, что тебе, мать твою, хочется?!

Его слова глубоко ранили ее, именно так, как он и намеревался. Он хотел удостовериться, что никакого недопонимания между ними не останется.

Подойдя к ней, он поднял ее подбородок, на что она инстинктивно отпрянула, пытаясь отстраниться от его руки. Он сильнее сжал ее, удерживая на месте.

- Хотя, думаю, было довольно мило, когда ты сказала, что любишь меня.

Под его взглядом, ее плечи поникли, и глаза медленно закрылись.

Он отпустил ее лицо, и она без истерик направилась к кровати. Положив голову на подушку, Ливви свернулась калачиком.

Несколько мгновений он ждал, пока она что-нибудь ответит, но она не произнесла ни слова. Спокойно подойдя к двери, Калеб открыл ее и вышел из комнаты, даже не посмотрев в сторону Ливви.

Осторожно закрыв за собой дверь, Калеб по непонятной причине задумался, почему он вдруг почувствовал себя таким опустошенным.

Обернутый одним лишь полотенцем, он направился к себе. Оказавшись на месте, Калеб постоял с минуту, смотря в никуда, и позволяя стекающей с него воде капать на пол.

Ливви сказала, что любит его, а он заставил ее почувствовать себя глупой. Его сердце разрывалось при воспоминании о ее слезах. Он часто думал о том, что она была красивой, когда плакала, потому как она либо переживала, либо боялась, либо смущалась, но это было не то же самое - он, действительно, сделал ей больно. Она тоже сделала ему больно.

Калеб не мог изменить того, кем он был.

Он уже давно не думал о Рафике. Он был слишком занят тем, что играл с Ливви в идеальную семью. Слишком занят, чтобы подумать о долге, который ему следовало вернуть, и почему он был в долгу перед ним. Возможно, в этом и была причина, по которой, в последнее время Рафик так часто появлялся в его снах. Это было его подсознание, напоминающее ему не растерять свой фокус. Он игнорировал его. Но больше он не мог так поступать.

Позапрошлой ночью он видел сон, в котором говорил с Рафиком о смерти его матери и сестры.

Калеб находился в кабинете Рафика, изучая английский алфавит и произнесение каждой буквы. Он был горд обнаружить тот факт, что отдельными звуками он мог составлять целые слова. Они становились все менее похожими на вереницу изогнутых строчек и медленно, но уверено, он научился читать некоторые слова, не произнося их вслух.

Рафик учил его английскому параллельно с испанским, так как в них использовался один алфавит. Поначалу, это сбивало с толку, потому как они произносились по-разному, но Калеб учился. Арабский и урду было гораздо сложнее читать, но легче произносить, потому как он вырос на этих языках.

Русский был сущим кошмаром, как устный, так и письменный, но Рафик настаивал, чтобы тот учил и его. Калеб знал, что должен был учить русский, потому что он был родным языком Владэка.

После смерти Нарви, Калеб стал жадным до информации про Ростровича, но когда дело доходило до смерти его матери и сестры, Рафик всегда отказывался делиться большим количеством деталей. Где-то своим разумом, Калеб понимал, что инцидент был болезненным для Рафика, но так как у него самого не было известных ему матери или родных братьев и сестер, ему было трудно понять испытываемые им эмоции.

Не считая руководимой Рафиком жажды мести, которую Калеб понимал из собственного опыта, он частенько гадал о том, с чем его наставнику приходилось сталкиваться в эмоциональном плане. Рафик произносил длинные речи о семье, преданности, чести и долге. Он говорил, что у него была ответственность перед его отцом и перед его страной.

- *Я ожидаю твоего послушания, Калеб. Ожидаю твоей преданности. Предавший меня делает это только один раз. Тебе понятно? - зловеще спрашивал Рафик.*

- *Да, Рафик, мне понятно, - отвечал Калеб.*

Наконец, вернувшись из своих далеких воспоминаний, Калеб стал вытираться и одеваться. День обещал стать дерьмовым. Хоть это было очевидным.

Его внимание привлек стук в дверь.

Он открыл ее, и Селия тут же опустила взгляд в пол, и низко поклонилась.

- *Qué quieres?* - спросил он резче, чем намеревался.

Селия неспешно поднялась, в замешательстве глядя на него, но потом объяснила, что ее хозяин - Фелипе - просил его о встрече. Неохотно Калеб согласился спуститься, как только полностью оденется.

Он также напомнил ей покормить Котенка. Он не собирался возвращаться в ее комнату целый день и не хотел, чтобы она голодала.

Кивнув, Селия окинула его - как он расценил - осуждающим взглядом, после чего ушла.

Хлопнув за ней дверью, Калеб быстро оделся... но не потому, что особо торопился.

Позже, спустившись по ступенькам, он встретился с Селией на нижнем этаже. Он заметил ее недовольное выражение лица и инстинктивно понял, что это было связано с тем, в каком состоянии он оставил Котенка. Однако, у него были дела поважнее, нежели заботиться о пренебрежении, демонстрируемое чьей-то секс-игрушкой.

- Отведи меня к нему, - сказал он.

Посмотрев на него с открытым презрением, но, все же, опустив голову в знак понимания, Селия провела его к библиотеке Фелипе. Эта была та самая комната, в которой они встретились с Рафиком, и на мгновение, он задумался, действительно ли именно Фелипе, а не кто-то другой, поприветствует его, как только он войдет. Расправив плечи, он мысленно подготовил себя к любым неожиданностям.

Постучав в дверь библиотеки, и подождав приглашения Фелипе, Селия в последний раз с недовольством посмотрела на Калеба, после чего удалилась.

Ага, ты тоже иди на хрен.

- Входите, *Señor* Калеб. Давайте поговорим, - весело сказал Фелипе.
Чтобы ни происходило с Селией, похоже, Фелипе, этого не разделял.

- Могу я предложить вам скотч?

Войдя в библиотеку, Калеб взял предложенный Фелипе напиток.

- *Gracias,* - сказал Калеб и сел в кресло рядом с книжными полками.
Он не хотел садиться напротив стола Фелипе.

- *De nada,* - ответил Фелипе и присоединился к Калебу у книг.

Удобно устроившись на своем месте, Калеб потягивал свой скотч. Возможно, было рановато для алкоголя, но он оправдал это уж слишком долгим днем. Ему не терпелось начать разговор с хозяином особняка и найти для этого дня побольше развлечений.

- Простите меня, Фелипе, но для чего я здесь? - Калеб подвел сразу к делу.

Фелипе улыбнулся и отпил из своего стакана.

- Я просто хотел поговорить. Вы со своей рабыней находитесь здесь уже довольно долгое время, а мы так мало успели пообщаться.

Калеб зевнул, но постарался сдержать это в рамках приличия, - И о чем бы вы хотели пообщаться?

Фелипе откинулся на спинку кресла.

- Так серьезен, мой друг. Как продвигается обучение с девчонкой? - спросил Фелипе.

По мнению Калеба, хозяин дома был слишком непринужденным.

- Нормально.

- Только нормально? - Фелипе казался скептически настроенным.

Лицо Калеба вспыхнуло от нарастающего гнева.

- Фелипе, я знаю, что вы являетесь другом Рафика, но никак не пойму, какое вам дело до девчонки. Как вы и сказали, мы здесь находимся уже долгое время, к чему такой внезапный интерес?

- Котенок, - сказал Фелипе с вызывающе приторной улыбкой, - Девчонку зовут Котенок, так?

- Да, - ответил Калеб сквозь сжатые зубы.

- Ну так вот, Калеб, - вдруг выражение лица Фелипе стало мрачнее, - Котенок ваше дело, но Селия - мое, и увидев, как вы вторглись в мое дело, не вижу никаких препятствий вторгнуться в ваше.

Калеб знал, что рано или поздно это должно было случиться.

- Что вам нужно, Фелипе?

- Ну, если быть совсем честным, Калеб, вы перешли границы в моем доме, тем самым выказав непомерное неуважение. Моей целью является позволить вам исправиться.

По телу Калеба распространился огонь, глаза налились гневом.

- О каком неуважении идет речь?

- Вы знаете, о каком, - сказал Фелипе.

В его тоне проскользнула злоба.

- Я не сделал ничего из ряда вон выходящего, и понятия не имею, по какой причине, вы так озаботились вашей собственностью. Очевидно, вы не печетесь об этом так, как печетесь о своих лошадях. Насколько я помню, я также объездил одну из них.

Калеб был нарочито самодовольным.

Все тело Фелипе напряглось от ярости, но, тем не менее, он улыбнулся, - Вам следует быть осмотрительнее, Калеб.

Фелипе спокойно продолжил, - Я - весьма опасный человек в некоторых кругах и так получилось, что я знаю многое о многих. В том числе и о вас.

- Следите за языком, - произнес Калеб сквозь сжатые зубы.

- Я *слежу*, Калеб. Но также я слежу за вами. И за Котенком, - сказал Фелипе. Внезапно, теперь ОН стал самодовольным.

- Интересно, что бы сказал Рафик, увидев то, чем вы занимались.

- О чем, на хрен, идет речь? - прорычал Калеб.

- Камеры, Калеб. Такой человек, как я, в том бизнесе, что у меня, не может никому доверять. Поэтому, я наблюдаю за всеми, - сказал Фелипе и улыбнулся.

Сердце Калеба яростно заколотилось в груди, но он изо все сил старался сохранять спокойствие. Он подумал о том, что происходило между ним и Котенком с тех пор, как они приехали сюда. Он подумал обо всем том, в чем он ей признавался, полагая, что они были наедине. Этого было достаточно, чтобы его гнев закипел, а чувство тревоги усилилось.

- Чего вы хотите, Фелипе?

- Фелипе замотал головой, - Я, на самом деле, не хотел, чтобы все сложилось вот так, Калеб. Сказать по правде, я не желаю вам ничего плохого. Я просто хотел поговорить. Но именно вы сделали этот разговор неприятным.

Калеб попытался изобразить раскаяние, - Мои извинения. У меня выдалось непростое утро.

Фелипе улыбнулся, - Да, я в курсе. Однако, эту информацию я планирую сохранить в тайне. Я только прошу вас об одолжении.

Челюсть Калеба заболела от того, насколько сильно он сжимал свои зубы, - О каком одолжении?

- Завтра вечером у меня состоится вечеринка. Я был бы счастлив, если бы вы с Котенком на ней присутствовали, - радушно предложил Фелипе.

- И это все? Вы просто хотите нашего присутствия? - Калеб на это не купился.

Фелипе изогнул бровь.

- Ну... учитывая то, как вы воспользовались моей Селией, я надеялся одолжить вашу девчонку на вечер.

- Она не моя и как вы знаете, она - девственница, - сказал Калеб.

- Да, но я также знаю, что у нее имеются другие таланты, которые не потребуют ее, - он сделал вид, что пытался подобрать подходящее слово, - порчи.

Калебу отчаянно захотелось схватить Фелипе за глотку и медленно выдавить из него душу, но он знал, что это только усугубит сложившуюся ситуацию.

- Я хочу ваших заверений в том, что Рафик ни о чем не узнает.

Улыбнувшись, Фелипе кивнул.

- Конечно, Калеб. Я знаю, вы заботитесь о девчонке. Рафику это не понравилось бы, но я вас понимаю. Она весьма... интригующая.

- Да, - еле выговорил Калеб.

- Она любит вас, - сказал Фелипе.

Калеб пропустил эти слова мимо ушей.

- Рафик будет присутствовать на вечеринке? В последнее время с ним трудно связаться, - вместо этого сказал он.

- Хммм, - начал Фелипе, - Когда это случается, всегда бывает так горько.

Калеб очень внимательно смотрел на своего собеседника.

- К чему вы клоните, Фелипе?

- Рафик отдалился от вас.

Он удивился, когда Калеб ничего не ответил на его слова.

- Неужели вы настолько увлеклись своей игрушкой, что не заметили этого?

Калеб поставил свой стакан на стол. Он не верил в это. Дальнейший разговор не имел смысла.

- Аукцион состоится чуть более, чем через две недели, и он чрезмерно занят. Я знаю, что со дня на день, он должен быть здесь. Поэтому спрашиваю, будет ли он на завтрашней вечеринке.

- Да, - недобро ответил Фелипе.

- Надеюсь, что будет. Вы не находите это великолепной возможностью продемонстрировать ему прогресс, которого вы добились с девчонкой?

- Да, - прошептал Калеб.

Его мысли были наверху, с Котенком, а его грудная клетка была одновременно пустой и слишком полной. Их время подходило к концу.

Нет, оно уже подошло. Отпусти ее, Калеб.

Встав, Калеб вышел их комнаты. Для одного дня, с него уже было предостаточно долбаных противостояний.

Глава 15

Два часа ночи.

Стоя у двери в комнату Котенка, Калеб понимал, что он ничего не мог поделать с тем, что должно было произойти дальше. После своего противостояния с Фелипе, весь остаток дня он только и занимался тем, что метался по своей спальне.

Он обнаружил несколько камер, но все еще не мог быть уверен в том, что нашел их все. Фелипе был больным ублюдком с очевидными наклонностями вуайериста, и совершенным отсутствием чувства приличия и стыда.

Калеб даже где-то ожидал, что кто-нибудь попытается остановить его от крушения каждой найденной им камеры, но никто этого не сделал. Более того, все держались от него подальше. И Калеб не был уверен, что это было к лучшему. Он бы с превеликим удовольствием выместил свою досаду на любого, кто попался бы у него на пути.

После того, как Калеб - не без оснований - уверился в том, что разобрался с камерами, он долго и усердно думал об информации, потенциально известной Фелипе. И ответ на этот вопрос вызывал приступ тошноты.

Он нашел камеры даже в душе, которые были незаметно вмонтированы в вентиляционное отверстие. То, что - как он думал - являлось шурупом, удерживающим лампу над ванным зеркалом, также оказалось камерой. Фелипе напичкал ими каждый уголок своих владений.

Он видел, как Калеб мастурбировал, блять, и даже как наказывал себя.

Калеб решил что убьет Фелипе, правда, выбрав для этого более подходящее время, потому как пока именно хозяин особняка располагал козырями, и Калебу нечем было их крыть.

Рафик собирался вернуться завтра вечером. Он пожелает увидеть Котенка, чтобы убедиться в том, что она готова, и захочет, чтобы Калеб с Котенком вернулись в Пакистан вместе с ним и готовились к аукциону в Карачи. Все близилось к концу, и Калеб не мог ничего предпринять, чтобы предотвратить неизбежное.

Он ничего не мог поделать, разве только поступиться всем, что у него было, возможно, даже собственной жизнью, но он слишком долго и слишком упорно за нее боролся, поэтому поплатиться этим даром было недопустимо.

Медленно открыв дверь, Калеб зашел в комнату Котенка. Он сразу же заметил, что она не включила ночник - что было ей не свойственно - отчего в комнате сгустилась непривычная тьма.

Калеб помедлил, чтобы привыкнуть к темноте, хотя ему это было без надобности. Он бывал в этой комнате достаточное количество раз, чтобы запомнить месторасположение мебели.

Приблизившись к кровати, он услышал дыхание Котенка. На мгновение он подумал о том, чтобы уйти и дать ей спокойно поспать, но потом одернул себя - это

должно было произойти именно сейчас. Раздвинув шторы, он позволил лунному свету проникнуть в комнату и пролиться на ее спящую фигурку.

Внимательно рассмотрев Котенка, он увидел, что ее глаза были припухшими и красными. Она прижималась к одной из подушек, в то время как ее волосы покоились на другой, а одеяло было натянуто до самого подбородка.

Протянув руку, он прикоснулся к ее волосам. Неодобрительно зевнув, Котенок еще сильнее закуталась в одеяло.

- *Будь нежным*, - сказала она, глядя ему прямо в глаза.

Приподняв уголок одеяла, он увидел ее обнаженное плечо и чуть ниже - спину и ребра.

- Если бы я только мог, - прошептал он в темноту, уверенный, что она не могла его слышать.

Он откинул одеяло, и в его животе тут же зародилось чувство похоти.

Котенок проснулась - обнаженная и напуганная - она села на кровати, прикрываясь подушкой.

- Что происходит?

Она потерла глаза.

- Пойдем со мной, - сказал он с напускной храбростью, как бы намекая на то, что он был не в настроении иметь дело с ее возражениями.

Засомневавшись всего лишь на секунду, она отбросила подушку, и встала перед ним с вопросительным выражением лица. Он неотрывно смотрел ей в глаза, пока не увидел, как все вопросы исчезли, и она опустила свой взгляд в пол.

- Пойдем, - сказал он и направился к двери, она последовала за ним.

Они прошли по коридору в полной тишине, что было и хорошо, и плохо, подумал Калеб. Он оглянулся, ожидая увидеть ее блуждающие глаза, но она, казалось, больше была занята своей дрожью.

- Тебе холодно? - спросил он.

Он стал спускаться по ступенькам.

- Немного, Хозяин, - мягко ответила она.

На секунду, он остановился, удивленный ее обращением, и снова продолжил свой путь.

- Это не займет много времени.

Калеба удручала мысль о том, что он отталкивает Котенка навсегда. Его ни коим образом не радовало, что вскоре она настолько сильно возненавидит его, что это уничтожит любые теплые чувства, которые она испытывает - или не испытывает - к нему. Ему не нравилось, что с тех пор, как они появились в этом особняке, Фелипе, и возможно, Селия, наблюдали за ней... за *ними*. Неожиданно, он возненавидел саму идею о том, чтобы продать ее Владэку Ростровичу.

Так или иначе, он потратил целый день, чтобы свыкнуться с каждой из этих мыслей.

Спускаясь по лестнице, он слышал позади себя шлепанье ее босых ног о мраморный пол. Посмотрев назад, он увидел, как ее грудь подпрыгивала от каждого шага.

Если во всем этом и оставалось светлое пятно, то это было удовольствие с оттенком вины от времени, которое ему осталось провести с Котенком. Даже, если это время будет потрачено на ее мучение наслаждением и болью... а может, именно эта чувственная смесь и доставляла ему удовольствие.

В процессе становления человека со специфичными вкусами, предпочтения Калеба не изменились. Он все еще любил власть и контроль. Он все еще любил пробовать слезы Котенка и вызывать в ней жажду удовольствия, независимо от ее первоначальных слов о том, что она этого не хотела. В общем, он все еще был свихнувшимся сукиным сыном - как и всегда - и собирался насладиться каждой минутой того, что их ожидало в расположенной внизу темнице.

Калеб уже убедился в отсутствии камер.

Дойдя до последней ступеньки, он обернулся, и стал дожидаться Котенка.

- Прекрати озираться по сторонам, и поторапливайся, - подгонял он.

Мимолетом взгляд Котенка встретился с его, после чего она прикрыла свою грудь руками, и оставшееся расстояние прошла уже быстрым шагом. Когда она встала перед Калебом, он увидел, как сильно она дрожала. Быстро отвернувшись, Калеб направился к своей цели, и Котенок поспешила следом, практически наступая ему на пятки.

Наконец, он дошел до тяжелой деревянной двери, которая привела их еще ниже - в то место, что когда-то было винным погребом, а сейчас стало темницей для гораздо более интересных развлечений. Нехотя он отдал должное Фелипе - мужчина обладал впечатляющим воображением.

- Дай мне руку, - сказал он Котенку.

На ощупь ее ладошка была холодной и влажной, но Калеб умолчал об этом, продолжая пробираться глубже сквозь окружающую их темноту. Осторожно делая каждый шаг, Калеб вел Котенка за собой, и еще через несколько метров, он потянулся к включателю.

Свет вспыхнул, озарив ступени бледно-желтым светом.

Дрожь Котенка усилилась, и она вцепилась ему в руку. Несмотря на то, что Калеб мягко тянул ее вниз, она больше не сделала ни одного шага. Казалось, она была не в состоянии двигаться, что говорило о ее страхе.

Тем не менее, она не жаловалась. И не плакала. Ее ужас был очевиден, но храбрости в ней было больше.

Не произнеся ни слова, Калеб повернулся и перекинул ее через плечо, на что Котенок резко втянула в себя воздух, и это было единственным проявлением ее возражения.

Она крепко держалась за него, пока он продолжал спускаться по ступенькам.

- Раньше это место было винным погребом, - тихо сказал он у изгиба ее бедра.

Ее тело снова задрожало, но на этот раз, это было связано не с холодом. Все вокруг нее было уставлено приспособлениями для ограничения движения, а также

причиняющими боль инструментами. В центре комнаты стоял большой, обтянутый кожей стол, с которого свисали устрашающие металлические штуки.

Калеб глубоко вздохнул. Хоть ему и не особо нравилось то, чем он должен был здесь заняться, но он был уверен, что это доставит ему удовольствие.

Даже сейчас, опуская ее с плеча на руки, тем самым заставляя ее вцепиться в него еще крепче, он стал твердым.

Калеб не сомневался в ее надежде на лучшее, но она ошибалась, ведь он намеревался с ней кое-что сделать.

Приподняв ее ноги, он позволил Котенку обернуть их вокруг своей талии, на мгновение насладившись чистым и влажным ароматом ее волос, ощущением ее теплой груди, прижимающейся к его телу, и ее киски, дразнящей его живот.

- Первое, что ты должна усвоить, - мягко сказал он в ее волосы, - Это полное повиновение, которое, при необходимости, будет получено силой.

Опустив одну руку, он провел ею вниз по ее спине, потом по округлости ее попки, пока не добрался до слегка приоткрытых губ ее киски. Ахнув, она застыла в его руках.

- И, несмотря на то, как я мучаю тебя, я всегда нахожу способ сделать тебе приятно.

Он стал медленно потирать сокровенное местечко, уговаривая ее стыдливый клитор набухнуть под своими пальцами.

- Разве не так?

Кивнув, она вцепилась в него еще крепче.

- Ты доверяешь мне?

Она замотала головой.

Калеб вздохнул.

- Думаю, ты этому научишься.

Подойдя к столу, он положил Котенка на него, крепко прижавшись к ней своим телом, так как она отказывалась его отпускать. На ее глаза тут же набежали слезы, явственно указывая на ее страх.

- Доверься мне, - сказал Калеб.

Потянувшись к своей шее, он мягко отцепил руки Котенка, удерживая их в своей правой ладони у ее груди.

- Знаю, тебе кажется, будто я не давал тебе повода для доверия, но я никогда по-настоящему не делал тебе больно, если это именно то, о чем ты думаешь.

- Калеб... *пожалуйста*, - прошептала она.

Калеб знал, что она не хотела произносить этих слов. Он увидел, как она замотала головой и закрыла глаза. Возможно, она ожидала столкнуться с его гневом - и у нее на это было полное право - но он его не испытывал. Он был слишком возбужден для гнева. И слишком удивлен тем, насколько ему было приятно вновь услышать свое имя из ее уст. Даже отдаленное осознания этого факта, послужило ему напоминанием о

том, что между ними не могло так больше продолжаться. Их время, проведенное вместе, подходило к концу.

- Просунь свои ноги в стремена, и больше не называй меня по имени, - сказал Калеб.

Он проигнорировал боль в глазах Котенка. Он проигнорировал боль в своей груди.

Резко отступив назад, он властным взглядом наблюдал за тем, как она села и скрестила руки на груди, прикрывая свое обнаженное тело. Она с любопытством осмотрела металлические приспособления, после чего покорно просунула ноги в стремена. Комнату заполнила грохочущая тишина, когда он увидел, что она наблюдала за ним.

Теперь она уже сидела на краю стола с зафиксированными разведенными ногами и бедрами, а ее руки расположились позади нее для поддержки, и Калеб мог только предполагать, о чем она думала.

- Все еще холодно? - спросил он.

- Нет, Хозяин, - сухо ответила она.

- Ложись, - сказал он тем же тоном.

Неспешно, она подчинилась. Подойдя ближе, он закрепил ее бедра, протянув длинный кожаный пояс вокруг каждого из них, и повторил процесс с ее лодыжками и икрами. Теперь она не сможет двигать ногами, и Калебу стало очевидно, что она тоже это поняла.

Ее грудь то вздымалась, то опадала в быстром и глубоком ритме. Медленно, он отошел от нее в сторону угла, откуда достал складной стул.

Глаза Котенка следили за каждым его движением, и как только ее тревога возросла, сердцебиение Калеба ускорилось от предвкушения. Поставив стул между ее разведенными ногами, и оказавшись вне зоны ее видимости, он сел. Возбуждение Калеба стало еще интенсивнее, когда Котенок тщетно попыталась сомкнуть свои зафиксированные ноги.

Ее киска была открытой для его глаз, его прикосновений, для каждого его желания и прихоти. И он старался не одурманивать этим свой разум.

- Поласкай себя, - мягко приказал он.

- Хозяин? - заволновалась Котенок.

Она вздрогнула, когда Калеб провел пальцем вдоль ее плоти.

- Прямо вот здесь, - сказал он.

Он покружил вокруг ее клитора.

- Поласкай себя прямо здесь. Я хочу увидеть, как ты кончишь.

Бедра Котенка еле заметно подались вперед; острая волна желания уже сделала ее соски напряженными, а киску - влажной.

Она засомневалась, но только на мгновение. С трудом сглотнув и прикусив губу, она сделала, как он сказал, и положила правую руку на свою набухшую плоть.

- Ты ласкаешь себя, Котенок? - спросил он.

Он намеренно позволил своему теплому дыханию обдать ее раскрытую киску.

Котенок вздрогнула.

- И-и-иногда.

- Ты кончаешь от своих рук? Калеб осторожно положил свою ладонь поверх ее, сильнее прижимая ее пальцы к ее собственной плоти.

Котенок хныкнула, изогнув свои бедра навстречу их рукам.

- Иногда! - громко проскулила она.

Калеб улыбнулся ей, хоть и знал, что она не могла этого видеть. Ее глаза были устремлены в потолок над их головами.

Подавшись вперед, Калеб провел подбородком по внутренней стороне ее бедра.

- Покажи мне, - сказал он.

Тело Котенка напряглось - он почувствовал это под своей щекой. Он услышал, как она глубоко, прерывисто вдохнула, а затем шевельнула своей рукой под его ладонью.

Поцеловав внутреннюю сторону ее колена, он откинулся на стуле, поправляя ноющую эрекцию в своих штанах. Каждое мгновение, проведенное с ней, сочетало в себе сладость и боль.

Он наблюдал за тем, как ее тоненькие, нежные пальчики нашли эпицентр ее удовольствия и неуверенно прикоснулись к нему.

Неожиданно, он улыбнулся и поднес свою руку к губам, тотчас узнав пропитавший его пальцы вкус Котенка, отчего у него появилось непреодолимое желание облизнуть их... но он не стал этого делать. Потому как знал, что это приведет к незапланированным последствиям.

Котенок выгнула свою спину. Она потирала маленькую точку с нарастающим давлением и скоростью, в то время как все возрастающая влажность делала ее плоть невероятно скользкой вокруг пальцев.

Совсем скоро, с ее губ начали слетать тихие, но настойчивые стоны.

Калеб чувствовал биение собственного сердца в своем члене, гоняющее кровь к его эрекции. Он знал, что ему не следовало возбуждаться - не тогда, когда он уже дважды кончил у ее киски, а затем еще раз, у нее во рту. Однако, воспоминания об этом и визуализация Котенка, которая с каждой секундой текла все сильнее, не ослабляло его желания, а напротив - распаляло его еще больше.

Котенок двигала своими бедрами вперед и назад, сначала медленно, затем с нарастающим темпом, отражающим ее очевидное отчаяние. Пальцы Котенка ласкали ее маленький клитор, делая его заметно более набухшим и красным, но звуки, которые она издавала, исходили от испытываемого неудовлетворения.

- Я не могу... я не могу, когда ты смотришь на меня, - сказала она.

Калеб улыбнулся, - Второе, что тебе следует уяснить - это получать удовольствие всякий раз, вне зависимости от обстоятельств.

Как только он подумал о том, что пытался выразить этими словами, его улыбка погасла, - Познай свое тело, Котенок. Познай, что тебя заводит. Большую часть времени, ты сама будешь отвечать за свое удовольствие. Будут моменты, когда это

будет казаться невозможным... и будет невозможным. В любом случае, тебе придется быть убедительной. Убеди меня.

Пальцы Котенка остановились, и единственным звуком, раздающимся в комнате, было ее дыхание, насыщающее ее легкие воздухом. Убрав руку от своего тела, она попыталась сесть.

Встав, Калеб встретился с ее слезящимися глазами, пока она ставила руки позади себя для равновесия.

- Калеб, - ее подбородок дрожал, - Нет.

Казалось, она искала подходящие слова, чтобы их озвучить, и подходящие чувства, чтобы их выразить. Калебу не хотелось слушать то, что она собиралась сказать. Он не мог вынести этих слов.

Калеб шагнул ближе и потянулся к руке Котенка, уклонившись от ее губ, когда она повернулась, чтобы поцеловать его. Этого он тоже не мог вынести.

- Хозяин, - сказал он, - не Калеб.

- Но... ты говорил -

- Я знаю, что я говорил, Котенок. Это было ошибкой, - ответил он.

В свое время он сбил ее с толку, и сожалел об этом. С его стороны было эгоистичным позволить ей такого рода интимность, ведь Котенок ему не принадлежала.

Всхлипнув раз, другой, Котенок все же кивнула.

Взяв ее за руку, Калеб уложил ее обратно на стол. Не дав Котенку времени на дополнительные слезы и слова, он сунул ее мокрые пальчики в свой рот, пробуя с них вкус ее киски... и закрыл глаза от взорвавшейся на его языке терпкой сладости.

Низко постанывая, он всасывал их своими губами, пока не увидел, как глаза Котенка стали темнее и больше, сигнализируя о ее возбуждении. Медленно вытащив пальцы Котенка из своего рта, он направил их обратно к ее киске. На долю секунды, она прикрыла глаза и приподняла бедра навстречу своим пальцам.

- Ты ласкала свой клитор, - прошептал он, выводя небольшие круги на клиторе ее же пальцами.

- Но не забывай, что у тебя есть и эта маленькая, очаровательная дырочка.

Скользнув ниже, он просунул кончик ее тонкого среднего пальчика в ее киску.

- О, Господи! - воскликнула она.

Ее спина выгнулась, тело застыло, но Калеб знал, что это было не от испытываемого оргазма, а от новых ощущений.

- Тебе приятно, зверушка? - спросил он.

Котенок смогла только кивнуть, и осторожно опустившись на стол, стала двигать бедрами.

Медленно убрав свою руку, Калеб снова уселся на стул и продолжил смотреть.

Котенок рассеянно накрыла свою грудь рукой, и стала зажимать сосок между пальцами, как это делал с ней Калеб множество раз. Она хныкнула, и ее первоначальное чувство беспокойства улетучилось, уступив место разрастающемуся

удовольствию. Не отрываясь, он смотрел на пальцы Котенка, средний из которых, с каждым неуверенным движением погружался чуть глубже.

Чувствуя, что больше не сможет с собой справиться, особенно с ее вкусом, все еще наполняющим его рот, Калеб снова положил свою руку поверх ее. Его восхищало то, как тело Котенка дрожало от жажды.

Она пыталась продолжить свои ласки, но его рука воспрепятствовала этому. Калеб резко вдохнул, чувствуя головокружение от желания. Наклонившись вперед, он провел языком между ее пальцами.

Котенок вскрикнула.

Она извивалась под его такими нежными губами, позвякивая стременами и наполняя комнату своим отчаянием. Он был слишком нежным. Калеб знал, что она не сможет кончить от таких легких полизываний, поэтому он продолжал свои ласки, периодически проникая кончиком языка в ее киску.

Он обожал, как она хныкала, скулила и стонала. Но после продолжительного промежутка времени, он понял, что должен остановиться, иначе это грозило зайти слишком далеко.

Встав со стула, он посмотрел на дрожащее тело Котенка. Она повернула голову и закрыла глаза, пока ее грудь поднималась и опускалась от тяжелого дыхания. Глубоко вздохнув, он насладился ее вкусом и запахом.

Но все что он запланировал, должно было произойти именно сейчас.

Он выдвинул прикрепленный к столу небольшой ящик.

- Ты прекрасна, Котенок, - сказал он.

Калеб вытащил две пары наручников. Она не открыла своих глаз, но вздрогнула от их металлического звука.

- Ты была очень и очень хорошей девочкой. Надеюсь, ты продолжишь в том же духе.

Он легко пристегнул ее правое запястье к столу и улыбнулся, когда она, наконец, распахнула ресницы и уставилась на него своими большими, вопрошающими, карими глазами.

- Ты не сопротивляешься, - сказал он с широкой улыбкой. - Я впечатлен.

Когда он принялся за ее левое запястье, она было засомневалась, но затем ее рука расслабилась, а дыхание ускорилось. Обездвижив ее наручниками, он потянулся и обвел ее сосок указательным пальцем. Его член дернулся, когда тишина комнаты нарушилась ее вздохом.

Следующим шагом, он ослепил Котенка повязкой, что усилило и без того возбуждающее напряжение в ее теле. Калеб был удивлен, что она не произнесла ни слова, и не стала сопротивляться любым из действенных способов, и он не мог с точностью сказать, нравилась ли ему ее податливость.

- О чем ты думаешь? - спросил он.

Калеб неторопливо потянулся к аппарату, который - как он и ожидал - станет для нее сюрпризом.

Котенок облизнула губы, - Я думаю... , - она дернула свои наручники, - О том, как сильно хочу, чтобы ты закончил начатое.

Калеб рассмеялся, - Поверь мне. Именно это я и собираюсь сделать.

Он включил электропитание устройства, на что тот издал жуткий, гудящий звук, отличный от генератора. Котенок сразу же попыталась сдвинуться, но все ее усилия вылились лишь в звяканье наручников о крепления. Только и всего.

- Что это? - крикнула она.

- Ты хочешь, чтобы я вставил тебе еще и кляп в рот? - спросил Калеб.

Котенок неистово замотала головой.

- Хорошо, тогда дай мне закончить.

Котенок дернула за свои оковы, когда его пальцы ухватились за ее чувствительный клитор, и прикрепили к нему мягкий зажим. Поерзав бедрами, она попыталась избавиться от него, но тот даже не сдвинулся.

- Я хотел, чтобы ты была послушной и готовой к этому. И ты на верном пути.

Он с силой втянул ее сосок в рот, и несмотря на свой растущий страх, она выгнула спину, пытаясь дать ему больше своей груди. Это было заманчиво, но Калеб отстранился и поместил зажим на сосок, то же самое он проделал и со второй грудью.

Закончив, он отступил назад, наслаждаясь открывающейся перед ним красочной картиной, которую Котенок олицетворяла - ослепленная, привязанная, с зажимами на сосках, тонкие провода от которых тянулись между ее ногами.

- Думаю, я все равно воспользуюсь кляпом - не хочу, чтобы ты кого-нибудь разбудила.

Казалось, что Котенок была готова возразить, но Калеб предотвратил это, поместив кусок мягкой материи ей в рот и закрепив его у нее за головой. Не то, чтобы это было настоящим кляпом, но оно приглушит любые звуки, выходящие из ее рта, и сделает речь невнятной.

- Шшш, - сказал Калеб у ее уха.

- Возможно, этот предстоящий урок, станет самым важным и самым сложным для понимания.

Он погладил ее по волосам.

- Удовольствие доставляется тебе, только когда твой Хозяин того пожелает. За это время ты станешь голодной до него, жаждущей его, и страдающей по нему - также, как и сейчас. Я отправляюсь спать. Если ты продолжишь быть хорошей девочкой, может быть, я позволю тебе позавтракать со мной.

Котенок была на середине свой приглушенной тирады, когда одновременно через ее клитор и соски прошел пульсирующий электрический разряд. Калеб наблюдал за тем, как ее тело парализовало от страха и сильнейшего удовольствия. Выбранное напряжение было достаточным слабым, чтобы не причинить боли, но достаточно сильным, чтобы заставить ее тело сжиматься.

Напрягшись, Котенок подалась к источнику наслаждения. Она выгнула спину, теряясь в ощущениях, доставляемых зажимами, нежно потягивающих ее за соски, и пропускающих через них легкие разряды. Когда это ощущение неожиданно

закончилось, ее бедра осторожно приподнялись от стола в поисках освобождения. Она вскрикнула от разочарования, не имея возможности унять свою потребность, ни оргазмом, ни его отсутствием.

Еще раз, задержав на ней взгляд, Калеб направился к лестнице. По дороге он кинул через плечо, - Это будет долгая ночь. Удачи, Котенок.

Выйдя из винного погреба, Калеб прислонился спиной к двери, и выдохнул, сопротивляясь порыву сбежать вниз по ступенькам и проникнуть в эту прекрасную, жаждущую секса девственницу.

- Блять, - резко выругался он и направился в свою комнату.

Вымотанный, Калеб взглянул на часы. Было поздно, или рано, в зависимости от того, как на это посмотреть. Раздевшись, он выключил свет. В темноте его комнаты, она явилась к нему.

С силой сжимая свой эрегированный член, он представлял Котенка рядом с собой. Он представлял, как она выглядела внизу: с разведенными ногами, открытой и влажной киской.

Его член резко дернулся в кулаке. Он крепко схватил его, выжимая из него теплую смазку, и растирая ее по головке.

Калеб фантазировал о том…

Как раскрывает пальцем аккуратные губы ее маленькой, скользкой киски и смотрит, как она стонет. Как скользит своим членом вверх-вниз у ее входа, покрываясь ее соками, подготавливая их обоих. О том, как подается вперед, прижимаясь своим обнаженным телом к ее теплым грудям.

Вне своей фантазии он громко простонал, ускоряя ритм движений.

- Займись со мной любовью, - прошептала она и неожиданно они оказались в ее спальне.

Потянувшись вниз, он задрал ее сорочку и толкнулся в нее своим членом. Он был нежным, терпеливо ожидая пока она расслабится, а ее ноги раскроются, после чего толкнулся еще раз.

- Я люблю тебя, - сказала она со слезами на глазах.

Она поцеловала его и зарылась пальцами в его волосы, побуждая его проникнуть в себя еще глубже, продолжая говорить, что любит его. Он погрузился в нее до упора.

Калеб двигал рукой все быстрее и быстрее. Его яички подтянулись, готовые вылиться оргазмом, который он так долго сдерживал.

Калеб входил и выходил из ее тугого жара, пока она стонала и вскрикивала в своем наслаждении.

- Я твоя, - задыхалась она, - только твоя.

Неправильно фантазировать о таких вещах, но Калебу было все равно. Фантазии – это все, что у него осталось, и никто не мог их у него забрать.

Он громко зарычал, когда его оргазм вырвался наружу, покрывая его теплой, липкой спермой.

Глава 16

День 10: Вечер

- Мне нужно пописать, - говорю я Риду.

Он гримасничает, но не комментирует.

- Что? Люди иногда ходят в туалет, Рид.

- Да, - с издевкой отвечает он, - я в курсе. Просто мне не понятно, по какой причине вы считаете необходимым посвящать меня в такие детали. Простого 'мне нужен перерыв', было бы достаточно.

Я смеюсь и, вскочив с кровати, направляюсь к уборной. Рид немного напрягается, когда я прохожу мимо него. Избегая моего взгляда, он намеренно таращится в окно. Рид бывает таким чокнутым, что я не могу ничего поделать со своим любопытством в отношении него.

Мне интересно, каким он бывает человеком, когда выходит из своего образа агента ФБР.

Вы ведь знаете, поговорку о тихом омуте и чертях в нем.

Я веду свой рассказ вот уже несколько часов. Во рту пересохло. Открыв пластиковую крышку одного из стаканов, я пью воду из-под крана. На вкус она дерьмовая, но тем не менее, я ее глотаю.

Где-то, в глубине души, я знаю, что должна чувствовать себя эмоционально истощенной, или даже сентиментальной и грустной. Но большей частью я чувствую себя... опустошенной. И я не понимаю почему. Вероятно, потому что знаю окончание этой истории и знаю, что с каждым произнесенным словом, я подготавливаю саму себя к неизбежности событий. Словно, я пересказываю историю, произошедшую с кем-то другим.

Я люблю Калеба. Я люблю его. И мне уже плевать на весь тот ужас, через который он меня провел, и единственное, что имеет значение - это факт, что моя любовь к нему существует. И никакие разговоры или терапия не изменят того, что произошло. Не изменят того, что я чувствую.

Он ушел, Ливви.

Вот и все. Только боль. Она, словно тлеющие угли, навечно горит в моем сердце. Это напоминание о том, что для меня Калеб будет жить всегда.

Последние десять дней, я очень много плакала и жила в безграничных страданиях. Я знаю, что когда все закончится - Рид дослушает меня, и они со Слоан займутся другими делами - я останусь наедине со своей любовью и болью. Но сегодня - сегодня я в порядке. Сегодня я рассказываю свою историю, будто она произошла с кем-то другим.

Закончив свои дела в уборной, я мою руки и открываю дверь. Оказавшись в комнате, с Ридом я вижу Слоан. Атмосфера кажется тяжелой, но по какой именно причине, сказать не могу. Слоан улыбается, а Рид выглядит так, словно кто-то съел

его обед, надежно припрятанный в общем холодильнике. Слоан показывает большой коричневый пакет с жирными разводами по низу.

- Я принесла ужин, - говорит она мне.

- Классно! - восклицаю я, удивленная этим жестом.

Слоан посылает мне теплую улыбку.

- Я знаю, насколько ты любишь больничную еду, но подумала, что вместо нее ты не отказалась бы от жирного бургера и картофеля-фри.

Мой желудок отвечает на это урчанием, и Слоан самодовольно выгибает бровь.

- Агент Рид, я знаю, что вы стараетесь держаться подальше от фаст-фуда, поэтому я принесла вам салат с жаренным цыпленком. Надеюсь, он подойдет.

Забрав пакет у Слоан, я ставлю его на прикроватный поднос на колесиках, чтобы побыстрее добраться до своего чертового бургера, иначе, я могу попытаться съесть его через пакет. Засунув руку, я собираю рассыпавшийся на дне упаковки картофель-фри и запихиваю его себе в рот.

- Ням-ням! - восторгаюсь я, продолжая жевать соленую вкуснятину.

К черту ожоги первой степени, картошка просто изумительная!

Я так занята, зарывшись лицом в пакет с рассыпанным картофелем, и не сразу замечаю, что никто между собой не разговаривает. Подняв глаза, я вижу, как Рид и Слоан ведут что-то наподобие соревнования по смущенным переглядываниям. И думаю, что Рид проигрывает. *Интересно*.

Наконец, Рид откашливается и смотрит на свой портфель.

- Вообще-то, мне нужно идти. Я должен ответить на несколько писем и сделать несколько звонков. Эм, хотя, спасибо... за еду.

Рид начинает спешно собирать свои вещи. Я никогда не видела его таким... взволнованным - думаю, это самое подходящее слово. *Все интереснее и интереснее*.
- Мэттью, - начинает Слоан и умолкает, когда прекратив свои сборы, Рид прожигает ее взглядом.

Она поднимает свои руки.

- Агент Рид, не думаю, что существуют настолько неотложные дела, которые не могут подождать, пока вы поужинаете.

Рид глубоко вздыхает, но не прекращает складывать свои бумаги в стопку.

- Спасибо за еду, доктор Слоан. Я не хотел быть неблагодарным или грубым, но у меня, на самом деле, много работы. И да, эти дела неотложные. Совсем скоро в Пакистане открываются офисы, а они располагают нужной мне информацией.

Слоан умолкает, на секунду поджав губы.

- Ой. Я не знала. Прошу прощения.

Никто из них даже не замечает моего присутствия в этой комнате, и я чувствую себя вуайеристкой. *Так увлекательно!* Подумав о небольшом увлечении подсматриванием Фелипе и Селии, я краснею. Что бы ни происходило между Слоан и Ридом - это меня не касается.

- Вот! - громко говорю я, давая им обоим понять, что на них смотрят. Я торжественно протягиваю Риду салат, съедая картофель, рассыпавшийся по его крышке.

- Можешь взять его с собой.

Слоан одаривает меня благодарной улыбкой, словно испытывая облегчение от того, что я прервала их непростой разговор. Потянувшись к контейнеру, она берет его из моей руки.

- Да, пожалуйста, возьмите салат. Вам нужно что-нибудь поесть.

Рид смотрит на салат, будто никогда не ел ничего подобного, после чего переводит взгляд на Слоан, затем снова на меня. Он зол и это ни с чем не связано. Он просто раздражен. Он хочет злиться на Слоан, но она не дала ему для этого никакого повода - не сказала, и не сделала ничего предосудительного. Но, тем не менее, он предпочитает злиться именно на нее.

Наконец, поставив свой портфель на стул, он забирает контейнер.

- Спасибо, - говорит он.

- Пожалуйста, - отвечает Слоан таким мягким голосом, которым Калеб говорил со мной, пребывая в мечтательном настроении.

Слоан смотрит в лицо Риду, затем отводит глаза, когда он встречается с ней взглядом, после чего также спешно отворачивается. *Оооох... а он ей нравится*. Меня это и удивляет, и нет. Я привыкла видеть в докторе Слоан и агенте Риде роботов, не имеющих личной жизни. И мне крайне интересно увидеть их в новом свете.

Лицо Рида слегка разрумянилось. Поверить не могу, что он краснеет. Вообще-то, он очаровашка. Не хочу, чтобы он уходил. Я хочу сидеть на своей кровати и наблюдать за тем, как они робеют под моим пристальным взглядом. То есть, ну правда... это же справедливо.

- Да ладно тебе, Рид, оставайся.

Широко улыбаясь, я хлопаю по месту у изножья своей кровати. Он молча смотрит на меня. *Если бы взглядом можно было убить*...

- Помнишь, ты сказал, что послушаешь оставшуюся часть моего рассказа?

- Я, правда, не могу, мисс Руис, - говорит он, - но я вернусь позже. А между тем, - открыв свой портфель, он достает диктофон, - запишите его для меня?

Слоан забирает диктофон и кивает, стараясь ни на кого не смотреть.

- Конечно.

Рид натянуто кивает, и снова закрыв свой портфель, практически выбегает из моей палаты.

Мне и впрямь, не верится в то, что я сейчас увидела.

- Какого хрена между вами двумя происходит? - спрашиваю я Слоан, с забитым картофелем-фри, ртом.

Оторвав взгляд от двери, она поворачивает голову и растерянно смотрит на меня. Я играю своими бровями, и она смеется.

- Ничего, Ливви. Совсем ничего, - говорит она дрожащим голосом.

- А теперь прекрати есть мой картофель и отдай его мне.

Сунув руку в пакет, она достает бургер и контейнер с фри, после чего садится на место, где сидел Рид.

- Ммм, - протягивает она, отправив немного картошки себе в рот.

- Ммм, - повторяю я и делаю то же самое.

Проглотив, я тут же принимаюсь за интересующую меня тему.

- Итак... ты пришла, чтобы увидеть меня... или агента Рида?

Слоан улыбается и мотает головой, и даже с забитым ртом, она все равно пытается мне ответить.

- Конечно, тебя.

- Лгунья, - поддразниваю я.

Слоан пожимает плечами.

- Я здесь не для того, чтобы говорить про Рида.

- Ты хотела сказать... *Мэттью*?

- Ливви, - предупреждающе изрекает она.

- Джэнис, - саркастично отвечаю я.

- Да ладно тебе, Слоан. Я поведала вам обоим массу довольно откровенных моментов. Думаю, я заслужила немного отвлечения и сплетен. Рид - красавчик. Понимаю.

- Тут нечего рассказывать, - настаивает она, но ее щеки становятся розовыми.

Независимо от возраста, чувство, испытываемое мною, бывает у всех. Не получается противиться тому, к кому тянет. И порой, судьба настигает тебя и заставляет за него расплачиваться.

- Подумаешь. Я знаю, что что-то происходит. Калеба расстраивало, когда я называла его по имени перед другими людьми, но наедине... совсем другая история. Я видела лицо Рида, когда ты назвала его по имени. Ему хотелось задать тебе хорошую трепку.

Слоан тут же давится своим бургером и с жадностью делает глоток из стакана с соком, чтобы прийти в себя.

- Ливви!

- Хорошо - хорошо, - говорю я, и в разочарованных чувствах принимаюсь за свой бургер.

Он такой жирный, что я почти чувствую, как этот жир течет по моим венам. Я жую, постанывая от удовольствия.

- Можешь ничего мне не рассказывать, но при условии, что завтра принесешь мне еще один бургер.

- Договорились, - отвечает Слоан и снова кусает.

В течение последующих нескольких минут, мы едим в приятной тишине. И единственным средством нашего общения становятся только случайные стоны и закатывания голодных глаз. После ужина, мы со Слоан обсуждаем мое самочувствие.

Оно нормальное. Она спрашивает, готова ли я пообщаться со своей матерью. *Нет. Определенно, нет*.

- Что в этом может быть плохого? - спрашивает Слоан,

- Она так сильно скучает по тебе.

Я опускаю взгляд на свои колени, но не от того, что мне грустно. Мне просто неудобно смотреть в глаза Слоан и признаваться в правде.

- Я хочу, чтобы она помучилась.

Слоан молчит.

- Последние несколько месяцев были ужасными, - продолжаю я, - Меня избивали, унижали, и вовлекали в ситуации, которые мало кому удалось бы пережить.

Я делаю паузу, задумываясь и еще больше злясь на свою мать.

- И все же, я бы снова прошла через этот ад, если бы смогла изменить восемнадцать лет жизни со своей матерью. Пойми, я уже потратила так много времени, пытаясь вызвать ее любовь к себе. Я потратила так много времени, не обращая гребаного внимания на то, что она думала. Я устала, Слоан. Устала волноваться. Настало мое время жить собственной жизнью, идти своей дорогой и я не хочу, чтобы она была частью этого.

- А в чем заключается твоя дорога? - спрашивает Слоан.

Ее голос безэмоциональный, поэтому мне сложно сказать, осуждает она меня или нет. Но даже если она и согласна со мной, в это также верится с трудом.

- Я не знаю. Я даже понятия не имею, кем я должна быть. Единственное, я не буду той, кем меня хотят видеть другие.

- Хорошо, - отвечает Слоан.

Мы еще долго говорим со Слоан, после чего я признаюсь ей в том, что устала и хочу лечь. Я позволяю ей обнять себя на прощание и, возможно... прижимаюсь к ней дольше, чем намеревалась. Кажется, она не возражает.

После ее ухода, я выключаю свет и забираюсь в кровать с диктофоном Рида. Включив его, я продолжаю свой рассказ.

***

Через меня прошел еще один разряд тока. Я безумно жаждала освобождения. Я кричала, несмотря на кляп и дергала за свои оковы, но эти действия лишь усиливали мои страдания. Приподняв свой зад, я пыталась сдвинуться так, чтобы создать достаточно трения для достижения оргазма, но это было совершенно бесполезно. Я хныкнула и когда пульсация прекратилась, залилась слезами.

Дверь открылась и из меня вырвался вздох облегчения. Наконец-то, Калеб вернулся, чтобы прекратить мои страдания. Я знала, что он так и сделает.

Он медленно подошел ко мне и я издала заискивающий звук, молящий его остановить это мучение. Словно прочитав мои мысли, его теплая рука накрыла мое лицо, и я подалась к ней, прижимаясь своей мокрой щекой к его ладони, и жалобно плача.

Если бы я могла видеть, то, возможно, я была бы более смущенной и вместе с тем, окрыленной. Но я, напротив, была потеряна в своем унижении, и стремилась вырваться из него.

Его рука скользнула по моей шее, потом по груди, и одновременно с чем меня поразило еще одним электрическим разрядом. Я выгнулась. Мне хотелось кончить, нет - мне *нужно* было кончить. Стол трясся от моих попыток.

Рука Калеба ласкала нежную кожу под моими грудями, что лишь увеличило мое напряжение. Мне просто нужно было больше, чуть больше. Но все прекратилось. Я заплакала еще сильнее. С тряпкой во рту я умоляла его, но Калеб молчал.

Между тем, его руки накрыли обе мои груди и неспешно сняли зажимы с сосков. И как только кровь устремилась к замученным вершинкам, я закричала, несмотря на кляп. Это было больно, но к тому же, это еще больше распалило мое желание. Он массажировал мои груди, и я почти заурчала, пытаясь сильнее вжаться в его руки.

Внезапно, я почувствовала тепло его поцелуя на левом соске и легкое щекотание его волос на своей груди.

- Да, - выдохнула я.

Губы Калеба были безумно нежными, а его язык кружил вокруг моей торчащей бусинки без зубов, без грубого всасывания, просто мягкими полизываниями, от которых мне отчаянно захотелось к нему прикоснуться. Пока он повторял процесс со второй грудью, через мой бедный клитор прошел еще один разряд тока.

- Пожалуйста! - кричала я с кляпом во рту, - Пожалуйста!

Он отстранился, пока пульсирование не прекратилось, и я испугалась, что он снова меня оставит. Я услышала, как он расстегивает молнию своих штанов и мне пришлось успокоить свою голову от неистового кивания. *Да, я хочу этого. Пожалуйста, я хочу этого*.

Его пальцы вынули кляп, и я сразу же начала умолять его о прекращении этой экзекуции.

- Хозяин, пожалуйста, останови это, позволь мне кончить. Я буду послушной. Клянусь. Я буду послушной.

Когда он ничего не ответил, я хныкнула, - Калеб, пожалуйста!

Лицом я почувствовала тепло его тела, за которым последовало легкое давление его члена на мои губы. Без колебаний, я открыла свой рот и вобрала его внутрь, и тут... на меня обрушилось шокирующее осознание - это был не Калеб. Он ощущался совсем иначе. Я попыталась отстраниться, но незнакомец крепко взял меня за затылок, и, несмотря на мои инстинкты, мне не хотелось его укусить.

В меня ударил еще один разряд, парализовав меня со всех возможных сторон. Я простонала с наполненным ртом, одновременно с этим пытаясь как можно дальше отодвинуться от незнакомца.

Я была не настолько напуганной, насколько должна была. Возможно, потому что он трахал мой рот медленно - без грубости. Да, незнакомец дал понять, что не позволит мне отвернуться, но он действовал совсем не жестко. Пульсация прекратилась, и я снова опустилась бедрами на стол.

Я изо всех сил старалась дышать ровно с членом незнакомца во рту. В безмолвной тишине я услышала его тихий, гортанный стон, пока он скользил в мой рот и обратно. Он вышел из меня, не кончив, и я сразу же почувствовала неловкость и стыд, который мне следовало испытывать с самого начала.

Я хотела спросить, кем он, мать его, был. Я хотела криком попросить о помощи, позвать Калеба, но не произнесла ни слова.

- Прекрасна, - сказал он с мягким испанским акцентом.

После этого все мое тело вспыхнуло. Меня даже бросило в жар.

- Фелипе? - робко спросила я, находясь на грани нового потока слез.

- Да, моя милая девочка, но тебе не следует говорить, пока тебя об этом не попросят, - нежно ответил он.

- Знаю, твой Хозяин старался выучить тебя как можно лучше. Но, как бы то ни было, я не могу винить его в снисходительности к тебе. Я сам слишком многое спускаю Селии с рук, - рассмеялся он, - Хотя, я никак не пойму, почему он позволяет тебе называть его по имени. Это так интимно. Это относится к вам обоим? Я не отвечала. Я была слишком потрясена.

- Отвечай, - мягко сказал он.

Я открыла рот, но единственным звуком, вырвавшимся из меня, был долгий, протяжный стон, когда меня снова настигло электричество. Фелипе отошел и в комнате послышался щелкающий звук. Пульсация прекратилась.

- О! Господи! - простонала я, - Спасибо!

Мое сердце еще не успело выровнять свое биение, как Фелипе провел пальцами по малым губам моей киски. Я попыталась отодвинуться, но все, что мне удалось - это шевельнуть бедрами, что, казалось, только упростило его попытки. Из меня вылилась череда слов 'нет', когда я почувствовала, как один из его пальцев пытался пробраться внутрь меня, но Фелипе быстро заткнул меня ощутимой пощечиной по лицу и таким же ощутимым требованием о молчании. Это было не больно, но эффективно.

- Я только посмотрю, - сказал он, и надавил на какое-то болезненное местечко внутри меня.

Я начала плакать и к моему огромному облегчению, он вытащил палец.

Я хотела Калеба. *Как он мог вот так меня здесь оставить?*

- Ты, и вправду, чересчур влажная для девственницы, - сказал он, и в который раз, мое тело залилось стыдливой краской.

- Хотя в этом нет ничего плохого.

Он улыбался?

Мои внутренности свело от страха. Я надеялась, что этот мужчина в скором времени уйдет, а Калеб вернется, чтобы освободить меня.

Последовало продолжительное молчание, перемежающееся моими тихими всхлипываниями и случайными вздохами, пока я пыталась приглушить свой плачь. Наконец, он заговорил, - Не волнуйся, милая девочка. Я скоро уйду и не причиню тебе никакого вреда. Мне просто было любопытно. Возможно, когда твой настоящий Хозяин позволит мне, я смогу утолить свое любопытство в полной мере.

Я пыталась сконцентрироваться на его совах о том, что он не причинит мне вреда и вздохнула с облегчением, стараясь успокоиться и прогнать слезы.

- Калеб очень... *привязан* к тебе, - сказал он и тихо рассмеялся.

Это казалось завуалированной шуткой, о значении которой я не имела ни малейшего понятия.

- Ты любишь его? - спросил он как бы между прочим.

Я не ответила. Я была слишком уставшей, потрясенной и напуганной для того, чтобы выдавить из себя хоть слово.

- Я всегда могу включить аппарат, - сказал он.

- Нет! - выкрикнула я, до того, как успела остановиться.

- Так и думал, что ты это скажешь, - поддразнил он.

- Я не знаю, - прошептала я.

- Объясни.

- Я никогда раньше не любила. Поэтому, я не знаю.

Фелипе захохотал, - Все знают, моя дорогая. И ты тоже. Так ты любишь его или нет?

Я не знала, что мне ответить. Я не знала Фелипе настолько, чтобы понять, собирался ли он сделать нам с Калебом что-нибудь плохое. За исключением Селии, я никогда не находилась наедине ни с одним другим человеком, кроме Калеба.

- А вы любите Селию? - вместо этого спросила я.

Фелипе вздохнул, - Умная девочка. Отвечая вопросом на вопрос, ты никогда не попадешь впросак. Так или иначе, мне известен мой ответ. Жаль, что твой Хозяин не знает о твоих чувствах.

- Он знает, - прошептала я.

Фелипе громко рассмеялся, - Кто бы сомневался! Знаешь, как я встретил Селию?

Я замотала головой.

- Она - дочь моего бывшего конкурента. Много лет назад, я решил сделать себе имя, пошел против ее отца, и добился своего. В качестве трофея... я забрал Селию.

Его голос стал мягким.

- Первые несколько лет она ненавидела меня, но и я не всегда был к ней добрым. Теперь же... не проходит ни одной минуты, чтобы я не желал вернуть зря потраченное время. Я ее балую.

- Тем, что она занимается домашними делами, и к тому же является вашей рабыней? - скептически спросила я.

- Теперь я понимаю, почему Калеб так к тебе тянется. Ты из тех женщин, кто жаждет быть прирученными, не собираясь при этом сдаваться без боя. Такие женщины - нектар жизни, - сказал он.

- Поверь, Селия вполне счастлива. Я даю ей все, что нужно и даже больше, чем она того пожелает.

Я держала свой рот на замке, позволяя Фелипе вести разговор.

- Ты позволишь Калебу продать себя? - спросил он.

- У меня нет выбора, - прошептала я.

- Милая девочка, у тебя всегда есть выбор - либо жить рабыней, либо умереть на своих условиях, - прошептал он.

- Возможно, тебе следует напомнить об этом твоему нынешнему Хозяину.

- Почему вы говорите моему *нынешнему* Хозяину?

- Разве Калеб тебе не рассказал? Уже завтра, Рафик будет здесь. Подозреваю, что совсем скоро вы оба нас покинете, что весьма печально, потому как с неохотой, но, все же признаюсь, что я наслаждался вашим присутствием в моем доме. Калеб - интересный молодой человек, чрезмерно... вспыльчивый, но все же, интересный.

У меня возникло ощущение, будто кто-то ударил меня в живот, выбив из моих легких весь воздух. Рафик направлялся за мной, а Калеб не собирался его останавливать. Все кончено. Меня продадут.

- Отпустите меня, - хныкнула я, - Пожалуйста, помогите мне.

Фелипе вздохнул, - Боюсь, что это невозможно, милая девочка. Рафик... ну, давай просто скажем, что он не слишком мягко обходится с предателями.

Переваривая сказанные им слова, я услышала его шаги и сжалась, когда он вставил мне уже мокрый кляп в рот и накрепко его зафиксировал. Я запаниковала, когда по моему телу пробежали холодные провода. Мне не хотелось, чтобы эти треклятые зажимы снова вернулись на мои соски. Я сопротивлялась этому всеми оставшимися силами. Верхняя часть моего туловища была относительно свободной, поэтому Фелипе пришлось нелегко, чтобы зацепить зажимы, удерживая меня на столе своим весом.

- Нет! - сокрушаясь, кричала я, но в ответ слышала лишь его тихие смешки.

- Сожалею, милая девочка, но я не могу позволить твоему Хозяину найти тебя в измененном положении. Это было бы невежливо.

Я жалобно заскулила. Я только отошла от своего непрекращающегося возбуждения, и, несмотря на то, что мой клитор побаливал, а соски находились в схожем состоянии - но я была рада вновь почувствовать себя в некоторой степени, нормальной. И мне не верилось, что я смогу выдержать больше мучений.

- Но прежде чем уйти, я сделаю тебе подарок, - сказал Фелипе.

Я неистово замотала головой, но это не остановило его, когда он положил руку между моими ногами, и начал меня ласкать. Мое тело застыло, и вопреки моим просьбам, Фелипе разжег огонь моего желания, в одночасье превратив его в жаркое пламя. Вскоре, я стала прижиматься к нему в поисках освобождения, в котором я так отчаянно нуждалась. И, в конце концов, он подвел меня к грани.

Он стал ласкать меня быстрее и жестче, и я закричала, когда мой оргазм разорвал меня на части. Я хотела еще.

Даже сильнейшему оргазму мало чем удалось остудить бушевавшие во мне желание и страсть. С непроглядным ужасом я осознала, что Фелипе заново прицепил зажим к моему клитору. Я умоляла его не делать этого.

Через несколько мгновений после его ухода, мои мучения возобновились.

***

Прошло очень много времени, прежде чем дверь снова открылась, и на этот раз я не собиралась довольствоваться физическим освобождением. Если, конечно, это физическое освобождение не включало в себя нанесение Калебу ударов в живот, а затем его изнасилование до потери сознания.

Я зарычала, услышав приближающиеся шаги, и молилась про себя, чтобы человеком, на которого обрушится мой гнев, оказался Калеб, а не еще один незваный гость. Различив самодовольный смех, я уже знала, что это он. Я ничего не могла поделать с затопившим меня чувством глубокого облегчения.

- Как ты себя чувствуешь, зверушка?

Я уже хотела было обрушить на него весь запас бранных слов, но внезапно аппарат отключился, и единственное, что я смогла сделать - так это сдержать рвущийся наружу крик. В течение ночи, разряды тока проходили через меня уже с меньшей частотой, и мне стало интересно, явился этот факт жестом милосердия от моего тайного посетителя или нет. Но, тем не менее, электрические потоки были ощутимыми, и это продолжалось в течение нескольких часов. Они доставляли удовольствие и боль, с увеличивающейся тенденцией в сторону второго. Когда, наконец, напряжение меня покинуло, я не сдержалась и тихо разрыдалась с насквозь промокшим во рту кляпом.

- Неужели все так плохо? - сказал Калеб, но я знала, что в его словах не было совершенно никакого сострадания к тому, что он сделал.

Я с жадностью втянула в себя воздух, когда Калеб снял с моего тела все зажимы.

- Я ненавижу тебя! - прокричала я.

Я знала, что он понял эти искаженные кляпом слова. Взяв мои груди в обе свои руки, он стал нежно их разминать.

- Я ненавижу тебя, *Хозяин*, - исправил он, пропитывая свой голос сочащейся похотью.

Он игриво пощипал меня за соски. Съежившись, я попыталась отстраниться от его прикосновения.

- Чувствительные? - тихо прошептал он мне на ухо.

Когда ответа не последовало, он ущипнул их чуть сильнее, заставив меня взвизгнуть.

- Отвечай, - холодно сказал он.

- Да, Хозяин, - проскулила я.

Мой гнев по отношению к нему усиливался с каждым проходящим часом. За это время я успела убедить себя в том, что как только Калеб придет за мной, я устрою ему настоящий разбор полетов. Конечно же, легко быть храброй, когда объект твоего устрашения не держит твои исстрадавшиеся соски в качестве заложников.

- Хорошо, Котенок, - сказал он.

Положив свои теплые ладони на мои маленькие торчащие вершинки, он мягко надавил, массажируя их и переходя на всю грудь. Я громко застонала. Моя голова завалилась набок, когда он прикоснулся ко мне именно так, как мне это было необходимо. Я не хотела, чтобы это ощущение когда-либо заканчивалось.

Его ноги прижимались к столу рядом с моей макушкой, пока он пробирался своими руками ниже от моей груди к ребрам и к моим - на удивление - ноющим бедрам. Калеб мягко разминал меня, и я ничего не могла поделать, кроме как стонать и теряться в надежности его рук, и в чистом, мужском запахе его тела, который неизбежно устремлялся ко мне.

Я подумала о Фелипе. О том, как он прижал свой член к моим губам, и с какой готовностью я приняла его, думая, что это был Калеб.

Непроизвольно я стала извиваться под руками Калеба, показывая своим телом то, что, очевидно, не могла произнести губами. Мне было необходимо, чтобы он дал мне кончить. Он громко вздохнул, и я поняла, что он хотел меня также сильно, как и я его.

Я прогоняла воспоминания о его словах, последовавшие за моим предложением не только своего тела, но и своего сердца.

- *Думала что? Что, предложив мне свою маленькую киску, сможешь что-нибудь изменить?*

Воспроизведя его ответ, мои глаза защипало от слез. Я была благодарна ему за повязку. Внезапно я засомневалась в том, что хотела его прикосновений, но какой у меня был выбор?

Вариант Фелипе казался слишком радикальным.

До меня дошло, что единственно возможным для меня выбором было не позволить Калебу причинить мне еще больше боли, не так, как это было в прошлый раз. Мое сердце оборвалось в груди по причинам, которые мне не хотелось признавать... Я думала, что мое откровение сможет что-нибудь изменить. Я продолжала тонуть в самоуничижительных мыслях, когда он вернул меня обратно в реальность, проведя пальцем вдоль моей возбужденной плоти.

Я дернула за свои оковы.

- Здесь тоже чувствительно? - загадочно спросил он и принялся за свои искусные нападки на мой клитор.

Громко простонав в ответ, я кивнула.

- Оох, бедный Котенок. Теперь тебе хотелось бы кончить от моих рук?

Слезы, вытекающие из моих глаз, тут же впитывались повязкой. Я кивнула.

Голос Калеба был пронизан мрачными нотками, даря ему наслаждение от происходящего, в то время как я пребывала в необъяснимых страданиях. Сменив свою позицию, он обошел меня справа и продолжил ласкать мое тело с более удобного ракурса.

- Я хочу услышать, как ты меня умоляешь, - сказал он, и вытащил кляп из моего рта.

Я размяла свою челюсть, пытаясь вернуть ей нормальное состояние, но нашла это не таким уж легким занятием.

- Умоляй меня, - приказал он.

Мое сердце грохотало от его настойчивых прикосновений, а по моему телу стал распространяться покалывающий жар от приближающегося оргазма. Если Калеб остановит меня и на этот раз, я умру. Я была в этом уверена.

- Я... я умоляю тебя, - прошептала я.

Мой голос, который я пыталась лишить переполняющих меня эмоций, казался чужим даже для моих собственных ушей.

- *Хотя, думаю, было довольно мило, когда ты сказала, что любишь меня*.

Оргазм прорвался сквозь меня с такой силой, которую, думается, не ожидал даже сам Калеб. Я закричала во все горло, а мое тело выгнулось настолько, насколько это позволили удерживающие меня оковы. Каждая клеточка моего существа покалывала, пульсировала и горела от освобождения. Мои бедра дрожали, а мое сердце яростно колотилось в груди, в ушах, и в клиторе. Оно омыло меня волнами: моей старой жизни, встречи с Калебом, моим неудавшимся побегом, добротой Калеба в ту первую ночь его беспрерывных объятий, его улыбки, его рук, его запаха, его поцелуя, порки, мучений, моем признании в любви, его реакции... его реакции... его жестокой гребаной реакции.

Когда лучшие и худшие воспоминания растворились, мои бедра упали на стол с влажным шлепком, и теперь я уже лежала, рыдая навзрыд, и пропуская через себя все эмоции в процессе исчезновения отголосков удовольствия.

- Ничего себе, - прошептал он.

Я была такой уставшей. Я не спала всю ночь. Калеб молчал и меня это радовало. Мне нечего было ему сказать. Хотя, я всячески надеялась на то, что в скором времени он закончит с моими мучениями и, наконец-таки, позволит мне немного поспать - одной.

Меня начало клонить в сон, пока он занимался высвобождением моих бедер и ног. Было странно чувствовать себя пресытившейся и сонной, и в то же самое время, обеспокоенной и нервозной от процесса расковывания моих конечностей.

Как только его теплые ладони коснулись моих ребер, вся моя сонливость улетучилась, а беспокойство усилилось.

- Как твои ребра? - спросил он с толикой заботы.

- Немного болят, - сказала я так тихо, что почти засомневалась, что он меня услышал.

- Не очень сильно?

Казалось, его это заботило. Я ненавидела, когда Калеб был вот таким. Мне было предпочтительнее видеть его хладнокровным ублюдком. В таком случае, я могла бы простить его за то, что он сделал. Но вместо этого, моего Хозяина одолевали приступы человечности. Хуже того - он понимал разницу между добротой и жестокостью, и выбирал не первый вариант.

Я замотала головой.

Он отстегнул мои наручники, и я сразу же попыталась сесть, но не для того, чтобы выказать ему свое неповиновение - просто это ощущалось естественным последующим шагом.

Мои бедра пребывали в агонизирующе напряженном и болезненном состоянии. Поэтому, чтобы вынуть свои ноги из стремян, мне пришлось воспользоваться помощью Калеба. После длительного пребывания в разведенном состоянии, я с трудом свела конечности вместе.

На секунду я присела, свесив ноги со стола и прикрыв свою грудь руками. Я надеялась, что он не избавит меня от повязки и мне не придется смотреть ему в глаза.

Он встал передо мной.

Наши тела не соприкасались, но я чувствовала его повсюду. И когда я ощутила теплоту его пальцев на своей щеке, в моей груди что-то вспыхнуло. Медленно, он стянул с меня повязку и я принялась растирать свои заплаканные глаза, стараясь привыкнуть к мягкому свету.

Выглядел он великолепно - впрочем, как и всегда - хотя на его лице отсутствовала привычная улыбка, которую сменило серьезное выражение. И тут я подумала, что должно быть, выглядела как сущий кошмар, со спутанными волосами и опухшим лицом, в то время, как Калеб стоял передо мной сексуальный, как сам Дьявол.

Я не могла смотреть ему в глаза. И навряд ли когда-нибудь смогу. Я задержала взгляд на его легкой рубашке на пуговицах, штанах цвета хаки, повседневной обуви, а также на его больших руках, которые потянувшись, стали поглаживать мои бедра.

Я испугано вздохнула, но он пропустил это мимо ушей.

- Ты голодна? - спросил он жутким тоном.

Я кивнула, не отрывая взгляда от своих коленок. Он шлепнул меня по бедрам, и я воспротивилась каждому импульсу оттолкнуть его от себя.

Мое лицо вспыхнуло, но мне удалось сохранить самообладание.

- Да, Хозяин, - проговорила я, сквозь сжаты зубы, - Я голодна.

- Хорошо, - сказал он без капли юмора в голосе.

- Можешь опуститься на колени и пососать мой член.

На мгновение я уставилась на него с недоверием, ожидая какого-либо продолжения, хотя не знала, каким именно оно должно было быть. Как ни странно, чем дольше я смотрела на него, тем лучше понимала, что делала это без его позволения. И как обычно, чувствовала, что Калеб читал мои мысли.

Сделав глубокий вдох, я спешно отвела взгляд в надежде, что он успел прочесть не так уж и много. Боковым зрением я заметила, как он потянулся к своему ремню. Чувство неизбежности подтолкнуло меня к действиям, и я рефлекторно положила свою правую руку поверх его.

- Ты же не собираешься меня высечь, правда?

Я не поднимала глаз. Мои пальцы дрожали. Если раньше Калеб об этом и не помышлял, то возможно, я подкинула ему идею. *Дура, дура, дура*.

- А ты бы этого хотела? - спросил он.

Я категорически замотала головой: нет, не хотела.

- Тогда убери свои руки от меня. Я не разрешал тебе ко мне прикасаться.

Отняв свои пальцы, я застыла в ожидании его ответа.

- Хорошо. А теперь, встань на колени и положи на них свои ладони. Тебе не разрешается меня трогать.

С трудом сглотнув, я решила сделать так, как мне было сказано. Избегая его взгляда, я попыталась встать со стола на свои дрожащие ноги. Они подкосились, но Калеб удержал меня. Я практически вцепилась в него, чтобы удержаться от падения, и пока он ставил меня на колени, мне удалось не поддаться рефлексу и не повиснуть на его руках, словно тряпичная кукла.

- Спасибо, - прошептала я.

Он выпрямился.

- А знаешь что, Котенок? - сказал он, - думаю, я все же *высеку* тебя. Спроси меня за что.

Когда я подняла на него свои глаза, они уже заполнились новой порцией слез.

- За что?

Улыбнувшись, Калеб покачал головой, после чего тут же схватил меня за волосы на затылке и потянул их с достаточной силой, давая мне понять, что у меня были неприятности.

- Как насчет того, что ты говорила, когда тебя об этом не просили, трогала меня, будто у тебя было на это право, смотрела на меня, когда тебе не разрешали, и что самое важное - постоянно обращалась ко мне не так, как положено.

Он еще сильнее потянул за волосы. Я громко хныкнула, не размыкая губ, а мои глаза непроизвольно закрылись.

- А теперь скажи мне, Котенок, заслуживаешь ли ты наказания?

Вероятно, на этот вопрос не существовало хорошего ответа. Даже мое молчание могло быть истолковано как очередное неподчинение. Мои мысли метались в попытке отыскать выход из сложившейся ситуации, но я знала, что при любом раскладе моя карта бита.

Жалобно зарыдав, но, все же, открыв свой рот, я ответила, - Если это то, чего ты хочешь, Хозяин, тогда, да.

Я держала свои глаза закрытыми, помня о том, чтобы не смотреть на него без разрешения, и Калеб отпустил мои волосы.

- Это хороший ответ, Котенок. Позже я продемонстрирую тебе, чего именно я хочу. А пока, покажи мне насколько ты рада меня видеть.

Глава 17

Он заставил меня идти - со следами его спермы на моем подбородке и шее, голой, рыдающей, на дрожащих ногах - вверх по ступенькам темницы и прямо в забитую гостями часть особняка. На верхних ступеньках я замешкалась, услышав безошибочный гул человеческих голосов.

Калеб крепко прижимал свою руку к изгибу моего зада, подталкивая меня вперед, но я только отклонялась назад, пытаясь спуститься ниже. Придержав меня одной рукой, второй он оставил ощутимый, звенящий шлепок на чувствительной коже моей пятой точки, и, не справившись с собой, я громко разревелась, и, пошатываясь, шагнула через порог.

На нас тут же уставились шесть пар глаз, во взглядах которых смешалось удивление и безмолвное ожидание развлечения.

Во мне возникло непреодолимое желание побежать, но Калеб грубо взял меня за волосы, и заставил меня встать перед ним на колени, на что я тут же схватилась за его штанину и спряталась.

- Да уж, день становится все интереснее и интереснее, - сказал незнакомый голос с протяжным южным акцентом.

Его комментарий был встречен оглушительным смехом.

- Приношу свои извинения, - сказал Калеб, - она пока еще не привыкла к зрителям.

Я была слишком напугана, чтобы возмутиться. Надо мной возвышался стол, за которым сидела группа, состоящая из мужчин и женщин. И казалось, они не испытывали никакого дискомфорта из-за парня, втащившего в комнату голую, плачущую девушку. Я не могла представить себе более ужасающего сценария.

Когда смех прекратился, послышался знакомый голос.

- Может вам обоим позавтракать вместе с нами?

Это был Фелипе - невозможно спутать сильную, уверенную модуляцию его голоса, и, конечно же, его испанский акцент.

На мгновение, мое сердце остановилось. Что произойдет, если он расскажет Калебу о прошлой ночи? Или он уже это сделал? А вдруг это была проверка, тогда что *мне* полагалось ему говорить?

- Нет, не сегодня, но возможно, мы присоединимся за ужином. Мне понадобится время, чтобы привести ее в порядок.

Наконец, он отпустил мои волосы. Я не предприняла ни единой попытки шелохнуться - за его ногами я чувствовала себя, на удивление, защищенной.

- Конечно, - сказал Фелипе, - Селия вам поможет.

Оставшийся путь Калеб заставил меня проделать на четвереньках, пока остальные смотрели и высказывались о моей очевидной неопытности, и о том, как было бы приятно подержаться за мой сексуальный зад. Мое тело окутало жаром, но я продолжала свой путь с опущенной головой, сконцентрировавшись на том, чтобы как можно скорее выбраться из сложившейся ситуации. Где-то в потаенных уголках своего сознания, я так же переживала и за то, что должно было произойти дальше.

Я поняла, что моей самой радужной надеждой было то, что Калеб отведет меня наверх, искупает, накормит и будет обнимать, шепча на ухо слова утешения. Я хотела, чтобы он напомнил мне о том, что никогда не позволит кому-нибудь причинить мне боль, но как только он заставил меня проползти мимо двери в мою комнату, это стало маловероятным.

Пройдя чуть дальше, мы завернули за угол и мои колени, наконец, получили передышку в виде небольшого помещения с ковровым покрытием. Встав передо мной, Калеб открыл огромную деревянную дверь. Не знаю почему, но засомневалась я буквально на секунду, затем все же, проползла через порог.

Комната оказалась не такой, как я ожидала. Если бы я когда-нибудь представила комнату Калеба, то она была бы именно такой. У меня возникло ощущение, что это пространство отражало его жутковатый вкус.

Ковер темно-бордового цвета. Он был таким темным, что я чуть не приняла его за черный. Кровать располагалась высоко, а на ней лежало самое черное на свете покрывало, в отворотах которого виднелись подушки и простыни, облаченные в темно-красное шелковое белье. Изголовье кровати - также черное - представляло собой большой и высокий прямоугольник. Этот элемент придавал кровати откровенную мужественность, что подчеркивалось двумя толстыми металлическими кольцами, прикрепленными по центру.

Дверь, позади меня закрылась, и комната погрузилась во тьму. Я с трудом сглотнула. Послышался щелкающий звук и помещение залил тусклый свет от прикроватной лампы.

Я не осмеливалась ни двигаться, ни издавать какие-либо звуки, несмотря на сильнейшее желание повернуться и посмотреть на Калеба. Мои глаза устремились вперед, поймав взором нечто, похожее на обтянутую кожей, скамью.

В комнате не было ни телевизора, ни радио, ни даже телефона, но в ней были книги. Я заметила их в угловом книжном шкафу, корешки которых говорили о том, что их прочли вдоль и поперек. Неожиданно, мне захотелось узнать их названия. Мне было интересно, о чем Калеб читал, что делало его счастливым.

Ко всему прочему, в комнате присутствовал странный предмет мебели, располагавшийся перед однотонными шторами. С первого взгляда мне стало понятно, что лучше было не знать о его назначении. По форме он напоминал большую букву Х, а к каждому краю крепились такие же кольца, что и к изголовью кровати. Я невольно содрогнулась.

- Ты смутила меня перед гостями.

Все мое тело напряглось при звуке его сердитого голоса.

- Прости меня, Хозяин, - тихо прошептала я.

Я отчаянно боролась с собой, чтобы оставаться совершенно неподвижной. Я вела себя с ним, как с хищником, который атаковал только движущуюся добычу.

Услышав отчетливый звук расстегивающейся пряжки и свист вытягиваемого из петель ремня, меня начала бить дрожь.

- Тебя следует научить соответствовать ожиданиям, зверушка.

Каждая клеточка моего тела кричала мне бежать, но где-то в сознании, тоненький голос шептал, что у меня не было для этого никакого шанса, и осталось только подчиниться. *Только мое подчинение сделает его счастливым.*

Я рассеянно кивнула.

Больше не произнеся ни слова, Калеб просто прижал мой лоб к полу и стал осыпать мой зад быстрыми ударами.

При первом, я сжала зубы и заставила себя спрятать свои руки под колени, чтобы не попытаться выхватить у него ремень. При втором и третьем, я покачивалась, и рыдала, уткнувшись в ковер. При четвертом - я положила руки на зад, защищая эту часть своего тела от ремня, пройдясь пальцами по вспухшим бороздам. При пятом,

шестом и седьмом, Калеб крепко сжал мои руки, прижимая их к пояснице. При восьмом и девятом я громко кричала, задыхаясь.

Калеб остановился на мгновение, в течение которого я успела сказать о том, как сильно сожалела, о том что собиралась подчиняться, и сделать все, что он скажет - я клялась ему в этом.

Еще несколько ударов ремнем, и он, наконец, остался довольным.

Калеб отпустил мои руки, но я знала, что вопреки своим инстинктам, мне не стоило подниматься. Схватив себя за запястья, я продолжала удерживать их на пояснице, именно так, как это делал он. Я услышала его тихий смех над моими прерывистыми хныканьями и рыданиями, но по непонятной причине, мое тело стало менее напряженным.

- Хорошая девочка, Котенок, - сказал он.

Я глубоко вздохнула с облегчением. Встав на одно колено возле меня, Калеб с силой оттянул меня за волосы назад. Я продолжала плакать и сопротивляться желанию потереть свой зад, когда до меня дошла настоящая боль от порки - обжигающе горячая и кусачая.

- Больно? - спросил он.

- Да, Хозяин, - жалобно хныкнула я.

- Ты это запомнишь?

Мне снова удалось ответить сквозь непрерывные рыдания, - Да, Хозяин.

Вставая, Калеб приподнял меня за волосы. Выгнув спину, я уступила своим желаниям, и стала настойчиво тереть ладонями свой зад, чем сделала только хуже. Быстро схватив меня за запястья, он прижал их к моей пояснице.

- Стой смирно! - рявкнул он.

Инстинктивно, я прижалась лбом к его рубашке, и попыталась выпрямить свои ноги. Ощущение его твердой груди, прижатой к моему лицу, сделало то, к чему я уже привыкла.

Почему ты всегда так вкусно пахнешь?

Еще мгновение, и боль отошла на второй план, сменившись мыслями о моем обнаженном теле, прижатому к его одетому. Встав ровно, я не могла заставить себя отстраниться от него.

Калеб отпустил мои запястья, и я тотчас обняла его за талию, полностью прижавшись к нему. Он был твердым, и вместе с тем, мягким, а еще сильным и источал запах того, во что мне хотелось окунуться всем своим существом.

Калеб напрягся от моих объятий и положил свои руки мне на плечи, чтобы отодвинуть меня назад. Посмотрев на него, я увидела злость и замешательство в его глазах, но мне было все равно. Рафик направлялся за мной. И Калеб либо будет меня защищать, либо нет. Я не могла спросить его об этом, не выдав Фелипе, и в то же самое время не могла игнорировать бушевавшие во мне чувства. Наверное, сказалась моя усталость, или длинная ночь сексуальных мучений, которым он меня и подверг, а возможно, дело было в его неоспоримой власти надо мной - но как бы там ни было, у меня возникла отчаянная потребность в его поцелуе.

Встав на носочки, я потянулась к нему своими губами, взглядом умоляя его не отталкивать меня. Если Калеб и был потрясен, то он не показал этого, просто оставаясь неподвижным, в то время как я коснулась его губ своим дрожащим ртом. Хватка его рук на моих плечах стала сильнее, когда я провела языком по его нижней губе, умоляя его открыться моему поцелую. Он подчинился мне, и я чуть не разрыдалась от ощущения его вкуса.

Наконец, Калеб смягчился и совсем немного наклонил свою голову ко мне. Я погрузилась в его рот еще глубже, всем телом трепеща от потребности почувствовать его прикосновение.

Подняв руку к моему затылку, он стал целовать меня со всей страстью прошлого утра. Я не могла сдержать, сорвавшийся с моих губ, стон. Я никогда не испытывала ничего подобного. Мне никогда не хотелось плакать, смеяться - и блять - поглощать другого человека, пока от него ничего не останется, пока мы не станем единым целым и я смогу ощутить умиротворенность.

Заключив его лицо в свои ладони, я продолжила наши поцелуи. Мое громкое дыхание отражало его более тихие звуки. Я отыскивала его губы снова и снова. И когда Калеб стал выпрямляться, я обернула свою ногу вокруг его ноги, пытаясь взобраться на него. Внезапно, он прервал поцелуй, и толкнул меня на пол.

Я подняла на него глаза, уронив к его ногам свое беззащитное сердце.

Его грудь вздымалась и опадала в беспокойном дыхании, но его слова были спокойными и ровными.

- Это был последний раз, когда ты что-нибудь сделала без моего приказа. И это был последний раз, когда я тебя целовал. Надеюсь, тебе понравилось.

Даже сквозь дымку своих слез, мне показалось, что я увидела вспышку боли в его глазах. Я прогоняла эту мысль, пока мое разбитое сердце пыталось сохранить хоть каплю достоинства.

- Пожалуйста, Калеб! - громко зарыдала я, - не делай этого. Забери меня, и давай уедем. Давай уедем отсюда!

Он ударил меня по щеке.

Не болело, но жгло, и жар от моего потрясения опалил мое лицо и пополз вниз по шее. Я положила руку на свою щеку, я почувствовала, что она была горячей на ощупь. И когда первоначальный момент шока испарился, я подумала, что было странно чувствовать боль от его пощечины в груди, но это было так, и она причиняла ни с чем несравнимое страдание.

В глазах Калеба проскользнуло потрясение, которого я никогда не видела прежде. Повернувшись ко мне спиной, он вышел в одну из дверей помещения.

Я услышала шум воды.

Он снова появился, - Приведи себя в порядок и жди Селию, - бросил мне он и покинул комнату.

И как только дверь закрылась, я заплакала не сдерживаясь, но сделала так, как он сказал.

***

Полтора часа спустя, я рыдала, сидя на краю ванны, пока Селия осторожно расчесывала мои волосы, пытаясь меня успокоить.

- Мне жаль, Котенок, - прошептала она.

Зарыдав еще сильнее, я коротко кивнула, чтобы приободрить ее. Честно говоря, мои слезы не были связаны с ней или с тем фактом, что она проделала со мной болезненную процедуру удаления волос воском, оставив на моей киске маленькую полоску. Хотя, эту боль не так-то легко было забыть.

Большей частью я плакала потому, что не могла выкинуть Калеба из своей головы. Ему было наплевать на меня, а меня, непостижимым образом, угораздило влюбиться в него. Он больше никогда меня не поцелует - он так и сказал - никогда. И я верила ему.

Я делала все, о чем он меня просил в надежде на его защиту. Его преданность никогда не касалась меня, а я была глупой, раз считала, что смогу переманить его на свою сторону.

У меня не получалось справиться с собой и я все время проигрывала этот момент в голове. Боль, испытывая мною, была эмоциональной, но от ее глубины она отдавала болью физической.

- Селия? - наконец-то произнесла я сквозь рыдания.

- *Sí, mi amor*? - ответила она.

Я говорила с ней на испанском.

- Почему он так плохо со мной обращается? В одно мгновение он улыбается мне, а в другое...

В моем горле тут же образовался ком, не позволяющий дышать, не говоря уже о том, чтобы закончить фразу.

- Не плачь, милая девочка, - сказала она.

Этими словами она напомнила мне Фелипе, но я об этом умолчала.

Отложив расческу, она прижала мою голову к своей груди. Я крепко обняла ее, переполненная желанием быть обласканной.

Она погладила мои волосы и произнесла, - Думаю, ты многого не знаешь о своем Хозяине. Возможно, он кажется непредсказуемым, но он преисполнен страсти к тебе. Мой Хозяин всегда добрый, даже когда наказывает меня, и все же, я не знаю его истинных чувств.

Мне послышалась боль в ее голосе. Она любила Фелипе и думала, что он не любил ее в ответ.

Вспомнив о том, что произошло у нас с ним в темнице, я должна была не согласиться с ее мнением. Фелипе был по уши влюблен в Селию. И казалось нелепым, что она об этом не знала. Однако, не моим делом было открывать ей глаза.

- Столько лет вместе, - сказала она тихим шепотом, - но он ни разу не дал мне и намека на свои чувства.

Она криво улыбнулась.

- За исключением, конечно моментов когда он хочет меня трахнуть... или смотреть как кто-нибудь другой меня трахает.

Ее высказывание ошеломило меня.

- Мне очень жаль, - сочувственно произнесла я.

- Ой, не беспокойся, маленькая девочка. Я не возражаю. Я всегда наслаждаюсь этим и тем, что после он занимается со мной любовью, - вздохнула она, - он прилагает все силы, чтобы я никогда не чувствовала себя пристыженной или грязной, или что-либо в этом роде. Он просто дарит мне ощущение того, что я сделала его счастливым, и это делает счастливой меня.

Взглянув на нее, я увидела слезы в ее глазах. Она улыбнулась мне и быстро смахнула их тыльной стороной ладони.

- Прости, я была груба с тобой... ну, ты знаешь... из-за той ночи.

Ее улыбка стала шире.

- Это ты меня прости за то, что я была такой беспечной. Я не знала, что твой Хозяин так много для тебя значил. Я не могла ему отказать, но мне не следовало так самозабвенно демонстрировать свое наслаждение.

Думаю, мы обе покраснели. Я взяла ее за руку, и она села рядом со мной.

- Селия... ты когда-нибудь думала о побеге?

Она не стала делать вид, что не поняла моих слов, хотя ее глаза наполнились сдерживаемой паникой, и она стала встревожено оглядывать комнату.

- Ты никогда не должна произносить таких вещей, Котенок, даже таким девочкам, как мы с тобой. Они заложат тебя, только чтобы посмотреть на твое наказание. Но нет, я никогда не смогу оставить Фелипе. Возможно, он не любит меня, но он заботится обо мне. Он дает мне все, что мне хочется, без единой просьбы с моей стороны. Я люблю его. До него... я не помню, ради чего я жила, и что мне нравилось делать - а теперь ничего из этого не имеет значения.

Я слегка кивнула, хотя не совсем поняла, что она имела в виду.

Дверь открылась, и мы с Селией виновато вздрогнули.

Калеб остановился; его взгляд прожигал мою кожу, я ощущала это даже когда смотрела вниз на свои коленки, как ненужная собака.

- Селия, - сказал он через секунду, - отправляйся вниз.

- *Sí, Señor,* - ответила она дрожащим голосом и поспешила за дверь.
- Подойди сюда, - сказал он мне.

Инстинктивно, я попыталась встать.

- Здесь ты всегда должна стоять на коленях, пока не услышишь иного приказа, - сказал он.

Подрагивая, я встала на колени и последовала за ним в спальню. Мое сердце громко забилось в груди, а моя оголенная, между бедрами, плоть заставила меня полностью прочувствовать собственную обнаженность. Любопытство относительно его последующих действий скрутило мой желудок узлом, тем не менее, я почти охотно последовала за ним, в надежде, что в этот раз он будет добрее, чем в прошлый.

Он подвел меня к небольшой 'кровати', состоящей из нескольких толстых шелковых одеял, разложенных на полу у его спального места.

- Встань рядом с кроватью. Руки вдоль тела, - бесстрастно приказал он.

Нехотя, я сделала так, как он сказал.

На кровати передо мной лежало несколько предметов одежды, с некоторыми из которых я была знакома, а с некоторыми нет. Лишенный каких-либо эмоций, Калеб поднял с кровати прозрачные трусики и жестом указал мне надеть их.

Я сделала это без лишних слов, но подняв ногу, чтобы просунуть ее, потеряла равновесие и чтобы удержаться, положила руки ему на плечи. Он напрягся от моих прикосновений, и я убрала свои руки.

Черные чулки также намеревались пошатнуть мое физическое равновесие, но теперь я пыталась удержать его самостоятельно.

Калеб стоял и не отрывал взгляда от моих трусиков и чулок, в то время как мое тело накалялось под его пытливым взглядом. Я не осмеливалась поднять глаза на его лицо, чтобы узнать, нравилось ли моему Хозяину то, что он видел.

Возможно - что неудивительно - трусики стали причиной необъяснимого, но всепоглощающего прилива желания. Оголенная кожа моей киски встрепенулась от ощущения гладкого и шелковистого материала.

Откуда ни возьмись, у меня возникло чувство благодарности за то, что я была женщиной. Признаки нашего желания могли быть спрятаны, тогда как мужчин оно выдавало с головой. И все же, было не так просто не сжимать свои бедра вместе.

До этого мне никогда не приходилось надевать корсеты, поэтому я была не подготовлена к его тугости. Сделанный из гладкой, черной кожи, он сел прямо под моей грудью и обхватил все мое туловище.

Я громко застонала, когда Калеб затянул заднюю часть корсета одним быстрым, неумолимым движением. На мгновение он замер, и ко мне вернулись мой разум и кислород.

- Можешь дышать?

Я прерывисто кивнула.

- Да, Хозяин.

- Хорошо. Если ребра начнут болеть, сразу скажи мне.

Еще один кивок, - Да, Хозяин.

Спереди к корсету были приделаны непонятные кусочки кожи. Но я сразу же поняла, что они предназначались для моих запястий. И когда мои руки надежно зафиксировали, я не смогла их поднять.

- Благодаря этому, твои руки будут находиться там, где положено, - сказал он с легкой ноткой злости.

Я вспыхнула при воспоминании о своем смелом поцелуе, но тут же поморщилась от того, что последовало после него.

Позади себя я услышала шуршание, но удержалась от того, чтобы посмотреть.

- Наклонись над кроватью и раздвинь ноги, - сказал он.

Повернувшись к Калебу, я увидела, что у него в руках был некий предмет, но я не смогла его распознать.

- Делай, как я сказал!

Я постаралась подчиниться, надеясь не почувствовать его ремень на своей многострадальной попе. Несмотря на страх, мое сердце скрутило, когда я почувствовала его запах на пастельном белье, а глаза защипало от слез. Я чуть не прошептала его имя, но знала, какими ужасными последствиями это может для меня обернуться.

Мне хотелось, чтобы я никогда не признавалась ему в любви. Мне хотелось по-иному отнестись к его реакции.

- *Мне не нужна месть, Калеб. Я не хочу кончить, как ты, позволив некой хреновой вендетте разрушить мою жизнь. Мне просто нужна моя свобода. Я хочу быть свободной, Калеб. А не быть чьей-нибудь шлюхой... даже твоей.*

Мои душевные страдания обернулись паникой, когда пальцы Калеба раскрыли мои ягодицы. Я застыла, желая, чтобы это вторжение исчезло.

Один из его пальцев прижался к моему анусу, пока другие оттягивали мои трусики в сторону. Его ничто не могло остановить.

- Расслабься, - сказал он.

Неспешно он стал вводить в меня, очевидно, обработанный смазкой, палец. Я не могла произнести ни звука, но внутри себя я кричала в потрясении. Вперед... назад... вперед... назад... он двигался медленно.

Несмотря на окутавшие меня страх и тревогу, это ощущение вызвало знакомое тянущее возбуждение внизу живота. Мои - теперь уже влажные трусики - липли к моей оголенной плоти, вынуждая меня толкаться навстречу его пальцам. Они были так близко к моему клитору, так близко.

- Приятно, зверушка? - прошептал он хриплым голосом.

Я напряглась и была уверена, что он тоже почувствовал это своими пальцами. Он проник ими еще глубже в меня, так, что мой живот сдавило, а с моих губ сорвался стон.

Калеб удерживал меня, двигая своим пальцем, и вырывая из меня слезы унижения и похотливые стоны.

- Да. Да, Хозяин, - зарыдала я.

Он медленно вытащил палец. Я подалась бедрами назад, и снова его запах заполнил все мои органы чувств. И в миллионный раз я задалась вопросом, почему так сильно его хотела, тогда как он был таким расчетливым ублюдком.

Пока я пыталась отдышаться, Калеб подготовился к своему повторному вторжению, нанеся на свой палец еще больше смазки. Но тут он попытался протолкнуть в меня что-то… что-то инородное.

- Что ты делаешь? - крикнула я, прежде чем смогла остановить себя.

- Расслабься, - сказал он.

Застигнутая врасплох последовавшим молчанием, я сразу же заставила себя подчиниться. Осторожно, предмет проник внутрь, подведя меня к грани боли и интенсивного наслаждения. Я чувствовала его в своем животе, и - что странно - чувствовала его давление на стенки моей киски. Лежа неподвижно, задыхаясь и постанывая, я пыталась разобраться, какого черта сейчас произошло.

К моему заду прижалось теплое тело Калеба, а его горячий рот стал посасывать мочку моего уха и мои мышцы сильно сжались, выделяя влагу.

- Даже не думай вытащить это, иначе я высеку твой зад не щадя.

Произнеся эти слова, он толкнулся своей эрекцией в меня, задев, находящуюся во мне, пробку. Я застонала.

- Да, Хозяин, - прошептала я.

Мой голос был полон чувственной мольбы о большем контакте. Он отклонился назад, и его левая рука легла мне между лопатками, хотя его бедра все еще были прижаты ко мне.

Я вздохнула, когда он стянул мои трусики, открывая мою попу. Опустив свою руку между нашими телами, Калеб провел пальцами между моими ягодицами. Я толкнулась назад, прося его коснуться меня ниже - набухшего бутона моего клитора, и умоляя его довести меня до оргазма. На это ушло не так уж и много времени.

Он нежно ласкал мой клитор пальцами, в то время, как левой рукой шевелил пробку внутри меня. Через несколько секунд я кончила, сотрясаясь всем своим телом в неистовых, дерганных движениях. После этого, Калеб помог мне устроиться на полу и приказал спать.

Глава 18

Открыв глаза, я уставилась в полутьму комнаты, желая избежать мероприятия, в котором Калеб планировал помучить меня сразу же после моего пробуждения.

Сон был тревожным. Мои запястья были пристегнуты к тугому, кожаному корсету. Было трудно дышать, а поднимать руки перед собой получалось всего лишь на несколько дюймов. К тому же, мне пришлось спать на полу - и хоть это место и смягчалось несколькими слоями одеял, но в любом случае, оно было далеко не таким удобным, как настоящая кровать.

Я подумала об утре.

После того, как Калеб грубо воспользовался моим ртом - что странным образом, распалило как мою ненависть, так и желание к нему - он отказал мне в той капле утешения, которую всегда дарил после подобных эмоциональных испытаний. И должна признаться, это, действительно, ранило мои чувства.

Независимо от того, через какие мучения Калеб меня проводил, он никогда не позволял мне чувствовать себя дешевкой. Даже в самом начале, когда он был еще более бесчувственным ублюдком, ему удавалось успокоить мою тревогу и страх после своих издевательств, и я боялась, что все это осталось в прошлом. Однако так было ровно до тех пор, пока я не призналась ему в любви.

Проигрывание того дня в памяти почти не мешало моему сну, просто я больше не могла спать. Не потому, что я проспала большую часть дня - просто мой желудок просил чего-нибудь поесть.

После этого, словно по сигналу, дверь открылась, и в комнату вошел Калеб. Мое сердце сразу же ускорилось и пропустило удар, как только я увидела его в смокинге. Его густые, прекрасные светлые волосы, всегда находящиеся в творческом беспорядке, сейчас были зачесаны назад. Глубина его голубых глаз ощущалась одновременно и ударом поддых, и нежным, жаждущим прикосновением. Направляясь ко мне, он казался невозмутимо спокойным.

Я пришла в себя и отвела взгляд.

Калеб встал рядом со мной на колени. Я выдохнула порцию воздуха, которую не заметила, как задержала, когда потянувшись, он провел своими длинными, гладкими пальцами по моему подбородку и приподнял его, чем вызвал легкие покалывания по всему моему телу. Непроизвольно меня передернуло.

Он повернул мое лицо к себе, и я больше не смогла противостоять желанию посмотреть ему в глаза.

- Хорошо спалось, Котенок? - спросил он так мягко, что мне стало больно.

- Да, Хозяин, - ответила я.

- Прекрасно. Пришло время спуститься вниз и представить тебя остальным гостям.

Мой желудок скрутило, что на сей раз было вызвано не голодом, а беспокойством. Я ничего не ответила, но и не стала противиться, когда он помог мне подняться на ноги.

И пока я стояла всего в нескольких дюймах от него, меня снова окружил его запах. На мгновение, я, поддавшись искушению, закрыла глаза и представила нас в другой ситуации - в той, где я была самой собой, а Калеб меня за это обожал.

Откинув мои волосы назад, он стал расправляться с запутанными локонами образовавшимися за время моего сна, быстро и ловко проводя по ним пальцами.

- Вот, - сказал он больше себе, чем мне, - так выглядит намного лучше.

Между нами возникло неловкое молчание. Я опустила глаза и сосредоточилась на чистой, выглаженной рубашке Калеба. Он вздохнул, и мне вдруг показалось, что точно так же делали люди, готовясь к чему-нибудь сложному.

Я знала, что это было как-то связано с Рафиком, но не могла спросить его об этом напрямую. Я пока не могла принять свою судьбу, и должна была надеяться, что передо мной стоял тот самый Калеб, в которого я влюбилась. Надежда - единственное, что у меня осталось.

Без лишних слов, он развернул меня и перекинул мои волосы через левое плечо. Все мое тело задрожало. Я услышала, как он достал что-то из своего кармана, и напряглась, почувствовав вокруг своей шеи гладкий кожаный обод.

- Этот ошейник отличается от того, что был у тебя раньше. Мне он нравится намного больше. Он мягче и не будет впиваться в кожу, - прошептал он.

Если бы мои руки позволили, я бы прикоснулась к прикрепленному спереди колечку, но те не были свободными – впрочем, как и я, они были связаны обстоятельствами.

- Я хочу, чтобы ты знала, - произнес он равнодушным тоном, - там внизу будет много людей. Для меня это важные знакомства. Я ожидаю от тебя прилежного поведения. Делай так, как я говорю, не поднимай глаз, и этот вечер станет приятным для нас обоих. Понятно?

С трудом сглотнув, мне удалось произнести, - Да, Хозяин.

- Повернись, - сказал он, - у меня есть маленькая штучка, которая обеспечит твое повиновение.

Повернувшись, я встретилась с его взглядом. Он притянул меня ближе и удерживал на месте, положив свою руку мне на поясницу. Другой рукой он приподнял мою грудь, пробравшись под ткань корсета, и втянув мой сосок в рот, начал его посасывать.

Не сдержав протяжного стона, я мгновенно намокла, но его ласка была непродолжительной. Как только его губы оставили мой сосок, я сразу же почувствовала на нем ощутимое давление.

Усиливая мое головокружение, Калеб повторил этот краткий процесс и со второй грудью, а затем отступил назад, чтобы полюбоваться на свою работу. Опустив голову и посмотрев на свою грудь сквозь дымку слез, я увидела аккуратные зажимы, украшающие мои соски. Они соединялись тонкой золотой цепочкой и тянулись к руке Калеба.

Изучив эту деталь украшения, я посмотрела на своего Хозяина с умоляющим выражением лица. Он слегка потянул, словно говоря о том, что мои мольбы были бессмысленны. Мое тело напряглось, заполнившись резкой болью и знакомым ощущением, простирающимся от низа живота до местечка между ног. Пробка во мне сдвинулась, усиливая это чувство. В процессе, боль превратилась в нечто пульсирующее, нечто, напоминающее наслаждение. И как только Калеб лишил меня этого напряжения, мое тело расслабилось, как у марионетки.

- Мы разобрались с правилами подчинения? - спросил Калеб, и, не дожидаясь моего ответа, продолжил, - это что-то вроде проверки, Котенок. Не разочаруй меня.

Он повернулся ко мне спиной.

- Следуй за мной с левой стороны, держи взгляд опущенным и у меня не будет нужды проверять чувствительность твоих сосков.

- Да, Хозяин, - ответила я, не сумев избавить свой голос от дрожи.

Мои ресницы слиплись от слез, тело дрожало, но я последовала за Калебом, как было велено.

Мы шли неспешным шагом. Ближе к лестнице, до нас стали доноситься приглушенные голоса. Пламя свечей с расположенного под нами зала, бросало отблески на мраморные ступени, окрашивая наши движения в живые цвета. Теплое свечение скрывало мою дрожь, также как и внимание Калеба к соединяющей нас цепочке.

На нижних ступеньках, Калеба поприветствовал Фелипе, - Как хорошо, что вы к нам присоединились, мой друг. Вижу, вы привели и своего милого Котенка. Гостям просто не терпится ее увидеть.

- Фелипе, - ответил Калеб.

Я заметила, что его тон звучал не слишком довольно.

Через плечо моего Хозяина я встретилась взглядом с Фелипе, но он не выдал моего неповиновения - напротив, он даже подмигнул мне. Таким образом, мы обменялись секретом, о котором Калеб даже не догадывался. Я густо покраснела.

- Думаю, вам следует знать, что парень уже здесь, с мистером Б, и он станет частью сегодняшней развлекательной программы, - добавил Фелипе громким шепотом, отчего его слова было слышно и мне.

Это утверждение содержало в себе некую издевку, как будто он потешался над Калебом. Мне это не понравилось.

- Интересно, - резко и односложно ответил Калеб и, вскинув голову, оглядел небольшую группу людей.

Инстинктивно, я сделала то же самое, за что незамедлительно поплатилась продолжительным потягиванием, отдавшимся болью в моих сосках.

- Глаза в пол, - кинул Калеб через плечо, приправляя свой голос неприкрытым гневом.

- Да, Хозяин, - произнесла я прерывистым шепотом.

Мне хотелось кричать от боли, мучащей мои соски, но потягивание цепочки ослабло, и я вздохнула с облегчением.

Калеб пошел за Фелипе. Я последовала за ним, страшась чертовой цепочки в его руках. Сойдя с мраморных ступеней, мы ступили на ковер и пересекли комнату. Прикосновение бархатистого ковра было приятным для моих, обтянутых чулками, стоп.

- Посмотрите-ка, какую кошечку к нам ведут, - послышался голос с протяжным южным акцентом, за которым последовал негромкий свист.

- Она красотка. Я бы с радостью объездил ее, особенно если она такая же способная, как и тот экземпляр, которого Фелипе дал моей жене на пробу.

Мужчина отклонился, показывая Калебу, кого он имел в виду. Я осмелилась совсем немного приподнять свой взгляд, держа, при этом, голову опущенной.

Боковым зрением я увидела парня примерно моего возраста, стоявшего на коленях. Он, наверное, был самым красивым созданием, которое я когда-либо видела. Но все же, у меня не получалось избавиться от мысли, что я его откуда-то знала.

Он поднял свои ярко-синие глаза, ровно настолько, чтобы установить со мной зрительный контакт. Мое дыхание сбилось, глаза широко распахнулись.

- Малыш! - воскликнула я, прежде чем смогла остановить себя.

Боль мгновенно притушила мое удивление, так как мои соски запылали от непрекращающегося воздействия.

- Глаза в пол, Котенок, - рявкнул Калеб.

Я медлила в своем подчинении. Я знала, что Малыша сделали рабом, но не видела его с той самой ночи, когда мы с Калебом прибыли в этот особняк. Мне стало интересно, где он находился все это время. Его волосы стали длиннее, тело стройнее, а манера его поведения сигнализировала о том, насколько сильно он был сломлен. Но, несмотря ни на что, он выглядел здоровым, и, пожалуй, даже счастливым.

Я не могла разобраться в своих чувствах от встречи с ним. Малыш так сильно напоминал мне о том, что произошло у меня с байкерами. Я усердно повторяла себе, что он единственный пытался остановить своих друзей от моего избиения до смерти.

Калеб снова потянул за цепочку, на этот раз, прилагая столько усилий, сколько было необходимо, чтобы вернуть мое внимание.

- Да, Хозяин, - наконец, прошептала я, и Калеб обездвижил меня, высвобождая мои запястья.

- Держи руки за спиной, пока они не понадобятся тебе для равновесия.

Находясь в непосредственной близости, я не справилась с собой, и посмотрела на Малыша, на котором из одежды была только набедренная повязка. Его запястья были сцеплены, а к соскам крепились зажимы. Вокруг его шеи был закреплен ошейник с кожаным поводком. Его тело обдавало теплом мои ноги. Мне хотелось закричать от несправедливости происходящего. Я начала задыхаться от беспокойства, возможно, даже от паники.

- Оу, а она боевая. Я бы не прочь с ней немного поиграть, - добавил мистер Б, и разразился таким хохотом, словно этот звук поднимался из глубины его живота.

- Это невозможно, - отрезал Калеб.

Его тон был грубым и я заметила, как на него уставились окружающие его гости.

- Котенок предназначена для других целей.

Я чуть подняла глаза, смотря сквозь бахрому своих ресниц, в то время как он вел меня к столу, задрапированному белой скатертью. Канделябры окутывали теплым сиянием две, сидящие за столом, пары, которые наслаждались своими разговорами и напитками. Они были одеты в костюмы и вечерние платья, словно аристократы, нарядившиеся на солидное мероприятие. Возле стола на коленях сидела девушка, одетая так же, как и я. Ее тело сохраняло стать, но при этом, было расслаблено. Ее глаза были опущены, а ладони зажаты между бедрами.

Остановившись рядом с этой девушкой, Калеб бросил цепочку ей в руки, и надавил мне на плечи. Я опустилась, чтобы сесть на колени, и пробка, находящаяся в моей заднице, сдвинулась, пронося по всему моему телу импульсы, заставляющие меня вздрогнуть.

- Я сейчас вернусь, Селия. Присмотри, чтобы за это время Котенок никуда не делась.

Я ахнула, не узнав Селию, но продолжала держать свои глаза опущенными.

Как только Калеб отошел, я немного приподняла взгляд, чтобы получше ее рассмотреть. Селия выглядела экзотической и прекрасной. Конечно же, я знала, что она принадлежала Фелипе, но я и понятия не имела, что ей полагалось присутствовать на вечеринках, вроде этой. В прошлый раз она рассекала воздух плетью, но сегодня вечером, она была рабыней, как я, и, очевидно, как Малыш.

К столу подошла еще одна пара - высокая женщина и низкий мужчина, одетые в белое, и ведя за собой девушку в красном корсете. На ней были зажимы для сосков, красные шелковые чулки, такие же трусики и красная лента, вплетенная в ее длинные, темные волосы. Пара уселась за стол, а девушка в красном устроилась на коленях рядом с мужчиной.

Классический, формальный этикет и вежливые разговоры чередовались сдержанным смехом. Это был другой мир, нежели тот, к которому я привыкла. Мужчины с улыбающимися лицами, женщины, украшенные сверкающими драгоценностями, с длинными наманикюренными ногтями, ведущие за собой на поводках полуголых, затянутых в корсеты, девушек.

Я заметила, что Малыш был единственным рабом мужского пола.

- Прошу всех рассаживаться по местам. Сейчас подадут закуски, - объявил Фелипе с конца стола.

В помещении зазвучала приятная, фоновая музыка и комнату озарило еще больше свечей. Калеб пришел за мной одновременно с тем, как Фелипе явился за Селией.

- Пойдем, Котенок, поужинаем. Уверен, ты голодна.

Калеб двигался неторопливо, поэтому я смогла проползти на четвереньках до его места. Он сел за стол, расположив меня на полу рядом с собой.

Официанты, одетые в откровенную униформу, еле скрывающую то груди, то пятые точки, расставили тарелки с закусками по центру стола, после чего, кому-то обновили стаканы с водой, а кому-то - с вином. По другую сторону от меня устроился Фелипе, а Селия расположилась на полу, поближе к своему Хозяину.

Рядом с Калебом села женщина в белом.

- Котенок, сегодня ты ведешь себя образцово, - прошептал Фелипе и нежно коснулся моего плеча.

И хоть его прикосновение и вызвало во мне недоверие, но я не сдвинулась с места, а лишь слегка повернула голову, чтобы посмотреть, заметил ли это Калеб.

- Ей досталось, - добавил Калеб, как будто меня там и не было.

Его внимание было приковано к сидящей рядом женщине в белом. Со своего места на полу, я наблюдала за тем, как ее холеные руки легли на середину его бедра и поползли выше, остановившись возле выпуклости между его ног.

- Рада снова вас видеть, Калеб, - пропела она бархатистым голосом достаточно громко, так что мне было слышно.

- Разве мы встречались? - спросил Калеб, положив свою руку поверх ее, преграждая ей дальнейший путь по своей ноге.

- К сожалению, нет. Но я находилась здесь, когда вы прибыли сюда со своей очаровательной девочкой. Вы мне приглянулись, и я решила выяснить, кто вы такой, - произнесла она, разве что не мурлыкая.

- Понятно, - сказал Калеб, - в таком случае, рад встречи с вами, мисс...?

- Джей, - сказала она, - миссис Джей, но не волнуйтесь, мистер Джей в курсе моей вне супружеской активности.

Кокетливо усмехнувшись, ее пальцы продолжили свой путь и накрыли выпуклость в брюках Калеба.

Мне пришлось сдержать желание треснуть ее по руке. *Он мой! Ты, долбаная сука.*

Прижав блуждающую руку к своему паху, Калеб вскоре вернул ее соседке на колени.

- Благодарю вас за комплимент, миссис Джей, но думаю, что вам лучше направить свое внимание на кого-нибудь другого.

Слова Калеба были произнесены шепотом на ухо миссис Джей, но мне удалось их расслышать.

- Неужели вы в паре?

Она казалась разочарованной.

Кипя от ревности и прокручивая в мыслях воспоминания о Калебе и Селии, я подалась к своему Хозяину и потерлась головой о его бедро. И к моему удивлению, Калеб положил свою руку мне на голову в теплой и успокаивающей ласке, но спустя мгновение, оттолкнул ее. Он тихо рассмеялся, и я увидела, как он сжал бедро миссис Джей через ее шелковое платье. Она развела ноги в стороны и притянула его руку к своей промежности.

- Вы голодны. Мы вас насытим.

Калеб погрузился пальцами глубже, но потом освободился от ее хватки и поднял руку над столом. Взяв тарелку с закусками, он выложил несколько блюд соседке, затем обслужил себя.

- Начнем с этого.

В его голосе послышалось обещание, и я задумалась, какими были его дальнейшие планы. Мои глаза защипало от слез. Не то, чтобы он это заметил. Мое сердце гулко заколотилось в груди, и клянусь, звон, стоящий в моих ушах, могли услышать все, сидящие за столом. Мое дыхание стало затрудненным, и Фелипе погладил меня по предплечью.

- Расслабься, - прошептал он.

Калеб опустил руку с большой сочной креветкой в пальцах.

- Открой рот, Котенок.

Мой взгляд автоматически поднялся до его уровня, и я заглянула ему в глаза. Но до того, как я смогла наглядеться на своего мучителя, мои соски подверглись обжигающему натяжению, сбившему мое дыхание. Совершенно непредумышленно мой рот открылся, и, воспользовавшись случаем, Калеб скормил мне лакомство. Смирившись, мне ничего не оставалось делать, кроме как начать жевать. Мой желудок оценил оказанное ему внимание.

Все, посаженные на цепи, ели с рук своих Хозяев. Это вызвало во мне отвращение, но я оставалась покорной. Я обещала подчиняться. Это делало Калеба счастливым, а мое выживание, в полной мере, зависело от его счастья. Я все еще не видела Рафика, но была готова к любым неожиданностям.

Когда с последним блюдом было покончено, Калеб отодвинулся от стола.

- Тебе нужно облегчиться и освежиться.

Тут же вмешался Фелипе, - Селия может отвести ее в специальное помещение, если вы не против, Калеб.

- Я провожу ее и Селию. А после, ваша рабыня сможет показать Котенку, что от нее требуется.

Калеб помог подняться мне на ноги. Пробка сдвинулась, в очередной раз, распространив по моему телу дрожь. Фелипе дал поводок Селии Калебу, и тот вывел нас из зала. У дверей, он отдал Селии мою цепочку.

Комната была светлой и стерильно чистой. Справа от меня, на полу располагался ряд ванн - некоторые из них были большими, некоторые - поменьше. Слева находились кабинки. Чуть дальше я увидела огромную мозаику, на которой была изображена мексиканка, принимающая во дворе ванну, и поглаживающая свои соски, пока мужчина, наблюдал за этим действом со стороны. Этот рисунок служил фоном душевой комнаты, представляющей собой ряд из душевых головок, проделанных в полу стоков и нескольких туалетных мест.

- Что это за место, Селия? - прошептала я.

В моем голосе переплелись удивление и тревога. Подсознательно я потянулась к ее руке, и она ее сжала.

- Это просто комната, Котенок.

Приблизившись ко мне, она прошептала на ухо, - Каждое наше слово записывается. Датчики движения, микрофоны.

Я кивнула.

- Давай, воспользуйся туалетом. Мне нужно взять несколько полотенец.

После того, как я закончила свои дела, Селия отвела меня в маленькую, приватную, занавешенную шторами, комнатку. В ней я увидела раковину и стопку полотенец. Рядом с раковиной располагался шкаф с туалетными принадлежностями.

- Я собираюсь освежить тебя между ног.

Она спустила мои шелковые трусики, вместе с чулками и я ей это позволила. Селия так часто со мной возилась, что я ее уже не стеснялась.

- Я покажу тебе, как это делается, и в следующий раз, услышав пожелание Хозяина освежиться, ты уже будешь знать, каковы твои действия.

Она вспенила кусочек материи каким-то специальным мылом с ароматом меда и миндаля.

- Встань на это полотенце и раздвинь ноги.

Я сделала так, как она сказала. Селия была удивительно нежной - как всегда. Я почти понимала тех женщин, которые влюблялись в себе подобных. Селия не прикасалась ко мне неподобающим образом - ее действия были такими нежными, что помогли мне расслабиться.

На это ушло немного времени, и вскоре мы вернулись к Калебу, который подвел Селию к Фелипе, на что тот передал свою рабыню одной из первых пар, сидевшей за

обеденным столом. Селия отправилась к ним, не выказывая возражений, даже когда и женщина, и мужчина стали трогать ее грудь.

Калеб потянул за мой поводок, послав еще одну болезненную волну от сосков к киске. Закрыв глаза, я сдержала мольбу.

- Давай не будем заставлять гостей ждать, - сказал он.

С этими словами, Калеб зафиксировал мои запястья у передней стороны моего корсета, и мы прошли в другую зону, расположенную в том же самом просторном зале.

Встроенный в стену мощеный камин, окружался диванами и низкими столиками, на которых стояли свечи и бокалы с вином. Языки пламени облизывали сваленные в кучу поленья, горящие в сердце этого камина.

Мы остановились позади пары, с которой встречались ранее. Кажется, сегодня вечером их звали мистер и миссис Б.

Поспешно оглядев пространство, я увидела Малыша, стоящего на коленях рядом с ними, с опущенной головой и заведенными за спину руками. Мне бы посочувствовать ему, но я была слишком занята своим собственным положением. Я гадала о том, что запланировал Калеб на вечер. До сих пор, окружающая меня атмосфера намекала на то, что что-то происходило, но я старалась не обращать внимание на предупредительные сигналы.

Мне хотелось остаться с Калебом наедине. Мне хотелось объяснить ему, как много он для меня значил. Донести до него, что мои чувства не имели ничего общего с манипулированием, или попытками обрести свободу. Я не хотела быть шлюхой Калеба - уж в этом я была абсолютно уверенна. Мне также было плевать на месть. Я хотела Калеба. И знала, что это глупо. Я знала, что он был страшным человеком, который делал ужасные вещи. Я знала, что он не заслужил меня или моей любви. Но мне было все равно.

Во время нашего совместного вынужденного проживания, я влюбилась в своего похитителя. Я влюбилась в его запах и вкус; в его улыбку, доброту - и, да - даже в его жестокость, потому что знала, что она являлась частью него самого. Я хотела, чтобы он знал. Я хотела, чтобы он знал обо всем, и чтобы это хоть что-нибудь для него значило. Я хотела, чтобы Калеб выбрал и принял меня. Я хотела, чтобы он оставил все позади и просто любил меня.

- Котенок, - его лоб прижался к моей шее, - ты просишь о невозможном.

Мне было неважно.

Я была погружена в свои мысли, когда теплая, успокаивающая рука Калеба легла мне на плечо. Посмотрев на своего Хозяина, я не могла скрыть своего желания к нему. Он улыбнулся, но эта улыбка показалась мне грустной. Грустные улыбки Калеба никогда не заканчивались для меня чем-то хорошим.

- Вниз, - сказал Калеб, жестом указывая на место, рядом с Малышом.

Я позволила себе подчиниться приказу. Я хотела подчиниться. Я хотела сделать Калеба счастливым любым, доступным мне способом, в надежде на то, что он никогда меня не отпустит.

- Дамы и господа, десерт подан, - объявил Фелипе низким, пронизанным акцентом тембром, заставив замолчать небольшую группу людей.

В комнате послышался шум стульев, которые для удобства публики стали расставлять вокруг выстланной ковром зоны, где сидели мы с Малышом. Я задумалась, почему же Калеб не потянул меня к себе, чтобы подготовиться к десерту. Внезапно, рука Калеба оказалась в моих волосах и притянула меня ближе. Он прошептал мне на ухо, - Я знаю, насколько это будет сложным для тебя. Это будет сложно и для меня. И все же, я требую безупречности, Котенок. Тебе понятно?

Мой пульс участился, глаза заволокло туманом.

- Калеб...

- Шшш, Котенок, - одернул он меня, - подчиняйся.

Когда он меня отпустил, я отклонилась назад, встречаясь с ним взглядом. Калеб послал мне еще одну грустную улыбку, а затем, по причинам, о которых я тогда не могла знать, наклонил мою голову к коленям Малыша. Мой зад приподнялся от пола, и, воспользовавшись этим, Калеб надавил своим коленом на мою пробку. И снова, к моему стыду, она пришла в движение. А под набедренной повязкой Малыша, пошевелилось кое-что другое.

Калеб объявил напряженным голосом, - Мне интересно, как эти двое поладят друг с другом.

Он убрал свое колено от моей пятой точки, и меня повело назад, отчего я грохнулась на задницу. Оказавшись на спине, мои согнутые в коленях ноги разъехались в стороны, и у меня не получалось подняться со сцепленными запястьями.

- Ну, судя по натяжению одежде в причинном месте, могу сказать, что у Малыша приподнятое настроение.

Мистер Б громко расхохотался, перекрывая тихое бормотание остальных гостей. Пристыженная, я закрыла глаза, в ожидании боли в сосках. Гости вокруг нас заерзали, и я зажмурилась еще сильнее, боясь куда-либо посмотреть.

Неожиданно, на мою икру легла теплая, дрожащая рука, скользя по нейлоновому чулку и, медленно пробираясь к колену, затем еще выше - к внутренней стороне бедра. Она остановилась, но потом нерешительно двинулась вниз, опаляя свой путь до свода моей стопы. Рука нежно разминала мою стопу, после чего прокралась к внутренней стороне второй ноги и скользнула вверх до самого бедра. Кончики пальцев еле ощутимо очертили шелковый лоскуток между моих ног. К настойчивой руке, ласкающей мою ногу, присоединилась вторая, сосредоточив свое внимание на моем укромном местечке. Мои ноги развелись в стороны чьими-то жилистыми бедрами.

Я больше не смогла противиться желанию открыть глаза. Осмелившись, наконец, приоткрыть веки, я увидела длинные, светлые волосы Малыша. Я была поражена его мальчишеской красотой. Его щеки горели от смущения, отражая мое собственное состояние, когда он переместился ближе к моим трусикам, продолжая ласкать мои бедра. Его глаза оставались закрытыми, пока он атаковал мое тело своими прикосновениями. Я представила, как Малыша тянут за соски, напоминая держать глаза закрытыми.

Кончик его языка скользнул по его полной нижней губе и по неведомой причине, это отдалось пульсацией у меня между ног. Мне так сильно захотелось увидеть

Калеба, что я шире открыла глаза. Жесткое потягивание моих сосков подсказало мне, что он находился неподалеку. Как только мои глаза закрылись, давление ослабло. Это было доказательством того, что он внимательно следил за мной, в то время, как меня трогал другой мужчина.

Значит, вот что сделает Калеба счастливым. Мое сердце укололо чувство предательства. *Ладно, он хотел притвориться, что между нами ничего нет. Я устрою ему такое представление, которое он никогда не забудет*.

Малыш, определенно, знал, что делать. Его руки разожгли бушующее желание не только в тех местах, которых он касался, но и по всему моему телу.

По правде говоря, было сложно держать себя под контролем. Часть меня пыталась не растерять свою гордость, или то, что от нее осталось, в то время как другая - хотела пойти на безрассудство. Нежные и теплые прикосновения Малыша затронули во мне глубинные струны. Я была неподвижной, напряженной и такой влажной, что шелковые трусики стали липнуть к моим складочкам. Его руки прокладывали дорожки по моим ногам, бедрам, животу... *чертов корсет*.

Внезапно, другая пара рук потянула меня вперед, ставя на ноги. Послышался еще один залп хохота от мистера Б, который удерживал Малыша. Я приложила массу усилий, чтобы не поднять глаза.

Калеб притянул меня к своей эрекции. Я не смогла сдержать тихого стона. Но к моему потрясению и удивлению, Калеб высвободил мои запястья и начал расшнуровывать мой корсет. Все мое тело напряглось в молчаливой мольбе, чтобы он остановился. Его губы мягко прижались к раковине моего уха, и прошептали, - Подчиняйся, - с такой настойчивостью, что мое сердце почти остановилось.

Я оставалась неподвижной, пока он полностью не разделался с моим корсетом. Как только он его снял, мое дыхание сбилось, и сквозь непрекращающийся звон в ушах, я услышала одновременный громкий вздох окружающей нас толпы.

На мои глаза надели повязку. Оба зажима с моих грудей были сняты, и соски вспыхнули от прилива крови к изголодавшимся вершинкам. Калеб отпустил меня, оставив с чувством незащищенности и одиночества.

Где Калеб?

Моя гордость исчезла, а мое сердце наполнилось печалью, пока мое сознание тонуло в смущении. Тишина комнаты была осязаемой, тонко подчеркиваясь одинокими звуками моего беспокойного дыхания. Послышалось негромкое шуршание, за которым последовало ощущение гладких пальцев, стягивающих один из моих шелковых чулок вниз по ноге.

Я отчаянно заставляла себя не оказывать сопротивления.

Это то, чего хочет Калеб. Будь храброй.

Моя киска запульсировала, когда мой левый чулок соскользнул с ноги. Я вытянула было руки, чтобы нащупать хоть кого-нибудь рядом с собой, но резко вдохнула, когда их быстро сложили между моими грудями. Меня приподняли с пола. Я стала брыкаться ногами, но кто-то крепко схватил их. Они положили меня на твердую поверхность, которая - судя по моей интуиции - была одним из обеденных столов. Запаниковав, я сразу услышала голос Калеба, приказывающий мне подчиняться.

- Спокойно, Котенок. Я не позволю ему проникнуть в тебя. Я *никому* не позволю проникнуть в тебя.

Сквозь свою панику, я чуть не упустила собственнический характер его слов, но часть меня, считавшая Калеба своим, хотела увидеть в них признание. Я совсем немного расслабилась.

Мои запястья связали и подняли над головой. Через несколько мгновений, мои чувства заполонили мягкие, легкие прикосновения по верху шелковых трусиков. Несмотря на опасение, по моему телу прошла волна удовольствия. Эти руки - эти теплые, дрожащие, прекрасные руки что-то во мне пробудили. По мне пронесся разряд, как только мои трусики стали тянуть вниз, а затем и вовсе сняли.

Моя голова закружилась от запаха похоти, от ее вкуса. Внезапно, мне захотелось удовлетворения. Я нуждалась в нем.

Между моими ногами вжалось жилистое тело. Ладони раздвинули мои бедра, широко разводя мои ноги и раскрывая мою киску. Мои бедра оторвались от стола, и я почувствовала, как по моей промежности стал гулять палец - вверх, вниз.

Мое тело приподнялись еще выше, моля о наслаждении, и я застонала, смешав этот звук с всхлипыванием. Мои руки еще сильнее вжали в стол.

Ласкавшие меня ладони обхватили мои ягодицы ближе к промежности и приподняли мои бедра выше, толкая пробку вплотную к пульсирующим мышцам плоти. Я снова застонала. Я задыхалась.

Без предупреждения, мои малые губы лизнул, окутывая теплом, искусный, большой, влажный и немного шершавый язык. Рот, оказавшийся на моей киске, вобрал меня, посасывая мои складочки, пока еще один стон не оставил меня бездыханной.

Этот язык раскрыл меня, оставляя в уязвимом положении. Мягкий укус клитора разжег в моем теле тысячу пожаров.

Другие руки стали разминать мои груди, покручивая пальцами чувствительные вершинки. Пожалуйста, пусть это будет Калеб.

Языки пламени умоляли меня об освобождении, заставляя мое тело трепетать от желания. Сосредоточенное полизывание и посасывание моего набухшего клитора толкнули меня через грань. Тяжелое дыхание превратилось в крики и меня унесло потоком наслаждения.

Моя попа снова вернулась на стол, на котором я теперь лежала истощенная, со все еще дрожащими, раскрытыми ногами, пропитывая повязку неугомонными слезами.

Комнату заполнили аплодисменты.

- Если этот энтузиазм является показателем, то не вижу никаких причин в отмене второго блюда нашего десерта, - объявил Фелипе, прорываясь сквозь овации гостей.

Я - десерт? Как мило со стороны Калеба сделать меня частью трапезы. Ублюдок!

Я попыталась подняться и свести ноги вместе, согнув их в коленях так, чтобы мои лодыжки спрятали мою набухшую плоть. Но моя спина все еще оставалась

припечатанной к скатерти стола, также как и мои запястья, продолжавшие удерживаться над головой.

В моем левом ухе послышался голос Калеба, - Теперь твоя очередь ответить взаимностью, Котенок.

Какого хрена он имеет в виду?

Меня потянули за руки, и снова усадили на колени. И в очередной раз, пробка сдвинулась. Спазм, простреливший мою киску, заставил меня ловить ртом воздух. Мои запястья отпустили, и мои руки положили на единственный предмет одежды Малыша. Повязка на глазах осталась на месте.

Тепло верхней части его тела согрело меня. Он сладко пах, но ненатурально, словно его измазали какими-то ароматическими маслами. Мне больше нравился запах Калеба.

Я протянула руку, чтобы понять положение Малыша. Его колени смотрели вперед, а зад покоился на лодыжках.

Я скользнула ладонью по его мускулистой руке и поняла, что их снова сцепили за его спиной. Мои пальцы очертили его грудь, снимая зажимы с его сосков, и отбрасывая их в сторону. Мое лицо обдало его облегченным вздохом.

Значит, именно это мне полагается сделать? Устроить представление?!?

Я боялась того, что мне предстояло. До этого, мне приходилось заниматься такими вещами всего лишь дважды, и только с Калебом. Я не могла поверить, что он собирался позволить мне сделать это... заставить меня сделать это.

Я почувствовала, как мои губы задрожали, а к горлу подступил ком, но затем я снова подумала о его ночи с Селией. Я вспомнила испытываемую мною ревность, злость, и хотела, чтобы Калеб почувствовал то же самое. Я хотела, чтобы он наблюдал за тем, как я отдаю себя другому, несмотря на то, что мое сердце принадлежало только ему. И если я была хоть немного ему небезразлична, это был единственный способ выяснить данный факт. Сделав несколько глубоких вдохов, я подготовила себя к тому, что собиралась сделать.

- *Думаю, ты хочешь мести,* - прошептала Безжалостная Я.

Можешь поспорить на свой милый зад, что так оно и есть.

Сердце Малыша грохотало под моей дрожащей правой рукой, а его плоть дергалась под левой. Я приподнялась, чтобы прильнуть к телу Малыша и прижалась к нему своими грудями. Его дыхание остановилось. Моя левая рука почувствовала движение - утолщение - его еле сдерживаемого члена.

Я провела языком по его груди, его соскам, и шее, насколько только мне удалось дотянуться. Он наклонился ко мне и наши губы нежно соприкоснулись. Мой запах и вкус задержавшийся в его рте, проник в мой, как только Малыш скользнул своим языком между моими губами. Я вздрогнула, и он еще сильнее вжался в меня, переплетая наши языки. Мы целовались всего несколько секунд, когда чьи-то руки оторвали меня от Малыша за волосы, и в моем ухе послышалось рычание Калеба, - Никаких поцелуев в губы.

С этими словами он так сильно ущипнул мои ягодицы, что я вскрикнула.

Меня снова кинули на Малыша и я чуть не опрокинула нас обоих, но его сила не дала мне упасть. Я застыла, прислонившись к нему, и вскоре продолжила неспешно покрывать его тело поцелуями. Я скользила губами по его груди, плечам, рукам и соскам, пробираясь к его шее. Я почувствовала, как Малыш снова наклонил ко мне свою голову, и толкнула его двумя руками в грудь.

На сегодня шоу с поцелуйчиками закончились, приятель!

Бедра Малыша подавались ко мне, полностью перекручивая свою набедренную повязку. Мои пальцы стали ощупывать его талию, следуя за скудным облачением, отчего мои груди прижались к его животу. Материя завязывалась сзади, и мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы разделаться с нею.

Повязка тут же распахнулась, освобождая его рвущийся наружу член. Своими руками я почувствовала его подрагивающую длину и толщину. Яички Малыша лежали в мешочке этой набедренной повязки. Я аккуратно убрала ее.

Мы оба застыли.

Неужели я собиралась это сделать? Я не могла поверить в то, как далеко зашла. В течение нескольких месяцев, я прошла путь от девочки, боявшейся секса до рабыни, совершающей половой акт с малознакомым человеком на глазах у целой толпы извращенцев.

Малыш застонал и прижался своим теплым членом к моей руке в безмолвной мольбе освободить его от терзающих сексуальных мук. Как хорошо я знала это чувство.

У Малыша перехватило дыхание, когда я поцеловала головку его члена. Его вкус отличался от вкуса Калеба, что возможно, было связано с тем фактом, что его подготовили. Он был сладким, словно кто-то измазал его пряной корицей. Это было неприятно.

Я размазала каплю выступившей смазки губами и языком, сделав Малыша одновременно соленым и сладким. Когда я провела языком по твердой длине, его передернуло. Выдохнув большую порцию воздуха, он простонал. Его бедра толкнулись вперед, просясь в мой рот.

Тебе этого хочется, Калеб? Надеюсь, ты внимательно смотришь, сукин сын. Я хочу, чтобы ты задыхался от желания. Я хочу, чтобы ты видел, как я ублажаю мужчину. Подстегнет ли это твое желание ко мне?

Из-за ослепляющей меня повязки, мне было несложно представить Калеба на месте Малыша. Я воображала, что слышу его срывающееся дыхание, а его тело трепещет от желания и потребности во мне. Мое тело ответило: бусинки сосков потребовали внимания, а киска запульсировала в ритме двигающихся бедер Малыша.

Мои губы сомкнулись вокруг его члена, а язык стал играть с его уздечкой и щелью в головке. Малыш задышал тяжелее, его бедра задвигались быстрее, пока его член не стал проникать в мой рот глубже, позволяя моему языку лизать его повсюду. Его тело напряглось, а дыхание сбилось, как и у всех присутствующих в комнате. На мгновение, время остановилось.

Затем, Малыш простонал, а я продолжила свои ласки. Сжав пальцы у основания его члена, я стала двигать по нему рукой, одновременно с этим, заглатывая его в рот.

Он втянул в себя воздух, и я услышала, что его грудь начали гладить и разминать чьи-то руки. Малыш стал толкаться в меня быстрее - мой рот сосал, язык ласкал, а киска кричала о желании кончить. Мои бедра непроизвольно вращались, пока кто-то не развел мои ноги шире и, скользнув рукой к моей плоти, сжал малые половые губы. Это остановило меня на долю секунды, пока два пальца не нашли мой заветный клитор, начав его тереть.

Мои бедра толкались, отражая движения Малыша. Его член запульсировал, он ворвался внутрь один последний раз и разлился теплом у меня во рту. Я вылизала все его семя, продолжая тонуть в волнах своего удовольствия. Рука, прижатая к моему заду, пошевелила пробку, и я вскрикнула, пока еще не выпустив члена изо рта.

Проклятые пальцы продолжили ласкать мой набухший клитор.

О, Господи, Калеб! Да. Пожалуйста, продолжай.

Накатывающие на меня ощущения, волна за волной пробирались к каждой клеточке моего тела, но пальцы Калеба на моем клиторе, и его ладонь на моей заднице, были неумолимы.

Мое тело в очередной раз накалилось, как и у Малыша. Он слышал меня, чувствовал мой язык, мое дыхание, и мои стоны наслаждения у своей все еще подрагивающей плоти. Его бедра толкнулись совсем немного, и я сжала свои губы, снова посасывая, и представляя Калеба как перед собой, так и позади себя.

Малыш стал проникать своим членом в мой рот и обратно. Он так быстро и жестко двигался, что я еле удерживала его обеими руками.

Я толкалась к пальцам Калеба, дублируя своим телом ритм Малыша. Мое дыхание стало прерывистым и затрудненным. Я практически не могла дышать, но мне было все равно.

Мой рот был полным. Мой зад был полным. Мой клитор был готов взорваться. Пальцы Калеба были умелыми. Они знали мою киску.

Я кончила, заливаясь слезами.

Глава 19

Аплодисментов не было. Только звуки срывающихся рыданий Ливви и приглушенное дыхание Малыша. Калеб чувствовал... что ж, он не знал, что он чувствовал. Единственное, что он знал, так это то, что хотел Ливви. Ему хотелось прижать ее поближе к себе и скрыть подальше от окружающих их любопытных глаз.

Рафик так и не появился, и Калеба переполняли сожаление и гнев, в дополнение к вихрю эмоций, на анализ которого у него не было времени.

- Я забираю ее наверх, - сказал Калеб, подхватывая обнаженное и дрожащее тело Ливви на руки.

Он заметил глаза Малыша, блестящие от не пролитых слез, и таившие в себе глубокую вину. Если бы Калеб не знал о реальном положении вещей, он бы сказал, что этот парень влюбился в самом прямом смысле этого слова.

Сама мысль, казалось, пробудила его гнев и - да - его ревность. Калеба душило чувство ревности. И если в ближайшее время Калеб не уберется подальше от этого Малыша, он не отвечает за свои действия.

Она целовала его, мысленно кричал он.

Она будет целовать и Владэка.

Калеб не мог об этом думать. Его мысли были слишком опасными. Его эмоции были чересчур болезненными и молниеносно вытесняющими логику из его сознания. Калеб не мог найти ни одной причины, по которой ему не следовало отнести Ливви наверх и затрахать ее до бесчувствия. Он хотел очистить ее тело от всех следов Малыша и стереть из ее разума любое воспоминание об этом парне. Калеб хотел, чтобы она думала только о нем, и *была* только с ним.

Ты не можешь этого сделать, так ведь? Ты не можешь ее отпустить. Найди способ, Калеб. Найди способ донести это до Рафика.

Пока он нес Ливви в свою комнату, прижимая ее к себе, мысли Калеба беспорядочно метались в голове, а его сердце буквально выпрыгивало из груди, подталкивая ее неподвижное тело. Оказавшись наверху, Калеб осторожно положил Ливви на свою кровать.

За то короткое время, пока он шел до своей комнаты, рыдания Ливви каким-то образом перешли в легкую дрему. Ее глаза были закрыты. Она иногда глубоко вдыхала, а затем, вздрагивая грудной клеткой, выдыхала.

Калеб посмотрел на Ливви и задался вопросом - что же снилось ей в этой дреме на грани потери сознания. Дернувшись, она перевернулась на спину, обнажая свое тело, словно для того, чтобы его взяли. И Калеб хотел его взять. Его эрекция вжималась в молнию брюк, моля об освобождении.

Калеб закрыл глаза, чтобы успокоиться, по-прежнему стоя рядом с кроватью. Ее запах дразнил в его чувства легким, мускусным, характерным для нее одной, ароматом. Именно он притягивал к ней Калеба до этого. Словно морская сирена, взывающая к моряку, ее потребность толкала его на действия, и недолго думая, он закатал рукава и погрузился в пучину обеими руками, чтобы утолить свою жажду.

Моя.

Утверждение. Оно пошатнуло сущность Калеба до самого основания. Эта была правда, которую он так долго скрывал.

Калеб ничего не знал о любви, тем более о любви к человеку, но он был уверен, что... Ливви принадлежала ему. Он обладал ею. Он владел ею и знал каждой частичкой себя, что не сможет ее отдать.

Моя!

Моя!

Моя!

Рафик поймет. Я заставлю его понять.

Мысли Калеба были далеки от рациональности. В глубине души, он знал, что Рафик никогда этого не поймет. Он углядит в этом сильнейшее предательство. Он потребует от Калеба невозможного. Рафик попытается причинить вред им обоим.

Калеб прогнал эти мысли.

Прежде, чем его здравый смысл вернулся, Калеб аккуратно поднял руки Ливви и развязал ее запястья. Ливви вздохнула, и Калеб лег на нее как раз в тот момент, когда затрепетав ресницами, она раскрыла веки. Он уставился в ее глубокие, шоколадного цвета глаза, и увидел в них свое отражение, когда ее взгляд сфокусировался на нем.

Сквозь Калеба пронесись мириады чувств, преобладающую часть которых занимали ревность и собственничество. Ему нужно было сделать ее своей: окончательно и бесповоротно.

Выражение лица Ливви стало непроницаемым. Лежа под Калебом, она раскинула руки в стороны, и холодно и отрешенно смотрела на него своими выразительными глазами. Больше всего Калебу хотелось узнать, о чем она думала, но он был слишком напуган, чтобы спрашивать. Это было нежелательным и незнакомым чувством.

В последний раз он испытывал его, когда Ливви находилась в чужом доме, избитая, истекающая кровью, и с трудом цепляющаяся за возможность выжить. Тогда он испугался, хоть и мало ее знал. И то, что он испытывал к ней тогда, померкло в сравнении с чувствами, бушующими в нем сейчас.

Он не осмеливался спросить, что было у нее на сердце. Он знал, что не сможет это слушать.

- Не переношу его запаха на тебе, - поддел он.

На глаза Ливви навернулись слезы, которые в свою очередь, стали скатываться по вискам. Закрыв глаза, она отвернула голову от Калеба. Положив руку ей на лицо, он заставил ее посмотреть ему в глаза.

Не спрашивай.

Не спрашивай.

Блять! Я все равно спрошу.

Ему нужно знать. Ему нужно знать, была ли ее любовь к нему настоящей. Ему нужно знать, что надежда не была потеряна, и несмотря ни на какие ошибки, он все еще мог исправить то, что натворил.

- Тебе понравилось? - спросил он.

Он старался, чтобы его слова не звучали как обвинение, но знал, что ему это не удалось. Ливви подняла свои руки к лицу, и, закрыв ими глаза и рот, зарыдала. И снова, Калеб отказывался позволять ей прятаться.

Схватив ее руки, он прижал их над ее головой к кровати.

- Скажи мне! - рявкнул он.

- Я не знаю, что ты хочешь, чтобы я тебе сказала! - плакала она.

- Скажи мне правду! Тебе понравилось сосать его член? Он ласкал твою киску лучше, чем я? - внезапно, мысли Калеба стали кровожадными.

Ему полагалось быть добрым, ему полагалось быть нежным, но это был не его метод. Хотя он уже и не знал, каким был 'его метод'.

- Да! - выкрикнула Ливви, - да, ты, сукин сын. Мне понравилось. Разве не для этого ты меня заставил? Чтобы показать меня публике, словно какого-то гребаного дрессированного пуделя?

Калеб пришел в ярость. Он сжимал запястья Ливви до тех пор, пока она не вскрикнула от боли, и только после этого приказал себе отпустить. Ее слова ранили его.

Моя! Ты, черт тебя побери, моя!

Оторвавшись от Ливви, он потянулся к своему ремню. Быстро расстегнув его, Калеб одним резким рывком вытащил его из брюк. Ливви ахнула, отползая назад, к изголовью. Схватив ее за лодыжку, Калеб потащил ее обратно к краю кровати. Она согнула колени и скрестила руки на своей груди.

В глаза Калебу бросилась анальная пробка, сидящая все еще внутри нее, своим видом закружив его в череде эмоций, не последнее место в которой занимала похоть. Подавшись вперед, он обхватил Ливви за ноги, чтобы сохранять ее в согнутом положении. Рискнув посмотреть на нее, он увидел ужас, плещущийся в ее глазах, пока она старалась оставаться совершенно неподвижной.

Он опустил руку, и прижал ладонь к пробке. Застонав, Ливви закрыла глаза, но не сделала ни одной попытки его остановить. Калеб понимал, что было жестоко держать ее в такой позиции, но его ярость и похоть не позволяли ему действовать нежно.

Пальцы Калеба прочертили круг вокруг ануса Ливви, растянутого пробкой.

- Как насчет этого, Котенок? Тебе нравится? Может, пригласить кого-нибудь снизу, чтобы за нами понаблюдали?

Ливви закрыла глаза, и, хныкнув, отвернулась.

- Посмотри на меня, - сказал он и мягко потянул за пробку, пока она не подчинилась.

- Хочешь, чтобы я это вытащил?

- Да, Хозяин, - заскулила она.

Слезы продолжали течь по ее вискам.

- Ааа! Теперь, значит, Хозяин, так? - поддразнил он,

- Ты становишься намного послушнее, если в твою попку что-нибудь вставить.

Он снова потянул.

- Пожалуйста, не надо! Я сделала это только потому, что ты так сказал! - рыдала она.

- Тихо! Не советую меня провоцировать, - сказал он.

Его тело трясло от ярости.

Ты пугаешь ее, идиот. Тебе не добраться до нее таким способом.

Калеб знал, что эти слова произносились голосом разума, но он казалось, ничего не мог с собой поделать. Его пальцы чертили круги по кромке пробки снова и снова, пока он не почувствовал, как бедра Ливви задвигались сами собой.

- Скажи, что тебе это нравится, - произнес он.

Его голос был пропитан похотью.

- Мне это нравится, - прошептала она.

Калеб продолжил свои нежные, но садистские изучения. Он видел, как лицо Ливви становилось мокрым от слез, а зубы вгрызались в нижнюю губу. Она испытывала удовольствие, но вместе с тем - стыд. Это чувство было слишком хорошо знакомо Калебу.

Неспешно, он надавил на ее мышцы и потянул пробку наружу. Он хотел ее вытащить. Он хотел, чтобы из ее тела, а из его сознания исчезли свидетельства последних двадцати четырех часов.

- Расслабься, - бросил он, почувствовав, как она сжалась.

- Выталкивай пробку, - приказал он.

- Я не могу, - продолжала рыдать Ливви.

- Выталкивай, сейчас же! - сказал он и шлепнул ее по задранной попе.

Это был не совсем шлепок, но он возымел свое действие. Закрыв глаза, Ливви стала выталкивать пробку в то же самое время, как Калеб обхватил ее пальцами, чтобы ослабить сопротивление ее мышц. Медленно, он двигал пробкой из стороны в сторону, параллельно попыткам Ливви, и, наконец, извлек ее.

- Ой! - вскрикнула Ливви.

Пока Калеб избавлялся от игрушки, она повернулась на бок и плача уткнулась в покрывало.

Изнывая от желания продолжить, он поспешно вернулся в комнату. Ему нужно было сделать ее своей.

Слегка приподняв Ливви с кровати, он повернул ее к себе. Но когда она не стала сопротивляться, его сердце кольнуло.

Полегче, Калеб. Не сломай ее. Завоюй ее.

Обняв Ливви руками, он притянул ее к себе. Ему нужно, чтобы она была рядом. Она дрожала в его объятиях, сотрясаясь всем телом от бесконечных рыданий. Калеб уткнулся носом в ее шею и крепко закрыл глаза.

- Прости, - сказал он,

- Я знаю. Знаю, что ты сделала это только потому, что я тебе так сказал.

Ливви резко вздохнула и заерзала в его руках, пытаясь повернуться, но Калеб держал ее на месте. Ему нужно было сказать ей важные слова, которые он сможет произнести только с закрытыми глазами, прижавшись к ее телу. *Это* и был его метод.

Он во многом признавался ей именно во тьме. Он шептал ей о своих секретах, даже когда она спала, и, притягивая ее ближе, фантазировал обо всем том, чего хотел, понимая несбыточность этих грез. В такие моменты он находил в своем сердце потайные места. Но ему надоело фантазировать. Он хотел, чтобы его желания воплотились в реальность.

- Я больной на голову, Ливви. Я это знаю. И знаю, что я неправ, - прошептал он, и прижал ее еще крепче.

Она застыла в его руках.

- Мне казалось, будто у меня не было выбора. Фелипе следил за нами, с тех пор, как мы появились здесь. У него повсюду камеры, - продолжил он.

Ливви охнула.

- Но у меня был выбор. Я мог послать его нахрен. Я мог убить его прямо на месте... но я этого не сделал. Рафик скоро будет здесь и... мне нужно было оттолкнуть тебя. Мне нужно было напомнить самому себе, что я не смогу быть с тобой.

Калеб почувствовал, как его горло сдавило, а по телу начал расползаться жар от стыда. Он был неопытным в вопросах самовыражения, но сейчас шлюзы были открыты и он ничего не мог поделать, кроме как крепко прижиматься к Ливви, разрушая преграды.

- Я прожил ужасную жизнь. Я делал жуткие, отвратительные вещи. Но ты должна знать, что я ни о чем не жалею. Я никогда не убивал тех, кто этого не заслужил. И шрамы на моей спине - самое малое, через что мне пришлось пройти. Но я остался жив только благодаря Рафику.

- Нет, Калеб, - хныкнула Ливви.

Калеб снова сжал ее, слишком сильно. И ослабил свою хватку, когда Ливви заскулила, но он не мог отпустить ее полностью.

- Я не знаю, как объяснить. Я не знаю, как выразить тебе, насколько я ему обязан. Я обязан ему всем! Но, да поможет мне Бог - я не могу...

Он не мог сказать этого. Он не мог сказать ей, как много она стала значить для него. Ведь она могла уничтожить его своим отказом. И если она притворялась в своих чувствах к нему - если он повелся на ее блажь, в попытке освободиться... Он не знал, что будет делать. Он мог сделать ей очень больно.

Моя!

- Мне было невыносимо видеть тебя с этим сукиным сыном. Я хотел избить его до полусмерти. Даже сейчас, когда я чувствую его запах на тебе, меня тошнит! - прорычал он.

Ливви заплакала.

Заерзав в объятиях Калеба, ей удалось высвободить свои руки, которые она положила поверх его рук и сжала.

- Я этого не хотела, - всхлипнула она, - но... ты просто... ты такой противоречивый! В одну минуту, я думаю... что ты *должен* что-нибудь чувствовать. Что тебя *должно* это волновать! Но потом... Калеб, ты ужасен. Ты жесток и ты... разбиваешь мне сердце.

Калеб обнимал ее, пока она рыдала, не желая отпускать. Ему хотелось быть способным выразить распирающие его чувства. Ему хотелось плакать. Он чувствовал слезы, собравшиеся комом в горле. У него болело все - сердце, горло, даже глаза, так как он держал их крепко закрытыми. Его руки ломило от той силы, с которой он обнимал Ливви, но он не мог ее отпустить. Он слишком долго воспитывал себя, и в отличие от прогресса, достигнутого с Ливви, себя он воспитал гораздо лучше

- Но я так больше не могу, Калеб. Я пыталась, но не могу, - плакала она, - каждый раз, когда ты появляешься, я тешу себя надеждой, но ты все разрушаешь. Ты разрываешь меня на части! Порой мне кажется, что я тебя, мать твою, ненавижу. И все же! Все же, Калеб, я люблю тебя. Я верю в тебя. И я верю тебе, когда ты говоришь, что все будет хорошо. Но с меня хватит, - сказала она таким решительным тоном, от

которого у Калеба едва не остановилось сердце, - с меня хватит, Калеб. Я покончу с собой!

Моя!

На Калеба обрушилась чистая ярость. Перевернув Ливви на спину, он навалился на нее, припечатывая своим телом.

- Даже не смей! Не смей говорить мне такой ерунды. Так поступают только трусы, и ты это знаешь, - выплюнул он.

Глаза Ливви вспыхнули яростью, под стать его собственной. Он видел это. Чувствовал это.

- Это ты трус, Калеб. Я не боюсь сказать тебе о своих чувствах. Я не боюсь признаться, что несмотря на все, что ты сделал со мной, я люблю тебя.

Она любит меня.

- Ты хоть понимаешь, насколько глупо я себя чувствую, признаваясь тебе в этом? - продолжала она, - ты похитил меня! Ты унижал меня, избивал, практически изнасиловал меня, и всего несколько минут назад заставил меня сосать член у совершенно незнакомого человека в комнате, полной свихнувшихся извращенцев. Я люблю тебя, Калеб, но я не трусиха. Я заслуживаю жизни или смерти на своих собственных долбаных условиях.

Калеб посмотрел Ливви в лицо и сталь, которую он увидел в ее глазах, уже во второй раз потрясла все его существо. Ливви не была трусихой. Он знал это, даже говорил себе, что никогда не назовет ее этим словом, потому что так оно и было. Но самое ужасное – Ливви способна реализовать свои слова. Она оборвет свою жизнь.

Калеб не мог дышать.

- Прости, - прошептал он.

Казалось, это все, что он мог сказать, все, на что он был способен. Ослабив свою хватку, он положил голову на кровать рядом с ней, заставляя себя дышать, превозмогая мучения и боль, сдавливающие его горло. Вскоре, его дыхание стало медленным и глубоким. Несколько минут, они лежали в полнейшей тишине.

Калеб чувствовал слезы Ливви, скатывающиеся по ее лицу - они омывали и его лицо. Они были так близки Калебу, что на мгновение он представил, что это были и его слезы. Они были его признанием. Они говорили обо всем том, чего он не мог произнести вслух... потому что именно он был трусом.

Ливви стала неторопливо шевелиться. Калеб не знал, чего ожидать, но затем почувствовал, как ее руки обвились вокруг него. Его желудок ухнул вниз, а сердце сжалось. Не она должна была его обнимать. Калеб понимал, что именно он должен был успокаивать Ливви, потому как именно он являлся ответственным за каждое из ее страданий. И все же, Калеб был эгоистом. Он позволил ей успокоить их обоих.

- Я думала о тебе, - онемело произнесла она, - когда он ласкал меня. Я думала о тебе.

Калеб прижался к ней, без слов умоляя ее замолчать. Он не хотел слышать об этом, но Ливви необходимо было выговориться, и Калеб это знал.

- Я хотела заставить тебя ревновать. Я хотела, чтобы ты испытал хоть *каплю* того, что испытала я в ту ночь, когда ты трахнул Селию у меня на глазах.

Калеб вздрогнул. Его сердце сжалось еще сильнее. Он надеялся, что слова Ливви означали, что он еще не совсем ее потерял. Каким-нибудь образом, он найдет способ сделать все правильно… с ней, с Рафиком.

- Я безумно ревновал, - признался Калеб.

На мгновение Ливви стиснула объятия, затем ослабила, - Я знаю. Это должно было сделать меня счастливой, но этого не произошло.

Она вздохнула.

- Почему? - мягко спросил Калеб рядом с ее теплой, влажной шеей.

- Мне лучше делать счастливым тебя, Калеб. Мне лучше видеть твою улыбку. Порой, ты улыбаешься, и... , - она замолчала, переполненная эмоциями, - я забываю обо всех твоих поступках.

Калеб не знал, что ему ответить, поэтому он просто сказал правду, - Мне тоже лучше видеть твою улыбку. Вначале, когда я тебя не знал... ты казалась такой грустной. Однажды, я увидел, как ты плачешь, и подумал, что хочу попробовать твои слезы. У меня на этот счет пунктик. Признаюсь, я доводил тебя до слез, только чтобы увидеть их. Твои страдания доставляли мне удовольствие.

Он сглотнул.

- Но теперь, - продолжил Калеб, - мне бы никогда не хотелось снова увидеть, как ты плачешь. Мне бы хотелось вернуться в тот день на улице, когда ты подумала, что я спас тебя от того парня в машине, и просто... остаться в твоей памяти героем. Ты так мило улыбалась мне. Ты благодарила меня. Мне бы хотелось, чтобы так оно и было.

Калеб чувствовал глубокое дыхание Ливви.

- Я знаю, что и мне бы следовало этого хотеть, - сказала она, - но я не хочу. Я обвиняла тебя в том, что ты больной на голову, Калеб. А вся правда в том... что я от тебя ничем не отличаюсь. Мне следовало ненавидеть тебя, Калеб. И сейчас, решив свою дальнейшую судьбу, я должна была желать твоей смерти. Но этого нет. Я не могу представить, какой бы стала моя жизнь без тебя. Наверное, это судьба, - сказала Ливви, - если, конечно, ты веришь в такие вещи. Может, в тот день ты должен был меня встретить. Однажды, ты спросил, хотела бы я освободиться в обмен на другую девушку. Я хотела сказать 'да'.

- Но ты сказала 'нет', - прошептал Калеб.

Он подумал о том, как бы все сложилось, окажись на ее месте другая; возникли бы у него чувства, испытываемые к Ливви, к кому-нибудь другому.

С самого начала его разрывали противоречия. Он был готов уйти из этой жизни так и оставшись в роли правой руки Рафика, пока неожиданно не появилась информация о Владэке. Возможно, его чувства были связаны не столько с Ливви, сколько с его желанием оставить все это в прошлом. Но он сомневался в этом. Ливви была уникальной. Незаменимой.

- Так и было, но я хотела сказать 'да', Калеб. Если бы я хоть на секунду поверила в то, что ты подвергнешь страданиям другую девушку вместо меня... наверное, я бы сказала 'да', - отрешенно произнесла Ливви.

- Я тоже больная на голову. Причем, была такой еще до встречи с тобой.

На мгновение, Калеб задумался над ее словами. Он не верил в их правдивость. Ливви была далеко не больной, особенно когда он сам являлся эталоном безумия. Однако, если ей хотелось увидеть в их отношениях какой-то Божий промысел, и так как она не испытывала к нему ненависти, у него не было ни малейшего желания лишать ее этой веры.

Пребывая в затянувшемся молчании, Калеб стал все больше осознавать присутствие Ливви и степень ее обнаженности. Ему до боли хотелось прикоснуться к ней, заняться с ней любовью, но прежде ему нужно кое-что сказать.

- Я не могу переступить через свой долг перед Рафиком, - сказал он.

Ливви напряглась, и Калеб поспешил озвучить остальное, - Я не прошу тебя это понять, но я не могу просто так взять и уехать.

- Что это значит, Калеб? Что это значит для нас?

Ее слова были произнесены безэмоционально, но Калеб знал, как много в них скрывалось.

- Это значит, что мне нужно донести до Рафика правду. Мы найдем другой способ, может, другую девушку..., - начал он.

Ливви толкнула его в плечо и села, - Ты, черт возьми, издеваешься надо мной, Калеб? Другую девушку? Как мне потом жить со своей совестью?

Ярость Калеба стала возвращаться, - Ты только что сказала...

- Это было раньше! - воскликнула Ливви, - я никогда не позволю кому-нибудь пройти через подобное. Никогда! Пожалуйста, Калеб, пойми меня. Позволь мне одеться и давай сбежим отсюда без оглядки.

Потянувшись к Калебу, она взяла его лицо в ладони, словно в тиски.

- Пожалуйста, Калеб. Прошу тебя.

Уставившись в умоляющие глаза Ливви, он на секунду было подумал открыть рот и сказать 'да'.

- Я ожидаю твоего послушания, Калеб. Ожидаю твоей преданности. Предавший меня делает это только один раз. Тебе понятно? - зловеще спрашивал Рафик.

- Да, Рафик, мне понятно, - отвечал Калеб.

- Я хочу, Ливви, - прошептал Калеб, - могу честно тебе признаться, что кроме своей мести, мне больше всего на свете хочется отвезти тебя отсюда и понять, как называется то, что между нами происходит.

Он потянулся к ее рукам, и, положив их ей на колени, принялся ласково поглаживать.

- Но это то, кто я есть. Я плачу по долгам. Нет ничего первостепенней семьи, преданности, чести и долга. Все время, что я себя помню, Рафик заменял мне семью, и я обязан ему. И если ты просишь меня предать его... то ты никогда не примешь того, кто я есть.

Ливви крепко закрыла глаза, видимо переваривая ту боль, которую причинили слова Калеба.

Он почувствовал себя наивным и глупым. Ему следовало знать, что Ливви не сможет понять ни его, ни его мотивов. Ливви не была монстром и не могла им стать только оттого, что им был Калеб.

- Почему вам так нужно, чтобы этот человек умер, Калеб? Что он сделал? Что он сделал такого ужасного, что ты посвятил всю свою жизнь, и пожертвовал своим счастьем, чтобы убить его? Помоги мне это понять, Калеб, - прошептала Ливви.

Калеб посмотрел на Ливви, и если бы он заметил в ее взгляде хоть малейший намек на снисхождение, он бы сказал ей отправляться ко всем чертям, но единственное, что выражали ее глаза было участие. И ему было удивительно распознать это чувство.

Рафик никогда не был участливым по отношению к Калебу. Да, Рафик был его спасителем, учителем, наставником, и иногда другом. Он обеспечивал его одеждой, кровом и едой. Он выходил его от состояния травмированной шлюхи до опасного человека. Но Рафик всегда требовал выполнения своего долга. И при возникновении со стороны Калеба хоть малейшего намека на нерешительность, Рафик без всяких колебаний, напоминал тому о его месте.

Жизнь Калеба всегда была условной. Одолжение Рафика всегда было условным. Калеб никогда не сомневался в методах проявления власти своего наставника, и для него никогда не имело значения, что Рафик требовал слепого подчинения. Калеб всегда верил, что ему повезло остаться в живых, и он был благодарен за это Рафику. Калеб до сих пор был благодарен и всегда будет, но до появления Ливви он никогда не знал, каково это, когда кто-то проявляет о тебе настоящую заботу.

- Думаю..., - сердце Калеба заколотилось в груди, - думаю, он... продал меня.

Все его тело ощущалось охваченным огнем, словно оно горело, потрескивая, пробираясь пламенем прямо к его костям.

- Продал? Как... как... в...?

Казалось, Ливви не могла подобрать слов.

Калеб посмотрел ей прямо в глаза и ожесточился, - Это было давно, ясно?! - зло рявкнул он.

- Я был маленьким. Я даже не помню, сколько мне тогда было лет. И у меня не осталось никаких воспоминаний о своей жизни до Нарви. Иногда, мне кажется, что я что-то помню, но я не могу быть в этом уверен. Даже воспоминания о моих первых годах с Нарви весьма туманны. Я не был рожден монстром, Ливви.

Лицо Ливви сморщилось и она, казалось, вот-вот разразится слезами. Обняв Калеба за шею, она изо всех сил прижала его к себе, - О, Боже! Ох, Калеб. Мне так жаль, что я так тебя называла. Мне так жаль.

Калеба переполняли эмоции. Ему не нужна была ее жалость. Ему не нужна была ничья жалость. Но все же, ему нужны были объятия Ливви. Он не хотел ее отталкивать.

- Я был не один. Нас было шестеро, - сказал Калеб.

Он крепко прижал Ливви к своей груди.

- Я даже не помню, как меня продавали. Не было ни аукциона, ни чего-то подобного. Кажется, меня привезли в ящике. И по сей день, я не переношу ни

замкнутые пространства, ни суда - ненавижу суда. И со мной, - пытался продолжить Калеб, - делали многое. Нарви обожал избивать меня... кроме всего прочего.

Калеб почувствовал, как Ливви обняла его еще сильнее.

Моя!

- Думаю, я слишком быстро повзрослел. И по сравнению с остальными я был чересчур высоким. У меня появились волосы в паху и под мышками. Мужчины, которые... , - Калеб с трудом сглотнул, - они хотели маленьких мальчиков, а не подростков. Думаю, Нарви собирался меня убить.

- Прекрати, - всхлипнула Ливви, уткнувшись в его шею, - я больше не могу это слушать.

Калеб ощутил, как к нему подкралось неприятное чувство: стыд. Чистый и неприкрытый стыд.

- Уже не любишь меня, узнав, что я был шлюхой?

Он отпихнул Ливви от себя, и она плюхнулась спиной на кровать. Ее красные, опухшие глаза уставились на Калеба с презрением.

- Ты - идиот! - сказала она и села, - Я больше не могу это слушать, потому что мне невыносима мысль о твоих мучениях.

Она медленно и осторожно поползла к Калебу. Ему хотелось убежать, но он оставался неподвижным, пытаясь вникнуть в сказанные Ливви слова.

- Это было давно. Они за все заплатили.

Встретившись с ней глазами, Калеб увидел, как ее лицо озарилось от понимания.

- Байкеры, - прошептала Ливви.

- Да, - сказал Калеб.

Он прочистил горло, стараясь оставаться спокойным, тогда как ему хотелось что-нибудь сломать, выместив на этом свою смертоносную ярость.

Ливви кивнула, - Они заслужили смерть.

Калеб недоверчиво поднял голову. Ливви продолжила, - Нарви тоже заслужил смерть. И я... я понимаю, почему ты не можешь об этом забыть.

- Правда? - пульс Калеба отдавался в его ушах.

Ливви улыбнулась, но ее улыбка не коснулась ее глаз, - Правда, Калеб.

- Но...? - подгонял он.

Уголки губ Ливви опустились вниз, - Я не могу позволить тебе заменить меня. Я не смогу жить с собой. Я не смогу жить... с тобой.

- А что, если это зависит не от тебя?! - рявкнул Калеб.

Ливви подняла руку, и, согнув пальцы, потянулась к нему. Она приближалась к нему медленно, словно он был диким зверем. У Калеба было желание оттолкнуть ее руку, но печаль на лице Ливви, его остановила.

Он разрешил ей дотронуться до своего лица и восхитился тому, сколько ласки несло в себе такое простое, и все же, такое значимое прикосновение. Закрыв глаза, он позволил себе почувствовать себя любимым, желая сохранить этот момент в памяти.

Было больно от мысли, что это мог быть первый и последний раз, когда кто-то прикасался к нему подобным образом.

- Я не могу ждать два года, пока ты придешь за мной, Калеб. Мне надоело быть принцессой в замке. Мне не нужно, чтобы кто-нибудь меня спасал, - сказала она.

Ее голос был спокойным, твердым.

- Ливви..., - начал он, но она приложила пальцы к его губам.

- Я сделаю это, Калеб. Я отправлюсь на аукцион, и буду безупречной. Я сделаю так, что этот сукин сын меня захочет, - ее дыхание сбилось, - и когда мы окажемся наедине... я убью его ради тебя.

Глаза Калеба распахнулись, и он замотал головой, - О чем ты, нахрен, говоришь?

- Ты же хочешь, чтобы он был мертв, так? - сказала Ливви, - какое имеет значение, кто его убьет и когда? Я могла бы отравить его или что-то в этом роде.

Калеб смог только улыбнуться, прекрасно понимая, что никогда не позволит ей этого сделать. Но сам факт того, что она это предложила...

- Я думал, что тебя не интересовала месть, - поддразнил Калеб.

- Меня не интересует *моя* месть, Калеб. Но ради тебя..., - прошептала Ливви и ее глаза досказали остальное.

Калеб набросился на Ливви, опрокидывая ее спиной на кровать. И когда она раскрыла от неожиданности рот, он воспользовался случаем, и поцеловал ее. Ему не хотелось чувствовать вкус Малыша на ее губах, но он отказывался останавливаться. Он нуждался в этом. Он нуждался в Ливви и ее любви.

Его сердце никогда не было таким переполненным. И если бы оно могло разорваться от силы и мощи испытываемого чувства, то из него вытекли бы только потребность и желание к Ливви.

Калеб вложил в этот поцелуй все, что чувствовал, и чего не мог выразить словами. Его руки обхватили Ливви, прижимая ее к своему телу ближе, сильнее. Невозможность касаться одновременно каждого дюйма ее тела казалась великой несправедливостью.

Ближе!

Моя!

Он разорвал поцелуй, только потому, что нуждался в ее разрешении. Он больше не мог брать от нее то, чего она не желала отдавать.

- Могу я...

Трахнуть тебя? Звучит неправильно. *Заняться с тобой любовью?* Слишком, мать его, слащаво.

- Да, Калеб! Ради всего святого, да! - воскликнула Ливви и снова притянула его для поцелуя.

Калеб тихонько хихикнул в ее губы, но сразу же пришел в себя. Ему хотелось, чтобы все прошло идеально. Для них обоих.

Несмотря на протесты своего тела, он поднялся с кровати. Протянув Ливви руку, он сказал, - Я хочу принять душ. Я слишком долго этого ждал, и хочу, чтобы были только ты и я. Хочу чувствовать только *твой* запах.

Ливви залилась краской, но промолчала. Она взяла Калеба за руку и последовала за ним в ванную комнату, чтобы смыть с себя следы другого мужчины.

Он целовал ее под каскадом теплой воды. Всего лишь несколько часов назад, Калеб сказал ей, что больше никогда этого не сделает. Каким же дураком он был!

Прижимаясь к обнаженной Ливви, кожа к коже, он жалел обо всех тех ужасных вещах, которые с ней сотворил. Он решил сделать все, что угодно, лишь бы загладить свою вину. Он будет умолять ее о прощении. Он откроет свою душу. И если понадобится, истечет кровью и погибнет, но больше никогда не сделает ей больно.

- Я люблю тебя, - произносила она между поцелуями.

- Шшш, - шептал Калеб в ее губы.

Он знал, что она хотела услышать ответные слова. И он тоже хотел ей ответить, но не мог лгать. Калеб был монстром. Монстры не любят.

Он заботился. Он жаждал. Он испытывал похоть. Он чувствовал даже больше, чем когда-либо мечтал, но все же... он не мог быть уверен в том, что это была любовь. Он не станет лгать.

Калеб начал опускаться на колени, осыпая тело Ливви поцелуями. Слизывая воду с ее сосков, он посасывал напряженную плоть долгими, жадными движениями. Проведя языком под ее грудями, он скользнул ниже по ребрам.

Калеб преклонился перед ее животом и бедрами, и, наконец, развел ноги Ливви в поисках источника ее женственности.

Он чувствовал запах ее возбуждения, видел красноту ее набухшего клитора, выглядывающего из ее складочек. Разведя ее ноги еще шире, он впился глазами в раскрытые лепестки ее малых губ. Совсем скоро, его член будет скользить по ним, проникая в этот жар. Она будет его – бесповоротно.

Подавшись вперед, Калеб поцеловал ее киску так, как сделал бы это с ее губами. Она простонала и опустила руки ему на голову, притягивая его ближе. Именно там Калеб и хотел быть - ближе.

Он нежно поддразнивал ее губы кончиком языка, позволяя им медленно раскрыться, пока ее возбуждение и его рот делали Ливви влажнее. Когда она толкнулась к его лицу, он погрузился глубже, пробуя ее изнутри.

- Ох, Калеб, - вздохнула она, - О, Боже. Как приятно.

Руки Калеба не бездействовали. Они путешествовали по ее коже, то раздвигая ее бедра, то царапая заднюю сторону ее ног, заставляя ее подниматься на носочки. Он продолжал эти блуждания, полизывая, посасывая и даже трахая Ливви своим языком.

- Я сейчас кончу, - задыхалась Ливви.

Калеб схватил ее попку обеими руками, и, удерживая ее на месте, простонал в ее киску, когда она кончила на его языке.

- Калеб! - вскрикнула она, сжав его волосы в кулачках.

Она не могла двигать бедрами, поэтому притягивала его ближе. И как только тело Ливви перестало содрогаться, она отпустила его волосы. Это было больно, но Калебу нравилась боль, особенно при таких обстоятельствах.

Он медленно поднялся, позволяя своим коленям отойти после длительного пребывания на душевом полу, и выключил воду. Ливви протянула руку и сжала его член, заставив его вздрогнуть. Он был твердым, а ее прикосновение сделало его нетерпеливым.

Как можно скорее они вышли из душа и вернулись в спальню. К черту полотенца.

- Я хочу тебя, - сказал Калеб и лег рядом с Ливви в предвкушении предстоящего.

- Я тоже хочу тебя, - ответила Ливви и развела свои ноги.

Она дрожала, покрытая водой с головы до пят.

Калеб потянулся к киске Ливви и стал ласкать ее своими пальцами, наслаждаясь звуками, которые она издавала и движениями, которыми она к нему прижималась. Удостоверившись в ее готовности, Калеб скользнул указательным пальцем в ее тугую, влажную дырочку.

- Ох, - вздохнула Ливви.

Она стала двигаться взад-вперед.

У Калеба потемнело в глазах от желания. Внутри она была такой тугой. Ее мышцы засасывали его палец, погружая его глубже в себя. Не было ни единого шанса, что он уместится в ней, не подготовив прежде, как следует.

Наклонив голову к ее соску, Калеб зажал его между своими губами. Когда ее бедра подались вперед, он скользнул в нее еще одним пальцем.

- Ай! - воскликнула Ливви, за чем последовал стон, вызванный ласками ее соска.

Калеб подождал, пока она расслабится, а ее ноги раскроются, после чего начал медленно двигать пальцами туда и обратно. Ее мышцы перестали напрягаться, растягиваясь вокруг его пальцев и увлажняя их ее желанием.

- Будет немного больно. Ты же знаешь об этом, да? - сказал Калеб.

Посмотрев в карие глаза Ливви, он увидел ее доверие. Он больше не хотел его предавать.

- Я знаю, все в порядке, - сказала она и прильнула к его губам.

Поцелуй, которым она одарила Калеба, был теплым и сладким.

Он нащупал пальцами ее девственную плеву.

- Подними руки над головой, - сказал он.

Ливви незамедлительно подчинилась, и Калеб прижал ее запястья своей левой рукой.

Он погрузился пальцами еще глубже, разводя их вширь.

- Калеб!

Ливви попыталась увернуться от его пальцев, отражая на лице испытываемую ею боль.

- Я знаю, Ливви. Я знаю, это больно, но скоро все закончится, обещаю, - он нежно целовал ее губы, не обижаясь на то, что она не возвращала ему поцелуи, потому как была слишком поглощена своим дискомфортом.

- Пожалуйста, - хныкала она.

- Расслабься, Ливви, - утешал он.

Калеб кружил по ее клитору большим пальцем, продолжая толкаться в ее девственную плеву. Наконец, он почувствовал, как та порвалась. Казалось, она исчезла, словно ее никогда и не было.

- Ой, - всхлипнула Ливви, и потерлась головой о вытянутую руку Калеба.

- Шшш, уже все. Думаю, эта была самая неприятная часть, - прошептал он и поцеловал ее дрожащие губы.

Он отпустил ее руки и вздохнул, когда она обернула их вокруг его шеи и принялась покрывать ее поцелуями.

Калеб осторожно вытащил свои пальцы. Ливви хныкнула и перестала его целовать. Они оба опустили взгляд и увидели светло-розовую кровь.

Калеб ничего не слышал, кроме биения своего сердца, грохотом отдающего в ушах.

Моя!

Он бросил на Ливви быстрый взгляд, и увидел ее смущение. Глядя ей в глаза, он положил пальцы себе в рот и слизал ее девственную кровь. Теперь уже лицо Ливви пылало не от смущения, а от ужаса. Но Калебу было все равно.

- Вот. Теперь ты часть меня, навсегда. Ты моя, Ливви. Надеюсь, ты понимаешь.

Ливви громко сглотнула, переводя взгляд от Калеба на его пальцы и обратно.

- Твоя, - сказала она, а затем добавила, - только твоя. А ты мой, только мой.

Калеб мог только улыбнуться. Ему бы не удалось сказать лучше.

- Готова?

Она провела ладонью по его лицу, - Да.

Калеб взял свой член в руку. Он не помнил, когда был настолько твердым. Его радовало, что это был первый раз Ливви, потому что с ней он долго не протянет, и может тогда, ей будет не слишком больно.

Он стал водить головкой своего члена по ее влажности, раз за разом намеренно задевая ее клитор.

- Калеб, прекрати это. Давай начинай уже, - простонала она.

Она попыталась направить член Калеба в себя, но он отвел свои бедра назад и рассмеялся.

- Какая у тебя жадная, маленькая киска.

- Ммм, - протянула она, - Тем легче я заставлю тебя кончить.

Калеб почти слетел с катушек. Он и представить не мог, что Ливви способна на такие пошлые словечки. Ему это нравилось.

- Ну, вот мы и узнаем, так это или нет?

Калеб толкнулся в ее киску. Он не врывался в нее, но действовал не слишком медленно. Ему хотелось довести Ливви до состояния, когда боль останется далеким воспоминанием, и она сможет насладиться тем удовольствием, которое он хотел ей подарить.

- О, Господи! - вскрикнула она.

Ее ноги обвились вокруг него в попытке обездвижить, но Калеб попросту поднял ее на руки и подался вперед. Облепив его своими конечностями, она повисла на нем как маятник, и благодаря силе притяжения, провиснув под собственным весом, впустила Калеба еще глубже.

- Пожалуйста, - прошептал Калеб на арабском, - я хочу полностью оказаться в тебе или погрузиться внутрь до основания.

- Что? - спросила Ливви сквозь сжатые зубы.

- Я сказал, что твоя киска восхитительна!

Проклятье, так оно и было!

Отклонившись на пятки, Калеб обернул свои руку вокруг Ливви. Протолкнувшись еще на несколько последних дюймов, он громко зарычал, почувствовав ее попку на своих яичках. Он ждал. Ливви крепко держалась за него, оставляя поцелуи на его лице, губах, и шее. Она вздохнула, когда ее мышцы, наконец, расслабились, а Калеб привык к своему ощущению в ней.

- Я люблю тебя, - повторила она, - Я так чертовски сильно, тебя люблю.

Оказавшись в Ливви, Калеб окунулся в состояние блаженства. И если и было самое подходящее время, чтобы повторить ее слова, то оно было именно сейчас. Однако он не мог. Он надеялся, что сможет…но со временем. Все, на что сейчас он был способен - это ласкать ее, целовать и скользить внутрь и обратно в надежде на то, что она почувствует все то, что он хотел ей сказать.

- Ты моя, - прошептал он.

- Твоя, - повторила она.

Внутри Ливви была слишком тугой, слишком влажной и слишком, мать ее, невероятной, чтобы Калеб мог сдерживаться. Удерживая Ливви на руках, он толкался своими бедрами, припечатывая себя к ее влажной плоти. Ливви двигалась на его члене вверх-вниз. Каждый раз, входя в нее до упора, Калебу хотелось кричать от удовольствия, но он ограничился пошлостями, прошептанными на языке, которого она не знала.

- О. О. О, Боже, - казалось, это было все, на что была способна Ливви.

Калеб почувствовал жар у основания своего позвоночника и знал, что тот станет распространяться. Он собирался кончить в любую секунду, и как бы ему ни хотелось, он не мог сделать это в киске Ливви.

Калеб положил ее на кровать, сопротивляясь ее рукам, цепляющимся за его спину и плечи.

- Руки над головой, сейчас же, - приказал он.

- Да, Калеб, - простонала Ливви.

Беспрекословного подчинения Ливви было достаточно, чтобы толкнуть Калеба через край. Он втянул ее сосок в рот, и сделал это жестко, заставив ее вскрикнуть, после чего вышел из нее, и кончил ей на бедро.

Отдышавшись, Калеб прижал к себе ее дрожащее тело. Он никогда не чувствовал себя таким счастливым, но Ливви плакала.

- Тебе больно? - прошептал Калеб.

Ему было не по себе от мысли, что он забрал больше удовольствия, чем доставил. Но Ливви протянула руку, коснулась его лица и улыбнулась.

- Я в порядке, - робко сказала она.

Калеб утер ее слезы.

- Тогда почему ты плачешь?

- Не знаю, - ответила Ливви.

Дрожащими руками она смахнула волосы Калеба со лба. Он закрыл глаза, наслаждаясь тем, в какой собственнической манере она к нему прикасалась.

- Думаю, я просто счастлива, - прошептала она.

Калеб усмехнулся, - Странное выражение счастья, но ладно.

Он наклонился и слизнул одну соленую каплю, скользящую к уху Ливви и улыбнулся, почувствовав ее попытки поерзать под ним.

- Что ты делаешь? - спросила она и засмеялась.

- Мне было любопытно, - прошептал он.

- Насчет чего?

Калеб с трепетом посмотрел на Ливви. Он сделал с ней так много ужасных вещей, тех, которые он никогда не сможет вернуть назад. Но все же, она любила его. И из всех, пролитых ею слез, эти были его самыми любимыми.

- Есть ли разница между вкусом счастливых слез и грустных, - сказал он.

Из глаз Ливви хлынул новый поток, но ее улыбка стала шире.

- И? - прохрипела она.

- Думаю, эти слаще, - прошептал Калеб.

Он поцеловал ее губы и понял, что было настоящей сладостью, - Хотя, наверное, это из-за твоей кожи.

Калеб знал, что ему никогда не удастся исправить того, что он только что сделал, и он был этому бесконечно рад.

Глава 20

Когда-то давно, Калеб держал меня пленницей во тьме, которую теперь использовал для моего соблазнения. Кончики его пальцев очерчивали контуры моего тела, в то время как его губы прокладывали свой путь вниз по моей спине, оставляя

мурашки на пробудившейся коже. Вздохнув, я выгнулась под ним в безмолвной мольбе.

- Ты избалованная, - прошептал он у основания моей шеи.

- Я это заслужила, - прошептала я в подушку.

Одна из его широких ладоней легла на мою ягодицу и я поняла, что приподнимаю свои бедра.

Мне больше никогда не хотелось оставлять кровать Калеба. Я могла довольствоваться проживанием своей жизни в его прикосновениях, его поцелуях, и его занятиях со мной любовью.

Он игриво шлепнул меня по заду, - Осторожно, Котенок, если ты еще раз поднимешь свою попку к моему лицу, то узнаешь какой я, на самом деле, извращенец.

На мгновение я застыла, не уверенная в том, что хотела продолжать эту игру, но как только я почувствовала, что Калеб начал задевать зубами мой зад, все мои мысли улетучились. Медленно, он втянул мою кожу в рот и нежно укусил меня. Идеальное сочетание удовольствия и боли.

Его язык исследовал каждый дюйм моего тела, перед тем, как двигаться дальше.

С каждым укусом, с моих губ срывались негромкие вздохи.

- Нравится, зверушка? - прошептал он.

Он мягко подул на мою увлажнившуюся кожу, и я простонала.

- Да, Калеб, - вздохнула я.

Теперь он называл меня по имени, и пока мое сердце оттаивало от мысли, что он видел во мне человека, а не вещь, я была счастлива иногда побыть его Котенком. Хорошо это или плохо, но Калеб привил мне свой вкус. И мне нравилось знать, что единственное, что мне надо было делать для его счастья - следовать его четким инструкциям. Я трогала его, как мне заблагорассудиться, а он направлял меня, всегда зная, что делать. Среди всех унижений, через которые он меня провел, единственное, чего Калеб никогда не делал - он не давал мне стесняться своего тела или своей неопытности.

Он переместился, расположив руки так, чтобы я приспособилась к его позиции. Член Калеба вжимался в мою левую ногу, тогда как моя правая скользила вверх по кровати. Я вспыхнула, понимая, насколько открытой выглядела с заднего ракурса, но я не остановила его от дальнейшего изучения. Если Калеб чего-нибудь хотел, он, так или иначе, неизменно получал это. Поэтому, я выбрала путь наименьшего сопротивления и наибольшего удовольствия.

Я втянула в себя воздух, когда его палец прошелся вдоль моей киски. Внутри у меня все болело, но его мягкие, умелые ласки моего клитора были просто волшебными. С ним так было всегда.

Пока его пальцы кружили вокруг чувствительного бугорка, мои бедра нашли свой собственный ритм, то преследуя прикосновения Калеба, то отстраняясь от их настойчивости. Мне не хотелось безумия оргазма - меня вполне устраивало изнывать от ленивого наслаждения, которое Калеб с такой легкостью разжигал.

Он возобновил свои любящие покусывания, и я уже больше ничего не могла делать, кроме как извиваться и стонать.

- Еще раз скажи мне, кому ты принадлежишь, - прошептал Калеб.

Я простонала, громко и беззастенчиво.

- Тебе, Калеб. Я принадлежу тебе, - выдохнула я.

- Ммм, - протянул он и снова укусил меня.

Я ахнула, но не стала отстраняться от его рта.

- Как же мне хочется, чтобы тебе не было больно. Умираю от желания снова оказаться в тебе.

Мой желудок сжался, и, произнося свой ответ, я казалась бездыханной, - Я тоже хочу тебя.

Инстинктивно, я подняла попку к его лицу. Калеб обернул руку вокруг моего правого бедра, удерживая меня на месте, когда его язык скользнул туда, где я его меньше всего ожидала.

- Калеб! - вскрикнула я, и попыталась отползти от его рта.

Я двигалась словно кошка, стремящаяся улизнуть от воды, но Калеб держал меня там, где ему хотелось. Ощущение его языка, вылизывающего мой сфинктер, было чужеродным и шокирующим.

- Перестань дергаться, - приказал он.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но когда его язык толкнулся в мою дырочку, это лишило меня всякой возможности говорить. Я застыла от чистого инстинкта, позволяя Калебу трахать своим ртом эту тайную часть меня.

Мои мышцы ныли от напряжения, вызванного попытками оставаться неподвижной. Хотя, уже через некоторое время, я расслабилась под ласками Калеба.

Он наградил меня, ослабив хватку на моем бедре, и вернув свои пальцы к моей позабытой киске. С первыми же потирающими прикосновениями его пальцев к моему клитору, я кончила. Этого было слишком много, чтобы сопротивляться столь абсолютному доминированию Калеба надо мной. И только одной мысли о том, что он удерживал меня лицом вниз, лаская языком мой зад, а пальцами мой клитор, было достаточно, чтобы и во второй раз толкнуть меня в бездну ощущений. Я рухнула на кровать, как тряпичная кукла.

Калеб перевернул меня на спину, и спешно сдернув меня с кровати, подтянул мою голову к своим коленям. Я открыла рот для его члена, проглатывая все, что он соизволил мне дать.

Калеб забрал мою девственность нежно, но я знала, что в дальнейшем буду иметь дело с этой новой версией него.

Я лизала и сосала его восхитительный член, пока он не сказал мне остановиться, после чего обхватил меня своими руками.

Эта была первая ночь за, приблизительно, четыре месяца, когда я чувствовала себя в безопасности, сытости и любви. Первая ночь, когда я спала, как убитая.

Рафик задерживался из-за какого-то непредвиденного события, о котором Калеб мне ничего не рассказывал.

Два дня и две ночи прошли в атмосфере чуда. У нас было целых два дня для того, чтобы быть самими собой, быть свободными от обязательств и мыслей о мести. Два дня занятий любовью в постели Калеба.

Он все еще оставался извращенным ублюдком и я была рада узнать, что его склонность к любым воображаемым мучениям не ослабла.

Воспоминания о моей девственности бесследно исчезли, позволив Калебу ни в чем себе не отказывать. Ему нравилось, когда я его умоляла. Перекидывая меня через свое колено, и приподнимая мой зад вверх, он проникал в меня двумя пальцами, заставляя умолять его об оргазме. Что я с радостью и делала, но эта уловка включала в себя порку до моего освобождения. Под конец, я уже не могла сопротивляться; мои мольбы становились такими же реальными, как мои оргазмы и покалывание от его ладони. После, он швырял меня на кровать и трахал до тех пор, пока не кончал сам, в процессе доводя меня еще до одного пика наслаждения.

Большую часть времени мы провели между кроватью и душем.

На третье утро, в комнату - чтобы раздвинуть шторы - вошла Селия с подозрительной, но игривой ухмылкой на лице. Мне не удалось поговорить с ней с той самой вечеринки Фелипе, и когда я попыталась, она, как и Калеб, казалось, были против этой идеи.

- Она принадлежит Фелипе, мы знаем, что она здесь для того, чтобы за нами шпионить. Она тебе не подруга и никому из нас не следует ей доверять, - разглагольствовал Калеб после ухода Селии.

- Она даже не хочет со мной разговаривать. Если бы она была шпионкой, разве она не пыталась бы, ну, не знаю, вытянуть из меня какую-нибудь информацию? - сказала я.

- Не будь такой наивной, Котенок. На твоем лице написано все, что между нами происходит. Ты ничего не можешь скрыть, твои эмоции доступны всем и каждому, - зло ответил он.

Я не могла не улыбнуться. Я была счастлива. И я не хотела этого скрывать, хотя и знала, что ситуация оставалась опасной.

- А что ты ожидаешь, чтобы я делала, Калеб, просто не обращала на нее внимание? Она видела меня с раздвинутыми ногами и делала мне восковую эпиляцию!

- Я ожидаю послушания, я ожидаю преданности.

Очевидно, Калеб не был расположен к юмору, и я знала, что это было связано с Рафиком. Он все еще продолжал бороться с тем, что называл предательством. Теперь я понимала, почему эта ситуация была для него сложной, но моя потребность в выживании, моя потребность в нашем совместном побеге была для меня намного важнее потребности Калеба правильно разрешить ситуацию между ним и Рафиком.

- Я предана тебе, Калеб. Но в остальном, никаких обещаний давать не могу. Ты сам говорил, что Рафик опасен. И он убьет любого, кто встанет у него на пути - то есть, нас. На данном этапе, либо мы, либо он, Калеб. И это тебе нужно решить, к кому склоняется твоя преданность.

Калеб смотрел на меня несколько секунд, после чего выражение его лица смягчилось. Тяжело вздохнув, он кивнул, - Я должен увезти тебя отсюда, Котенок. Я обещал тебе безопасность, и я это выполню, но я тебе уже говорил... Я не могу предать

Рафика больше, чем уже это сделал. Мне нужно поговорить с ним, убедить его в наличии иного выхода. И потом, я приеду за тобой.

Я подползла к нему и обняла за шею, - Я не могу уехать без тебя, Калеб. Что, если ты не вернешься? Я буду одна, а случиться может все, что угодно. Что, если... что если он убьет тебя? Как мне потом жить?

По моему лицу текли слезы, пока я пыталась найти подходящие слова, чтобы убедить Калеба уехать вместе со мной, и забыть о своем долге перед Рафиком.

- Я смогу позаботиться о себе, Котенок. Но ни при каких обстоятельствах я не могу оставить это дело незавершенным. Если мы убежим, он никогда не перестанет нас искать. И что тогда? Я не хочу всю жизнь скрываться. Каким-нибудь образом, я должен это закончить, - сказал Калеб.

Он гладил меня по волосам, стараясь утешить, но его слова оставили меня холодной и онемевшей.

- Я не хочу уезжать, - прошептала я.

- Завтра у Фелипе состоится еще одна вечеринка. На ней будет много людей, и я надеюсь, много возможностей для того, чтобы улизнуть. Ты уедешь, зверушка. Это единственный способ сохранить тебя в безопасности.

Калеб обнял меня так крепко, что я не могла дышать, не говоря уже о том, чтобы плакать. Еще одна ночь - все, что у нас осталось. И я была полна решимости выжать из нее по-максимуму.

Я отстранилась от Калеба. Мне хотелось видеть его лицо. Мне хотелось запомнить каждую черточку, каждую ресничку. Я посмотрела в его глаза, цвета Карибского моря и то, что я увидела, взбудоражило мою душу, но разбило мое сердце.

- Скажи мне, что ты любишь меня, Калеб, - прошептала я.

Он поцеловал меня, смягчая свой отказ.

- Мне бы этого хотелось, Котенок.

***

Я услышала стук. Громкий, неистовый стук. Мои глаза мгновенно распахнулись, и окружающая темнота только усилила мою панику. Калеб уже вскочил с кровати.

- Ложись на пол, и не двигайся, - произнес он взволнованным шепотом, а сам направился к шкафу и распахнул его дверцы.

Потянувшись к прикроватному светильнику, я включила его.

- Что происходит? - спросила я и, скинув с себя покрывало, сползла на пол.

Калеб что-то швырнул в мою сторону, и это что-то прилетело в мою грудную клетку. Это была одежда.

- Надевай, живо! - сказал он.

Он, в свою очередь, натягивал штаны, спешно застегивая пуговицу. Повозившись с какой-то коробкой, Калебу, наконец, удалось ее открыть. Вытащив из нее револьвер, он зарядил его. В мои вены хлынул адреналин. Должно было произойти что-то ужасное.

- *Abra la puerta!* - прокричала Селия с той стороны двери.

Она сама была в панике, и я не знала, как на это реагировать.

Калеб поспешил ко мне, и опустился на пол, на что я обняла его руками, притягивая ближе. Впившись в мои запястья, он оттолкнул меня и вложил в мою руку что-то холодное и твердое.

Опустив глаза, я увидела его револьвер.

- Одевайся и оставайся здесь. Я постучу два раза, прежде чем войти. Если в комнату проберется кто-нибудь другой, стреляй, нахрен, на поражение. Тебе понятно? - сказал он.

Моя паника сделала меня слепой и глухой. Я не понимала. Я понятия не имела, что Калеб пытался мне сказать. Он встал, и хотел было уже уйти, но я схватилась за его ногу, - Калеб! Не уходи, не надо.

- Делай, что я тебе сказал! - крикнул он и так сильно дернулся из моего захвата, что я испугалась, что опять вывернула свою руку из сустава.

И прежде, чем я смогла снова в него вцепиться, Калеб оказался в другой части комнаты.

Припрятав сбоку большой нож, он встал в стороне от двери и медленно ее открыл. В комнату вбежала Селия, но у нее не было шанса произнести ни единого слова, потому как Калеб схватил ее за шею и приставил к горлу нож. Она попыталась высвободиться из его хватки, но Калеб быстро утихомирил ее, полностью обездвижив.

- Что происходит? - прорычал он.

- Я пришла, чтобы предупредить вас, - сказала она, - Рафик и его люди здесь. Они внизу, с Фелипе. Они хотели вас видеть.

Руки Селии вцепились в предплечье Калеба вокруг ее глотки.

- *Por favor,* - всхлипнула она.

- Калеб, отпусти ее, - разрыдалась я, - она пришла, чтобы предупредить нас.

Калеб так сильно сжимал глотку Селии, что оттуда перестали доноситься даже жалобные всхлипы, - Мы этого не знаем, Котенок. Она могла оказаться здесь, чтобы разлучить нас.

- Ты же убьешь ее! - уговаривала я.

Я не верила в то, что Селия предаст меня, но у меня не было причин думать, что она бы этого не сделала.

Я подняла зажатый в руках револьвер, - Отпусти ее, Калеб. Я буду держать ее на мушке.

Калеб уставился на меня. Его взгляд был сам не свой, и напоминал мне скорее животное, нежели человека.

- Пожалуйста, Калеб. Отпусти ее, - умоляла я.

Неторопливо, его рука, обернутая вокруг Селии, ослабла, и она рухнула на пол, рыдая и держась за свое горло. Посмотрев на Калеба, я увидела отвращение в его глазах при взгляде на испанку.

- Что ты собираешься делать, Калеб? - спросила я, чтобы перенаправить его внимание.

Как бы мне ни нравилась Селия, жизнь мне нравилась гораздо больше.

Калеб кивнул, сжав в кулаке свои волосы на затылке, - Мне нужно встретиться с ними.

- Ты не можешь! Что, если они только и ждут, чтобы убить тебя?!

- Если все так, как говорит Селия, то у меня нет причин не спуститься вниз, так ведь? - опустившись на одно колено, Калеб приставил нож к ее горлу.

- Нет, - молила Селия, - Фелипе послал меня предупредить вас.

- С чего бы ему предупреждать меня? - настаивал Калеб.

- Фелипе знает о том, что происходит между вами двумя, и не сказал Рафику ни слова. Ему не хочется иметь дело с нежелательными последствиями. Вы находились здесь несколько месяцев, а не несколько дней, как было изначально обещано Рафиком. И последнее, что моему Хозяину нужно - это кровопролитие в его собственном доме, - плакала Селия.

Она потирала свое горло; оно было красным, но казалось, что причиненный вред был незначительным - она могла четко разговаривать и никаких синяков на ее коже не наблюдалось.

Калеб встал, - Оставайся здесь, с ней, пока я не вернусь.

Меня настиг мой самый худший кошмар - Калеб выйдет за дверь и больше не вернется. Я знала это.

- Калеб, пожалуйста, не уходи. Давай уедем. Прямо сейчас.

- Если возникнет какая-нибудь угроза, я выведу ее отсюда, - внезапно предложила Селия.

Мы с Калебом недоверчиво уставились на нее.

- В стенах этого дома есть проходы. Фелипе приказал выстроить их на случай, если нам придется бежать. Я выведу ее отсюда, обещаю.

- С чего бы это? - спросил Калеб.

Казалось, он сменил гнев на милость в отношении Селии.

- Не из-за вас, - фыркнула она, - я не хочу, чтобы она страдала.

Калеб кивнул, - Спасибо, Селия. Я перед тобой в долгу.

- Но если с Фелипе что-нибудь случится, то я это так просто не оставлю, - сказала она.

- Понятно, - прошептал Калеб.

Он вытащил рубашку из шкафа, и оделся.

- В библиотеке? - спросил он.

Селия кивнула и на этом, Калеб вышел из комнаты.

Мне хотелось закричать. Калеб ушел, оставив меня защищаться самой. Он запаниковал и, возможно, угрожал Селии тогда, когда делать этого не следовало.

- Почему ты колотила в дверь? - спросила я у Селии.

Она сидела на полу, держась за свое горло, и утирая капающие из глаз слезы.

- Я не хотела, чтобы они пришли к вам сами. Фелипе едва удалось остановить Рафика от того, чтобы он не поднялся сюда, - негромко произнесла она.

Я почувствовала тяжесть револьвера - теплого от моей руки, и мокрого от моего пота.

- Калеб сказал, что Фелипе наблюдал за нами. Он сказал, что *ты* наблюдала за нами. Почему вы оба помогаете?

- Фелипе никому не доверяет, Котенок. Прости, что не сказала тебе, но мой Хозяин для меня значит больше, чем ты. Я люблю его, но он беспринципен, - сказала она.

У меня закружилась голова, - Ты, действительно, пришла, чтобы предупредить нас, Селия? Или прямо сейчас Калеб отправился в ловушку?

Я старалась казаться раскаивающейся. Я старалась выглядеть другом, спрашивающим совета у своего близкого человека, но по правде говоря, я думала о том, смогу ли пристрелить Селию, если в этом возникнет необходимость. И ответ меня ужаснул.

- Клянусь, я пришла, только чтобы предупредить вас. Насколько я знаю, Калеб просто встретится со своими друзьями, только и всего. И самое худшее, что ты сейчас можешь делать - это паниковать, - произнесла она.

Увидев мольбу в ее глазах, мой внутренний голос подсказал мне, что я могу ей доверять. Я сомневалась, что этот самый голос мог посоветовать хоть что-нибудь дельное, но альтернативный вариант заставлял меня покрываться холодной испариной. Селия была права - я паниковала. Ведь если Рафик хотел нашей смерти, то мог запросто убить нас во сне.

- Я верю тебе, - прошептала я и положила револьвер на кровать.

Селия тут же вскинула на него глаза, но осталась на месте.

Я стала надевать оставленные Калебом вещи.

- Что ты делаешь? Раздевайся. Если они поднимутся и увидят тебя в одежде Калеба, то узнают, что ты собиралась сбежать, - сказала Селия.

- А вдруг что-нибудь случится и мне понадобится одежда?

- Она тебе не понадобятся, Котенок. Обещаю. Вся опасность была в том, что Рафик мог обнаружить вас обоих вместе, в компрометирующей ситуации.

И снова, я поверила ей. Пожалуй, я поверила бы любому, кто сказал бы, что у меня не было причин убивать, и подозревать худшее. Возможно, Селия говорила правду. И я решила верить в менее кошмарный из двух вариантов.

Я быстро сняла рубашку, которую только что надевала.

Внезапно раздался стук в дверь.

- Селия? - спросил мужской голос.

Я потянулась к револьверу.

***

Подходя к двери библиотеки, Калеб изо всех сил старался успокоиться. За пазухой его штанов надежно прятался большой охотничий нож. На мгновение он даже

задумался, правильным ли было его решение встретиться с Рафиком. Калеб рассчитывал, что ему удастся убедить своего наставника в том, что их планы относительно мести, окажутся плодотворными и без приношения Ливви в жертву. Он все еще надеялся именно на этот исход, но ее нахождение в доме было более, чем опасным. Здесь, Ливви была уязвимой. И если с ним что-нибудь случится, он знал, что у нее будет мало шансов на побег.

Калеб все испортил, легко и просто. Он позволил своим эмоциям одержать верх над собой, и опрометчиво повел себя с Селией, которая, возможно, предаст и его, и Ливви, как только ей представится для этого подходящая возможность. И судя по всему, она это уже сделала. Хотя, был только один способ узнать правду, и как бы то ни было, Калеб был полон решимости встретиться лицом к лицу с предстоящей развязкой.

Открыв дверь, он вошел в библиотеку. В приветствии к нему обратились четыре пары глаз, принадлежащие Фелипе, Рафику, Джаиру и Нэнси. Каждый из мужчин держал в руках какой-то напиток, и они говорили на непринужденные темы, устроившись вокруг стола хозяина особняка. Нэнси сидела на коленях возле Рафика, опустив глаза в пол. Она слегка подрагивала, и Калебу стало интересно, являлся ли тому причиной холод или страх... но ему было плевать на оба варианта.

Он облегченно вздохнул, но все еще волновался относительно происходящей наверху ситуации. Он надеялся, что Ливви сможет держать себя в руках, и во время его отсутствия не предпримет ничего радикального.

- *Брат!* Ты спал? Выглядишь уставшим, - сказал Рафик с улыбкой.

- Так и есть, - осторожно ответил Калеб, - я не ждал тебя так скоро.

Рафик с любопытством посмотрел на него.

- С чего бы? Я же говорил тебе, что мне неизвестны сроки разрешения ситуации.

Калеб частенько забывал учитывать политические связи Рафика с пакистанским правительством. Временами, его работа военного чиновника, нарушала его тайную деятельность. И в этих обстоятельствах, даже Калебу было неведомо, чем занимался Рафик, хотя его это, в действительности, мало интересовало. Если тот хотел жить двумя разными жизнями, то не Калебу было в это вмешиваться.

- Я думал, ты сообщишь мне, вот и все. Если бы я знал, что ты приедешь, я бы встретил тебя у двери, - произнес Калеб без запинки.

Наедине, Рафик позволял Калебу говорить с собой свободно, но на людях, требовал неукоснительного следования правилам этикета.

Рафик был старше, и, являясь наставником Калеба, и его бывшим опекуном, находился в положении непререкаемого авторитета. Поэтому публичное проявление неуважения по отношению к нему, было бы самой, что ни на есть, глупостью.

Рафик улыбнулся, - Не переживай, *брат*. Теперь ты здесь, так же, как и я. Подойди, - указал он жестом на соседний стул, - выпей с нами.

Калебу удалось улыбнуться, - Конечно, но сначала, позволь мне подняться наверх и обуться. Я слишком торопился, не зная, чего мне ожидать.

Хотя, честно говоря, единственное, чего ему хотелось - так это пойти к себе в комнату, и хоть немного успокоить Ливви.

- Где Селия? - вмешался Фелипе.

Его тон был веселым и легким, но Калеб увидел, как его глаза сузились, а губы поджались.

- Наверху с Котенком, я не хотел оставлять ее одну, - предложил Калеб, посылая тому предупреждающий взгляд.

- Она все еще нуждается в постоянном контроле? - неодобрительно спросил Рафик.

- Нет, но я, все-таки, подумал, что будет лучше не оставлять ее одну, - повторил Калеб до того, как Фелипе высказал свои соображения.

- Хммм, - протянул Рафик и отпил из своего стакана.

На вид это был скотч.

- Ну, садись, Калеб. Не нужно из-за меня обуваться. Скоро мы все отправимся на отдых. Я так сильно устал от непрерывной дороги.

- Конечно, - сказал Калеб, и, взяв переданный Джаиром напиток, сел напротив.

Араб ухмыльнулся, но никак не прокомментировал, и Калеб решил, что будет лучше не устраивать сцены.

- Фелипе сказал, что девчонка демонстрирует исключительный прогресс. Он добавил, что ее задействовали на одной из его развратных вечеринок, - проговорил Рафик, расплывшись в улыбке во весь рот, - однако он заверил меня, что это участие не затронуло ее девственность.

Калеб опрокинул в себя весь стакан и поморщился, когда янтарная жидкость обожгла его горло, - Да, так и есть.

Его сердце в груди забилось с удвоенной скоростью.

- Рад это слышать, *брат,* - ответил Рафик, - у Джаира на этот счет имеются сомнения, но я сказал ему, что ты никогда меня не предашь. Не из-за какой-то там девчонки.

Калеб обратил к Джаиру свой полный отвращения сердитый взгляд, - Конечно, нет, Рафик. Я никогда не понимал, почему ты слушаешь все, что говорит эта свинья.

Джаир вскочил с места, отбрасывая свой стул назад, но Калеб был готов встретить его натиск. Как только араб атаковал, он подгадал момент, и, подбросив Джаира в воздух, швырнул его на пол. Воспользовавшись растерянностью своего противника, Калеб оглушил его увесистым ударом в лицо.

- Калеб! - предостерегающе вскрикнул Рафик, - Слезь с него, сейчас же!

Но он обрушил на араба второй удар, от которого тот отключился. Калеб не выносил этого сукиного сына, и независимо от того, как обернется ситуация, не собирался терпеть его больше ни одной секунды.

Он потянулся к ножу, решив всадить его Джаиру в грудь, но затем почувствовал, как две пары рук потянули его назад.

- Калеб, нет! - кричал Фелипе, - контролируй себя в моем доме.

Калеб почувствовал, как его ударили ладонью по лицу, и сразу же понял, что это был Рафик. Восстанавливая спокойствие, Калеб услышал звук заряжаемого оружия, после чего нога Рафика приземлилась ему на грудь, выбив из его легких весь воздух.

- Джаир делает то, о чем я его прошу. И если у тебя с этим какие-то проблемы, можешь разбираться со мной. Я не потерплю твоего неуважения. Извинись перед Фелипе, или клянусь, что с этой ночи ты будешь хромать, - выкрикнул Рафик.

Нэнси, позади Рафика, заливалась слезами.

Калеб поднял руки в капитуляции.

- Прошу прощения! Я вышел из себя.

Глаза Рафика горели гневом и Калеб знал, что у того даже рука не дрогнет привести свою угрозу в исполнение.

- Какого черта с тобой происходит, Калеб? - Рафик буквально выплюнул эти слова.

- С первого дня знакомства он напрашивался на то, чтобы я его зарезал, Рафик. Ты, серьезно, думаешь, что я спущу ему это неуважение с рук? На глазах у тебя? Раньше ты никогда во мне не сомневался. Никогда! Но вдруг его слово значит для тебя больше моего? - грудь Калеба сотрясалась под ногой Рафика.

Глубоко вздохнув, Рафик замотал головой.

- Я никогда этого не говорил, *брат*.

Он убрал свою ногу и перезарядил оружие, чтобы вынуть пулю из обоймы.

- Все слишком...

- Я знаю, - прошептал Калеб.

Их месть была совсем близко, и Калеб подверг ее реализацию опасности. У Рафика было полное право пристрелить его на этом самом месте.

Внезапно, грудь Калеба сжалась от боли, но не из-за того, что его удерживали на полу - он предал единственного человека, который никогда не судил его за то, что он делал, ради единственного человека, который полюбил его несмотря на то, кем он стал.

- Прости, - повторил Калеб, зная, что Рафик не мог понять, насколько глубоким было его раскаяние.

Он осознал, что все аргументы для Рафика были бессмысленны, также как и компромиссы относительно их с Ливви судьбы. Оставался только один выход и Калеб всегда знал, что рано или поздно, этим все кончится. Одному из них придется умереть.

***

- Селия? - повторил мужчина.

Держа револьвер в руках, я не знала, что намеревалась с ним делать. Я посмотрела на Селию. Ее глаза были размером с чайные блюдца, но она выставила перед собой руки, сохраняя спокойствие, - Это Фелипе. Пожалуйста, опусти пушку.

- Калеб сказал никого не впускать. Думаю, это относится и к Фелипе, - произнесла я.

Я почувствовала, что вот-вот потеряю сознание, мой мир расплывался, и я подумала о том, чтобы просто выбежать из комнаты.

- Пожалуйста, Котенок! Не будь идиоткой. Фелипе никогда не выпустит тебя отсюда живой, если ты не уберешь свое оружие, - взмолилась она.

- Скажи ему, чтобы он ушел, - прошипела я.

- Он сразу поймет, что что-то не так. Я никогда не говорю ему, что делать, - произнесла она.

Из-за двери послышались громкие стуки, сопровождающиеся непрерывным потоком испанской речи, - Селия, открой дверь, или я ее выломаю.

Меня чуть не стошнило от мысли пойти против Фелипе. Я посмотрела на Селию, и она судорожно утерла глаза от слез.

- Иди к двери, - сказала я.

- Что ты собираешься делать? - рыдала Селия.

- Спроси его, где Калеб, - настаивала я.

Селия кивнула и медленно поползла к двери, - Я здесь с Котенком, - сказала она.

Ее голос казался спокойным, учитывая то, что ее лицо было отекшим от слез. Я была впечатлена.

- Почему дверь заперта? - донесся снаружи рассерженный голос Фелипе.

- Калеб волновался, - сказала она, - где он?

- Внизу с Рафиком, открой дверь, - сказал он.

И это звучало, как приказ.

Селия посмотрела на меня умоляющим взглядом. Взвесив все имеющиеся варианты, я решила позволить Селии открыть дверь, но не было ни единого шанса, что я уберу револьвер далеко от себя. Я положила его на пол рядом с собой.

- Открой дверь, - сказала я.

- Успокойся, Котенок, - прошептала Селия, - Фелипе не причинит тебе вреда, если ты его не вынудишь. Поверь мне.

Она подождала, пока я кивну, после чего, повернула замок. Селия медленно открыла дверь, и в комнату вошел Фелипе с оружием в руке.

- Что происходит? - спросил он Селию, при этом смотря на меня.

Я все еще оставалась сидеть на полу, прячась за своей кроватью.

- Скажи ей, что с Калебом все в порядке, - прошептала Селия.

Она встала между мной и своим Хозяином.

- Почему ты плакала, Селия? Что здесь произошло? - спросил Фелипе.

Его голос был тихим и спокойным.

- Ничего, любовь моя. Я просто составляла Котенку компанию. Она напугана, Фелипе. Скажи ей, что Калеб в порядке. Она волнуется за него, - умоляла она.

- Он в порядке. Они с Рафиком выпивают. В скором времени, он поднимется сюда. Мы можем его подождать вместе, - сказал он, но все же, не опустил свое оружие.

- Почему он сам не поднялся? - хрипло произнесла я.

- Он бы не смог этого сделать, не вызвав подозрений. Я и без того понял, что здесь что-то происходит. Почему ты плакала, Селия? - спросил Фелипе.

Его тон был пронизан злостью.

- Это просто женские разговоры, Фелипе. Пожалуйста, не делай из мухи слона. Она боялась, что ты пришел, чтобы причинить ей вред, и я подумала... - голос Селии сорвался.
Медленно, подняв свою руку, она погладила Фелипе по лицу, - разве ты не помнишь, как это было в начале?

Его глаза стали грустными. Опустив свой пистолет, он поцеловал Селию в лоб.

- Мне жаль, что она пробудила твои воспоминания, - прошептал он, - особенно, когда я так сильно старался, чтобы ты об этом забыла.

- Я и забыла, клянусь, забыла, - прошептала она.

Селия все еще стояла между мной и Фелипе, и хотя я не испытывала к ее Хозяину безусловного доверия, она показала себя настоящим другом, оставаясь между мной и возможной смертью.

Я вспомнила свой разговор с Фелипе, состоявшийся в темнице. Он забрал Селию в качестве трофея, и судя по его собственному признанию, обращался с ней не очень мягко. Смотря же на них теперь, было трудно представить время, когда Фелипе был жесток к своей рабыне. Но опять же, я мало знала о каждом из них.

Казалось, что Селия даже не представляла, как сильно любил ее Фелипе. Мне же это казалось вполне очевидным.

Он кивнул и притянул ее в свои объятия. Селия громко рыдала на его груди, пока тот гладил ее волосы, шепча слова утешения. Эта картина вызвала во мне тягу к Калебу.

- Мне очень жаль, - сказала я, - Я не хотела причинить вам какие-либо неудобства.

И это было правдой. Я, действительно, этого не хотела. Единственное, чего я хотела - это возможность уехать для себя и Калеба.

Фелипе посмотрел на меня, - Иди умойся, милая девочка. Твой хозяин появится здесь с минуты на минуту, и советую тебе быть готовой к его приходу. У вас осталось не так много времени вместе.

- Что вы имеете в виду? - вырвалось у меня.

Фелипе послал мне кривую улыбку, - Мне бы хотелось сделать для вас двоих больше. Мне нравилось наблюдать за развитием ваших отношений. Удачи тебе, Котенок.

И пока я сидела, ошеломленно раскрыв рот, Фелипе вывел Селию из комнаты, и закрыл за собой дверь.

Я сдалась своему заточению в плену. Я сдалась своему Хозяину. Я сдалась любой участи, которая настигнет меня, как только откроется эта дверь.

Глава 21

День 10: 23:00

Практически весь последний час Мэттью провел с чувством тошноты, сковывающим его желудок, что нельзя было назвать необычным – такое состояние частенько сопровождало его в подобных делах.

Мир был больным и испорченным, о чем Мэттью знал не понаслышке, но данное расследование оборачивалось настоящим ночным кошмаром, который он никогда не забудет.

У каждого агента находилось дело, ставшее его персональным наваждением. Для Мэттью таковым была Оливия со своим Калебом.

Личностная идентификация, изучение записей государственных масштабов, и База Данных Национальной Безопасности дали интересные результаты. И в течение последних пяти часов, Мэттью наряду с несколькими другими агентами, занимался складыванием деталей в общую картину.

- Думаю, согласно полученной информации, наиболее вероятным местом аукциона является Карачи, - сказала агент Уильямс.

Ее командировали из Вирджинии, как только раскрылась вся серьезность этого дела.

- Согласен. Ребятам из ФАР не понравится то, чем мы располагаем, но, похоже, что Мухаммад Рафик использовал военные ресурсы для прикрытия своего бизнеса по продаже людей, - сказал Мэттью.

Карачи был прибрежным городом, куда можно было добраться как по воздуху, так и по воде. Это была этнически и социально-экономически разноплановая область, способная маскировать степень неравенства между богатыми и бедными слоями населения.

В соответствии с данными, полученными от старшего сержанта Пателя, имеющего доступ к спискам пассажиров и документации по контролю воздушного движения, в ближайшие два дня намечалось прибытие ряда весьма любопытных влиятельных фигур. Большинство из них уже находилось в городе. Но, к сожалению, ни в одном списке имен не значился ни Владэк Ростович, ни Дмитрий Балк. И все же, Мэттью предполагал, что тот мог передвигаться под вымышленными именами.

Лишь один факт оставался неизменным - обязательное присутствие на аукционе Мухаммада Рафика. Мэттью подумал об Оливии Руис и обо всем, что она рассказала за эти несколько дней. Она ведь и понятия не имела, насколько значимым было участие Рафика в сфере работорговли. И исходя из целой кипы информации,

разложенной на столе Мэттью, он начинал подозревать, что и Калебу это было неведомо.

Рафик занимался своим бизнесом в течение многих лет ради материальной выгоды. По свидетельствам, он был ключевым игроком с 1984 года.

Мэттью взял фотографию Владэка Ростровича и Мухаммада Рафика, сделанную в Пакистане в том же году. Рафик был одет в военную форму, одной рукой он указывал на стол, заваленный российским оружием, а второй обнимал Владэка за плечи.

Наиболее вероятным Мэттью считал, Мухаммад Рафик был военным посредником Владэка Ростровича во время своих миссий в разных частях мира, в частности в Африке, Турции, Афганистане и Пакистане. Возможно, оружие было началом их сотрудничества, но этим оно не ограничилось.

Еще один снимок, датированный 1987 годом запечатлел Рафика и Владэка во время ужина с пакистанскими военными. Они сидели за офицерским столом, за которым также находился Бапото Секибо - печально известный нигериец, сравнявший с землей целые деревни, и уничтожавший мужчин, женщин и детей в погоне за природными богатствами, и ценными территориями для заграничных корпоративных проектов. Корни некоторых из этих корпораций можно было найти даже на родине Мэттью.

Фактически, все трое мужчин были сфотографированы - то в одно, то в другое время - с сенаторами США или Президентами крупнейших компаний.

Мэттью не удивило переплетение секса, оружия и денег. Его шокировало другое. И это были не африканские алмазные месторождения Владэка - нет - наиболее поражающим куском информации оказалось нераскрытое дело об исчезновении ребенка в 1989 году, оказавшееся в сваленной в кучу стопке.

Взяв его, Мэттью уставился на подшитые материалы дела.

- Весьма запутанно, да? - прошептала агент Уильямс с другого конца стола.

Тошнотворное ощущение Мэттью вспыхнуло с новой силой, и он потер свой живот. Уставившись на снимок, он задумался, что ему делать с полученной информацией.

- Да. Это так.

- Ты в порядке? Когда ты в последний раз ел? - спросила Уильямс.

- Несколько часов назад, и то, только салат. С тех пор пребываю на постоянном кофейном пайке, - сказал Мэттью, и послал ей натянутую улыбку.

Было приятно работать с кем-то в команде, даже если агент Уильямс - по его мнению - была молодой и лучезарной. Она все еще пребывала в восторге от своей работы, и не очень хорошо умела это скрывать. Для Мэттью же это было скорее одержимостью - расследование дела, отправление мерзавцев за решетку, и чувство удовлетворения – но он уже давно не испытывал никакого восторга. И неважно, сколько дел было раскрыто или как много преступников были привлечены к ответственности, - всегда находились новые расследования и новые злодеи. Это был замкнутый круг.

- Такой режим тебя угробит, - сказала агент Уильямс, сквозь улыбку, - у меня осталась половина турецкого сэндвича в холодильнике, хочешь?

- Нет, все в порядке. Я не голоден, - ответил он.

- Почему ты не отрываешься от фотографии? - не унималась она.

Мэттью не мог перестать думать об Оливии. Она оплакивала потерю человека, которого практически не знала, и впервые Мэттью начал понимать, почему она так сильно за него боролась.

- По словам свидетеля, он погиб, помогая ей убежать. Мне интересно, так ли это было на самом деле. Хотя, нет, мне бы не хотелось этого знать. Не могу представить, что будет чувствовать его мать.

- Я стараюсь не думать о таких вещах. Это не наш приоритет, понимаешь? - сказала Уильямс.

- Будет не так-то просто повязать эту шайку на территории Пакистана. Я пытаюсь сконцентрироваться на одной вещи за раз. Не совсем в моей компетенции разбираться с похищением ребенка, ставшим опасным преступником.

Мэттью поднял глаза на коллегу, - Сколько тебе лет, Уильямс?

Она напряглась, - Двадцать четыре, - ответила та, - что? Станешь издеваться из-за моей молодости?

Он поднял фотографию.

- Джеймсу Коулу было около шести лет, когда его похитили. Только представь свою жизнь за последние восемнадцать лет, и насколько она отличается от того ада, через который прошел этот мальчик.

Уильямс долго и внимательно смотрела на фотографию, после чего отвернулась, и продолжила перебирать стопку материалов на своей стороне стола.

- Это грустно, Рид. Я знаю, это грустно, но мы ничего не можем сделать для пропавшего ребенка. А что касается человека, которым он стал - то ему лучше быть мертвым, - сказала она.

- Я и не пытаюсь его оправдать. Поверь мне - последнюю неделю я занимался совершенно обратным. Просто... свидетель обладает способностью заставлять меня задумываться над такими вещами. Она, практически, отговорила похитителя от своей продажи на аукционе.

Мэттью улыбнулся.

Оливия, определенно, не была похожа ни на одного человека, с которым ему приходилось сталкиваться за тринадцать лет своей работы. Он никогда не забудет ни ее, ни Калеба, ни того мальчика, которым тот был. Мэттью никогда не забудет это дело, и по какой бы то ни было причине, чувствовал потребность уделить ему время и сохранить это воспоминание в правильном виде.

- Очень умная девчонка. Если не считать, что она влюбилась в своего похитителя, - сказала Уильямс, - *хотя*, Боже правый, я ее понимаю, если он такой же красивый, как этот сукин сын.

Уильямс подняла фото Калеба, сделанное во время слежки несколько лет назад, и поиграла бровями.

Мэттью рассмеялся.

- Ты больная. Ты же знаешь об этом, так ведь?

Уильямс пожала плечами.

- Да я особо и не парюсь.

- Почему это?

- Эх, думаю, из-за работы. Меня мало привлекает возможность встречаться с другими агентами, а нормальные ребята со мной не справляются.

Она снова пожала плечами.

- Думаешь, стоит сообщить его матери, о том, что мы узнали? - спросил Мэттью.

- Прошло уже двадцать лет, Рид. Возможно, она уже давно считает его погибшим. Не думаю, что рассказы о том, что мы нашли ее сына, который впоследствии стал ублюдком, занимавшимся продажей людьми, и погибший при неудачной попытке скрыться, будет хорошим утешением, - сухо резюмировала Уильямс.

Посидев несколько мгновений в полнейшей тишине, она добавила, - Ей лучше верить в то, что ее мальчик умер невинным ребенком, понимаешь?

В чем-то Уильямс была права.

- Да. Мне просто хотелось... хотелось бы оказаться в то время в Бюро, и может, отыскать его, пока не стало слишком поздно.

Он подумал об Оливии и ее скорби. Грустно было осознавать, что она была единственной, кто будет скучать по Калебу, единственной, кто будет его оплакивать.

- Подожди! - воскликнула Уильямс, напугав Мэттью.

- Что такое?

- Ну, может, это и не совсем уместно, но...

Она передала Мэттью один из файлов.

- Владэк учился в США. Он числился в Университете штата Орегон, - прошептала она.

- И?

- И... проверь дату, - угрюмо добавила она.

- Он не закончил. Владэк проучился с 80 по 82 год.

Медленно в сознание Мэттью начало просачиваться понимание, и он почувствовал как к его горлу стала подкатывать желчь.

- Джеймс Коул родился в 1983 году. В штате Орегон.

- Ты же не думаешь...

- Оливия Руис упоминала, что Рафик хотел отомстить Владэку, который якобы был как-то связан с его матерью и сестрой. По словам Рафика, их убил именно Владэк. Я уже начинаю думать, что все, о чем говорит этот пакистанец - полнейшая чушь.

- Ты не могла бы достать мне свидетельство о рождении Джеймса?

- Да, все сделаю. Ты уже звонил заместителю начальника с информацией о том, что по нашему мнению, аукцион пройдет в военном лагере в Карачи?

- Я сообщил ему об этом уже час назад, прикинув, что пока он может начать организовывать оперативную группу. Этот старший сержант Патель, кажется, не горит желанием сотрудничать.

- Твою мать, Рид... ты, правда, считаешь, что Владэк мог продать собственного, нахер, сына?

Мэттью хотелось рвать и метать, - Нет. Думаю, он просто оказался разменной монетой.

Картинка стала собираться воедино. Кусочки паззла в голове Мэттью начали вставать на свои места. Пока в этой истории оставались существенные пробелы, но все же, Мэттью думал, что сможет восстановить хронологию событий.

- Так, мы уже знаем, где пройдет этот аукцион. Остальное, пока, неясно. Позволь мне закончить со сборами записей, и можно будет отправляться на отдых. Если мы получим добро, то в течение следующих семидесяти двух часов Рафик будет наш, и мы сможем получить ответы прямо от первоисточника, - сказала Уильямс.

В ее голосе Мэттью послышались решительность и злость. Ему импонировал ее огонь, но он слишком долго во всем этом находился, и знал, что пламя может сжечь дотла.

- Сомневаюсь, что у нас получится выдавить из него хоть одно слово. Будь к этому готова.

- Что ты имеешь в виду? У нас на него горы долбаных доказательств, и живой свидетель, - воскликнула Уильямс.

- У нас высокопоставленный военный чиновник зарубежного государства, обвиняемый в преступлениях, совершенных на территории страны третьего мира. Мне очень хочется его прихлопнуть, но я в этом деле не новичок, Уильямс. Иногда... они остаются безнаказанными.

- Тогда что ты здесь делаешь, Рид? И почему ты так усердно занимаешься этим делом?

- Изначально, Оливия Руис была преступницей. Она стала причиной международного скандала, решив пересечь границу между США и Мексикой, размахивая револьвером. И до недавнего времени девочка не считалась жертвой. Я бы никогда не подумал, что это дело примет такие обороты. Я раскрыл его, Уильямс. И это все, что может сделать каждый из нас, - сказал Рид.

- Ну, вообще-то... оно еще не закончено, Рид.

- Я никогда такого и не говорил, Уильямс.

- Ох! - вздохнула она.

- Что такое?

- Я получила свидетельство о рождении Джеймса Коула. В графе 'отец' стоит имя Влад, без фамилии. Сюда же приложено свидетельство о его смерти, датируемое семью годами после исчезновение мальчика. Думаю, это существующий стандарт. Дай посмотреть, что можно найти про его мать - Элизабет Коул, - Уильямс покачала головой, - умерла в 1997 году. Согласно материалам следователя, причиной смерти послужило ранение в голову из-за неосторожного обращения с оружием.

Сердце Мэттью ухнуло вниз. Джеймс Коул был похищен в возрасте пяти лет и продан в рабство, что, скорее всего, было актом отмщения его отцу - Владэку Ростровичу. Большую часть своей жизни, мальчика избивали, над ним издевались, и, по словам Оливии Руис, единственный человек, которому он когда-либо доверял, был именно тем, кто разрушил его жизнь.

- Все это навевает на меня жуткое уныние, Рид, - прошептала Уильямс.

- Да, - Мэттью прочистил свое горло, - на меня тоже. Я думал, что смогу подарить этой женщине немного спокойствия, но, похоже, она нашла его сама.

- Надо поспать. Скорей всего, завтра нам предстоит напряженный день. И если все пойдет как надо, ты отправишься в Пакистан, возглавив операцию по задержанию. Но когда тебя повысят в звании, *постарайся* не забыть о мелких людишках, - она озорно улыбнулась, для пущего эффекта, похлопав ресницами.

Мэттью кратко рассмеялся, - Я постараюсь, агент...?

- Уильямс.

- Точно, Уильямс.

Мэттью продолжал просматривать сваленные на столе стопки с делами, тогда как Уильямс уже приготовилась к тому, чтобы уйти. Он понимал, что ему следовало сделать то же самое, но он пока не мог.

- Почему у меня такое ощущение, что завтра по приходу, я обнаружу тебя здесь же, за рабочим столом? - спросила Уильямс, вешая сумку с ноутбуком себе на плечо.

- Я скоро уйду. Просто хотелось еще немного покопаться. Мне все равно сейчас не удастся уснуть - разве ты забыла, что я всю ночь пил кофе?

- Да, да, знакомая история. Буду к семи, если ты не окажешься здесь еще раньше. Я принесу тебе что-нибудь поесть, и, наверное, немного кофе, который не прожжет в твоем желудке зияющие дыры, - сказала она.

- Я люблю кофе.

- Делай, как знаешь, - пробурчала Уильямс, входя в лифт.

Поднявшись, Мэттью взял файлы с ее стола. Он сделал свою часть работы. Остальное выпадало на долю Бюро и Министерства Юстиции. И все же, паззл сложился не до конца, и Мэттью не мог перестать состыковывать его фрагменты. Оливия заслуживает знать правду.

Три часа спустя, у Мэттью имелся список событий и вероятностей. Он узнал множество деталей о большинстве участников данного дела, и, несмотря на получение большого количества ответов, появилось такое же количество вопросов.

1960 год - основание в России оружейной компании АКРААН

- отцом Владэка?

1961 год - рождение Владэка Ростровича, младшего из трех детей

1963 год - рождение Мухаммада Рафика, старшего сына (младшая сестра?)

1980-1982 годы - Обучение Владэка в Университете штата Орегон (не окончил)

- Встречает Элизабет Коул (студентка? ближайшие родственники?)

• Отец и родные братья погибают в автомобильной катастрофе (декабрь 82 - Владэк становится наследником)

3 августа 1983 года - рождение Джеймса Коула. Почему имя Владэка не вписано в свидетельство о рождении?

1983-1988 годы - Владэк и Рафик занимаются торговлей оружия

• Алмазы?

• 1987 год (что-то происходит в период между 87 и 89 годами)

14 марта 1989 года - Джеймса Коула похищают из дома (подозреваемых нет)

• Похищен Рафиком? Почему?

• Проекция на смерть матери и сестры Рафика (мотив мести)

1992-1994 года - участие Рафика в операции 'Буря в пустыне'

• Спрятать ребенка, вместо того, чтобы убить? Для выкупа? В качестве залога? Какого хрена я упускаю?

• Джеймс Коул находился в публичном доме (Нарви - убит) Проверить годы с 1989 года по?

• Нарви (фамилия неизвестна), свидетельство о смерти? Проверить повествование Оливии на вопрос вовлечения иных возможных стран.

1997 год - Джеймса Коула 'спасает' Рафик

• Со слов Оливии: Калеб стремился реализовать свою месть в течение двенадцати лет. Почему Рафик вернулся за мальчиком? В четырнадцать лет становится 'Калебом'

2002 год - преобразование Алмазов Балка в ОАО

• Почему такое длительное затишье - 1987-2002 годы? Владэк Ростович менял направление жизни или прятался?

Знает о сыне? Других детей нет. Джеймс Коул - единственный наследник?

2009 год - похищение Оливии Руис

Джеймс Коул 'Калеб' мертв?

Внезапно Балк интересуется работорговлей? Мотивы?

Местонахождение Балка - неизвестно??????????????

Глава 22

Калеб вращал свой напиток в стакане, но не пил его. Мыслями, он был с Ливви.

Фелипе отправился наверх, несмотря на все усилия Калеба остановить его, и добраться туда первым. С тех пор прошло пятнадцать минут, в течение которых не было слышно ни стрельбы, ни криков, что было хорошим знаком, но его переживания никак не утихали.

Он хотел быть в здравом уме на случай, если дела вдруг начнут развиваться по худшему сценарию. Хотя, во многих отношениях, они уже достигли своей критической отметки.

Разум Калеба иссох от вопроса, как ему вести себя с Рафиком. Их отношения всегда были сложными, но несмотря на это он был единственным близким человеком для Калеба, в виду отсутствия семьи и друзей. На протяжении многих лет, Рафик был его спасением, и не только... а сейчас он размышлял над тем, чтобы убить своего наставника.

Калеб знал, что не может убежать вместе с Ливви. Рафик отправится на их поиски хоть на край земли, и если Калеб мог позаботиться о себе, этого нельзя было сказать о Ливви. Она заслуживала лучшего. Он подумал о том, чтобы отделиться от нее, но понимал, что если Рафику не удастся найти его, он отыщет Ливви и использует ее, чтобы добраться до Калеба.

Рафик заслужил своей мести. А Ливви заслуживала того, чтобы жить своей жизнью.

Это заставило Калеба задуматься над тем, чего же заслужил он....а ничего. Он так сильно боролся за жизнь, за свое выживание, что мысль о ее завершении угнетала его, но он сделает это... для Ливви... он сделает это. Он прожил бессмысленную жизнь, кульминацией которой стало разрушение каждых ценных отношений, выпавших на его долю. По крайней мере, его смерть принесет хоть какую-то пользу.

- Что тебя так тревожит, *брат*? - спросил Рафик на арабском, когда они остались одни.

Он отправил Джаира из библиотеки, как только тот пришел в сознание, тогда же удалился и Фелипе, воспользовавшись подвернувшейся возможностью. Осталась только Нэнси, которая, по-видимому, не обращала внимания на свое окружение, стоя на четвереньках, и прислуживая Рафику пуфиком для ног.

Калеб показал на нее своим стаканом, - Это что, так необходимо?

Рафик улыбнулся, - Нет, но раз уж она здесь, то почему бы ею не воспользоваться? Ответь на мой вопрос, что тебя так тревожит?

Сердцебиение Калеба ускорилось, по позвоночнику спустился жар, но он попытался изобразить беспристрастность, - Все происходит слишком быстро. Я обдумываю происходящее.

- Да, это была долгая борьба. И я не знаю, кому из нас пришлось пожертвовать большим, чтобы увидеть страдания Владэка. Аукцион - всего лишь первый шаг. От тебя будет зависеть, сумеешь ли ты завоевать его доверие, но оно окупится сполна, когда все, что ему принадлежит, станет нашим, включая его собственную жизнь, - сказал Рафик.

Он налил себе в стакан еще скотча, и Калеб отметил, что тот был уже третьим по счету.

- Да, - ответил Калеб, показывая своим тоном испытываемое беспокойство.

- Последние несколько месяцев, ты был каким-то странным, *брат*. Я думал, что в преддверии своей мести, ты будешь несколько счастливее, - сказал Рафик.

Судя по его голосу, он был раздражен.

- Почему я не могу просто убить его, Рафик? Я бы сделал это, причем с удовольствием, и на глазах у всех. Мы обеспечены. Нам не нужна ни его компания, ни его деньги, - сказал Калеб, и сразу же пожалел об этом.

- Дело не в деньгах, Калеб! И никогда не было. Я хочу получить его богатство только потому, что - насколько мне известно - это единственное, о чем он печется. Если бы ты знал, чем он пожертвовал ради сохранения своих драгоценных миллиардов, то ринулся бы на его поиски прямо сейчас. Сию секунду! У него нет ни жены, ни детей. Он никому не доверяет! Но он забрал у меня все. Смерти недостаточно. Мучений недостаточно. Я думал, уж кто-кто, а ты меня поймешь!

Разве Калеб не говорил похожих слов Ливви? Казалось, что прошла целая вечность с тех пор, как он спас ее от толпы байкеров, и рассказал ей об уготовленной судьбе.

Она спросила у него, почему?

- У меня есть обязательства, Котенок.

Он с трудом сглотнул.

- Есть человек, который должен умереть. Мне нужна была ты... нужна, - он сделал паузу, - если я не сделаю этого сейчас, то я никогда не буду свободен. Я не смогу уйти, пока не сделаю этого. Пока он не заплатит за то, что он сделал с матерью Рафика, с его сестрой, пока не заплатит за то, что он сделал со мной.

Калеб резко встал, его грудь вздымалась. Он со злостью провел пальцами по своим волосам и сжал их в кулак на затылке.

- Пока все что он любит, не исчезнет, пока он... не прочувствует это. Тогда, я смогу освободиться. Я возмещу свой долг. Потом, возможно... может быть.

- Я понимаю, Рафик. Понимаю. В течение двенадцати лет, моя жизнь только и сводилась что к поиску предмета нашего отмщения. Просто я устал, Рафик. Я устал, и хочу, чтобы все это закончилось. Я хочу, чтобы он был мертв, и не могу ждать его медленной смерти, но я готов идти дальше, - сказал Калеб.

Это была правда. Он был готов идти дальше по своей жизни, и хотел, чтобы она текла совместно с жизнью Ливви. Он хотел того, чему не суждено было сбыться.

Калеб уставился на Рафика - тот выглядел неважно. Его волосы стали более седыми, черты лица более жесткими, а в глазах не было ни малейшего намека на сострадание. За все то время, что Калеб его знал, Рафик никогда не брал себе постоянных рабынь, обучал их - да, но не содержал. И то, что он так долго сохранял Нэнси жизнь, и так основательно ломал ее, было красноречивым свидетельством его психического состояния.

Калеб продолжил, на мгновение смирившись со своей участью, - Разве ты не думаешь обо мне? *Брат*. Обо всех тех годах, которые я провел шлюхой? Никто лучше тебя не знает, через что мне пришлось пройти. Разве ты никогда не задумывался о том, что мне хотелось обо всем забыть? В течение этих лет, я был твоей тенью, учился убивать, обучать рабынь для мужчин, которые когда-то пользовались мною, но ты хоть раз задумался о том, что мне хочется уйти от этой жизни и быть... я не знаю! Чем-то большим!

Калеб почувствовал, словно дамбу, сковывающую его душу, прорвало.

- Я наконец-то собиралась доказать ей, что она была неправа по отношению ко мне...

- Ты и есть что-то большее, Калеб. *Я* сделал тебя чем-то большим. Я сделал тебя мужчиной. Я сделал из тебя человека! Я сделал так, что твои враги трясутся от страха при виде тебя. А кем ты был до меня? *Псом*! Вот кем ты был! Собакой.

Рафик ударил стаканом по столу, рядом со своим стулом, и до кучи пнул ногой Нэнси. Комната тут же заполнилась ее рыданиями, но она зажала рот ладонями, заглушая их.

В вены Калеба хлынула чистая, неприкрытая ярость; ему никогда не хотелось врезать Рафику так, как сейчас. Останавливали только мысли о Ливви. Ее жизнь была в опасности, и Калеб нес ответственность за ее сохранность.

- Я знаю, кем я был раньше, Рафик. И знаю, кто я есть сейчас. Я знаю, что всем этим я обязан тебе. Ты так много говорил о преданности, но всего лишь несколько минут назад, хотел искалечить меня, чтобы защитить - подумать только - Джаира. Так куда же подевалась хваленная преданность?

- Я повторяла себе, что ты такой не по своей вине, что с тобой случилось что-то, что сделало тебя таким же раздавленным, как и я, но, оказалось, тебя раздавили сильнее. И в самых потаенных уголках своего разума я думала...

Калебу вспомнился страх Ливви, ее отчаяние. Она была окровавлена, изувечена и избита. Она думала, что Калеб был ее спасителем. Но он никого не спас. И посмотрев на Рафика, он увидел, как в другом человеке отражались его самые худшие качества.

- Что, ты поможешь мне? Больше, чем я помогу тебе? Что ж, прости, зверушка, мне не нужна ничья помощь.

Рафик подался вперед, прожигая его взглядом, - Мы давно знаем друг друга, Калеб. Ты понимаешь, насколько это для меня важно. И я никому не позволю нарушить наши планы - даже тебе.

- Ты сбежала. Я забрал свою собственность. Конец истории. Через два года, а может и раньше, я получу то, что хочу - свою месть.

Для Рафика и Калеба всегда все склонялось к мести. Только она имела значение. Ни дружба. Ни преданность. Ни справедливость. Теперь же эта месть казалась пустой, и такой ничтожно маленькой, по сравнению с ее ценой - Ливви.

- Я хочу убить Владэка и хочу, чтобы на этом все закончилось, - прошептал Калеб.

Рафик фыркнул с издевкой, откидываясь назад, - Это все из-за девчонки, так?

От страха пульс Калеба участился, - Нет! Дело в нас. В нашем партнерстве и том, какая тяжелая роль в нем отводится тебе.

- Мы придерживаемся плана, Калеб, - решительно произнес Рафик, - это был последний раз, когда ты перешел все границы и злоупотребил моей любовью к тебе. Ты устал, ты не в себе, поэтому я постараюсь забыть о том, что ты сегодня сказал, но больше я такого не потерплю. Можешь считать это предупреждением.

Калебу потребовалось время, чтобы вернуть себе спокойствие. Он был вымотан и сегодняшний вечер мог стать последним, когда они с Рафиком говорили как друзья.

К его гневу стала по капле примешиваться грусть.

- Прости, Рафик. Я был несправедлив. Целых двенадцать лет ты заботился обо мне, хоть и не был обязан это делать, и я не хочу выглядеть неблагодарным. Я был сложным и своевольным мальчиком, и тебе со мной пришлось нелегко. Если бы не ты, я уже давно был бы мертв... или того хуже. Прости меня.

Казалось, Рафик смягчился. Устроившись поглубже в кресле, он задумчиво посмотрел на Калеба.

- Ты прощен, *брат*. Возможно, я тоже не всегда был добр или внимателен к тебе. Ты заслужил и свое содержание, и мое уважение.

Встав, Рафик налил себе еще один стакан и поднял его перед Калебом, - Выпей со мной, за преданность.

С некоторым усилием, Калеб поднял свой стакан, - За преданность.

Жидкость обожгла его горло и грузом осела в его желудке, перемешиваясь со стыдом, и вознамериваясь вызвать у него рвоту.

- Послезавтра мы улетаем. Мне организовали и пилота, и частный самолет, который доставит нас домой. Это будет более долгий путь, в обход таможни, но я не доверяю девчонке. Я не собираюсь полагаться на волю случая. Утром я возьмусь за ее обучение. Я хочу быть уверен, что она готова, - сказал Рафик.

Казалось, у него даже поднялось настроение. Сердце Калеба остановилось, - Может разумнее было бы мне заниматься ею, пока мы не окажемся в Пакистане? Она боится тебя, и это может подстегнуть ее к безрассудному поведению.

Брови Рафика нахмурились, - Ты уже достаточно нянчился с ней, брат. Настало время показать ей ее место.

- Ты думал о том, что произойдет с девчонкой после того, как ее роль будет сыграна? - спросил Калеб, пытаясь оставаться вежливым.

Рафик улыбнулся, - Ох! Хочешь забрать ее себе?

- Нет, Рафик. Не после того, что с ней будет делать Владэк. Мне просто интересно, какие у тебя планы на будущее.

- Предоставлю это тебе, *брат*. Можешь принять ее в знак своей безупречно выполненной работы. Конечно же, когда все будет *кончено,* - сказал он с улыбкой.

Калеб выдавил из себя улыбку, хотя единственное, что он чувствовал - это отчаяние и злость.

Он неспешно поднялся и обнял Рафика, пожелав ему доброй ночи, в душе понимая, что это было их прощание.

- *Ты будешь скучать по мне, Калеб? Ливви обернула свои ручки вокруг Калеба. Он удерживал ее на месте.*

- *Да, - просто сказал он.*

Направляясь в свою комнату, он столкнулся с Фелипе.

- Боже, и чего вы сегодня такой серьезный, - эти слова, произнесенные с акцентом, заставили Калеба остановиться.

Подойдя ближе, хозяин особняка повел своего гостя в сторону одного из временных баров, установленных по случаю вечеринки, запланированной на следующий вечер.

- Думаю, вам нужно немного выпить, мой друг.

Зайдя за стойку бара, Фелипе плеснул им обоим в стаканы немного бурбона. Передав один из них Калебу, он поднял свой стакан, со словами, - За долгую жизнь, полную любви.

Выпив Фелипе поставил его на стойку бара; Калеб не ответил взаимностью.

- Я понимаю, что должен быть вам признателен, но на данный момент, я не в настроении, - сказал Калеб.

Фелипе улыбнулся, - Да, понимаю.

- Почему вы мне помогаете? - с подозрением спросил Калеб.

Тот пожал плечами, - Я романтик. К тому же, я не заинтересован в кровопролитии в своем доме. Слишком хлопотно.

Выражение лица Фелипе стало насмешливым, - Что вы будете делать, Калеб?

Он не доверял Фелипе.

- Рафик настаивает на том, чтобы взяться за обучение Котенка. Послезавтра мы улетаем. Вы должны быть довольны.

- Хммм, - промычал Фелипе, и налил себе еще один стакан бурбона.

- Рафик вообще на многом настаивает, разве не так? Он даже рассчитывает на девственницу.

Калеб ощетинился, - В чем именно состоят ваши отношения с Рафиком?

- Он говорит, что мы друзья, но я мало в это верю. Мы оба занимаемся бизнесом. Я удивлен, что вы об этом не знали, или, по крайней мере, не интересовались раньше.

- Каким именно бизнесом? - спросил Калеб.

Его любопытство возрастало.

- То одним, то другим, это не имеет значения, Калеб. Меня просто удивляло, что вы никогда не задавали вопросов. Подозреваю, Рафику всегда было не до них. Вы, действительно, собираетесь отдать ему девчонку?

Фелипе вопрошающе приподнял бровь.

Глаза Калеба сузились, - У меня особо нет выбора, так ведь?

- Выбор есть всегда, Калеб.

- Чего вы хотите, Фелипе? По вашим словам, у вас с Рафиком общие дела, тогда почему вас так интересую я, или то, что я делаю?

- Могу я вам доверять? - улыбаясь, спросил Фелипе.

- Я же доверяю вам сохранять в секрете все, что вы увидели на своих мерзких, маленьких камерах. Наиболее доверительные отношения предполагают наличие гарантий.

Фелипе хихикнул, - Да уж, мне *нравилось* наблюдать за вами. Почему бы вам не забрать девчонку, и не убежать?

- Чего вы хотите?!

- Я хочу, чтобы Рафик исчез из моего бизнеса, - он сделал еще глоток бурбона, - навсегда.

- Я могу убить вас за такие слова, - сказал Калеб.

- Можете. Но тогда вы никогда не узнаете правду, - парировал Фелипе.

Вздохнув, он стал дожидаться ответа от своего собеседника, и когда его не последовало, продолжил, - Я долго ждал, когда вы придете ко мне со своим прошлым. Я надеялся, что мы станем друзьями.

Калеб ошеломленно уставился на Фелипе, пялясь на него через барную стойку, - Вы знаете о моем прошлом? Подождите... нет. Вы слышали об этом по камерам.

Он смотрел на Фелипе, желая лишить того жизни.

- Я знаю, что вы были в Тегеране. Вы никогда не говорили *этого* на камеру, - сказал Фелипе.

Обзор Калеба затуманился, а сердце помчалось вскачь, - Об этом вам мог сказать Рафик. Вы могли подслушивать наши разговоры.

Фелипе стал пугающе серьезным, - Гарантии, Калеб. Расскажите мне секрет. Тот, в который вы никогда никого не посвящали, и который может стоить вам жизни.

- Какого хрена мне это делать, Фелипе? Все это не имеет никакого, мать его, значения, - огрызнулся Калеб.

Мир под его ногами пошатнулся... или так ему показалось.

- То, что я могу вам рассказать, изменит все, во что вы верили, и мне нужно знать, что мое доверие не будет обмануто, - зловеще произнес Фелипе.

Калебу не хотелось ничего знать. Слова Фелипе добром не обернутся, но он должен был это выяснить.

И снова, все вернулось к Еве и заветному яблоку. Знание было запретным плодом, и, вкусив его однажды, можно было навлечь проклятие на свою душу, но человеческой природе было присуще поддаваться соблазнам.

- Фелипе, - выдавил из себя Калеб, когда его гнев стал прорываться наружу.

Его тело дрожало, кожа горела.

- Секрет, Калеб, - прошептал Фелипе, наклоняясь вперед.

Кроме Ливви, ему нечего было терять - Я не могу.

Фелипе замотал головой, - Тогда, я тоже не могу вам помочь. Спокойной ночи, Калеб.

Он повернулся, чтобы уйти, но Калеб схватил его за плечо.

- Расскажите мне, - прорычал он.

- Сначала вы, - Фелипе взялся за руку Калеба, и сбросил ее со своего плеча.

- Я... поклянитесь мне, что девчонка будет в безопасности, - сказал Калеб, и это ощущалось еще одним предательством, одно только участие в котором, обернется смертным приговором ему и Ливви.

Само собой, Фелипе уже было известно, что она значила для него.

- На что вы готовы пойти ради своего Котенка, Калеб? Умереть за нее? Убить? - шепотом спросил Фелипе.

Он оглядел комнату и Калеб сделал то же самое. Они были одни.

Сердце Калеба колотилось о его грудную клетку, - Да.

- Могли бы вы жить дальше, зная, что вся ваша жизнь была сплошной ложью?

Еще секунда промедления, и он был готов вцепиться Фелипе в глотку, чтобы заставить его говорить.

Нож Калеба все еще был с ним, и он уже продумывал план атаки, - Расскажите... сейчас же!

Фелипе вздохнул, - Следуйте за мной в темницу. Я раскрою все карты, но вам это не понравится.

- Где Котенок?

- Наверху, в целости и сохранности. Если вы заботитесь о ней, я бы советовал вам не терять головы. Если все пойдет так, как я на то надеюсь, вы оба покинете это место и никогда больше не вернетесь, - сказал Фелипе.

- Почему? Почему сейчас? За все это время вы ни разу не проронили ни слова, - процедил Калеб сквозь стиснутые зубы.

Фелипе хотел подтолкнуть Калеба на какие-то действия, и это означало, что ему нельзя было доверять. Разум Калеба уже фонтанировал идеями о том, как избавиться от этого человека, но все же, ему хотелось услышать то, что скажет Фелипе. Возможно, у него получится использовать эту информацию, чтобы склонить Рафика к своей воле.

- Я бизнесмен, Калеб, которому не удалось бы достигнуть уровня нынешнего успеха без способности определять выгодные возможности. Двадцать лет назад, я именно так и поступил, чтобы выбраться из лейтенантов и стать генералом. Тогда Рафик был полезен. Шесть лет назад я определил возможность для расширения своего бизнеса, путем устранения конкурентов. Теперь мне принадлежит половина Мексики, и я веду дела по всему миру. Рафик стал... менее полезным, и, как я уже сказал, он настаивает на многом - слишком многом. Вы предоставили мне возможность, Калеб. В обмен, я раскрою всю правду о том, кто вы, и откуда.

- Признания о том, что вы не прочь убрать Рафика со своего пути, не дает мне основания вам доверять, - произнес Калеб вполголоса.

- Почему вы хотите, чтобы я выполнил за вас грязную работу?

- Приличия, Калеб - они наше все. Я собирался аккуратно избавиться от Рафика, не прибегая к помощи наших общих друзей. Но я наблюдал за вами... и девчонкой. Я знаю, что может сделать любовь с человеком, в таком отчаянии, как у вас.

- Да идите вы! Я не в отчаянии!

- Разве, нет? Я бы не был в этом так уверен. Когда вы позволили Котенку поучаствовать в моей вечеринке, я подумал, что ваша преданность к Рафику не знает границ. Но я видел, как это подействовало на вас, как сильно вы ревновали. Я знаю, что вы забрали ее девственность. Неужели вы думаете, что нашли все камеры? - самодовольно улыбнулся Фелипе, - Я не должен был затевать с вами этот разговор, Калеб. Тем самым я ставлю и себя и Селию в компрометирующее положение и делаю

это весьма основательно. Я предлагаю вам возмездие. Я предлагаю вам шанс прожить свою жизнь с Котенком. Вы хотите этого, или нет?

Калеб подумал обо всем, что сказал Фелипе. Он был в курсе того, что произошло между ним и Ливви, но не сказал ни слова. До сих пор, Калебу ничего не было известно о планах Фелипе, и тот факт, что он сам предложил поделиться важной информацией, только укрепило его надежность. Калебу оставалось все или ничего.

- Ведите меня, - сказал он.

Следуя за Фелипе вниз по деревянным ступенькам, Калеб подумал о том, чтобы спустить того с лестницы. Однако, он уже принял решение выслушать все, что скажет хозяин особняка. Он всегда мог убить Фелипе после.

По дороге в темницу, Калеб протянул руку и включил свет. Он подумал о том последнем разе, когда был здесь, внизу. Тогда, он привязал Ливви к столу для осмотра и наблюдал за тем, как она играла со своей киской. Калеб улыбнулся про себя.

Когда они оказались внизу, Фелипе указал на стул возле стены.

- Мне нужно, чтобы вы сели туда, и мне придется вас связать.

Замедлив шаг, Калеб потянулся к своему ножу, и теперь держал его перед собой, блокируя путь к ступенькам.

- Вы выжили из своего гребаного ума, если считаете, что я позволю себя связать.

- Не будьте ребенком! Ваш гнев делает вас идиотом, а мне не нужно ваше неадекватное поведение. То, что я собираюсь вам сказать, всколыхнет вашу кровь, а я не могу допустить, чтобы вы в таком состоянии свободно шатались по дому! - выкрикнул Фелипе.

- Расскажите, что у вас есть! Или сейчас же умрете! Я сыт по горло вашими играми, Фелипе, - прошипел Калеб.

Глаза Фелипе засияли гневом, и, подняв свои руки, он попятился от Калеба. Потянувшись назад, он неожиданно вытащил револьвер.

- Сядьте. Сейчас же.

В Калебе бушевал адреналин, но он понимал, что находился в невыгодном для себя положении, которое играло Фелипе на руку. Прикинув варианты, он ужаснулся, поняв, что их было чрезмерно мало, и все они заканчивались его смертью. Кроме того он искренне переживал за Ливви.

- Поклянитесь, что с Котенком все хорошо, - прошептал Калеб, осознав, что это прозвучало, как мольба.

Прошло очень много времени с тех пор, как Калеб о чем-то умолял.

Тебе больше нечего терять, Калеб. Переступи через свою гордость.

- Клянусь, - успокаивающе ответил Фелипе.

Калеб сглотнул, - Можете держать меня на прицеле. Нет необходимости меня связывать.

- Тогда пройдите и сядьте. Обойдемся без веревок, но если вы попытаетесь что-нибудь предпринять, я *пристрелю* вас, Калеб. Понятно?

- Да, - сказал он, и сделал так, как было велено.

- Рафик когда-нибудь рассказывал вам о том, как погибли его мать и сестра? - спросил Фелипе.

Калебу казалось, что его сердце вот-вот выскочит из груди. Его разум зациклился на Ливви, на том, чтобы снова увидеть ее, обезопасить ее.

Вопрос Фелипе показался странным, и Калеб вдруг пожалел о том, что согласился выслушать этого чудака.

- Их убил Владэк.

- А вы никогда не задумывались почему?

Калеб *задумывался* об этом, причем неоднократно, но Рафик отделывался объяснением, что Владэк был преступником, по трагической случайности обратившим внимание на его сестру.

- Ближе к делу!

Фелипе тяжело вздохнул, - Хорошо. Поторапливайте меня, если вам так хочется, но держите свой рот закрытым и слушайте. Их убил *Рафик*.

Лицо Калеба исказилось недоумением, - Вы лжете!

Он встал, и, сделав шаг вперед, остановился, когда Фелипе взвел курок своего револьвера.

- Сядьте! Это только начало, - когда он был зол, его акцент проявлялся сильнее.

Калеб сел.

- Я познакомился с Рафиком и Владэком в восьмидесятые годы. Они занимались продажей российского резервного оружия. В то время, мой босс обменивал их товар на кокаин и героин. С течением времени, мы все стали... друзьями. Рафик и Владэк были особенно близки.

Калеб почувствовал головокружение, но старался сохранять спокойствие.

- В конце концов, запасы оружия истощились, но как раз в этот период, Владэк стал наследником компании своего отца, находящейся в России. Вскоре, его отец и братья... погибли при несчастном случае. В общем, какое-то время, все складывалось хорошо, но как говорится, ничто не вечно под луной.

- Повторяю! - крикнул Калеб, - Ближе к долбаному делу!

Фелипе улыбнулся, - У меня так и чешутся руки засадить в вас пулю, Калеб. Заткнитесь!

- Отец Рафика умер, наказав тому присматривать за его матерью и сестрой. Рафик очень сильно любил их обеих, но свою сестру - Ануд - буквально, до безумия. Мы все были молодыми. А молодые, как известно, бывают глупыми. Так вот, Владэк сунул свой член туда, куда не следовало.

Калеба будто поразила молния.

- В сестру Рафика, - произнес Калеб.

Воспоминания были странными. Неважно, как много времени прошло, или как сильно изменилось сознание - он по-прежнему доверял своему разуму. Будучи мальчиком, Калеб безоговорочно доверял Рафику, и став взрослым, ничего не

изменилось. Но несмотря на то, что информация была неожиданной, она ни коим образом не повлияла на его жизнь. Калеб мог понять, почему Рафик был так зол.

- Да, - сказал Фелипе, - когда Рафик узнал, что его сестра забеременела от Владэка, он забил ее до смерти.

- Я вам не верю! - прошипел Калеб.

Рафик никогда бы не поступил так со своей семьей - неважно, как сильно он злился.

- Не перебивайте! - отрезал Фелипе, - через несколько минут, вы все поймете. Мать Рафика пыталась защитить свою дочь, но ее постигла та же участь. Его стало разъедать чувство вины и свалив все на Владэка, он отправился на его поиски. Но того и след простыл, поэтому Рафику пришлось прочесывать их деловые контакты.

- Откуда вам все это известно? - спросил Калеб.

Он становился все более и более подозрительным.

- Мой босс ему бы не помог, поэтому Рафик обратился ко мне. И в обмен на мою информацию, он поспособствовал моему карьерному взлету. Я всегда был беспринципным, Калеб. Я думал, что Рафик станет подстерегать Владэка, но то, что он сделал вместо этого было... В общем, я сожалею.

- О чем? - фыркнул Калеб, - я все еще не понимаю, какое это имеет отношение ко мне. Рафик потерял самообладание, он был не в себе. Владэк все еще заслуживает смерти.

- Это имеет к вам непосредственное отношение, Калеб, - сказал Фелипе.

Он внимательно посмотрел на Фелипе и от тревоги, плещущейся у него в глазах, у Калеба волосы стали дыбом.

- Что же он сделал? - спросил Калеб, и впервые за все это время, ощутил разъедающий страх.

- Владэк был тем еще дамским угодником. Женщины сходили с ума по его светлым волосам и голубым глазам, но я помню, как он с тоской говорил об одной американке, с которой познакомился во время учебы. Они неожиданно расстались, что, по словам Владэка, было ее инициативой. Я и указал Рафику на эту девушку.

Фелипе замолчал очевидно, потерявшись в мыслях.

Калеб уже достаточно услышал. Фелипе не сказал ничего такого, что пошатнуло бы его преданность, кроме того, наверху его ждала Ливви. Им осталось провести несколько бесценных часов, и ему надоело тратить их впустую.

- Значит, Рафик стал убийцей задолго до того, как я его узнал. И что? - Калеб поднялся, - храните свои секреты, Фелипе. Также, как и мои. По крайней мере, до завтрашнего вечера. Я обещаю делать то же самое.

- У нее был сын! - выплюнул Фелипе, - копия Владэка - светлые волосы, голубые глаза.

Калеб сглотнул подступившую желчь, его прошиб холодный пот. Ему больше не хотелось слушать.

- Подождите. Остановитесь, - махнул он рукой.

- Об этом никто не знал. Думаю, даже сам Владэк. И когда Рафик не смог найти своего бывшего друга, он выкрал ребенка, чтобы выманить его отца.

Это, ни хрена, неправда. Он лжет, Калеб. Убей его. Он лжет!

Фелипе не унимался, - Владэк бесследно исчез. Он слышал про Ануд и знал, что Рафик его ищет. Он ни разу не выказал притязания на своего сына, даже после того, как Рафик отдал мальчика в публичный дом.

- Замолчите! - крикнул Калеб.

- Нет! - настаивал Фелипе, - Вот она правда, Калеб. Слушайте.

- Это какой-то бред! Рафик спас меня, - повторял Калеб.

- Все, что он сделал - это заявил права на сына Владэка, как на своего собственного, и использовал его для осуществления беспринципной мести, - прошептал Калеб.

Светлые волосы. Голубые глаза.

У Калеба в голове пронеслись образы Владэка.

Он был старше, поэтому его волосы были седыми, но его глаза были голубыми.

Он же русский! У них у всех голубые глаза!

Калеб всегда недоумевал, почему его похитили. Почему его так далеко увезли от родного дома, чтобы сделать шлюхой. Почему Рафик спас *его*, а не других. Почему?

- Вы хотите сказать... - Калеб не мог договорить остального.

Слова Фелипе были слишком непередаваемыми, чтобы даже произносить их вслух. Грудь Калеба, казалось, сдавили, а желудок сжали.

- Он оставил вас там, Калеб. *Вы* были его местью. Все об этом знали. Началась война и Рафик оставил маленького мальчика гнить в публичном доме. После этого, ни один человек, ни разу не решился перейти Рафику дорогу, потому как каждый понимал, на что он был способен. Даже преступники любят свои семьи, своих детей.

Калеба словно разорвало напополам. Его мозг просеял каждую эмоцию, каждое воспоминание, связанное с его наставником. Не было ничего, чем бы Рафик не поступился, чтобы реализовать свою месть. Ничего.

Рухнув на колени, Калеба стошнило. Впервые за столь долгое время, он заплакал... и не мог остановиться. Он кричал и рыдал. Он задыхался.

Он спас меня. Он одевал меня. Он кормил меня. Он называл меня братом.

- Лжец! - всхлипнул Калеб.

Он потянулся к своему ножу, и бросился на Фелипе, намереваясь отрезать его лживый язык.

Глава 23

Калеб очнулся. У него болела голова, но это было ничто, по сравнению с болью в груди.

Отклонившись назад, он сел на пятки, подняв руку к виску. Та была в крови.

Замерев, Калеб уставился на свою ладонь. На протяжении многих лет на руках Калеба побывало очень много крови разных людей. Он всхлипнул.

- Он оставил вас там, Калеб. Вы были его местью. Все об этом знали. Началась война и Рафик оставил маленького мальчика гнить в публичном доме. После этого, ни один человек, ни разу не решился перейти Рафику дорогу, потому как каждый понимал, на что он был способен. Даже преступники любят свои семьи, своих детей.

Он пытался убедить себя в том, что в словах Фелипе не было ни капли правды, но должен был признать, что... многое из сказанного им было возможным. Рафик солгал ему о том, как он узнал Владэка. После всего того, чем они друг с другом делились, Калеб не мог придумать оправдания своему 'брату', по которому тот утаил данное обстоятельство. Если только, у него не было для этого очень важной причины.

Владэк - мой отец.

Калеб замотал головой. Он не мог об этом думать.

Оглядевшись вокруг, он увидел, что комната была пуста; Фелипе испарился. Чуть ранее Калеб кинулся на него с ножом, намереваясь убить, но испытываемая им злость сделала его неуклюжим, и Фелипе удалось ударить его револьвером. Кроме того, тот факт, что хозяин особняка не стал стрелять, увеличило шансы на правдивость его речи.

Жаль, что Фелипе не нажал на курок, но Калебу было понятно, почему тот оставил его в живых - он хотел, чтобы тот нашел Рафика.

Нет! Я не могу.

Он наклонился вперед, потому что боль стала слишком сильной, чтобы ее терпеть. Не осталось ни единого шанса в том, что Калеб сможет проглотить это предательство.

Вся его жизнь была ложью. Его не бросали. Он не был спасен. Его забрали от родной матери, которая любила своего сына, и пыталась защитить, убежав от Владэка. Калеба похитил единственный настоящий отец, которого он когда-либо знал.

Рафик.

Его наставник заботился о нем. Он научил его читать, писать и говорить на пяти языках. Он допоздна разговаривал с мальчиком, потому как знал, что того мучили ночные кошмары, когда он отправлялся спать в одиночестве. Он научил Калеба защищаться. И все это время...

Рафик знал, что он сделал со мной. Он слушал мои рассказы о том, как Нарви насиловал меня. Он обнимал меня, когда я плакал.

Калеб прокричал в пол.

Я убью тебя! Я убью тебя за то, что ты сделал.

- Как ты мог? - произнес он вслух.

Он, должно быть, смеялся надо мной.

В его мозгу всплыл образ Рафика и Джаира. До этого момента их отношения казались подозрительными. Если Рафик волновался о том, что Калеб мог узнать правду, то к нему имело смысл приставить кого-нибудь для наблюдения. Ему стало интересно, знал ли Джаир правду, и от этой мысли к его горлу подступила желчь.

Убить их обоих.

Неспешно, Калеб выпрямился и поднялся с пола. Оглядевшись, он взял свой нож. Трясясь от злости, он крепко сжал его в руке. Сегодня ночью все закончится.

Он побрел вверх по лестнице, шлепая босыми ногами по деревянным ступенькам. С одной стороны, его сердце ощущалось беспорядочно бьющимся, с другой – онемевшим. Калеб столько лет жаждал мести, не подозревая о том, что источник всех его страданий держал его руку и направлял его в сторону собственного отца.

Владэк не был невинным. Он знал, что сделал Рафик, но даже и пальцем не пошевелил, чтобы прийти ему на помощь. Он пожертвовал своей плотью и кровью, ради чего? Денег? Власти? Из-за трусости?

С самого детства Калеб был пешкой. Ничему, из того что он знал, нельзя было доверять - даже его воспоминания манипулировали им, будучи насквозь лживыми. Правда тяжким грузом ложилась на репутацию Калеба, с которой он боролся с самого начала.

Наверху лестницы, дверь оказалась открытой. Калеб не слышал в доме ни единого звука. Он подозревал, что Фелипе с Селией уже давно покинули это место. И задался вопросом, забрали ли они Ливви с собой.

Ливви...

Крепко закрыв глаза, Калеб насильно вытолкнул ее из своих мыслей. Ему нельзя сейчас о ней думать. Если он поднимется наверх и обнаружит, что ее нет, то потеряет оставшееся самообладание. А если увидит, что она ждет его вместе с Фелипе и Селией, то рискует показать ту сторону себя, которую не хотел перед ней раскрывать. Ну, а если он найдет ее раненную... или еще хуже... то просто вонзит нож в свое сердце, а Рафик останется жить. Лучше об этом пока не знать. Пока.

Дом Фелипе был громадным, с множеством комнат и потайных ходов. Калеб медленно ходил по особняку, как можно тише проверяя каждую дверь. И пока он шел, воспоминания нещадно опустошали его душу.

- Почему я, Рафик? Я никто. Я даже не знаю, кто такой этот Владэк, - сказал Калеб.

Он сидел на полу, притянув колени к груди. Было время отправляться в кровать, но Калебу пока не хотелось спать. Он боялся, что ему приснится еще один ночной кошмар. В последний раз, это были видения с той ночи, когда он убил Нарви. Калеб выстрелил в него, разнеся ему пол лица, но тот не умер, и, поднявшись, бросился на мальчика, заливая его реками крови, стекающими с изувеченной головы. После такого, Калеб не мог спать.

Рафик сидел за своим столом, и что-то писал.

- Людям, таким как Владэк, не нужны причины для проявления бессердечности. Они видят что-то или кого-то, им это нравится, и они это берут. Ануд была прекрасной.

Рафик сделал паузу и улыбнулся.

- И такой милой. Она обнимала меня, отказываясь отпускать, пока я не выкручивался из ее хватки. Моя мама постоянно жаловалась, что она никогда не найдет себе мужа, потому что ни за что не захочет быть вдалеке от меня.

Взгляд Рафика был обращен вдаль, будто он вновь проживал приятное воспоминание. Калеб посмотрел в сторону воображаемого места, в котором его наставник видел своих родных, и ему захотелось, чтобы такие были и у него.

- Ты скучаешь по ней? - шепотом спросил Калеб.

Выражение лица Рафика стало хмурым, и он вернулся к своим бумагам, - Почти все время. Я надеюсь, что как только Владэк будет уничтожен, я смогу дать и матери, и сестре немного спокойствия.

Калеб кивнул.

- Думаешь... ? Ладно, неважно.

Калеб стал царапать ногтями ковер, не зная что сказать.

- Спрашивай, Калеб. Между тобой и мной не должно быть секретов. В этом мы с тобой едины, - сказал Рафик.

Он тепло улыбнулся мальчику.

- У меня не будет от тебя секретов. Клянусь. Ты спас мне жизнь, и я всем тебе обязан. Просто... думаешь... у меня есть семья? Ну, наверное, она у меня была... раньше.

Казалось, лицо Калеба вспыхнуло.

Рафик вздохнул, - Я не знаю, Калеб. Мне жаль.

Тот пожал плечами, и еще усерднее принялся за ковер.

- Это не имеет значения. Ты - единственный, кто пришел за мной. И если она у меня и есть, то я ее, видимо, не особо волную.

Встав из-за стола, Рафик опустился перед мальчиком на одно колено, и поднял его подбородок.

- Мы - сироты, Калеб. Мы создадим свои собственные семьи.

Грудь Калеба наполнилась эмоциями, которых он не понимал. Поджав губы, он кивнул. И почувствовал облегчение, когда Рафик отпустил его, взъерошив волосы. Калебу не хотелось плакать перед своим опекуном. Он хотел, чтобы тот им гордился.

- Давай-ка посмотрим, что там вкусного на кухне, Калеб. Тот широко улыбнулся и, вскочив с пола, пошел следом за Рафиком.

Его первым импульсом было распахнуть дверь и разнести все, что попадется под руку, но он уже совершил великое множество ошибок, которых ему хватит до конца жизни. На этот раз, Калеб был полон решимости все сделать правильно.

- Держи револьвер крепче, Калеб. Он очень мощный, - сказал Рафик.

Улыбнувшись, он поднял руки мальчика параллельно земле.

- Я сам могу это сделать! - скулил Калеб.

Он попытался отмахнуться от Рафика.

- Я пытаюсь научить тебя, Калеб. Слушай.

- Ты говоришь уже целую вечность. Я просто хочу стрелять.

- Терпение, - настаивал Рафик, - прими устойчивое положение, и стабилизируй свое дыхание.

Калеб нахмурился. Он устал от болтовни. Прицелившись револьвером в жестяную банку вдалеке, он нажал на курок. От силы отдачи его локти подогнулись, и оружие ударило мальчика в лоб, сбивая с ног.

- Аййй! Чтоб тебя!

Калеб упал на землю, держась за голову. Дергая ногами, он пытался унять боль, слушая, как Рафик заливался громким смехом.

- Я же тебе говорил! Ты, глупый мальчик!

Рафик топал ногами, заходясь в своем веселье.

Закрыв глаза, Калеб пытался дышать через боль. Он отдал бы все что угодно, чтобы вернуть тот момент, когда Фелипе предложил ему раскрыть всю правду, и отказаться выслушать этот страшный секрет.

Ты знал, что к этому все и придет, Калеб. Только сейчас, тебе не нужно испытывать чувства вины. Это подарок.

Калеб замотал головой, и еще сильнее сжал рукоятку ножа. Он не мог себе лгать. Он знал, что все так и будет. Калеб надеялся пожертвовать собственной жизнью, но в глубине своего сознания, понимал, что его живучая природа заставит его бороться до конца. Рафик должен умереть.

Сделав глубокий, успокаивающий вдох, он постучал в дверь. Биение сердца слегка пошатывало его тело, заполняя тревогой и потоком адреналина. Калеб услышал, как кто-то выругался, и быстрыми шагами направился к двери. Он напрягся и почувствовал дрожь, пронесшуюся вниз по позвоночнику. Дверь открылась, и в проеме показался Джаир прямо в чем мать родила. Его смуглая грудь была мокрой от пота.

- Чего тебе надо? - рыкнул араб.

Калеб пытался оставаться спокойным, но единственным словом, звучащим в его голове, было: *Убей*.

- Где Рафик? - резко спросил он.

Заметив некоторую странность в поведении Калеба, Джаир сосредоточил свой взгляд на крови, запекшейся у того на лбу.

- Что произошло?

Калеб сглотнул.

- На меня напал Фелипе. Я связал его, и оставил внизу, в душевой комнате.

- Ты что, совсем никому не нравишься? - повернувшись к своей комнате, он фыркнул в сторону гостя.

Калеб заговорил на арабском.

- Он планировал убить Рафика. И хотел, чтобы я ему помог.

Натягивая свои штаны, Джаир повернул голову к собеседнику, и ответил на том же языке.

- С чего бы ему просить тебя о помощи?

- По его мнению, у него было что-то, что можно было предложить мне взамен. Очевидно, он не подозревал о том, как глубока моя преданность. Где Рафик? - переспросил Калеб.

Ему было очень сложно сдерживаться.

Нэнси лежала привязанной к кровати лицом вниз. Он видел, как она дрожала, но не мог понять своего отношения к ее положению.

- Кажется, в твоей преданности сомневаются все подряд, Калеб. Может, это неспроста, - Джаир просунул свои руки в рукава своей рубашки.

- Да пошел ты, свинья. Где Рафик? Я не намерен повторяться.

- Сам иди нахер, Калеб. Ты и твоя маленькая шлюшка.

Когда Джаир повернулся, чтобы достать свою обувь, Калеб больше не смог терпеть, и как только араб оказался к нему спиной, он пнул его в заднюю часть колена, и навалился на него своим весом. Воткнув нож Джаиру между ребрами, Калеб попал в одно из его легких. Тот неистово дернулся, и от нахлынувшего шока и адреналина стал сильным, как бык.

Калеб обернул свою левую руку вокруг горла Джаира и держался за нож в теле араба, пока тот с неимоверной силой кидался из стороны в сторону.

Калеб не решался предпринимать другие действия, кроме как изо всех сил стараться остаться на своем противнике. Он слышал, что Нэнси хныкала, но пока не кричала.

Джаир полз, пробираясь через комнату на четвереньках, и пропитывая кровью свою рубашку и руку Калеба.

- Нет! - издавал он булькающие звуки, - Нет!

Его руки тянулись назад, к Калебу, чтобы стащить того со своей спины. Калеб провернул нож в ребрах Джаира, соскальзывая с него из-за пота и крови. Закрыв глаза, он услышал предсмертные хрипы противника, после чего тот повалился на пол. Калеб удерживал его еще минуту... выжидая. Но ничего не произошло.

Ослабив хватку вокруг горла Джаира, он услышал его предсмертный выдох. Араб был мертв. Калеб поерзал, освобождаясь от неподвижного тела Джаира, и вытащил свой нож.

Услышав рыдание Нэнси, доносящееся с кровати, он попытался утихомирить ее панику.

- Я здесь не из-за тебя, - прошептал Калеб.

Нэнси разревелась еще сильнее.

Подняв нож, Калеб посмотрел вниз на бездыханное тело Джаира. И для пущей уверенности, он еще дважды вогнал лезвие в араба.

Медленно поднявшись, он направился к Нэнси. Она вздрогнула, ее грудь поднималась и опускалась в ритме ее паники.

- Пожалуйста! - плакала она, - Мне очень жаль. Мне очень жаль за то, что я сделала. Пожалуйста, не делайте мне больно. Пожалуйста, Господи, не надо больше.

Она рыдала, мотая головой. Калеб присел на край кровати.

- Ты уверена, что хочешь жить?

Его голос был безжизненным и отстраненным. Он испытывал целую гамму эмоций, но все это находилось где-то далеко. И это была не жажда крови, и не удовлетворение от того, что он сделал, или собирался сделать.

- Ты этого не забудешь, - продолжал он, - каждый раз, закрывая глаза... ты будешь видеть эти образы. Каждый раз, чувствуя мужское прикосновение, ты будешь стараться не закричать. Ты уверена, что хочешь этого?

Нэнси рыдала, не переставая.

- Я могу сделать это быстро. Без боли. Обещаю.

- Пожалуйста, - умоляла она, - отпустите меня.

- Ты знаешь, где Рафик? - спросил он холодным и отрешенным тоном.

- П-п-последний раз, мы..., - Нэнси продолжила говорить, сквозь слезы, - мы останавливались в гостевом домике возле бассейна. Он... он не хотел, чтобы кто-нибудь слышал, как я КРИЧУ!

Нэнси вжалась в кровать, дергая за удерживающие ее оковы. Калеб не мог слушать проявления ее страданий. Он чувствовал себя ответственным за них. Это он привел ее в свой мир. Неважно, что она сделала, она не заслужила той цены, которую заплатила.

Нависнув над ней, Калеб поморщился, когда она вскрикнула от ужаса, но все же он разрезал ее путы. Нэнси не двигалась; она просто продолжала кричать и плакать, лежа на кровати.

- Удачи, - прошептал он.

Калеб встал, и, покопавшись в вещах Джаира, нашел его нож и пистолет. Забрав их с собой, он вышел из комнаты.

Даже глубокой ночью, на улице было тепло. Направляясь в сторону гостевого дома, Калеба переполняло чувство тревоги, но еще больше – решимости. Часть его хотела просто зайти внутрь и убить Рафика во сне. Но это был бы слишком быстрый конец.

Калебу никогда не приходилось сталкиваться с предательством Рафика. Ему никогда не приходилось встречаться лицом к лицу с человеком, которого он считал отцом, братом, другом, и спрашивать, что было между ними правдой, а что ложью. Ему никогда не приходилось видеть безжизненные глаза Рафика, его смерть. И все же,

Калеб знал - он зашел слишком далеко, чтобы не выяснить всей правды. Он должен был знать ее наверняка. Он должен был услышать ее из уст Рафика, и увидеть ту в его глазах. Другая же часть Калеба хотела узнать, что все это была ложь, придуманная Фелипе.

Он напрягся, увидев своего наставника, плавающим в бассейне. Приблизившись, Калеб поднял пистолет. Его сердце заколотилось в безумном темпе, и он почувствовал легкое головокружение.

Я не могу.

Я могу.

Я могу.

Я могу.

Рафик поднимался по ступенькам бассейна, вытирая свое лицо. Через мгновение, он увидел Калеба, стоящего у края воды. На его губах появилась улыбка, но это было ровно до тех пор, пока он не увидел пистолет в руках своего ученика. Свирепо взглянув на него, Рафик покачал головой.

- Хотелось бы мне сказать, что я удивлен, *брат*.

На секунду, Калеб закрыл глаза. Открыв их, он вернул Рафику его злость.

- Я тебе не брат, Рафик. И сомневаюсь, что ты когда-либо считал меня таковым.

- У тебя идет кровь, - сказал он.

Его голос был ровным, лишенным страха. Калеб вытер свой лоб.

- У меня состоялся разговор с Фелипе, который закончился не очень хорошо.

Рафик улыбнулся.

- И это все? Мне наплевать, даже если ты его убил. Убери пистолет, - приказал Рафик.

Он всегда приказывал. Он всегда верил, что имел на это право, особенно, когда дело касалось Калеба.

- Я убил не его. Я убил Джаира, - ответил тот с улыбкой.

Лицо Рафика исказилось от гнева.

- А теперь ты пришел, чтобы убить меня? Ты, мелкая, неблагодарная шлюха. Надо было оставить тебя подыхать в Тегеране!

Калеб выпрямился, почувствовав, как по его телу прошла волна жара.

- Выходи из воды, Рафик. Медленно, иначе я пристрелю тебя прямо на месте.

- Так сделай это! Я тебя не боюсь, Калеб.

Несмотря на свои слова, Рафик сделал шаг назад к ступенькам бассейна. Калеб следовал за ним по периметру, пока тот не вышел из воды. Без колебаний, он выстрелил своему наставнику в правое колено.

Рафик вскрикнул в тишину ночи, грохнувшись мокрым телом на бетон. Его руки тряслись, пока он сжимал свое колено, теперь с просвечивающими фрагментами кости, и лужами крови.

- Я убью тебя! - прокричал он.

В вены Калеба хлынул поток адреналина.

- Откуда ты знаешь Владэка?! - спросил Калеб, перекрикивая проклятия и завывания своего 'брата'.

- Пошел ты! Дай мне полотенце, пока я не истек кровью!

Потянувшись к полотенцу, лежащему на одном из шезлонгов, Калеб кинул его в сторону Рафика. Того колотило, пока он обвязывал свое раздробленное колено. Рафик находился на грани шока. Калеб почувствовал тошноту.

Когда ему удалось сдержать свои рвотные позывы, и заговорить, его голос сорвался.

- Это ты сделал из меня шлюху, Рафик? Это ты забрал меня от моей матери?

Было больно произносить эти слова. Было больно смотреть на Рафика, и знать ответ заранее. Это было понятно по тому, как с его лица исчезла вся злость. Осталась только капля стыда, но только капля. И когда этот момент прошел, Рафик вновь наполнился лицемерным неистовством.

- Да как ты смеешь! Как ты смеешь задавать мне такие глупые вопросы, Калеб! После всего того, через что мы прошли, и что я для тебя сделал. И *этим,* - он показал на свою кровоточащую ногу, - ты мне отплачиваешь? Уму непостижимо.

Он сплюнул на землю.

Калеб сломался. Упав на колени и свесив голову, он зарыдал, всхлипами сотрясая грудную клетку, и сбивая дыхание. В мыслях Калеба проносились картинки его мучений. Он вновь переживал изнасилования и избиения. Он чувствовал утрату своего друга, сожженного заживо. Но самое ужасное... это были и воспоминания о Рафике и их совместной жизни - хорошие и плохие.

- Еще не так поздно, *брат,* - мягко сказал Рафик.

Его голос дрожал.

- Занеси меня домой.

Слова Рафика вернули внимание Калеба. Уставившись на свои колени, он увидел оружие, небрежно зажатое в руке, и принял решение. Направившись к гостевому дому, и найдя в нем то, что ему требовалось, Калеб вернулся за Рафиком.

Тому было совсем нехорошо. Его сильно трясло, и он был очень бледен.

- Что ты делаешь, Калеб? - спросил он.

Впервые в жизни, в его глазах появился страх.

Калеб проигнорировал вопрос. Протянув прихваченную веревку, он указал на руки Рафика.

- Подними их.

Рафик замотал головой.

- Нет. Ты не в себе, Калеб. Не делай этого!

Туго натянув веревку, он обвязал ее вокруг шеи Рафика, и держась обеими

руками, потащил того в дом, оставляя за собой окровавленный след.

В отличие от Джаира, Рафик не отбивался. Будучи военным, он был слишком хорошо обучен, чтобы совершать подобную ошибку. Поэтому, он просунул руку вокруг веревки, чтобы частично снять давление на свое горло.

Оказавшись внутри, Рафик потянул Калеба за руки, перераспределив вес своего тела, и покатился в его сторону. Этого было достаточно, чтобы лишить второго равновесия. Оказавшись на своем ученике, Рафик ударил его в то же самое место, куда Фелипе приложился своим револьвером. Голова Калеба запрокинулась назад, и его зрение заволокло туманом. Он почувствовал, как Рафик схватил его за горло, пальцами сжимая трахею. Подняв ногу, Калеб пнул Рафика в раненное колено. Этого хватило, чтобы вернуть себе преимущество. Инстинктивно Рафик отпрянул, хватаясь за свое колено. Воспользовавшись ситуацией Калеб тут же запрыгнул на него сверху, и начал наносить удары по лицу своего наставника, до тех пор, пока тот не потерял сознание.

***

Когда Рафик открыл глаза, Калеб увидел плещущийся в них страх. Тот был привязан к одному из шезлонгов, стоявших возле бассейна.

Внутри, Калеб чувствовал себя мертвым, но его жажда мести не утихла. Всю свою жизнь он ждал именно этого момента, и не собирался от него отказываться.

Он сел на пол рядом с Рафиком. Его нож, все еще покрытый сгустками крови Джаира, недвусмысленно расположился у него на колене.

- Сегодня ты умрешь, брат. Я хочу, чтобы ты это знал, - прошептал Калеб.

- Если ты скажешь мне правду, я сделаю это быстро, - он замолчал, - или могу воспользоваться своим ножом и попрактиковаться во всех способах пыток, которым ты меня научил.

- Калеб, - голос Рафика дрожал.

- Это не мое имя, Рафик. Я не помню своего имени. Его у меня забрали, - глухо произнес Калеб.

- А знаешь, почему? - он поднял глаза на своего наставника, его лицо стало жестким.

- Ты не хочешь этого делать, Калеб, - сказал Рафик.

- Нет, - ответил Калеб и замотал головой, - не хочу.

Подняв нож, он вогнал его Рафику в колено.

- ПРЕКРАТИ! - выкрикнул тот, - Прекрати!

Калеб вернул нож на место.

- Я никогда не хотел причинить тебе боль, Рафик. Никогда! Но за совершенное, ты должен ответить сполна.

Тело Рафика, полностью покрытое потом, очень сильно затрясло.

- И что ты думаешь, я сделал?

- Я буду задавать вопросы и начну с самого важного: Это ты отдал меня Нарви?

Рафик долго смотрел на своего ученика.

Калеб почувствовал, как по его щеке покатилась слеза и быстро смахнул ее тыльной стороной ладони. Он даже не осознавал, что плачет. Прошло слишком много времени с тех пор, как он изливал свои чувства подобным образом и внезапно, ему показалось, что он не может остановиться.

Он прочистил свое горло, - Твое молчание выдает тебя, Рафик. Я надеялся, что ты станешь это отрицать. Я чуть не убил Фелипе только за то, что он это сказал.

- Это неправда, Калеб. Фелипе лжет, - прошептал Рафик.

Закрыв глаза и снова вытерев свое лицо, Калеб неожиданно рассмеялся.

- Ты опоздал. К тому же, ты неубедителен. Но спасибо, за попытку.

- Я тебя вырастил, - упрашивал Рафик.

- Да, это так, - кивнул Калеб.

- Но думаю, что это только усугубляет твое предательство. Я преклонялся перед тобой с мальчишеского возраста. Ты был моим спасителем.

- Я хорошо с тобой обращался, Калеб. Я дал тебе все, чего бы ни пожелало твое сердце.

В словах Рафика присутствовала искренность.

- Я всегда задавался вопросом, почему ты пришел за мной. Сначала, я думал, ты пожалел меня за то, что со мной делал Нарви. Я думал, ты спас меня, потому что тебе было слишком поздно спасать твою сестру. Фелипе сказал мне, что ты убил ее... и свою мать. Это правда?

Рафик отвернулся.

- Ты не знаешь, о чем говоришь, - проскрежетал он.

- Тогда объясни мне. Ты все равно умрешь. Облегчи свою душу, - отрешенно произнес Калеб.

Сделав глубокий вдох, Рафик медленно выдохнул.

- А мои жена и дети? Что будет с ними?

Калеб ничего не чувствовал.

- Твои сыновья будут мне мстить?

- Они для этого слишком малы, Калеб.

- Я был примерно их возраста, когда впервые убил. Даже младше, когда...

Он не мог закончить.

- Они не такие, как мы. Поклянись мне, что не тронешь их, и я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

Рафик повернул голову и посмотрел на Калеба. Тот кивнул.

- Клянусь.

Рафик тоже кивнул. Его глаза наполнились слезами.

- Спасибо, Калеб.

Он обратил свой взгляд в потолок.

- Я знаю, ты не поверишь мне, но я всегда сожалел о том, что с тобой произошло. Мне было очень больно... я хотел загладить эту вину перед тобой.

Калеб почувствовал поток горячих слез, но ему удалось усмехнуться.

- Как будто что-то могло загладить твой поступок! Ты ведь *знаешь*! Знаешь, через что мне пришлось пройти - симпатичному американскому мальчику, которого все называли *Псом*.

Подняв нож, Калеб всадил его Рафику в бедро, и провернул лезвие.

- Калеб! - крикнул Рафик, - Пожалуйста!

- Да! Пожалуйста! Именно так я и умолял! Я повторял это так часто, что Нарви даже дразнил меня этим словом.

- Я дал тебе возможность отомстить!

- Месть никогда не вернет того, что было сделано! Твое предательство хуже того, что *когда-либо* делал Нарви. Он никогда не предавал меня. Он насиловал мое тело, но ты... *Ты* был тем, кого я любил.

Рафик был вне себя от боли, и потери крови.

- *Брат*, - прохрипел он, - прости меня.

- Слишком поздно, Рафик. Все это слишком поздно.

Рафик замотал головой, - Владэк - монстр. Он испортил мою ненаглядную Ануд. Он обратил ее против меня. Мой отец умер, а моя сестра вынашивала ублюдка от этого русского! Меня поглотило горе. У нас завязалась драка, и наша мать оказалась между нами. Я никогда не хотел причинить им вреда. Они были моей жизнью! И Владэк забрал их у меня!

- Это ты их убил! Это твоя вина!

Калеб вытащил нож из бедра, под звуки рыданий своего некогда учителя. Ему никогда не приходилось видеть слезы Рафика, и они делали с ним то, чего он никак не ожидал. Он хотел испытывать только ненависть, но не мог. Калеб тоже наломал дров. Он мучил и убивал. Он продавал женщин в такую же жизнь, в которой побывал сам, а теперь отплачивал за нее Рафику. Калеб был ничем не лучше него. И участи он заслуживал не лучше.

Калеб говорил Ливви, что сожалеет о том, что сделал. И это была правда, но его сожаления не могли стереть его поступков, также, как и Рафик не мог стереть его прошлого. Если Ливви могла выказать всепрощение, то и Калеб мог попытаться сделать то же самое.

Встав на колени, он взял лицо Рафика в руки, и повернул его к себе. Их глаза встретились, и Калеб увидел в них печаль, и, возможно, раскаяние. Наклонившись вперед, он поцеловал Рафика в обе щеки, потом обратил на него свой твердый взгляд.

- Я прощаю тебя, - прошептал он.

Рафик слабо улыбнулся и закрыл глаза.

Калеб медленно потянулся назад к своему пистолету, и выстрелил Рафику прямо в сердце. После, он омыл его тело. Он вытер разбрызгавшуюся кровь, прикрыв его раны кусками хлопковых простыней.

Калеб плакал, туго оборачивая его тело тканью.

С большим трудом, он дотащил тело Рафика до одного из садов Фелипе, и похоронил единственную семью, которую когда-либо знал.

Глава 24

День 11: 5:00 утра

- Тебе больно? - шепчет Калеб.

Его светлые брови хмурятся в беспокойстве. Я никогда не видела его таким. Он всегда спокойный, расслабленный.

Потянувшись, я глажу его прекрасное лицо.

- Я в порядке.

Он вытирает мне глаза, - Тогда почему ты плачешь?

- Не знаю, - отвечаю я, продолжая блуждать пальцами по его лицу.

- Думаю, я просто счастлива.

Он улыбается, - Странное выражение счастья, но ладно.

Он наклоняется, и я чувствую, как он слизывает одну из моих слезинок.

Я ерзаю, - Что ты делаешь? - смеюсь я.

- Мне было любопытно, - шепчет он слишком серьезно.

- Насчет чего?

- Есть ли разница между вкусом счастливых слез и грустных, - говорит он.

Его слова заставляют меня расплакаться еще сильнее. Я не могу это контролировать. Я переполнена всем на свете.

- И? - еле выговариваю я.

- Думаю, эти слаще, - шепчет он и целует меня, - хотя, наверное, это из-за твоей кожи.

И мы растворяемся в счастливом смехе.

Я слышу голоса.

Я лежу на кровати. В течение нескольких секунд, я не могу понять, где нахожусь. Комната чересчур маленькая. На окнах стоят решетки, и эта кровать не принадлежит Калебу.

- Я не могу вернуться через три часа. Мне нужно поговорить с ней прямо сейчас, - произносит какой-то мужчина.

Его голос кажется знакомым, но я не могу понять, почему. У меня не получается распознать его владельца.

Это Рид. Калеба здесь нет, разве ты забыла?

Я чувствую, как по моим щекам стекают слезы, и как сжимается горло. Теперь я окончательно в сознании. Я помню, где нахожусь.

Я в больнице. Калеба нет. И я снова одна во тьме.

Всего лишь несколько секунд назад, я обнимала его своими руками. Я прикасалась к нему. Вдыхала его запах. Пробовала его кожу своими губами. А теперь, он исчез. Я была забыта.

Боль воспоминаний выбила из меня весь воздух, и я сделала глубокий вдох, а потом выдохнула, высвободив из себя неподдельную скорбь. Он ведь только что был здесь, нежился в моих объятиях, а сейчас... я его потеряла.

- Помоги мне! Пожалуйста! - кричу я.

Я не знаю, к кому именно обращаюсь. Может, к Богу. А может, к дьяволу. Я просто хочу, чтобы эта боль ушла.

Дверь в мою комнату резко открывается.

- Оливия?!? - кричит Рид.

Я не признаю его. Я сижу на коленях, уткнувшись головой в кровать, и рыдаю. Я крепко закрываю глаза, в надежде вернуться ко сну. Я хочу снова оказаться в нем, с Калебом.

Я не могу, мать его, дышать! Я не могу дышать без него.

Хоть я этого и не хочу.

- В чем дело? - взволнованно спрашивает Рид, - Вам больно? Поговорите со мной!

Прочь, прочь, прочь.

- Это больница, агент Рид! Пожалуйста, уберите свой пистолет! - говорит какая-то женщина.

- Я люблю тебя, Калеб. Я тебя люблю! Если ты хоть немного заботишься обо мне... пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста, не оставляй меня. Я не знаю, как жить без тебя. Не заставляй меня это делать, не заставляй меня возвращаться и пытаться быть той, кем я уже никогда не буду.

- *Ливви...*

- *Нет!*

Я кричу в своей печали. Я ничего не могу с этим поделать. Я бы сделала, если могла. Я знаю, что они за мной наблюдают. Я чувствую спиной их прожигающие взгляды.

Они не понимают этого. Ни один из них. Я совсем одна, и в этом вина Калеба.

- Пожалуйста, - молю я. - Пожалуйста, останови это.

- Мисс Руис? - осторожно произносит Рид, - Ливви?

- Отойдите назад, агент Рид. Она находится в состоянии припадка, и если вы окажетесь слишком близко, она может причинить вам вред, - говорит женщина.

- Она ничего не сделает. Я беру это на себя, - отвечает Рид.

- Сэр...

- Она проходит свидетельницей в федеральном расследовании, и мне нужно поговорить с ней прямо, блять, сейчас. Я не хочу, чтобы ее накачали транквилизаторами. Выметайтесь! - кричит Рид и его присутствие начинает проникать сквозь дымку моей печали. Я продолжаю заставлять себя дышать.

Я продолжаю твердить себе, что нахожусь здесь уже не первый день.

А Калеба нет со мной целую вечность. Его здесь и не было. И он не ласкал меня. Не обнимал меня.

- *Живи для меня, Котенок. Будь такой, которой ты бы никогда со мной не стала. Пойди в школу. Встреть нормального парня, и влюбись в него. Забудь меня.*

- Я не могу! - кричу я в пустоту.

Дыши!

Дыши!

Дыши.

Дыши.

Я слышу, как открывается и закрывается дверь, и задумываюсь над тем, есть ли кто-то рядом, но не могу заставить себя поднять глаза.

Моей спины касается робкая рука, и я всхлипываю.

- Ливви? - говорит Рид.

- Уходи, - рыдаю я.

- Я... не могу оставить вас в таком состоянии, - шепчет он.

Судя по голосу, ему неудобно.

- Я в порядке. Пожалуйста, уйди.

- Вы не в порядке. У вас срыв, - зло произносит он.

- Почему ты здесь? - шепчу я.

Разговор с Ридом все дальше уносит меня от моего сна, моей печали. Я не уверена, что готова. Я слишком уязвима, и не могу с ним говорить.

- В моем деле имеются значительные сдвиги. Все происходит довольно быстро.

- Что это означает, Рид? - устало произношу я.

Он тяжело вздыхает, словно его придавило неподъемным грузом. Помимо моей воли, меня это заинтересовывает.

- Я пришел... чтобы услышать оставшуюся часть вашей истории.

Мое сердце начинает биться сильнее. Он сказал, 'сдвиги в деле'.

Я знаю, что Рид лжет, но насчет чего?

Калеба!

Я резко сажусь, отчего моя голова идет кругом, но Рид меня придерживает. Схватив его за пиджак, я тяну его к себе. Я в безумстве. Его руки опускаются на мои плечи, и он меня отталкивает. Сильно. Когда я заваливаюсь назад, он хватается за мое предплечье и молниеносно швыряет меня на кровать. Я ругаюсь на него, брыкаясь и дергаясь, но до того, как до меня доходит происходящее, он уже скрепляет мои руки у моей груди, и усаживается на мои ноги.

- Слезь с меня!

- Успокойтесь!

Я смотрю на Рида впервые с тех пор, как он пришел. Он тяжело дышит, его волосы - сущий кошмар, сродни состоянию его рубашки и пиджака.

- Ты нашел его тело? - шепчу я.

Я не знаю, что буду делать, если он скажет 'да'.

- Что? Нет. Нет! - восклицает Рид.

Выражение его лица из злого превращается в жалостливое. Эта новость чистое облегчение, но я не могу перестать плакать.

Рид медленно меня отпускает, и я перекатываюсь на бок, к нему спиной. Он гладит меня по спине, но кажется, когда понимает, что делает, отходит подальше. Я слышу, как он садится на стул.

- Что произошло? - через несколько минут спрашивает он.

Мои рыдания сходят на нет, и я отвечаю, - Плохой сон. Хотя, не совсем. Самое плохое - было проснуться и понять..., - я не могу продолжать.

Некоторое время Рид молчит. То же самое делаю и я. Его визит посреди ночи олицетворяет собой дурное предзнаменование. Что-то произошло, и я одновременно и хочу и не хочу этого знать.

В конце концов, Рид откашливается, - К тебе моленье, Лета, возношу:

Коль это сон, продли его, прошу, - шепчет он.

Я не удивлена, что она знает Шекспира. Рид очень умный человек.

Я улыбаюсь, несмотря на испытываемую тоску, - *'Двенадцатая ночь*', эти слова Себастьян произносит Оливии.

- Я в курсе. Я, знаете ли, учился в одиннадцатом классе, - говорит он, и посылает мне кривую улыбку.

- Разве это было не миллион лет назад? Я удивлена, что ты до сих пор это помнишь, - шепчу я.

Кожа на лице кажется стянутой от количества пролитых слез, и я уверена, что выгляжу как тихий ужас, но я наконец-то начинаю чувствовать себя лучше. Все мысли и воспоминания последних дней, бушующие в моей голове, упорядочились и ко мне вернулась ясность. Я слышала, что говорят, будто время лечит, но если сон так легко затянул меня назад в прошлое, отчего мне было невозможно вспомнить настоящее, я сомневаюсь, что это самое время мне чем-нибудь поможет.

Калеб живет в моих снах.

- Я помню лишь обрывки, мисс Руис, - говорит Рид,

Перевернувшись на спину, я пялюсь в потолок. Моя мигающая точка уже давно была заменена, но я все еще слышу жужжание, сопровождающее: *зажглась - потухла - зажглась - потухла - жжжж - зажглась*.

- Почему ты здесь, Рид?

Мой взгляд остается сфокусированным на потолке, на моем дыхании, и на попытках подготовить себя к тому, что мне предстоит услышать.

- Я вам уже говорил - чтобы услышать окончание истории, - произносит он вполне серьезно.

- Но это не единственная причина, так ведь?

- Нет. Не единственная.

Он снова откашливается, - Вам о чем-нибудь говорит имя Джеймс Коул?

Я сбита с толку.

- Нет. А что?

- Всплыла некая информация, и мне нужно было кое-что узнать, только и всего, - говорит Рид.

- Неважно. Думаю, это несущественно.

- Ты бы не спрашивал, если бы это было несущественно, Рид.

Он разжег мой интерес, и поэтому я пытаюсь принять сидячее положение, чтобы оказаться к нему лицом, и еще лучше читать его эмоции. Он выглядит так, будто не спал несколько дней.

Рид подается вперед, упираясь локтями в свои колени.

- Я пришел сказать вам, что с вас сняты все обвинения.

Он произносит это на одном дыхании, ровно, но мне слышится что-то еще.

- Как только вас освободит лечащий врач, я проведу с вами инструктаж о сохранении тайны. Вы подпишите некоторые бумаги и сможете прямо сегодня покинуть это место.

- Что?! - восклицаю я, словно помутившись рассудком.

Эта новость для меня - настоящий шок. Я не готова уйти. Я не готова начать жизнь заново. Я не готова принять тот факт, что Калеба нет, и мне придется оказаться в этом мире совсем одной.

- Мы знаем, где пройдет аукцион и знаем нескольких действующих лиц, которые будут на нем присутствовать, - говорит он.

- Я бы хотел рассказать вам чуть больше, но мне было велено держать язык за зубами. Единственное, я могу сказать, что все закончено, Оливия. Вы свободны. Вы в безопасности. Вы вольны вернуться к своей жизни, также как и другие жертвы.

Мое сердцебиение кажется беспорядочным. Я не могу позволить Риду уйти, не рассказав всего, что было. Мне нужно, чтобы он понял. Моя информация, мои показания были всего лишь предметом торгов и если он откажется, то я не знаю, что мне делать.

- Откуда тебе известно, где пройдет аукцион? - в неистовстве произношу я.

Рид сверлит меня взглядом, - Почему вы спрашиваете это таким тоном? - допытывается он, сузив глаза, - Что вы от меня утаили?

- Пожалуйста, Рид. Ты должен рассказать мне, что тебе известно. Больше целой гребаной недели, я выворачивала свою душу наизнанку. Пожалуйста, не оставляй меня в неведении. Я заслуживаю знать!

Я умоляю его, не испытывая из-за этого никакого стыда.

- Это дело намного сложнее, чем мы могли ожидать, мисс Руис. На данный момент, оно находится не в моей компетенции. Федеральное Агентство Расследований в Пакистане согласилось руководить совместной оперативной группой.

Лицо Рида становится кислым, - Ах, да, меня заверили, что мое участие непременно будет отражено в отчете по делу!

Поднявшись с места, он принимается вышагивать по палате. Его злость и замешательство очевидны, но я не понимаю их причин.

- Что это значит, Рид? Что произойдет после того, как всех арестуют?

Мне хочется выбраться из кровати, и следовать за безумным агентом, мечущимся в небольшом пространстве, но я знаю, что это будет его только нервировать, и он мне вообще ничего не скажет.

- Зависит от обстоятельств, - говорит он сквозь сжатые зубы. Он останавливается на мгновение, что-то обдумывая. Вырвавшись из своих мыслей, он смотрит на меня, и я вижу в его глазах сожаление. Мое сердце практически останавливается.

- Судебного разбирательства не будет, - говорит Рид.

Он возобновляет свое хождение, сжимая волосы на затылке в кулак.

- Я знал, что так могло произойти. Но мне не хотелось в это верить. Последние несколько часов я только и делал, что спорил со своим начальником. Просто тут...

Кажется, Рид сам не свой.

- Я уверен, что последует масса арестов. Людям, которых собирались продать, несомненно, будет предоставлено убежище, но... никакой справедливости не будет. Не такая, которую заслужили эти жертвы.

- Как такое возможно? - всхлипываю я.

- Как ты мог такое допустить?

- Рафик является весьма высокопоставленным военным чиновником армии Пакистана, Ливви. Его правительство не позволит обнародовать такой скандал. Они дали добро нашей стороне на принятие участия в рейде, в обмен на неприкосновенность своих подданных. Когда все страсти улягутся, они сами разберутся, кто там был, а кого не было - это нормы международной политики.

У меня появляется такое ощущение, словно в мою грудь заехали тараном. Второй раз за свою жизнь, я понимаю жажду мести Калеба.

Я могла убить. Я уже это делала, и ни о чем не жалею. Некоторые люди заслуживают смерти.

По моему лицу катятся неугомонные слезы, пропитывая насквозь. Но я не испытываю чувства грусти. Меня переполняет гнев, и мне некуда его излить. Здесь некого убить, нечего сломать, и некуда пойти.

- Рид, - рыдаю я, - я должна тебе кое-что сказать. Пожалуйста, умоляю, попытайся меня понять. Мне нужна твоя помощь.

Сцепив ладони, я так сильно прижимаю их к своей груди, что буквально чувствую, как мои пальцы оставляют на мне синяки.

Рид трет руками свое лицо, - Пожалуйста, не говорите мне ничего изобличающего, мисс Руис. Сейчас я ничего не могу сделать, и если мне снова придется поместить вас под арест, это добавит еще дерьма к и без того паршивому дню. Все, что у меня есть - это моя честность. Не заставляйте меня выбирать между нею и вами.

- Пожалуйста, Рид! Я должна рассказать тебе оставшуюся историю, - молю я.

Это была самая важная часть, которую я приберегла до момента, пока не смогу доверять Риду. Я только надеюсь, что еще не слишком поздно.

- Я слышал все, что было необходимо. Мне нужно было расследовать пограничный инцидент. С вас сняли все обвинения. Мне надо было узнать место проведение аукциона - все сделано. Я выполнил свою работу. Я пришел с сообщением о том, что вы свободны, и собирался выслушать конец истории, чтобы вы с этим покончили, но если вы хотите изобличить себя, я не желаю этого слушать. В противном случае, мне придется принять соответствующие меры. Вам понятно?

Рид зол, но мне без разницы. Калеб слишком важен. Он столь многим пожертвовал ради меня, вплоть до того, что защитил меня от меня самой. Я была готова последовать за ним куда угодно, и делать все, о чем бы он меня ни попросил, но он заботился обо мне достаточно хорошо, чтобы мне это позволить. Насколько я знала, он должен был присутствовать на аукционе, чтобы убить Владэка, подставив свою собственную жизнь под угрозу. Теперь настала моя очередь его спасать.

- Пожалуйста, - не унимаюсь я, - ты должен ему помочь. Если его арестуешь *ты*, он будет жить. Но неизвестно, что произойдет, если он останется в Пакистане. Ты сам говорил, что в своей стране у Рафика имеются огромные связи. Пожалуйста! Пожалуйста, Рид! Помоги ему.

Рид стоит неподвижно, но его грудная клетка резко вздымается и опадает при каждом вздохе.

- Вы хотите сказать, что Калеб жив? - шипит Рид.

Мое сердце скачет галопом.

- Нет. Все еще нет. Но если бы и был... Ты бы ему помог?

- Черт вас побери, Ливви!

Рид отпихивает стул, - Вы лгали мне!

- *Возможно!* Возможно, да, - молю я.

Мне неизвестно, может ли формулировка вещей в условном наклонении хоть что-нибудь изменить, но я должна попытаться. Я должна знать, что Рид может мне помочь. Я должна знать, что он на это пойдет.

- Мне требовалось время, а ты мне его не давал, - рыдала я, - ты просто вошел сюда, называя меня долбаной террористкой. Что мне полагалось делать?

- Вам полагалось сказать мне правду! Это был уговор. Вы рассказываете мне правду, а я вам помогаю, - говорит Рид, и снова начинает ходить.

- Я так и сделала! Я рассказала все, что тебе нужно было знать. Я помогла тебе найти место аукциона, но теперь ты... говоришь, что о справедливости можно забыть! Так кто из нас лжец, Рид? - заливаюсь я слезами.

Повернувшись, Рид пристально смотрит на меня. Его одолевает многое: злость, усталость, и грусть. Но вскоре, он отводит взгляд, и плюхается на стул.

- Рид? - я подползаю чуть ближе.

- Я ничего не могу сделать, Ливви. Группа уже в пути, а ФАР вовсю раздает указания, - говорит он.

Его слова кружатся в моей голове, пока я не улавливаю их истинного значения - я больше никогда не увижу Калеба.

Внутри, я чувствую себя мертвой. Пустой. Выпотрошенной. Вскрытой.

- Но... должен же быть какой-то выход, - хриплю я.

Рид мотает головой. Мысленно, я слышу свой крик. Я вижу, как разрываю свою кожу, и выдергиваю свои волосы.

В реальности, я неподвижна - ни слез, ни криков, ни плоти, отделяющейся от костей.

Рид молчит. Он не может мне помочь. Да и никто не может. Мои мысли возвращаются к Калебу и последним дням, проведенным вместе.

***

Калеба не было несколько часов. Я сидела на полу, рядом с его револьвером, ожидая чего-то, кого-то. Несколько раз я думала о том, чтобы выйти из комнаты, и отправиться на его поиски, но отговорила себя от этой затеи.

Калеб сказал ждать. И я ждала.

Меня стало окутывать чувство страха, когда я увидела полоску света, показавшуюся в прорезях штор. Солнце уже всходило, а Калеба все еще не было.

Я задумалась, что может быть, вернется Селия, но это было сомнительно. Мостик между нами был окончательно и бесповоротно сожжен. Моим единственным утешением было то, что она бы не позволила Фелипе причинить мне боль.

Внезапно, послышался громкий стук в дверь, за ним последовал второй.

Казалось, мое сердце подлетело к горлу, но затем я вспомнила, что Калеб говорил о том, что постучит два раза. На всякий случай, я потянулась к револьверу. Я наблюдала за тем, как поворачивается ручка и распахивается дверь, и мне с трудом удалось переварить представшую моему взору картину.

В дверях стоял Калеб.

Он весь был покрыт грязью, и вымазан в крови.

- Калеб? - с трудом прошептала я, но все еще не могла пошевелиться.

Он не отходил от дверного проема, и просто стоял там, застыв взглядом на какой-то отдаленной точке. Калеб выглядел так, будто он плакал. Его голубые глаза были опухшими и красными. У него на лбу был порез, кровь из которого заливала его глаз.

Он даже не моргал. Я тут же разрыдалась. Произошло что-то страшное. Что-то ужасное! Я медленно поднялась.

Схватив оставленную мне Калебом рубашку, я натянула ее через голову. Мы должны были выбираться отсюда, и теперь от меня зависело, удастся ли нам это сделать.

Я рыскала в поисках штанов, но вместо них обнаружила всего лишь пару боксеров Калеба. Он даже не шелохнулся.

- Калеб? - прошептала я и подошла чуть ближе.

На мгновение, уголки его губ опустились вниз, словно он вот-вот заплачет, но затем его лицо вновь приняло выражение полнейшего ступора.

- Ты пугаешь меня, Калеб. Пожалуйста, скажи что-нибудь, - всхлипнула я.

Из его открытых глаз полились слезы. Это было больше, чем я могла выдержать - видеть его, терзаемого настолько сильной болью, и не знать ее причины. Ринувшись вперед, я обернула свои руки вокруг него.

- Пожалуйста, Калеб! Да очнись же ты, черт бы тебя побрал!

Он навалился на меня, и мы оба рухнули на пол. Когда я оказался на спине, Калеб придвинул меня ближе, высвобождая в мою грудь неистовый вопль.

Этот звук ужаснул меня, но я обняла его также крепко, как и он меня. Я могла помочь только этим. Все его тело дрожало и сотрясалось от силы вырывающихся из его груди рыданий.

Мне казалось, будто кто-то вонзил нож в мои кишки, и провернул лезвие. Единственное, что я могла делать, чтобы не закричать - это обнимать его. Моя рука дрожала, когда я гладила его по волосам, - Шшш, Калеб. Шшш. Все хорошо. Что бы там ни было, все хорошо.

Я всхлипнула, когда он обнял меня крепче, пытаясь еще глубже зарыться в мою грудь. Его волосы были слипшимися, сухими и грязными от песка.

Он что-то копал. И был вымазан в крови.

- Шшш, малыш, - шептала я, продолжая гладить Калеба по волосам. Он так сильно меня обнимал, что почти лишал меня возможности дышать.

- Чья эта кровь?

Я почувствовала, как он быстро и яростно замотал головой, и случайно попал мне по подбородку, заставив меня поморщиться от боли.

- Хорошо. Все хорошо. Мне не нужно об этом знать.

Я не понимала, как к нему подступиться. Мужчина в моих руках не был Калебом, он был всего лишь оболочкой живого человека. Примитивного и убогого. У меня были свои подозрения относительно того, кому могла принадлежать кровь на Калебе, но я не осмелилась высказать их вслух.

Он убил своего единственного друга. Ради меня.

Моя грудь тряслась от силы сдерживаемых мною рыданий. Я была нужна Калебу, поэтому не могла расклеиться.

- Мы должны идти, Калеб, - прошептала я. - Нам небезопасно здесь оставаться.

Калеб поспешно сдвинулся, поднялся с моей груди, и окружил меня своим телом. Он казался хищником, и на уровне инстинктов я знала, что мне нельзя было кричать. Калеб оглядел меня, торопливо скользнув от моих глаз, к моим губам, и вниз до самых моих ног. Я сомневалась в том, что он хотя бы понимал, кто я такая.

У меня заболели пальцы, когда он неожиданно вырвал их из своих волос. В моих руках осталось несколько его прядей.

Не сдвигаясь с места, я перевела глаза на свои пальцы. Калеб проследил мой взгляд, и внимательно смотрел на меня, когда я медленно подняла свою руку. Я приложила свои пальцы к ране на его голове, вытирая кровь. Ему нужно наложить швы.

Закрыв глаза, Калеб позволил мне к нему прикоснуться.

- Нам нужно идти. Пожалуйста... давай уйдем, - повторила я.

Глаза Калеба резко распахнулись и сфокусировались на моем лице. В течение нескольких секунд, он просто смотрел.

- Моя, - прошептал он.

- Твоя, - сказала я.

Калеб обрушил свои губы на мои с такой яростью, что я его чуть не оттолкнула. Время было совсем неподходящее. Наши жизни были в опасности, но Калеб нуждался во мне. Он нуждался в моей близости, и я была обязана дать ему все, что он пожелает.

Отодвинув подальше страх, я открыла свой рот, и позволила его языку ворваться внутрь. Он застонал, когда я обняла его, притягивая к себе. Я дернула за его испачканную рубашку, и разорвала поцелуй только для того, чтобы стянуть ее ему через голову.

Мое лицо засыпало песком, и я была уверена, заляпало кровью, но смахнув все это тыльной стороной ладони, я продолжила целовать Калеба. Казалось, его руки были одновременно везде - прикасались к моим волосам, притягивали меня ближе, и сжимали мою грудь. Его колено протиснулось между моими ногами, разводя их в стороны.

Я подчинилась, позволив Калебу прижаться ко мне пахом. Внутренней стороной бедра, я чувствовала его член, рвущийся из джинсов.

Пока мы хватались друг за друга, некоторая часть безумного поведения Калеба передалась мне, и, не успев понять, что я делаю, я стала спихивать его с себя, взбираясь верхом.

Схватив меня за рубашку, он издал звук, который я расценила, как предупреждение.

- Твоя, Калеб. Клянусь, - прошептала я.

Взявшись за край своей одежды, я стянула ее через голову, открывая ему свою грудь. Его губы впились в мой сосок, заставив меня вскрикнуть, и прижать его голову к себе. Я оседлала его бедра, потираясь о него через разделяющую нас одежду.

Несмотря на животную мощь, Калеб не причинял мне боли. Он бы это сделал, если бы я дала повод, но я была ему открыта, словно вода путнику.

Когда его губы оторвались от одной моей груди, я подала ему вторую.

- Я люблю тебя, - сказала я, гладя его по волосам.

Калеб хныкнул.

Он никогда не пожалеет о тех жертвах, которые принес ради меня. Я сделаю для этого все возможное. Всю свою оставшуюся жизнь я посвящу дарению Калебу каждой частички живущей во мне любви. Я принадлежала ему, а он - мне, и этим все было сказано.

Я толкнула Калеба в плечо, подгоняя его опуститься спиной на пол, и последовала за ним, опираясь на него своим весом. Его руки нашли мои трусики и стали их поспешно стягивать. Я отклонилась назад, и мы вместе спустили их по моим ногам.

Мне не нравилось чувствовать своей обнаженной кожей окровавленные штаны Калеба.

- Сними их, - произнесла я.

Я помогла ему опустить их до лодыжек. Его ноги были босыми и грязными, но меня больше занимало желание оказаться как можно ближе к своему любимому человеку.

Его член между нами, был словно живое существо. Одновременно взявшись за него - его рука на моей руке - мы направили его мне между ног.

Внутри у меня саднило, но я была влажной, поэтому Калеб скользнул в меня с минимальными усилиями. Он схватился за мои бедра, опуская меня вниз, а сам толкаясь вверх.

- О, Боже, - вскрикнула я.

Мои ногти впились ему в грудь, царапая кожу, но Калеб только простонал, и снова толкнулся в меня. Потом снова. И снова.

Я завалилась вперед, упираясь руками над головой Калеба, и растворилась в море удовольствия и всепоглощающей похоти. Прогнувшись в спине, я подразнила его губы соском, и он втянул его своим жадным ртом.

Я почувствовала, как моя киска начала сжиматься вокруг его члена и захныкала в приближении оргазма, когда Калеб стал трахать меня жестче, сильнее засасывая мою грудь. Мне не требовалось ни дышать, ни произносить и малейшего звука.

Я замерла на нем, позволяя ему вколачиваться в меня, и уносясь в оргазме.

Рот Калеба оторвался от моего соска с громким причмокиванием, после чего комнату заполнили стоны его наслаждения, когда его семя стало изливаться в мою киску. Пульсация за пульсацией, его горячая сперма заполнила меня изнутри, но мне было этого мало.

Я хотела, чтобы Калеб остался во мне навечно. Я рухнула на него, наслаждаясь тем, как его тело поднималось и опускалось с каждым вздохом.

- Ливви? - прошептал он.

Я заставила себя опереться на локоть одной руки, второй гладя его по лицу.

- Да, - произнесла я.

От набежавших на мои глаза слез, его изображение стало расплывчатым, но я была уверена в том, что где бы он ни был, он уже вернулся.

- Ты в порядке? Я сделал тебе больно?!

Казалось, он находился в отчаянии.

- Я в порядке, Калеб. В порядке. Я больше волновалась за тебя, - сказала я.

Наклонившись, я поцеловала его в губы. Я поднялась, и мое сердце защемило, когда я увидела, что он отвернул от меня свое лицо.

- Не смотри на меня, Ливви, - прошептал он.

- Калеб, не надо.

Я старалась, чтобы он посмотрел на меня, но он резко сел и притянул мою голову к своему плечу - туда, где я не могла его видеть. Я почувствовала, как он выскользнул из меня, чему поспособствовало его семя.

- Я не могу об этом говорить, ясно? Я... - его слова будто застряли у него в горле.

- Ясно, - прошептала я, и прижалась к нему хотя бы еще на несколько секунд.

- Нам нужно идти, - сказал он.

Неторопливо, он высвободил наши переплетенные тела. У меня на глазах выступили слезы, но я не дала им пролиться. Я нужна Калебу сильной, и я была полна решимости дать ему все, что необходимо.

Молча, мы принялись за первостепенные дела. Гримасничая, Калеб натянул свои штаны, и стал баррикадировать дверь. Я также нашла себе важное занятие, отыскав сумку и закинув в нее все, что нам могло понадобиться: револьвер, одежду и аптечку, которую обнаружила в ванной комнате. Это было немного, но хоть что-то.

Зайдя в ванную, Калеб открыл воду в душе. Я не думала, что у нас для этого было достаточно времени, но у меня хватило мозгов не задавать вопросов. Стянув с себя дрожащими руками джинсы, он встал под струю воды. Душевую кабину сразу же забрызгало кровью и грязью.

Я подумала о том, чтобы присоединиться к нему, но один взгляд на Калеба и стало понятно - ему требовалось время, чтобы побыть одному. Вода была неимоверно горячей, заволакивая ванную клубами пара.

Я включила вентилятор, но больше никак не подчеркнула своего присутствия. В какой-то момент, мне послышались его всхлипы, но я оставалась сидеть на полу, неся безмолвную вахту. Он находился под душем меньше десяти минут, после чего закрыл кран и вышел из кабины. Без слов взяв полотенце, он направился в спальню.

Мои душевые процедуры длились совсем недолго, но к тому времени, как я вышла из ванной комнаты, Калеб был больше похож на самого себя.

- Нам пора, Ливви, - сказал он, послав мне улыбку.

Она была ненастоящей, но я оценила попытку, и постаралась придать своей больше убедительности.

Особняк казался пустым, *пугающе* пустым. Ни Фелипе. Ни Селии. Ни Рафика.

Калеб не предлагал никаких ответов, поэтому я не задавала никаких вопросов.

На улице, даже ранним утром, было довольно тепло. Меня посетила мысль, что я давно не выходила на свежий воздух, под палящее солнце.

На мне была одежда. И я была... свободна. Мои шаги замедлились, когда в меня приникло осознание. СВОБОДНА!

- Грузовик стоит недалеко, не останавливайся – без выражения произнес Калеб.

Я почувствовала, как сжимается мое горло, и из меня вырвался взволнованный смех, - Куда мы направляемся? - сказала я, а мои глаза наполнились счастливыми слезами.

- Пожалуйста, не задавай вопросов. Просто идем со мной.

Я посмотрела на него - боль на его лице была осязаемой. Сейчас не самое подходящее время, чтобы с ним спорить. Что бы он ни делал - это важно. Оно полностью изменит наши отношения, но Калеб попросил меня идти с ним, и когда мужчина, которого ты любишь просит тебя пойти с ним, ты идешь.

Мы прошли меньше мили, но я пребывала в потрясении от размеров частной собственности Фелипе. Чем бы этот человек ни занимался, он, определенно, был успешен. Наконец, мы отыскали старый грузовичок, на котором мы сюда и приехали. Я удивилась, что он завелся с первого раза.

Калеб говорил очень мало, и хотя создавалось впечатление, что ему лучше, я знала – что бы ни произошло, оно все еще лежало на нем тяжким грузом. Я потянулась через сидение к его руке, и к моему удивлению, он не только взял ее в свою ладонь, но и сжал.

Пока мы отъезжали от дома Фелипе, я смотрела на гравийную дорогу через боковое зеркало грузовика. Мы уезжали - вместе.

Примерно двадцать минут, я вытирала свои глаза от слез.

Мы ехали несколько часов, после которых я заставила Калеба нарушить тишину.

- Я голодна, Калеб.

Посмотрев на него, я потерла свой живот.

- Мы можем что-нибудь купить на заправке. Сейчас я не хочу останавливаться, - сказал он.

Его глаза не отрывались от дороги, но его палец водил туда-сюда по моей руке.

- Хорошо, - согласилась я.

- Мы... долго будем ехать? Ну, до того, как доберемся до пункта назначения.

Сжав мою ладонь, Калеб на секунду прикрыл глаза, - Мы будем в пути около шестнадцати часов, может, меньше. Оказавшись поблизости, сможем где-нибудь переночевать.

Мне не понравился его голос. Он был слишком... грустным и отрешенным.

- А куда мы...?

- Котенок! - предостерег он.

Он покачал головой, - Я хотел сказать... Ливви. Пожалуйста. Перестань.

Мои внутренности скрутило от тревоги. Мне это совсем не нравилось. Я сжала его руку, - Можешь не называть меня Ливви, если ты этого не хочешь, Калеб. Честно говоря, меня все это пугает. *Ты* меня пугаешь.

На секунду, лицо Калеба сбросило маску, позволив мне уловить проблеск грусти, после чего он снова надел непроницаемое выражение.

- Не пугайся, Котенок. Все будет хорошо, обещаю. Тебе больше никогда не нужно будет меня пугаться.

- Что ты этим хочешь сказать? - прошептала я.

- Что я о тебе позабочусь, - ответил он.

- Мы позаботимся друг о друге. Теперь я сильнее, Калеб. Что ни произойдет... что бы ни *произошло*, я смогу с этим справиться. Ладно?

В течение продолжительного времени он молчал, потом ответил.

- Ладно.

- Я люблю тебя, - произнесла я.

Тишина.

Мы не делали ненужных остановок, а в туалет, и за едой отправлялись только на заправках.

Разговорить Калеба было тем еще делом, но он оказался очень заинтересованным в моей жизни до нашей встречи. Я избегала историй о своей семье - своей матери,

своих братьях и сестрах. Я знала, что больше никогда их не увижу, и сама мысль была такой болезненной, что я не могла об этом говорить.

Теперь у меня был Калеб и я была ему нужна.

Я рассказывала о своих любимых книгах и фильмах, а также о своей мечте написать книгу, по которой, впоследствии, я переписала бы сценарий, и сама срежиссировала фильм. Я собиралась стать универсальным специалистом.

Улыбнувшись, Калеб сказал, что с удовольствием прочитает все, что бы я ни написала.

Вдруг, я ощутила больше оптимизма относительно нашего с Калебом будущего... но на дорожных знаках продолжала видеть обозначения Ларедо, штат Техас.

- А что в Техасе? - спросила я.

- Помимо ковбоев? - сказал Калеб. Я не отводила от него взгляда.

- У меня там бизнес, Котенок. Понимаешь?

Внезапно он снова стал очень серьезным.

- Понимаю, - уступила я.

Мы были в пути около десяти часов, когда Калеба, наконец-то, сморила усталость. Ему с трудом удавалось держать глаза открытыми, и я убедила его в том, что нам следует остановиться, потому что я не умела водить.

Посмеявшись надо мной, Калеб все же выбрал мотель для ночлега. Это место было не самым милым на свете, и если уж совсем честно, люди на стоянке были жуткими. Определенно, не туристическое заведение.

- Вполне возможно, они попытаются угнать наш грузовик. Ты же это знаешь, так ведь? - сказала я.

Калеб пожал плечами, - Тогда утром я угоню еще один.

Я рассмеялась. Калеб даже не улыбнулся.

Я хотела заняться любовью, но он заснул, пока я была в душе, и моя совесть не позволила его будить. Посреди ночи, он потянулся ко мне. Я с трудом понимала что происходит, пока не почувствовала его губы на своей сверхчувствительной киске. Поднявшись на локти, я смотрела, как он лизал меня, пока я не кончила на его языке. К тому моменту, как он оказался во мне, я уже не помнила, как сильно у меня там все болело.

Я была слишком переполнена членом Калеба, чтобы об этом волноваться.

Я открыто стонала в своем удовольствии, не заботясь о том, что меня кто-нибудь услышит. Казалось, что того же мнения придерживался и Калеб, который кончил в меня с громким криком.

Мимолетом меня посетила мысль о безопасности нашего занятия, но потом все свелось к Калебу, и неглубоким проникновениям в отголосках его оргазма.

После того, как нам удалось привести себя в порядок, мы заснули с открытыми окнами. Я спала в его руках, в надежности, безопасности и довольстве, несмотря ни на что. И пока он был со мной, мне было неважно, куда мы направлялись.

Глава 25

День 1:

Едва я закончила застегивать пуговицы своей блузы, когда произошло это - раздался громкий хлопок, и что-то ударило меня в лицо. Я подняла руку, чтобы прикоснуться к своей щеке, и мое дыхание, буквально, на долю секунды, оборвалось.

Калеб, оказался на мне и что-то кричал, но я не слышала его слов. Я не слышала *никого и ничего*. Я ударилась головой об пол как раз в тот момент, когда Калеб меня схватил, и она раскалывалась от боли.

Повсюду летали осколки.

- Ливви! - заорал Калеб и встряхнул меня, прорываясь в мое сознание сквозь образовавшуюся тишину.

БУМ! На нас полетел еще один стремительный поток обломков. Калеб лег на меня сверху, закрывая мое лицо руками и пряча свою голову возле моего плеча. Кто-то, мать их, стрелял в нас.

Мои глаза устремились на дверь, и я увидела огромные сквозные дыры в тех местах, где когда-то было дерево. Мы перекатились за кровать. Все мое тело дрожало, и я не понимала, что происходит.

Калеб пихнул меня, заставив взвизгнуть от боли.

- Лезь в ванну! - крикнул он и толкнул меня снова.

Мне удалось подняться на четвереньки. Проползя несколько метров, я забралась в ванну, но тут же осознала, что Калеба со мной не было.

- Калеб! - завопила я.

Дверь в ванную с шумом закрылась. Я была слишком напугана, чтобы даже пошевелиться.

- *Да он же там погибнет, ты, тупая сука! Сделай что-нибудь!* - визжала Безжалостная Я.

Я не могла сдвинуться с места. Я не могла, нахрен, сдвинуться. Окружающий меня мир воспроизводился в замедленном режиме, и я ничего не могла поделать, чтобы ускорить его течение. Почувствовав что-то влажное на своем лице, я прикоснулась к нему рукой, тут же испачкав ее в крови.

- Калеб! - снова завопила я.

В дверь комнаты послышался громкий стук, и я спешно спряталась в ванне. Я не могла перестать плакать и кричать.

- *Ты долбаная трусиха, Ливви! Я тебя никогда не прощу,* - упрекала Безжалостная Я.

Я закрыла уши ладонями, желая, чтобы этот голос исчез, но все еще слышала ее вопли, умоляющие меня сделать хоть что-нибудь. Из-за двери до меня донеслись пронзительные крики - звуки борьбы. Дверь постоянно дрожала, словно в нее что-то швыряли.

- *Помоги ему!*

- Что ты хочешь, чтобы я сделала? - заорала я.

- Оставайся на месте! - послышался рык Калеба.

- *Да помоги же ему!*

Голос Калеба, и понимание того, что всего в нескольких шагах от меня он сражался за свою жизнь, видимо несколько утихомирили мою панику.

- *Револьвер, Ливви. Револьвер. Где он?* - допытывалась Безжалостная Я.

Я сделала несколько глубоких, судорожных вдохов, пытаясь вспомнить. Где был револьвер? Ну, где же он был? В сумке!

- *Хорошо, Ливви. Теперь, где сумка?*

Я громко всхлипнула, - Я не знаю.

Через дверь послышались пронзительные, гневные крики. Я ничего не поняла, но знала, что прозвучавшее было на арабском. Они пришли за нами. Рафик оказался здесь, чтобы убить нас.

- *Сумка! - взвизгнула Безжалостная Я.*

Картинки. Они пронеслись в моей голове в быстрой последовательности: Я внесла сумку. Поставила ее на стол. Калеб взял ее и перенес в ванную комнату. И когда я принимала душ, она все еще находилась здесь.

Я осмотрела комнату, но сумки не было.

Когда я была в кровати, она оказалась рядом. Мы с Калебом занимались сексом, а после ему потребовалось надеть чистое белье, поэтому, она осталась возле кровати с его стороны.

- *Иди туда, Ливви. Достань эту пушку,* - произнесла Безжалостная Я.

Рыдая, я замотала головой из стороны в сторону. Ведь я и понятия не имела, что там происходит, и если я открою дверь...

- *Они уже знают, что ты здесь! Ты погибнешь. Калеб погибнет. Прошу тебя!*

Я выбралась из ванны. Эта комната была крошечной; и даже когда я положила руку на дверь, мои ноги все еще касались края ванны.

С той стороны до меня все еще доносились звуки борьбы.

- Я выхожу! - крикнула я.

- Нет! - заорал Калеб, за чем последовал оглушительный грохот.

Схватившись за ручку двери, я все же ее распахнула. Вешалка для одежды находилась прямо напротив ванной, образовывая в этой стороне комнаты небольшое

прямоугольное углубление. Я увидела Калеба, лежащего на полу, сцепившись с каким-то мужчиной.

- Беги, Ливви!

Устояв на ногах, я попыталась пробежать мимо них, и добраться до кровати, но внезапно, чья-то рука схватила меня за лодыжку. Грохнувшись лицом на пол, и совершенно не почувствовав боли, я стала отбиваться ногами, не зная, кому сопротивлялась. Рука меня отпустила.

Оглянувшись назад, я увидела кровь. Голова Калеба была опущенной, но тут раздался душераздирающий, панический вопль, и мужчина, лежащий под ним, вцепился ему в волосы, чтобы дернуть его голову назад. Калеб открыл рот для крика, но оттуда хлынула только кровь.

Крики не унимались, продолжая один за другим сотрясать пространство. Я застыла. *Крики*. Я не могла их выносить. Внезапно, тело Калеба отлетело к углублению комнаты.

Я не узнала нашего противника. Его лицо было забрызгано кровью, а с его щеки свисал кусок кожи. Я завопила. Не переставая орать, мужчина кинулся на Калеба и стал бить его головой об пол.

Заставив себя действовать, я поползла в сторону кровати, лихорадочно шаря руками по вещам, и... почувствовала сумку. Она была здесь! Потянув за ручки, я свалила ее на пол. Револьвер оказался сверху, и я схватилась за наше спасение. Оно самопроизвольно выстрелило, отчего, не справившись с отдачей, я ударила себя по лицу тыльной стороной ладони.

- Ливви! - закричал Калеб.

Этот звук был похож на бульканье.

Быстро перезарядив пушку, я взяла ее обеими руками. Подрагивая, я взвела курок, и стала целиться в мужчину, оказавшегося на Калебе.

- Слезь с него! Сейчас же!

Он повернулся, чтобы посмотреть на меня - из его открытой раны на разодранном лице безостановочно лилась кровью, затем он бросился ко мне, и… я нажала на курок.

Меня отбросило в сторону. На пару секунд мой обзор рассеялся, и я попятилась назад на руках, в поисках револьвера, упавшего позади меня. Я пристрелила его.

Наш противник лежал на полу, дергаясь и дрожа всем телом, хватаясь рукой за свою грудь. Кровь была повсюду.

- Что я наделала?! - вскрикнула я.

- Что я наделала?!

- Что я наделала?!

- *Калеб, Ливви! Сконцентрируйся на Калебе. Где Калеб? - произнесла Безжалостная Я.*

Каким-то образом, умудрившись оценить ситуацию, я посмотрела в сторону ванной комнаты. Калеб не шевелился. *Нет. Нет, нет, нет, нет, нет!*

Я потеряла самообладание. Просто обезумела!

Отыскав револьвер, я взяла его в руки, после чего на четвереньках подползла к нашему противнику, и приставила ствол к его груди. Он пытался сопротивляться мне, пока я взводила курок, но он был слаб, а моя ярость сделала меня сильной. Истошно закричав, я нажала на курок; мне на лицо, шею, на все мое тело брызнула кровь. Спустя мгновение, открыв глаза, я уставилась прямо в его искореженную грудную клетку.

- Калеб! - завопила я.

Когда он не ответил, я поползла к нему, заранее испытывая ужас от того, что увижу, когда до него доберусь. Калеб не шевелился. Он был вымазан в крови, и он не шевелился!

Притянув его голову на свои колени, я шлепнула его по лицу, - Калеб? Очнись, малыш. Очнись! Нам надо уходить.

Никакой реакции не последовало.

- Пожалуйста. Пожалуйста, Боже!

Я положила руку ему на грудь - он дышал.

До меня донеслись крики с улицы, а также бег людей и визг колес на стоянке. Скоро здесь появятся копы.

Положив голову Калеба на пол, я схватилась за его рубашку, чтобы привести его в сидячее положение.

- Очнись! Пожалуйста!

Я встряхнула его. Голова Калеба завалилась вперед, и он начал откашливаться кровью, пачкая мои штаны.

- Ох! Ох! Спасибо!

Я притянула его к груди, блуждая по нему своими руками.

- Ливви, - онемело произнес он.

Затем он, действительно, очнулся, - Ливви!

Отстранившись, он уставился на меня в потрясении. Отодвинув меня в сторону, он сначала посмотрел позади меня, а потом перевел взгляд на мое лицо.

- Ты в порядке? - ошеломленно спросил он.

Я кивнула, заливаясь слезами.

- Нам надо убираться отсюда, - сказал он, - сейчас же. Вставай.

Он подтолкнул меня, и я помогла ему подняться. Калеб схватил меня за руку, и наклонился, чтобы взять револьвер.

Подбежав к куче вещей рядом с кроватью, и найдя ключи, я сунула их все в один большой мешок.

- Иди к грузовику, Ливви, - сказал Калеб.

Он казался слишком спокойным.

Побежав в сторону стоянки, я с удивлением обнаружила, что на ней не было ни души. Вставив ключи в замок и открыв дверь, я забралась внутрь и закрыла ее. Услышав еще один выстрел, я резко пригнулась.

В течение нескольких секунд ничего не происходило, но затем грузовик тряхнуло. Услышав громкий грохот, я крепко зажмурилась.

Дверь машины распахнулась.

- Это я, Ливви. Это я, - прошептал Калеб.

Отыскав ключи в моих руках, он вставил их в замок зажигания. Пока мы выезжали со стоянки, я дрожала и плакала, сидя рядом с ним.

Некоторое время спустя, я почувствовала пальцы Калеба в своих волосах, нежно поглаживающие мою голову. Я убила человека. И была вымазана в его крови. Я должна была это сделать.

Я ни о чем не жалела.

И это была правда. Я не жалела о том, что этот сукин сын сдох.

Я знала, что он умрет и после первого моего выстрела - не было ни единого шанса выжить с той дырищей в груди, которую я на нем оставила. Во второй раз, я выстрелила в него, потому что... я так хотела.

Он пытался убить меня, но потом я увидела неподвижное тело Калеба, и этого было достаточно, чтобы наполнить меня яростью. Калеб был моим, а я устала позволять людям забирать то, что принадлежит мне.

Мы ехали несколько часов. Я понятия не имела куда, и мне было плевать. Положив голову Калебу на колени, я наслаждалась его прикосновениями. Все в моем мире приобретало значение, когда он меня касался. В конце концов, Калеб остановил грузовик, но просил меня оставаться на месте, пока он позаботится о теле в багажнике. Последний выстрел, который я услышала, Калеб произвел мужчине в лицо. Он не хотел, чтобы его личность была опознана.

Неизвестным противником оказался брат Джаира - Халид. Я хотела спросить Калеба про Рафика и остальных, но вспомнив, в каком состоянии он вернулся в комнату – безжизненным и отрешенным - отодвинула эту мысль в сторону. Некоторые вещи лучше оставлять недосказанными. Главное, мы с Калебом были живы. И мы были вместе. Что до остального... Мне не обязательно было это знать.

Калеб вернулся в машину быстрее, чем я ожидала.

- Сделано, - сказал он.

- Ты его закопал? - сомневаясь, спросила я.

- Нет необходимости. Его съедят дикие звери, - ответил он.

Потянувшись через сидение, он прижал свои губы к моему лбу.

- Я убил того человека, Ливви. Тебе понятно? - прошептал он.

- Что? Нет.

- Ливви! Послушай, что я тебе говорю!

Он посмотрел мне прямо в глаза. Выражение его лица было холодным и жестким.

- Его убил *я*.

Он кивал своей головой, пока я не стала повторять его действий.

- Ладно, - прошептала я.

- Хорошая девочка, - произнес он и поцеловал меня, скрепляя наш уговор.

***

Мне следовало догадаться, что Калеб что-то планировал, ведь этому предшествовало множество знаков. Мне следовало поподробнее расспросить его о том, что так сильно травмировало его тогда, в особняке Фелипе. Мне следовало потребовать от него рассказать о наших планах, когда я продолжала видеть знаки с обозначением 'штат Техас'. И как минимум, мне следовало задать больше вопросов про клочок бумаги, цифры на которой Калеб заставил меня выучить наизусть.

Он сказал, что любой, у кого окажется пароль и данные по счету, сможет получить к нему доступ, поэтому было очень важно, чтобы об этом знали только я и он. Я чувствовала себя такой особенной. Я думала, что он мне доверял. Я чувствовала себя шпионкой, сжигая эту бумажку и выбрасывая ее пепел через окно. Я не задавала вопросов. И не требовала ответов. Поэтому, я оказалась абсолютно застигнутой врасплох, когда Калеб остановил грузовик, и взорвал мой мир, сказав, что наше совместное времяпрепровождение подошло к концу.

Долгое время, мы оба молчали. Я не хотела говорить первой. Я боялась, что просто не смогу.

Наконец, прочистив горло, Калеб нарушил тишину, - Граница находится всего в нескольких километрах вверх по дороге. Я не могу подъехать ближе.

Он показал на кровь, в которой был полностью вымазан.

- Почему ты думаешь, что я могу? Я убила...

- Ты никого не убивала! - крикнул он, - Тебя похитили. Ты пыталась сбежать и несколько месяцев... Я... Я держал тебя в плену. Я изнасиловал тебя, - произнес он.

Его слова были как нож в сердце, и я его ударила. Сильно.

- Не говори так! Я знаю, как у нас все начиналось, Калеб. Но, пожалуйста, - молила я, - Я люблю тебя.

На глаза Калеба стали наворачиваться слезы, но он потер лицо и улыбнулся, - Ты меня ударила, - усмехнулся он, - снова!

- Зачем ты это делаешь, Калеб? - спросила я как можно спокойнее, но мое горло уже ощущалось хриплым от рыданий, которые я еле сдерживала.

Он посмотрел на меня, и я увидела мельчайшую частичку чего-то, что отражалось болью на моем собственном лице.

- Потому что... так будет правильно.

- Почему бы тебе не позволить решать мне, что правильно, а что нет? Я хочу остаться с тобой, - выдавила я.

Мое сердце забилось чаще, и я больше не могла сдерживать слез. Он давал мне шанс вернуться домой, вернуться к моей жизни, ко всему, чего по моим же словам, я хотела - но единственное, о чем я могла думать - что ничего из этого не имело значение, если я его больше никогда не увижу.

Крепко схватившись за руль, он прижался к нему своим лбом, - Ты не знаешь, чего ты хочешь, Ливви, а то, что ты думаешь, ты хочешь - навязано тебе промывкой мозгов.

Я тут же вдохнула, чтобы возразить, но он поднял свою руку, останавливая меня.

- Я слишком долго занимался тем, что манипулировал людьми, преследуя одну лишь цель - добиться своего. Вот почему ты думаешь, что любишь меня. Потому что я сломал тебя до основания и создал заново, чтобы ты в это поверила. Это не было случайностью. Однажды, оставив все позади... ты это поймешь.

Я едва могла разглядеть его сквозь туман слез, заволакивающих мой обзор. Калеб верил во все, что он говорил. Я слышала это в его голосе - но он ошибался. Моя любовь к нему не была результатом его манипуляций. Он пытался делать все совсем наоборот.

- Вот оно что. Ты считаешь, что я какая-то идиотка, которая повелась на твой бред? Знаешь, ты ошибаешься! Я влюбилась в тебя, Калеб. Я влюбилась в твое нездоровое чувство юмора. Влюбилась в то, как ты меня защищал. Ты спас мою жизнь!

- Я забрал свою собственность, Ливви, - мрачно произнес он.

- Я больше не Ливви! Я твоя! Разве не это ты говорил? Не то, что ты обещал? Разве не в этом мы друг другу клялись! - обливалась я слезами.

- Я не хочу владеть тобою. Я хочу, чтобы ты была свободной, а пока ты со мной... я всегда буду видеть в тебе свою рабыню, - прошептал он.

Мне была невыносимо наблюдать за тем, как голова Калеба пристыжено опустилась вниз. Он ведь был слишком гордым человеком.

- Я никогда не была твоей рабыней, Калеб. Ты этого хотел, и я тебе это давала, но мы оба знаем, что ты принадлежишь мне так же, как и я принадлежу тебе. Если бы ты, действительно, смог сломать меня до основания, и создать заново, то никого бы из нас здесь не было. Несмотря ни на какие гребаные обстоятельства, я искренне люблю тебя... и... и... веришь ты в это или нет, но ты тоже меня любишь.

- Котенок, - сказал он, - монстры не умеют любить.

Он вытер свои глаза, - А теперь вылезай из грузовика. Иди в сторону границы и больше никогда не оборачивайся.

Не в силах сдерживаться, я как можно крепче обняла его своими руками.

- Я люблю тебя, Калеб. Я тебя люблю! Если ты хоть немного заботишься обо мне... пожалуйста, не делай этого. Пожалуйста, не оставляй меня. Я не знаю, как жить без тебя. Не заставляй меня это делать, не заставляй меня возвращаться и пытаться быть той, кем я уже никогда не буду.

Его руки нежно вернули мои на место и когда наши глаза встретились, я, в конце концов, увидела эмоции, которые он так упорно старался спрятать, и решимость, с которой он произнес, - Живи для меня, Котенок. Будь такой, которой ты бы никогда со

мной не стала. Пойди в школу. Встреть нормального парня, и влюбись в него. Забудь меня. Пришло твое время идти, Котенок. Время для нас обоих.

- А куда поедешь ты?

- Тебе лучше не знать.

Мое сердце раскрошилась на мелкие осколки, но я знала, что у меня не осталось больше никаких аргументов, чтобы остановить это прощание. Мне захотелось поцеловать его - один последний поцелуй, чтобы помнить его, но я понимала, что это обернется лишь мучением. Я хотела, чтобы наш последний поцелуй был совершен в порыве единения и страсти, а не сожаления и грусти.

Отпустив его, я открыла дверь.

- Возьми это, - прошептал он и протянул мне свой револьвер, - пусть это будет доказательством того, как тебе удалось сбежать.

Я долго смотрела на оружие. Я даже подумала о возможности взять Калеба в заложники и заставить его отвести нас куда-нибудь в другое место. Но он сделал мне больно. Его отказ терзал меня сильнее всего остального, а моя гордость больше не позволяла его умолять.

Взяв револьвер, я уставилась на его идеальный профиль, когда он смотрел через лобовое стекло, не глядя в моем направлении. Он сделал свой выбор, и это была не я.

Выйдя из грузовика, я хлопнула дверью и начала свой путь в сторону границы. И пока я шла, я физически ощущала на себе его взгляд так, как я всегда его чувствовала. Слезы беззастенчиво лились по моему лицу, но я их не вытирала. Я заслужила эти слезы, и оставляла их, как символ всего того, через что я прошла.

Они олицетворяли боль, которую я выстрадала, любовь, которую я испытывала, и океан потери, который опустошил мою душу. Я, наконец-то, научилась подчиняться, поэтому больше не оборачивалась.

Когда я добралась до границы, я была вся в синяках и крови. В потрясении от всего того, что произошло с Калебом, я не могла толком ответить пограничному патрульному офицеру, который кричал на меня с поднятым оружием. У меня было свое оружие, и я ни хрена не боялась его применить. А если бы я погибла? Кого, к чертям, это заботило?

Приложив револьвер к своей голове, я потребовала пропустить меня через границу. Эти сукины дети в меня стреляли. И когда они опрокинули меня на землю и надели наручники, я надеялась, что умру от потери крови. Тогда, я еще не знала, что они стреляли в меня резиновыми пулями.

Глава 26

День 14:

Мэттью сидел напротив некогда бывшей Оливии Руис.

Она выглядела так, словно прошла через ад. Ее длинные, темные волосы были убраны с лица и собраны в простой хвост, а под глазами образовались темные круги,

что было свидетельством плохого питания и недостатка сна. Именно нездоровый аппетит и послужил причиной ее дополнительного пребывания в больнице в течение семидесяти двух часов, но раз она приняла решение уйти, никто не имел права ее задерживать.

В комнате присутствовала и агент Слоан. Она тоже довольно-таки тяжело смирилась с подробностями раскрывшегося дела, и Мэттью хотелось найти какой-нибудь способ ее утешить, при этом, не введя в заблуждение.

Слоан приходила в его кабинет после посещения Оливии, где и узнала об их последнем с мисс Руис разговоре. Некоторое время они говорили о деле, но затем ей захотелось обсудить ту ночь, когда они занимались сексом, и Мэттью пришлось недвусмысленно объяснить, что это была связь на одну ночь. Она назвала его трусом. Он назвал ее хуже.

- Это последний документ? - спросила София Коул.

- Да, - ответил Мэттью.

- Как только вы выйдете из этой комнаты, вы станете Софией Коул. В обмен на ваше молчание о событиях последних нескольких месяцев, ФБР сняло с вас все обвинения, и предоставило вам новое имя. Мы покроем образовавшиеся медицинские расходы, а также обеспечим вас авиабилетом на запрашиваемое вами направление. Вдобавок, ваша мать получит сумму в 200000 долларов, которая будет выплачиваться ей на протяжении пяти лет. Надеюсь, вы понимаете, что в случае нарушения соглашения, заключенного с Правительством США - в соответствии с положением Закона о борьбе с терроризмом - вас могут объявить террористкой, и принудить к выплате 250000 долларов штрафа или возможному тюремному заключению. К тому же, вам может быть отказано в услугах адвоката или назначен формальный представитель ваших интересов в суде. Однако, ваше дело будет пересматриваться каждые три года для проверки на представление возможной угрозы с вашей стороны. Вам понятны условия данного соглашения? - спросил он.

- Да, - отрешенно произнесла София.

- Вы согласны с условиями прочитанного договора? - спросил он.

- Да, - повторила София, - не то, чтобы у меня был выбор.

Мэттью тяжело вздохнул и ненадолго встретился со Слоан взглядом. Та слегка покачала головой, давая ему понять, как сильно она ненавидела то, что происходило. Мэттью испытывал аналогичные чувства, но в этом случае, его руки были связаны.

- Правительство США передало вам все вещи, о которых вы просили, за исключением возврата под вашу ответственность револьвера C&B 29 модели, конфискованного у вас во время вашего первого ареста, - сказал Мэттью.

- Кроме того все преступники остались на свободе. Не забудь упомянуть и об этом, *агент* Рид, - холодно произнесла София.

Мэттью и без того бесился в отношении приведенного факта, но он выполнил свою работу, приложив к этому максимум усилий.

- Ваши похитители так и не появились на аукционе в Карачи, мисс Коул.

Казалось неправильным называть ее этим именем, но она выбрала его, и Мэттью должен был это уважать.

- Правительство США не видит никакой надобности в усложнении отношений с Пакистаном, опираясь на необоснованные обвинения. Впрочем, в отчете будет указано, что ваши показания помогли объединенным рабочим группам попасть на аукцион, в результате которого были освобождены сто двадцать семь жертв торговли людьми и пойманы двести сорок три потенциальных торговцев живым товаром.

- Ну и ладно, Рид. Мы уже закончили? Я хочу уйти, - сказала София.

Мэттью не принимал ее пренебрежительное отношение на свой счет. Он знал об истинной причине ее страдания, и это имело совсем опосредованное отношение к соглашению, которое она подписывала - соглашение, о котором она так долго просила.

София все еще оплакивала смерть Калеба - *Джеймса*. Мэттью подозревал, что тот все еще был жив, но насколько им, или Бюро было известно, Джеймс Коул погиб на территории Мексики от пулевых ранений, которые получил, помогая Оливии сбежать. Стрелявший - Халид Балок был все еще на свободе. К тому же, Мэттью закрыл дело об исчезновении Джеймса Коула, но только после того, как связался с персональным ассистентом Дмитрия Балка, сообщившего ему, что у мистера Балка 'выживших детей' нет. Сам же миллиардер оказался недоступен.

- Да, мисс Коул, мы закончили, - сказал Мэттью.

Он почти ощущал грусть Софии через разделяющий их стол, и казалось, что это чувство проникло в образ его мыслей. Мэттью хотел, чтобы все закончилось по-другому. Не только для Софии, но и для него самого.

Он уже давно стал утрачивать веру в систему правосудия. Мэттью надеялся, что разобравшись с этим делом, и посадив преступников за решетку, ему удастся разжечь тлеющий огонек, с которым он когда-то начинал работать. Но вместо этого, он получил победу с горьковато-сладким привкусом.

Более сотни женщин были освобождены от сексуального рабства, но только небольшой части их торговцев было суждено увидеть тюремную камеру изнутри. Большинство из них попросту отделаются штрафом и будут освобождены. 'Горьковато-сладкое' - явилось слабым описанием тому, что произошло в Пакистане.

- Пойдем, милая, - сказала Слоан Софии, - я тебя провожу.

Встав, Слоан стала собирать свои вещи, укладывая их в портфель. Мэттью внимательно следил за ней.

Ее рыжие волосы были заплетены во французскую косу, а на ее лице не было никаких признаков косметики. На ней был надет серый костюм, который скрывал все ее сексуальные изгибы. Она была загадкой. Мэттью стало интересно, как ей удавалось быть такой разной - как день и ночь. Будучи социальным работником, она казалась сопереживающей, и даже где-то лишенной интересных граней своей личности, но он знал на собственном опыте, какой она бывала, сняв это облачение.

Мэттью почти пожалел, что не согласился на предложение Слоан снова заняться сексом. Ему никогда не приходилось быть с женщиной, столь тонко настроенной на его потребности. Хотя, с другой стороны, она его немного пугала.

Встав, Мэттью протянул Софии свою руку, - До свидания, мисс Коул. Пожалуйста, знайте... если вам что-нибудь понадобится, можете обращаться ко мне. У вас есть моя визитка, и я обижусь, если вы ею не воспользуетесь.

София улыбнулась ему, ее глаза блестели от слез, - Спасибо, Рид. Я знаю, ты сделал все, что мог.

И пожала его руку.

- Спасибо, мисс Коул, - ответил он.

Казалось, этого было недостаточно. И, возможно, никогда не будет.

Мэттью повернулся к Слоан, протянув руку и ей, - Спасибо за все, что вы сделали, агент Слоан.

Изогнув свою рыжую бровь, она ответила ему на рукопожатие, - Всегда пожалуйста, агент Рид. Сообщите мне, если понадобится какая-нибудь помощь с финальным отчетом. Я возвращаюсь в Вирджинию завтра вечером, но до тех пор... буду на связи.

Она улыбнулась, и Мэттью почувствовал, как его лицо вспыхнуло.

- Думаю, у меня все готово, но спасибо, - сухо ответил он.

- Вам двоим следует хорошенько трахнуться и покончить с этим, - невесело произнесла София.

- Ливви! Я имела в виду... Идем, - сказала Слоан.

У Мэттью не оказалось возможности ответить, потому как обе девушки вышли из комнаты. Улыбнувшись про себя, он покачал головой. Ему, определенно, будет не хватать Ливви с ее пошлым чувством юмора. Мэттью надеялся, что она получит необходимую помощь и когда-нибудь, окончательно придет в себя. Будет очень жаль, если такой красивый, умный и храбрый человек, как она, потеряет веру в будущее.

Взяв свой диктофон, Мэттью выключил его. Это было устаревшее и практически бесполезное устройство, учитывая, что все происходящее в комнате записывалось камерами наблюдения, но ему нравилось сохранять собственные свидетельства.

Вещи имели свойство пропадать, поэтому, положив диктофон в свой портфель с папками, Мэттью направился к двери. Подходя к лифту, он мельком увидел, как 'София' обменивалась со своей матерью слезливыми объятиями. Мэттью не очень нравилась эта женщина, особенно после всего, что он о ней узнал, но он был рад, что у нее, наконец-то, появилась возможность увидеть свою дочь, и может быть, попросить у нее прощения за все то, через что она дала ей пройти.

Согласно одному из пунктов соглашения, семья Софии будет перевезена в другое место жительства, где ее матери на выбор предложат обучение или трудоустройство. По мнению Мэттью, это было больше, чем она заслужила.

Сам он вернется в пустую квартиру в Южной Каролине, пока его не отправят на очередное дело. Мэттью надеялся, что оно будет разительно отличаться от этого расследования и был искренне уверен, что так оно и будет. Но это не значило, что он оставит попытки связаться с Дмитрием Балком. Этот человек был темной лошадкой, и, несмотря на все свидетельства обратного, Мэттью знал, что миллиардер не был неприкасаемым.

Вполне возможно, что со временем Балк приведет его к Мухаммаду Рафику и остальным его подельникам. Джеймс Коул заслуживал правосудия.

Глава 27

День 287: Кайзерслаутерн, Германия

Калеб выучил горький урок - нет будущего там, где господствует месть. Единственное, что она ему дала - это краткий миг удовлетворения, за которым последовала полнейшая пустота. Он был свободен от этой мести. Но вместо опустошения, Калеб хотел ощутить полноту, а вместо сожаления - любовь.

Любовь, напомнил себе Калеб. Именно она являлась основной его целью. Он мечтал об этом мгновении около года, но когда тот настал, начал сомневаться. Правильно ли он поступал? Может, ему нужно было последовать собственному совету - идти и больше не оглядываться? Он не знал.

Являясь наставником рабынь, он подготовил множество девушек. Одни сами этого хотели, предлагая себя в роли секс-рабынь для того, чтобы выбраться из нищеты, жертвуя свободой ради безопасности. Другие доставались ему в качестве вынужденно отданных дочерей обедневших фермеров, которые, тем самым, пытались снять с себя свое бремя за вознаграждение. Некоторые являлись четвертыми или пятыми женами шейхов или банкиров, которых направляли мужья, чтобы те научились удовлетворять их нетрадиционные запросы.

Он обучил так много девушек, что даже забыл их имена. Теперь же он знал их все наизусть.

Оджал Нат была продана в Турцию; ее хозяин скончался, передав права на рабыню своему сыну. Калеб заплатил огромную сумму за выкуп этой девушки. И теперь она находилась со своей семьей, в безопасности, имея достаточно денег, чтобы прокормить себя и свою маленькую дочь.

Было слишком поздно спасать Пию Кумар, которая уже как пять лет была мертва. Ее до смерти забила новая жена ее хозяина, и Калеб обеспечил тем совместное погребение. Заживо.

Иза Нассер, Наба Мазин и Джамиля Ауад отказались от своей свободы. Они обращались к нему по собственному желанию и счастливо жили со своими заботливыми хозяевами/ мужьями. Они больше пугались Калеба, нежели своей подневольной жизни. Пожелав им добра, он поклялся присматривать за ними.

Годы, проведенные с Рафиком, создали ему определенную репутацию, и в качестве 'верного ученика' своего бывшего наставника, Калеб всецело воспользовался этим преимуществом живого воплощения страха.

За последние десять месяцев было пролито невероятно много крови, часть из которой принадлежала самому Калебу, но этого было мало для искупления. Он знал, что ему никогда не получить искупления своих грехов, и научился с этим жить. Он не мог исправить всех своих ошибок, но мог предложить лучшее будущее тем, кого принес в жертву своему эгоизму. И дело было не в мести.

Калеб наглотался этой самой мести, которой теперь ему хватит на несколько жизней. Совершенное им с Рафиком и Джаиром не принесли ему ожидаемого

успокоения - они лишь подарили ему ночные кошмары. Для Калеба все свелось к любви.

Он любил Ливви. С ней он узнал, что любовь делала с человеком, и как она гнала его вперед. Ливви преподнесла ему бесценный дар, и хотя Калеб его не заслужил, он старался, чтобы это чувство не было напрасным.

Его работа была далека от завершения, поэтому он сохранял фокус строго на своей задаче, но дорога была длинной, а Калеб был все лишь обычным человеком. В его сердце зияла дыра, разрастающаяся с каждым прожитым днем, угрожая столкнуть его в бездну отчаяния.

Со своего удобного пункта наблюдения через дорогу, Калеб посмотрел на девушку, за которой он следил в течение последних тридцати минут. Ее волосы были убраны назад, уголки губ опущены вниз, и она сидела за столом, не отрывая взгляда от стоящего перед ней ноутбука. Иногда она нервно вздрагивала, тем самым, выражая чувство беспокойства, которое у нее не получалось скрыть. Ему стало интересно, почему она казалось такой встревоженной. Глядя на ее прекрасное личико, он чувствовал, как наполняется надеждой, одновременно с этим сгорая от стыда.

После Мексики, Калеб ехал все дальше и дальше на юг, до тех пор, пока ему не удалось взять билет до Швейцарии. Калебу нравился Цюрих, с его своеобразием и богатством, и он был уверен, что в этом городе его никто не заметит. Он инвестировал свои деньги в сырьевые товары, и теперь располагал достаточной суммой, чтобы жить, как ему заблагорассудиться и путешествовать по миру, освобождая девушек, которых он сам отдал в рабство. Но все же, его природе противоречило самобичевание, поэтому он просто смотрел на Ливви.

Сначала, Калебу пришлось иметь дело с большим объемом информации, и просмотреть тонны новостных историй в течение недель, последовавших за ее освобождением. Пересечение границы сложилось для Ливви не самым лучшим образом. Она стала мишенью голодной до скандалов прессы. Они следовали за Ливви по пятам, а ее нежелание общаться с представителями новостной индустрии, сделали ее еще более желаемым объектом. Ее прекрасное личико появилось на экране его компьютера, но все, что ему удалось узнать - она отказывалась с кем-либо общаться. Она выглядела грустной, и его сердце защемило, потому как он знал – в этом была его вина.

Но тут, после нескольких недель беспрерывного освещения событий, Ливви будто сквозь землю провалилась. Позвонив в банк, располагавшийся на территории Мексики, Калеб узнал, что открытый им счет закрыли несколько месяцев назад, и человек, совершивший данную операцию, не оставил никаких сообщений.

Следующим пунктом его плана, было найти Ливви через ее семью. Калеб знал, что ФБР будет за ней присматривать, и решил нанять частного детектива посредством всемирной сети. Оказалось, что семья Ливви переехала, и нанятый специалист не мог предоставить ему никаких вразумительных ответов, вместо этого принявшись настаивать на личной встрече, поэтому Калебу пришлось полностью прекратить их общение.

Он почти потерял надежду отыскать Ливви, пока не вспомнил, что у нее была подруга по имени Николь. Калеб не знал фамилии этой девушки, и решил заняться ее поисками самостоятельно.

Николь оказалась студенткой Университета штата Калифорния. Следя за ней в течение нескольких недель, у Калеба так и не получилось обнаружить следов Ливви. Он не располагал никакими результатами, пока Николь не оставила свой ноутбук без присмотра, отправившись играть со своими друзьями в Алтимат Фрисби. Калеб просто прошел мимо заставленного ее вещами стола, и стащил компьютер и некоторые другие ее принадлежности, которые ему удалось прихватить за несколько секунд. Он хотел, чтобы это выглядело, как обычное ограбление.

Ливви было не так-то просто найти, и вначале он был этому даже рад. Но с каждым проходящим месяцем, Калеб становился все более одержим желанием выяснить, что с ней. И ноутбук ее близкой подруги оказался лучшим способом узнать, как она поживает. Он говорил себе, что всего лишь хотел убедиться в безопасности и счастье Ливви, но в глубине души знал истинную причину, по которой снова решил ее найти.

- Я твоя! Разве не это ты говорил? Не то, что ты обещал? Разве не в этом мы друг другу клялись! - обливалась она слезами.

Вернувшись в отель, он с дрожащими руками и колотящимся сердцем открыл ноутбук. Поначалу Калеб подумал, что это был еще один тупик, но потом заметил, как Николь неоднократно пыталась контактировать с кем-то по имени София. Он отследил переписку, открывая каждое отправленное хозяйкой ноутбука сообщение, пока, наконец, не добрался до ответа от Софии.

Кому: Николь whitefish4568@...

От кого: София cleverkitten89@g...

Тема: Re: Где ты, черт возьми?

23 декабря, 2009 года

Привет, милая. Знаю, что давно тебе не писала. Прости. Даже набирая это сообщение, я понимаю, что ты имеешь полное право нажать на клавишу «Удалить», но надеюсь, что ты, по крайней мере, дочитаешь его до конца. Почти Рождество, а мне одиноко. Я скучаю по тебе. Я даже скучаю по своей семье (никогда не думала, что скажу это). Я объездила Европу и увидела то, что большинство людей не видят за всю свою жизнь. Но, по правде говоря... я ожидала большего.

Французы реальные придурки. Не советую тебе туда соваться до тех пор, пока ты не будешь свободно владеть их родным языком, потому как они весьма фигово относятся к туристам. Для 'города любви', тут чертовски одиноко. Я решила подняться по ступенькам на Эйфелеву башню, и, дойдя до самого верха, поняла, что мне не с кем разделить этот момент. То есть, да, вид сверху был потрясающим, но там находилась толпа толкающих друг друга людей, и знаменитая башня оказалась всего лишь очередным высоким строением.

Кто-то стащил мой бумажник, чего я не заметила, пока не собралась приобрести памятный сувенир в магазине подарков.

Англия - супер-дорогая. Ты знала, что один фунт стоит как два доллара?!? Там я пробыла совсем недолго. То, что у меня есть деньги - хорошо, но это не продлится вечно, если я не позабочусь о том, как их тратить. Единственное, что мне понравилось в Англии, что люди там намного более приятные, но мужская часть населения немного напоминает мне... сама знаешь кого. От их акцента мне хочется плакать.

Я скучаю по нему, Ник. Я знаю, это глупо, но это правда. Думаю, именно поэтому с тех пор, как я вышла из больницы, у меня не получается с кем-либо поговорить. Я не рассчитываю на твое понимание. Не потому, что я тебе не доверяю - это не так. Просто я люблю его, тогда как все вокруг его ненавидят, и мне очень сложно с этим справляться.

Когда-нибудь, я буду готова. Когда-нибудь, я перестану его любить и видеть везде, где бы я ни оказалась. Я перестану слышать его голос и мечтать о его поцелуях каждую ночь. Когда-нибудь, я смогу смотреть на вещи так, как и должна это делать, и возненавижу его за все, через что он заставил меня пройти... но не сегодня. И не завтра.

Ты сердишься на меня, и поверь, я это понимаю. Я бы тоже бесилась, если бы ты отправилась на другой конец света, и не отвечала на мои сообщения, но мне нужно было время. Оно мне нужно и по сей день. И если ты не сможешь дождаться, пока я приду в себя, я пойму. Просто знай, что я тебя люблю и никогда не хотела, чтобы наши отношения сложились таким вот образом. Если ты мне не ответишь, желаю счастливого Рождества.

Обнимаю,

София.

Калеб просмотрел другие сообщения, но не нашел ни одного, датированного более поздним числом после этого письма от Ливви. Очевидно, Николь продолжила жить своей жизнью и 'София' ее отпустила.

Калеб подумал, что, наверное, в отношении Ливви, ему следовало поступить точно так же, но его сердце принадлежало ей. Ему нужно было знать, любила ли она его до сих пор, или же он был прав, и все, что она чувствовала, основывалось на ее потребности выжить. Он ломал голову, не зная, стоило ли ему искать Ливви или нет. Калеб понимал, что ее ответ мог уничтожить его, но ему нужно было это знать. Ему необходимо было знать, страдала ли она без него, также сильно, как он страдал без нее. И если Ливви до сих пор испытывала к нему светлые чувства, Калеб хотел провести с ней остаток своей жизни, стараясь быть ее достойным. Но если она его не любила, то он, хотя бы сможет обрести некое успокоение от мысли, что принял верное решение, освободив ее.

Калеб посмотрел на девушку, сидящую в уличном кафе. Знал ли он ее? Могла ли она чувствовать, что ее жизнь висела на волоске? Или ощущать на себе его взгляд? Могла ли она шестым чувством распознать монстра?

Эта мысль вызвала в нем грусть. Он был здесь и раньше. И делал *это* и раньше. Ему не следовало следить за ней. Ему не следовало размышлять над возможностью снова ворваться в ее жизнь. У него все еще были дела - освобождение девушек от рабской жизни, в которую сам их привел. Он посмотрел на нее в последний раз.

Я люблю тебя, Ливви.

Вставив ключ в замок зажигания, он уехал прочь.

***

День 392: Барселона, Испания

Это всего лишь ощущение, но оно преследует меня уже не первый день. Кто-то наблюдает за мной.

Я созванивалась с Ридом, который в обязательном порядке предпринял определенные меры, чтобы узнать о наличии возможной опасности. Он собирается встретиться со мной через несколько дней, под видом очередного, якобы, дела. А пока он хочет, чтобы я вела себя как ни в чем не бывало. Рид говорит, чтобы мои возможные преследователи не должны знать, что я догадалась о слежке.

Он также говорит, что слышал отчеты об устранении ряда известных соратников Рафика. Сам же Рафик вот уже год числится пропавшим без вести, что не радует его правительство. Они считают, что исчезновение их подданного дело рук ФБР. Но, конечно же, доказать они этого не могут.

Хотя, Рид не производит впечатление уж очень заинтересованного в этом деле агента - его больше заботит некий линчеватель, творящий самосуд, и освободивший из сексуального рабства восемнадцать девушек.

Впервые услышав об этой новости, я сразу же подумала, что им мог быть Калеб, и мое сердце будто сжали в кулаке. Рид не произносил этого вслух, но мне показалось, что он разделял мои подозрения. Это проскальзывало в том, как он спрашивал меня о моих предположениях относительно возможных ответственных за эти действия людей, и о том, связывался ли кто-нибудь со мной.

- Джеймс Коул мертв, - прошептала я.

- Да, - ответил Рид, - надеюсь, у него достаточно ума, чтобы оставаться и дальше под этим статусом.

Я бы и рада согласиться с Ридом, но сердцем знаю, чего хочу, на самом деле. Я хочу, чтобы это был Калеб. Я хочу знать, что он жив, и что пытается исправить некоторые свои ошибки. Более того - я хочу снова видеть Калеба.

Вначале я подумывала о самоубийстве, но потом в моих ушах раздавался его голос, твердящий о том, что я должна жить, и что так поступают только трусы. Поэтому, воспользовавшись оставленными Калебом деньгами, я решила увидеть те части света, о которых много слышала, но никогда не видела.

Последний год был скоротечным. Я потеряла так много и только сейчас начала себе за это возмещать.

На сегодняшний день, я посетила четыре из семи чудес света, и до конца года планирую увидеть пирамиды.

Кто бы мог подумать, но я работаю официанткой в кафе Apple Bee. Кто едет в Барселону, чтобы поесть в Apple Bee?

Но мне все равно - этого хватает на покрытие моих расходов, связанных с Европейским Университетом в Барселоне, где я обучаюсь литературному творчеству. Мне не хочется полагаться на деньги Калеба, поэтому у меня есть финансовый консультант, который распоряжается моими средствами и следит за моими делами. Каждый месяц, в дополнение к моей зарплате официантки, я получаю щедрую стипендию.

Первое время мне, действительно, было тяжело, но понемногу становится проще, если я анализирую каждый свой шаг. Я просыпаюсь, принимаю душ, чищу зубы, одеваюсь и отправляюсь на работу. Мне приходится встречаться с людьми, и я даже обзавелась несколькими друзьями.

С Клаудией и Рубио я познакомилась в очереди на фильм *Шоу ужасов Рокки Хоррора*. Клаудия была одета в стиле Колумбия, а ее парень в стиле Рифф Рафф. Я же была одета как обычно.

Они отличные друзья. Они не задают вопросов о моем прошлом, а я не делюсь никакой информацией. Чаще всего, нам нравится собираться после работы, попивая сангрию в уличном кафе *El Gallo Negro*. Здесь подают самую лучшую паэлью из цыпленка или морепродуктов, чем где бы то ни было. Наевшись и напившись, мы обычно отправляемся смотреть новейший фильм, или идем ко мне поиграть в Rock Band на моем Play Station.

Мои друзья, может, и не задают вопросов о моем прошлом, но уж больно интересуются моим настоящим и будущим. Они частенько пытаются устроить мне свидание с кем-нибудь из своих друзей, но я отказываюсь наотрез. Не то, чтобы я не хочу отношений - это не так - просто я к ним еще не готова. Калеб до сих пор живет в моих снах и является главным действующим лицом всех моих фантазий.

У меня все еще есть его фотография, доставшаяся мне от Рида, поэтому, лаская себя, я могу представлять его лицо с предельной точностью. Порой, это происходит медленно и нежно, выливаясь в оргазм, похожий на сладкое потягивание после крепкого сна. Иной раз, мне нравится, когда быстро и жестко. Я сильно щипаю себя за соски и тру свой клитор, как можно глубже вводя пальцы в свою киску, и проигрывая в голове слова Калеба.

- *Тебе приятно, зверушка? - спрашивает он.*

- *Да, Калеб, - отвечаю я.*

Я никогда не упоминаю о нем при Клаудии или Рубио. Мои воспоминания и фантазии - мое личное дело, но, думаю, Клаудиа знает, когда я по нему скучаю. В такие моменты она улыбается и тянется к моей руке. Этим она напоминает мне, что я не одинока.

В последние месяцы я думаю о Калебе гораздо чаще. Это происходит с тех пор, как я почувствовала его взгляд на себе, в кафе, в Германии. Я сидела на улице, печатая на своем ноутбуке. И опять же, о нем.

Я писала про нашу историю уже больше года, прорисовывая каждую деталь, о которой помнила. Я знала, что мне не следовало выносить произошедшее на публику, но подумала, как много людей захотят услышать мою историю. Почему бы о ней не рассказать?

Я не полная идиотка. Я изменила все имена и названия мест, решив выставить эту книгу как выдуманное чтиво. И конечно, у меня есть псевдоним. Самое главное для меня, чтобы люди прочли эту книгу и, возможно, поняли, почему я до сих пор люблю человека, удерживавшего меня пленницей.

Я знаю про Джеймса Коула все. Рид может быть хреном моржовым, но обычно у него доброе сердце. Он рассказал мне столько, сколько мог. До остального я додумалась сама.

Поначалу, я чувствовала опустошение от того, что услышала. Я называла Калеба монстром, но он всего лишь делал то, чему его научили. Я часто думаю о том дне, когда он вошел в комнату, покрытый грязью, измазанный кровью, и подавленный тем, что совершил. Не было никаких сомнений в что, что он убил Рафика. Мне только хотелось, чтобы он знал, что его слезы были потрачены впустую.

Я все время гадаю, связана ли причина, по которой Калеб меня оттолкнул, с чувством вины от того, что он сделал со своим единственным другом ради моего спасения. Возможно, если бы он знал, каким реальным монстром был этот Рафик, то взял бы меня с собой, вместо того, чтобы выкинуть из своей жизни. Хотя... может, и нет.

- У тебя снова этот взгляд 'потерянная в пространстве', - говорит Клаудиа, усаживаясь за наш столик напротив меня, - однажды, ты мне все расскажешь. Я знаю, это как-то связано с парнем.

Она играет бровями.

Я ей улыбаюсь, - Ты опоздала. Где Рубио?

- Встречается со своим другом, Себастьяном. Думаю, они скоро будут здесь.

- Клаудиа, - стону я, - сколько раз тебе повторять? Меня не интересуют свидания.

- Это не свидание! Клянусь, это совершенная случайность. Мы как раз направлялись сюда, когда столкнулись друг с другом.

Она быстро наливает себе стакан сангрии и начинает увлеченно пить. Из нее никудышняя лгунья.

- Кроме того, Себастьян шикарный. Он студент ЕУБ и собирается стать художником. Он очень талантлив. Мы с Руби видели некоторые его работы.

- Мне пора, - говорю я и начинаю собирать свои вещи.

Я определенно не в настроении, чтобы иметь дело с очередным 'случайным' свиданием вслепую.

Закатив глаза, Клаудиа тащит меня обратно на место.

- Не будь такой грубой, София. Руби не станет сводить тебя с каким-нибудь троллем. Давай, останься хотя бы еще ненадолго.

- Значит, это все-таки подставное свидание! - хмурюсь я на Клаудию, которая даже не краснеет.

- Да, ладно, ты нас раскусила. Мы ужасные друзья, которые хотят видеть тебя счастливой, - саркастично разводит она руками.

- Я счастлива, Клаудиа. И буду еще счастливее, если вы, ребятки, перестанете меня с кем-то сводить.

Я складываю руки на груди, но не могу долго злиться.

- Прошу прощения, София, - прерывает меня официант.

Его зовут Марко и он очень хорошо знает нашу небольшую компашку. Он уже дважды приглашал меня на свидание, но я все время говорю ему 'нет'.

- Что такое, Поло? - спрашиваю я с улыбкой.

Он ненавидит свое прозвище.

- Очень смешно. Меня просили передать тебе это, - говорит он, протягивая мне клочок бумаги.

- Ооооой, тайный поклонник! - восклицает Клаудиа.

Мы с Марко оба краснеем, но из нас двоих только он может позволить себе роскошь удалиться, выйдя из неловкой ситуации.

- Ты идиотка, ты в курсе? - говорю я Клаудии, но та только улыбается.

Развернув записку, и прочитав буквально одну строчку, я понимаю, от кого она.

"Не могу представить, что ты, должно быть, думаешь обо мне..."

Я встаю так резко, что опрокидываю кувшин сангрии, который разбивается об пол. Мое сердце начинает отбивать лихорадочный, но такой знакомый ритм. Клаудиа подрывается с места, пытаясь обратить на себя мое внимание, но я слишком занята, оглядывая окружающих нас людей в поисках НЕГО. Он где-то здесь. Он здесь! Но я его не вижу и мне хочется кричать. Я не могу снова потерять его. Не могу! На мои глаза уже набегают слезы. Я опускаю взгляд в записку:

"И не ожидаю, что ты меня простила. И все же, из эгоизма, должен спросить - ты рада, что я заставил тебя тогда выйти из машины? Я оказался прав? Было ли все то, что ты испытывала ко мне результатом моего манипулирования? Если это так, то, пожалуйста, знай, что мне очень жаль. И что я больше НИКОГДА тебя не побеспокою. Клянусь, у тебя никогда не будет причин снова меня бояться. Но если я был неправ, и ты до сих пор что-то ко мне испытываешь... встретишься со мной? Сегодня, на Пасео-де-Колон, возле башни Сан-Себастьян, в 20:00.

- К".

- Мне нужно идти, Клаудиа, - бормочу я.

- Подожди?! Что случилось? Поговори со мной, София, - кричит Клаудиа мне вслед.

Но я уже прошла половину здания.

По пути, я оглядываюсь по сторонам. Неужели он за мной наблюдает? Неужели это, и правда, он? Стоит ли мне звонить Риду? Это могла быть ловушка, но я так не думаю. Только Калеб мог знать о нашем последнем разговоре. Это он. Я чувствую это своим гребаным нутром.

К тому моменту, как я добираюсь до своей квартиры, я вся в слезах. Я смотрю на часы - всего лишь 16:00. У меня еще четыре часа.

Я ждала целый, мать его, год, но эти четыре часа станут настоящим мучением.

Эпилог

Джеймс с трудом сглотнул, вчитываясь в слова на экране.

“И пока я шла, я физически ощущала на себе его взгляд так, как я всегда его чувствовала. Слезы беззастенчиво лились по моему лицу, но я их не вытирала. Я заслужила эти слезы, и оставляла их, как символ всего того, через что я прошла. Они олицетворяли боль, которую я выстрадала, любовь, которую я испытывала, и океан потери, который опустошил мою душу. Я, наконец-то, научилась подчиняться, поэтому больше не оборачивалась”.

Конец

София написала очень трагичную историю, но, тем не менее, она была о любви. Она проявила к Джеймсу великодушие, описав образ лучшего человека, нежели он был на самом деле.

София работала неделями, уединившись в своей маленькой комнатке на верхнем этаже. Джеймсу вход туда был воспрещен, и хотя ему это не нравилось, он уважал ее желания. Теперь он уважал все ее желания.

Несколько часов назад, она залетела в кухню, и обернула свои руки вокруг него.

- Почему ты улыбаешься, Котенок? Ты, наконец-то, закончила? - спросил Джеймс.

- Да! Закончила, - ответила она, за чем последовал короткий танец.

София сразу же потащила его наверх и усадила перед своим ноутбуком, чтобы он начал читать. В этой комнате был только один стул, поэтому опустившись на пол, она положила свою голову ему на колени. Читая, он гладил Софию по волосам.

Джеймс боялся знакомиться с повествованием от ее лица, но он был рад пройти через это и узнать, насколько хорошо она все помнила. Она любила его - в этом он был уверен, и хотя все еще сомневался в заслуженности ее чувств, но они делали его счастливым.

Джеймс еще раз посмотрел на спящую фигурку Софии, и, не имея сил сдержаться, смахнул ее волосы с лица и убрал за ушко. Ее рот был приоткрыт, и он был уверен, что при таком раскладе она намочит его своей слюной, но это было неважно. София была самым прекрасным созданием, которое он когда-либо видел.

Он не мог не прикасаться к ней. Джеймс обожал тихие звуки, издаваемые ею во время подобных ласк. Он не заслуживал ее. Никогда не заслуживал.

Но к настоящему времени, София была с ним уже более года, и втайне он всегда боялся того, что она устанет от него и решит уйти. Она часто говорила Джеймсу о том, что любит его, и каждый раз эти слова вонзались ему в самое сердце. Он не заслуживал ее любви. И он не мог притворяться, что считает иначе.

Узнав о том, что София писала их историю, он попытался помочь ей всем, чем только мог. В равной степени это было его детище, так же, как и ее. Джеймсу нужно было увидеть это черным по белому - боль, которую он ей причинил, монстра, которым он был. Он ни за что не хотел об этом забывать, чтобы больше никогда не позволить себе стать таким же.

С того вечера, как София встретилась с ним на *Пасео*, с того самого вечера, когда он решил оставить все позади и влиться в типичное общество, в нем изменилось очень многое. Оказавшись подальше от ужасов своего детства, от крови и мести, он был просто... Джеймсом.

Первое время, он не мог понять, что ему с собой делать. Вокруг него кипела реальная жизнь, но он был всего лишь наблюдателем. Что он знал о встречах с друзьями в кафе? Или о покупке продуктов питания? Тем не менее, ночами, когда он не мог уснуть, потому как внезапно мир казался ему слишком большим... рядом с ним оказывалась София.

Всякий раз, когда он думал о том, чтобы сбежать и вернуться к той жизни, которую знал, он вспоминал о том дне, когда передал ей записку. Тогда разрыдавшись, София выбежала из кафе. Джеймс думал, что она обратится в ФБР, и был готов отправиться в тюрьму, как только они встретятся на Пасео. Но вместо этого, она пришла, чтобы остаться с ним.

Она стояла, как богиня среди простых людей. Ее волосы струились по ее спине мягкими волнами, изредка растрепываясь морским бризом. На ней было черное платье, обтягивающее грудь и открывающее спину, а также туфли на невероятном каблуке. Такую высоту шпилек можно было посчитать опасной, учитывая мощеные улицы. Софии хотелось показать ему, что она стала взрослой женщиной и уже его не боялась.

Он пошел к ней навстречу через площадь. Он нервничал. На нем были джинсы и черный кашемировый свитер. Его рукава были закатаны до локтей. Джеймс хотел, чтобы она знала, как он изменился. Он больше не причинит ей боль.

Когда он подходил, София стояла к нему спиной, но неожиданно ветерок затих, и она обернулась, услышав приближающиеся шаги.

Не было никаких слов. Он просто оказался перед ней, с засунутыми в карманы руками. На мгновение ее дыхание сбилось, но она не сводила с него глаз. София встала ближе, и Джеймс чуть было не отступил назад, однако он этого не сделал.

Внезапно она оказалась слишком близко, и не справившись с собой, он вдохнул ее запах и закрыл свои глаза. Прикоснувшись к его свитеру, она потянула Джеймса к себе. Его голова пошла кругом. София поцеловала его… и этим все было сказано.

Джеймс переехал в Барселону, поэтому она могла продолжать свою учебу в университете. Они ни разу не говорили о прошлом. А когда люди спрашивали их о том, как они познакомились, София быстро перехватывала вопрос и отвечала, что они встретились на *Пасео-де-Колон*.

И занимаясь сексом, он был удивлен, узнав, какими оказались вкусы Софии. Ей хотелось, чтобы Джеймс ее порол. Ей хотелось, чтобы он связывал ей руки. Поначалу, ему становилось не по себе. Очевидно, предпочтения Софии были его виной. Но все же, ее игры заводили его до состояния физической боли. Джеймс чувствовал себя отвратительно, но что сделано, то сделано, и теперь он был готов на что угодно, лишь бы дать ей то, чего она хотела. Он многим ей обязан. Кроме того, трах не всегда был жестким. Порой они занимались традиционным сексом, ваниль ему тоже нравилась.

Осторожно подняв Софию на руки, он отнес ее в их спальню. Джеймс уложил ее в постель, и она поерзала в поисках более удобного положения. Раздевшись, он улегся

рядом. Даже простые прикосновения к ней делали его твердым. Он так многим был ей обязан.

Внезапно, переполненный эмоциями Джеймс обнял Софию невозможно крепко. Она хныкала и скулила до тех пор, пока ее веки не открылись, и она внимательно посмотрела ему в глаза.

- Господи, в чем дело? - спросила она, поглаживая его встревоженное лицо.

- Я люблю тебя, - прошептал он.

- Я тоже тебя люблю, - ответила она.

Глаза Софии наполнились слезами, и она подняла к нему свое личико, целуя его так сладко и так страстно, что Джеймс подумал, что даже если она больше его никогда не поцелует, это мгновение он запомнит навечно.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ.